

2023 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Нуцкова Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Nutskova E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Цуканова В.С., Сафуанов Ф.С.

Представления о раскаянии у женщин,
отбывающих наказание в исправительном учреждении 1–11

Самойлик Н.А.

Ценностный профиль осужденных женщин с разным уровнем правового сознания 12–23

Макух Н.О., Глазова А.С.

Особенности экзистенциальной исполненности личности
осужденных женщин и мужчин средней взрослости 24–36

Ажимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.

Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых
осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы 37–52

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении
особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций
программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1) 53–69

Казберов П.Н.

Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников
ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность 70–82

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Медведева А.С.

Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга:
гендерная и психосексуальная специфика 83–94

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.

Вопросы психолого-педагогического сопровождения профессионального
самоопределения несовершеннолетних с отклоняющимся поведением
в трудах отечественных психологов 95–114

Обуховская Д.И., Коноплева И.Н.

Акцентуации характера, ценностные ориентации и агрессивность подростков
как факторы риска совершения правонарушений несовершеннолетними 115–131

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пярых Г.А., Анисимова Е.В.**

Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ 132–149

Гриненко У.Б.

Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга 150–163

Петров В.Е., Кокурин А.В., Поздняков В.М.

Личностные предикторы волонтерства
в повседневных и экстремальных условиях 164–174

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Дубинский А.А., Костина Е.В., Ивашкевич Н.Т., Булыгина В.Г.

Психоэндокринные характеристики курсантов ОВД 175–194

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.

Развитие потенциала посттравматического роста как психологическая мишень
подготовки кандидатов в замещающие родители 195–215

Ильина О.Ю., Туманова Л.В.

Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности 216–226

Демин А.В.

Конформизм, социальные нормы и налоговый комплайенс 227–236

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT**

Семья Г.В.

Вступительное слово тематического редактора 237–238

Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В.

Модели организации помощи детям,
пострадавшим от насилия (зарубежный опыт) 239–251

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.

Ресурсы устойчивости у выпускников организаций для детей-сирот
и замещающих семей с разными профилями эмоционального интеллекта 252–271

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Зайцев Г.О., Колесникова У.В.

Субъективное благополучие молодых людей из числа
детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь 272–293

Лашкул М.В., Тарасова А.Е.

Ограничение и лишение родительских прав в условиях повышения социальной
роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей 294–307

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.

Особенности оценки собственной безопасности и благополучия
подростками на территориях военных конфликтов 308–328

CONTENTS:

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Tsukanova V.S., Safuanov F.S.

Ideas about Remorse among Women Serving Sentences in a Correctional Institution 1–11

Samoylik N.A.

Value Profile of Convicted Women Demonstrating
Different Levels of Legal Consciousness 12–23

Makuh N.O., Glazova A.S.

Features of the Existential Fulfillment of the Personality
of Convicted Women and Men of Middle Adulthood 24–36

Azhimov V.V., Ganishina I.S., Maryim M.I.

The Psychological Correction of Personal Characteristics
of Convicts Addicted to Drugs Serving Sentences in Places of Detention 37–52

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly
Serious Crime with Violations of Programming, Regulation
and Control Functions of Mental Activity (Part 1) 53–69

Kazberov P.N.

The Content Aspects of the Psychological Training of Russian Federal Penitentiary
Service Officers to Work with Those Convicted of Terrorist Activity 70–82

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Medvedeva A.S.

Victimization of Minors in the Process of Cybergrooming:
Gender and Psychosexual Specificity 83–94

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.

Issues of Psychological and Pedagogical Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior in the Works of Russian Psychologists 95–114

Obukhovskaya D.I., Konopleva I.N.

The Character Accentuations, Value Orientations and Agressiveness of Adolescents
as the Risk Factors of the Committing of Offenses by Juveniles 115–131

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.

Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.). 132–149

Grinenko U.B.

The Attitude of Young People towards Death
and the Phenomenon of School Shootings 150–163

Petrov V.E., Kokurin A.V., Pozdnyakov V.M.

Personal Predictors of Volunteering in Everyday and Extreme Conditions 164–174

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Dubinsky A.A., Kostina E.V., Ivashkevich N.T., Bulygina V.G.

Psychoendocrine Characteristics of Cadets of the Ministry of Internal Affairs 175–194

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V.

Developing the Potential of Post-traumatic Growth as a Psychological Target
for Training Candidates for Substitute Parents 195–215

Pyina O.Yu., Tumanova L.V.

Legal and Psychological Aspects of Judicial Fairness 216–226

Demin A.V.

Conformity, Social Norms and Tax Compliance 227–236

**SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT**

Semya G.V.

Thematic editor's foreword 237–238

Dozortseva E.G., Borisenko E.V.

Models of Organization of Assistance
for Child Victim of Violence (Foreign Experience)..... 239–251

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V.

Sustainability Resources of Graduates of Organizations for Orphans
and Foster Families with Different Profiles of Emotional Intelligence 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.

Subjective Well-Being of Young People from Among Orphans
in the Conditions of Transition to Independent Life 272–293

Lashkul M.V., Tarasova A.E.

Restriction and Deprivation of Parental Rights in the Context of Enhancing the
Social Role of the Family and Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values..... 294–307

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.

Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts..... 308–328

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Представления о раскаянии у женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении

Цуканова В.С.

Управление по работе с личным составом ГУ МВД по Московской области (ОМПО УРЛС),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5664-8976>, e-mail: valientina25098@gmail.com

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

С целью выявления специфики представлений о раскаянии у женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении, проведено психосемантическое исследование с помощью метода репертуарной оценочной решетки. Основную группу составили 20 женщин, отбывающих наказание в исправительной колонии УФСИН России, контрольную — 22 женщины, не имеющие судимостей. Элементы и конструкты оценочной решетки составили ассоциации (существительные и прилагательные) обследованных лиц на понятие «раскаяние». По результатам факторного анализа в обеих группах было выделено по две главные компоненты, которые были интерпретированы как «Эмоциональное отношение» и «Искренность переживаний». Сравнительный анализ семантических пространств основной и контрольной групп, построенный по результатам факторного и кластерного анализа, показывает, что у осужденных женщин существенно редуцировано представление о раскаянии: оно отражает только когнитивный аспект — осознание своей вины и не содержит сформированного в результате осознания эмоционально-смыслового отношения к содеянному в виде сожаления и переживания.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, осознание вины, осужденные женщины, оценочная решетка.

Для цитаты: Цуканова В.С., Сафуанов Ф.С. Представления о раскаянии у женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 1–11. DOI:10.17759/psylaw.2023130401

Ideas about Remorse among Women Serving Sentences in a Correctional Institution

Valentina S. Tsukanova

Directorate for Work with Personnel of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for Moscow Oblast, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5664-8976>, e-mail: valentina25098@gmail.com

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

In order to identify the specifics of women's perceptions of remorse in correctional institutions, a psychosemantic study was conducted using the method of repertoire evaluation grid. The main group consisted of 20 women serving their sentence in the penal colony of the Federal Penitentiary Service of Russia and the control group consisted of 22 women without criminal records. The elements and constructs of the evaluation grid constituted the associations (nouns and adjectives) of the surveyed persons with the concept of "remorse". According to the results of the factor analysis, two main components each were identified in both groups, which were interpreted as "Emotional attitude" and "Sincerity of experience". The comparative analysis of semantic spaces of the main and control groups, constructed by the results of factor and cluster analyses, shows that convicted women have a significantly reduced concept of remorse: it reflects only the cognitive aspect - awareness of guilt, and does not contain the emotional and meaningful attitude to the offense in the form of regret and experience formed as a result of awareness.

Keywords: active repentance, awareness of guilt, convicted women, evaluation grid.

For citation: Tsukanova V.S., Safuanov F.S. Ideas about Remorse among Women Serving Sentences in a Correctional Institution. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 1–11. DOI:10.17759/psylaw.2023130401 (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования проблемы раскаяния лиц, совершивших правонарушения, определяется прежде всего ее юридическим значением. Согласно действующему законодательству, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным (ст. 75 УК РФ), и в отношении такого лица может быть прекращено уголовное преследование (ст. 28 УПК РФ). Правовые последствия могут наступать не только на стадии следственных действий, но и в ходе судебного расследования: как указано в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ перечень

обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать признание вины, в том числе и частичное, раскаяние в содеянном. В ст.4.2. КоАП РФ раскаяние лица, совершившего административное правонарушение, прямо признается обстоятельством, смягчающим административную ответственность. Категория раскаяния имеет значение и для решения ряда вопросов в системе исполнения наказания. Р.А. Севастьянов пишет, что признание вины и раскаяние не только важны на стадии постановления приговора, но и имеют существенное значение при принятии таких решений, как условно-досрочное освобождение, замена наказания более мягким и других, выносимых на стадии исполнения приговора [11].

В то же время единого понимания категории раскаяния у представителей разных дисциплин не существует. Т.Б. Ратбиль и В.В. Сайгин отмечают, что смысловое наполнение концепта «раскаяние» содержит только два признака — чувство сожаления о поступке и осознание своей вины. Раскаяние является светским коррелятом понятия покаяние, которое происходит из православной культуры. Однако в последнее время в обыденной речи покаяние приобретает все более светский характер [6]. В психологических работах также выделяются два компонента раскаяния — эмоциональный (отрицательно окрашенное чувство, отражающее сожаление или чувство вины) и интеллектуальный (основанный на осознании полноты и глубины его негативных последствий) [5]. Ф.Е. Василюк, анализируя процесс раскаяния у Раскольникова в контексте культурно-исторической психологии, делает акцент на смыслопорождении в результате мучительного процесса переживания как преодоления кризисной ситуации [1].

В теории уголовного права используется понятие «деятельное раскаяние», при этом акцент в уголовном законодательстве ставится не на субъективной стороне (чувства раскаяния, вины, стыда и т. п.), а на конкретных действиях лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести: после совершения преступления — добровольная явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию этого преступления, возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного этим преступлением. При этом в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» специально оговаривается, что деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием. Некоторые авторы обсуждают, может ли признание вины служить не признаком деятельного раскаяния, а являться одним из признаков утраты общественной опасности [2; 10].

Интересна позиция Д.В. Сотникова: ссылаясь на М. Монтеня, он пишет, что словосочетание «деятельное раскаяние» тавтологично. У Монтеня раскаяние не может быть без деятельности: раскаянию он противопоставляет сожаление — т. е. то состояние, при котором лицо, хотя и огорчено случившимся, но не принимает никаких мер по трансформации данного огорчения в реальные действия. Д.В. Сотников приводит этапы, которые характеризуют механизм деятельного раскаяния:

1) лицо, имеющее определенную шкалу ценностей, совершает преступление;

- 2) лицо задумывается над содеянным и критически оценивает совершенное деяние (признает свою вину);
- 3) осознание вины неотъемлемо влечет осознание порочности;
- 4) лицо переживает чувства совести и стыда;
- 5) переживания подталкивают лицо к активным действиям по заглаживанию вреда, причиненного деянием в целях повышения самооценки, пострадавшей от чувства вины и нейтрализации тем самым стыда за свой поступок [12].

Психологических исследований, посвященных психологии раскаяния у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, очень мало. В основном можно отметить ряд работ, косвенно связанных с данной проблематикой, в которых обсуждается чувство вины осужденных [4; 13; 15].

Целью настоящего исследования является выявление специфики представлений о раскаянии у женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении.

Программа исследования

Материал исследования. Основную группу составили 20 женщин в возрасте от 28 до 61 года, отбывающих наказание в одной из исправительных колоний Управления Федеральной службы исполнения наказаний России. В контрольную группу вошли 22 женщины в возрасте от 18 до 45 лет, не имеющие судимостей и не совершавших антиобщественные деяния. Все обследуемые лица давали информированное согласие на участие в исследовании.

Этапы исследования. На первом этапе членам каждой группы предлагалось дать свободные ассоциации на слово «раскаяние» с инструкцией говорить все, что приходит в голову, но отвечать только существительными. Эксперимент прекращался после того, как обследуемые лица сообщали, что больше им ничего не приходит в голову. Наиболее частотные ассоциации составили стимульный материал для оценивания по шкалам оценочной решетки [14].

На втором этапе проводилась аналогичная процедура, только обследуемым предлагалось давать ассоциации в виде прилагательных. По итогам свободного ассоциирования отбирались наиболее частотные прилагательные, к ним подбирались прилагательные-антонимы (например, к слову «тяжелое» — слово «легкое»).

Эти пары прилагательных и составили полюса оценочной решетки, по которым обследуемые лица на третьем этапе оценивали стимульный материал по семизначной шкале, от -3 до $+3$ ¹.

На четвертом этапе результаты были проанализированы с помощью факторного анализа с использованием метода анализа главных компонент и вращением Варимакс с целью построения семантического пространства каждой из групп. Кроме того, был проведен кластер-анализ стимулов (метод Варда).

Результаты

По результатам первого этапа были сформированы списки стимулов для каждой группы, которые должны оцениваться по биполярным шкалам оценочной решетки (табл. 1).

¹ При всей схожести процедуры, оценочные решетки (как вариант метода репертуарных решеток) диаметрально противоположны семантическому дифференциалу: в семантическом дифференциале параметры оценивания задаются экспериментатором, а в оценочной решетке извлекаются как конструкты самого обследуемого лица.

Таблица 1

Стимулы для оценивания — наиболее частотные ассоциации

Группа	
Основная	Контрольная
Вина	Вина
Наказание	Осознание
Осознание	Переживание
Печаль	Покаяние
Покаяние	Признание
Преступление	Прощение
Признание	Сожаление
Принятие	
Прощение	
Стыд	

Данные второго этапа позволили сформировать шкалы, по которым должны оцениваться наиболее частотные ассоциации к концепту «раскаяние» (табл. 2).

Таблица 2

Шкалы оценочной решетки

Группа	
Основная	Контрольная
Отвратительное-приятное	Тяжёлое-лёгкое
Мучительное-радостное	Глубокое-поверхностное
Печальное-весёлое	Бездушное-душевное
Слабое-сильное	Мрачное-светлое
Физическое-душевное	Неискреннее-искреннее
Притворное-честное	Позднее-своевременное
Тяжёлое-лёгкое	

По результатам факторного анализа в обеих группах было выделено по две главные компоненты, которые были интерпретированы как «Эмоциональное отношение» и «Искренность переживаний» (табл. 3, 4).

Таблица 3

Факторные нагрузки по компонентам, выделенным в ходе факторного анализа результатов основной группы

Переменная	«Эмоциональное отношение»	«Искренность переживаний»
Отвратительное—приятное	0,9	0,144
Мучительное—радостное	0,906	–0,097
Печальное—веселое	0,590	–0,516
Слабое—сильное	–0,172	0,955
Физическое—душевное	0,069	0,838
Притворное—честное	0,620	0,728
Тяжёлое—легкое	0,924	0,013

Таблица 4

**Факторные нагрузки по компонентам, выделенным
 в ходе факторного анализа результатов контрольной группы**

Переменная	«Эмоциональное отношение»	«Искренность переживаний»
Тяжелое—легкое	0,062	0,864
Глубокое—поверхностное	-0,894	0,007
Бездушное—душевное	0,732	-0,272
Мрачное—светлое	0,026	0,741
Неискреннее—искреннее	0,831	0,096
Позднее—своевременное	0,327	-0,832

Размещение стимулов в пространстве главных компонент в соответствии с их факторными нагрузками в каждой группе образует соответствующие семантические пространства. На рис. 1, 2 замкнутыми фигурами показаны стимулы — наиболее частотные ассоциации к понятию «раскаяние», объединенные в отдельные группы на высоком уровне сходства по результатам кластер-анализа.

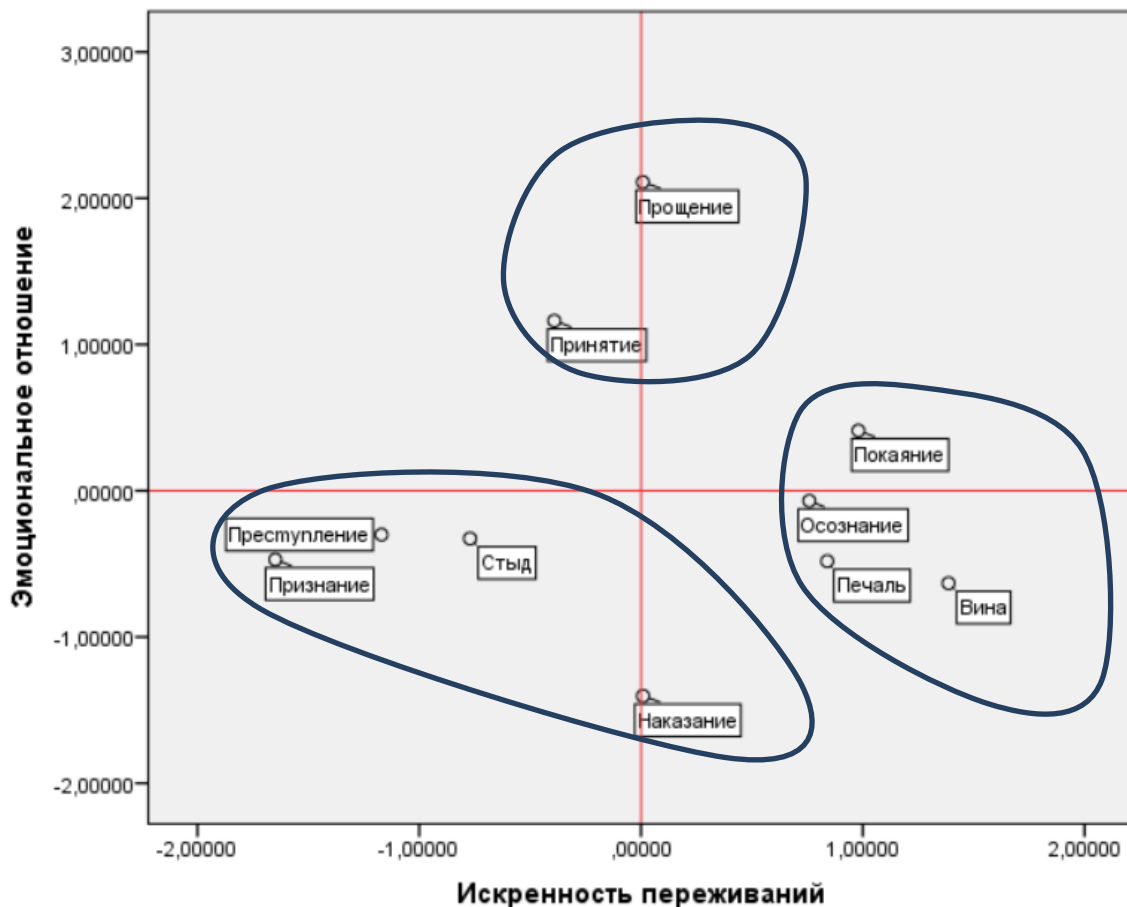

Рис. 1. Семантическое пространство основной группы

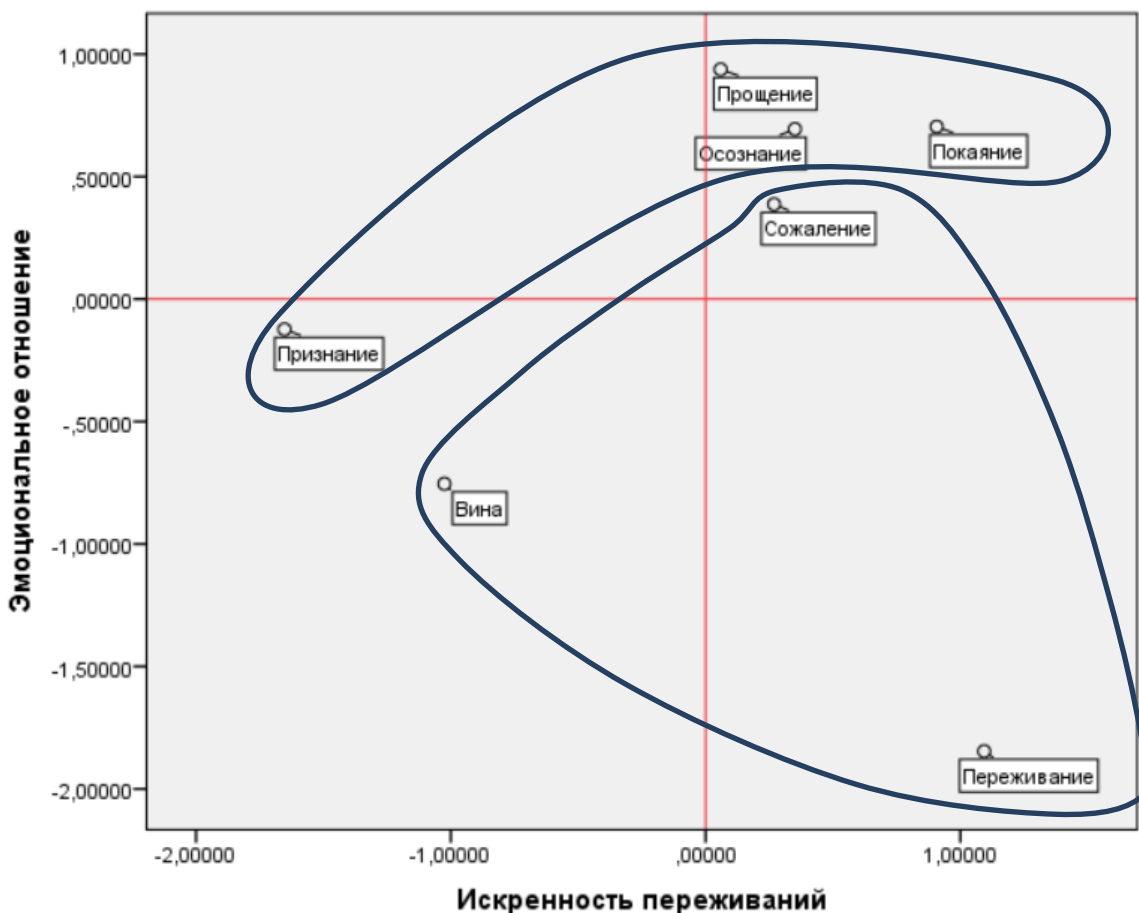

Рис. 2. Семантическое пространство контрольной группы

Обсуждение

Ассоциативное поле понятия «раскаяние» в контрольной группе отражает отмеченную во вводной части статьи двухкомпонентную структуру раскаяния. Оно содержит когнитивную часть — осознание проступка, связанное с покаянием, признанием и прощением, и эмоционально-смысловую часть — сожаление о деянии, переживание, чувство вины.

Иная структура ассоциативного поля — в основной группе. Оно, как и в контрольной группе, включает в себя интеллектуальный компонент — осознание, ассоциативно связанное с печалью, виной и покаянием. В то же время эмоциональный аспект сводится к печали и стыду, т. е. тем эмоциональным состояниям, которые никак не отражают отношение к содеянному. Печаль — это чувство или настроение, не оставляющее глубокого следа в душе человека, в отличие от сожаления и переживания. Понятие стыда у осужденных женщин связано с преступлением и наказанием, ассоциациями, которые отсутствуют в семантическом поле правопослушных женщин, а также признанием. Как отмечают многие исследователи, чувство стыда не возникает перед собой (в отличие от чувства вины), оно связано с наличием другого, перед которым приходится либо признавать, либо отрицать свои проступки [3]. Х. Реснек-Саннез пишет, что вина — это чувство, что ты сделал что-то нехорошее, а стыд — ощущение, что ты сам плохой [8].

Эмоционально-смысловое восприятие общих ассоциаций к концепту «раскаяние» в исследованных группах имеет свою специфику. Вина и у осужденных, и у правопослушных

женщин имеет негативную эмоционально-оценочную окраску. Однако в основной группе оно воспринимается как искреннее явление, а в контрольной — наоборот, как неискреннее. У осужденных женщин вина и покаяние близки друг к другу, находятся в одном кластере, у правопослушных эти понятия максимально отдалены, они расположены в различных, мало связанных друг с другом, кластерах. У лиц из основной группы понятие вины связано в первую очередь с конкретным деянием, за которое они сейчас отбывают наказание, и раскаяние или покаяние обусловлено, в числе других причин, и чувством вины за конкретное правонарушение. У правопослушных женщин понятие вины более вариативно, для каждого может обладать своим индивидуальным смыслом. Оно не связано непосредственно с каким-либо определенным поступком, в отличие от представлений осужденных, поэтому ассоциируется в семантическом пространстве не с покаянием, а с сожалением и переживанием.

Осознание в обеих группах осмыслено как искреннее, но у осужденных женщин оно, в отличие от не совершавших преступлений, не имеет позитивной эмоциональной окраски (как, впрочем, и негативной). В то же время в обеих группах расстояние между элементами «осознание» и «вина» оказалось очень различающимся: у отбывающих наказание — это одни из наиболее близко расположенных элементов, а у правопослушных лиц — это элементы, максимально удаленные друг от друга, находящиеся в разных кластерах. В группе осужденных осознание воспринимается прежде всего как осознание вины за конкретный проступок, как ситуативная реакция. А в контрольной группе — скорее как регуляторный механизм, триггер, запускающий процесс переоценки текущих жизненных приоритетов и приводящий к прощению.

Оценка по обоим факторам семантического пространства понятий «покаяние», «признание» и «прощение» в исследованных группах сходна. Но в случае с невиновными лицами элементы «признание» и «покаяние», находятся ближе друг к другу, в одном кластере, тогда как для заключенных расстояние между этими стимулами достаточно большое, они расположены в разных кластерах. Можно предположить, что, в отличие от лиц, не отбывающих наказания, осужденные воспринимают «признание» в контексте признания вины как элемента уголовного процесса. При этом юридическое признание вины осужденным, т. е. его согласие с представленным обвинением, у обследованных женщин не означает наличие у них искреннего чувства раскаяния. В свою очередь, для правопослушных лиц понимание признания остается в какой-то степени тождественным покаянию, что объясняется разным смысловым содержанием этих понятий в двух группах.

Заключение

Проблема переживания раскаяния, или деятельного раскаяния в контексте уголовного и уголовно-процессуального законодательства, чрезвычайно сложна. Представители юридической науки выделяют множество дискуссионных моментов, связанных с пониманием как юридического значения деятельного раскаяния, так и смыслового содержания этого понятия. Отмечается, что сущность раскаяния недостаточно раскрывается в действующем законодательстве [11], упор делается не на субъективной, а на деятельной стороне раскаяния [9]. Это может приводить к «формальному» раскаянию с осознанием вины без формирования эмоционально-смыслового отношения к совершенному деянию [3], к совершению ряда действий (явка с повинной, способствование расследованию, возмещение ущерба) не вследствие психологических переживаний, связанных с раскаянием, а для ускорения процессуальных действий [7].

Для юридической же психологии в первую очередь актуальна проблема субъективной стороны деятельного раскаяния у лиц, совершивших преступления, которой, к сожалению, уделяется мало внимания. В настоящей работе сделана попытка выявить субъективные представления о раскаянии у женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы через психосемантическое исследование ассоциативного поля понятия «раскаяние» путем шкалирования по биполярным конструктам, отражающим субъективную систему координат смыслового восприятия этого класса объектов. Выясняется, что у них, по сравнению с законопослушными женщинами, существенно редуцировано представление о раскаянии: оно отражает только когнитивный аспект — осознание своей вины и, в отличие от не совершавших преступлений женщин, не содержит сформированного в результате осознания эмоционально-смыслового отношения к содеянному в виде сожаления и переживания.

Литература

1. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
2. *Иванов И.С.* К вопросу о соотношении форм вины и их основных признаков // Российский следователь. 2005. № 11. С. 18–23.
3. *Ильин Е.П.* Психология совести: вина, стыд, раскаяние. М.: Питер, 2016. 288 с.
4. *Манхаева О.М., Кадыров Р.В.* Чувство вины и стили межличностного поведения у заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 68–75.
5. *Панова О.Б.* Изучение индивидуальной меры раскаяния как инструмент прогнозирования поведения осужденного // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 4. С. 68–72.
6. *Радбиль Т.Б., Сайгин В.В.* Смысловое наполнение и языковая экспликация концепта «раскаяние» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1.
7. *Ратинов А.Р.* Механизмы психологической защиты и самооправдания у преступников // А.Р. Ратинов. Избранные труды. М., 2016. С. 147–150.
8. *Реснек-Саннез Х.* Стыд: желание быть на виду и потребность спрятаться // Журнал практической психологии и психоанализа. 2020. № 2.
9. *Сабанин С.Н., Гришин Д.А.* Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 59–66.
10. *Сверчков В.В.* Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб, 2008. С. 152–155.
11. *Севостьянов Р.А.* «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного в судебной практике на стадии исполнения приговора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 226–232.
12. *Сотников Д.В.* Раскаяние как психолого-юридическая категория, исключаящая необходимость применения уголовного наказания // Вопросы российского и международного права. 2012. № 9-10. С. 40–56.

13. Узлов Н.Д. Приговоренные к жизни: самооценка агрессивности и чувства вины осужденными к пожизненным срокам лишения свободы // Суицидология. 2015. Том 6. № 1 (18). С. 42–53.
14. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. М.: Прогресс, 1987. 236 с.
15. Царева Е.В. Специфика эмоциональных переживаний у осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 53–56.

References

1. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. 200 p. (In Russ.).
2. Ivanov I.S. К вопросу о соотношении форм вины и их основных признаков. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2005, no. 11, pp. 18–23. (In Russ.).
3. Пыин Е.П. *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie*. Moscow: Piter, 2016. 288 p. (In Russ.).
4. Mankhaeva O.M., Kadyrov R.V. Чувство вины и стили межличностного поведения у заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях [Guilt and styles of interpersonal behavior the prisoners were serving sentences in correctional institutions]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 4, pp. 68–75. (In Russ.).
5. Panova O.B. Изучение индивидуальной меры раскаяния как инструмент прогнозирования поведения осужденного [The study of the individual measure of remorse as a means of predicting the behavior of the convicted person]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogy of Service Activities*, 2019, no. 4, pp. 68–72. (In Russ.).
6. Radbil T.B., Saygin V.V. Смысловое наполнение и языковая экспликация концепта “раскаяние” в современном русском языке [Semantic filling and language explication of the concept “repentance” (“raskayanie”) in the modern Russian]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 2015, no. 2-1. (In Russ.).
7. Ratinov A.R. Механизмы психологической зашщиты и самооправдания у преступников. In A.R. Ratinov. *Izbrannye trudy*. Moscow, 2016, pp. 147–150. (In Russ.).
8. Resneck -Sannez H. Стыд: желание быть на виду и потребность спрятаться [Shame: Wanting to Be Seen and the Need to Hide]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2020, no. 2. (In Russ.).
9. Sabanin S.N., Grishin D.A. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2012, no. 2, pp. 59–66. (In Russ.).
10. Sverchkov V.V. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. Saint Petersburg, 2008, pp. 152–155. (In Russ.).
11. Sevostianov R.A. “Признание вины” и “раскаяние” как критерии исправления осужденного в судебной практике на стадии исполнения приговора [“Admission of guilt” and “retentance” as a criterion for correction of the convict in the court practice]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2017, no. 6 (119), pp. 226–232. (In Russ.).
12. Sotnikov D.V. Раскаяние как психолого-юридическая категория, исключаящая необходимость применения уголовного наказания [Repentance as a psycho-legal category elimi-

Цуканова В.С., Сафуанов Ф.С.
Представления о раскаянии у женщин,
отбывающих наказание в исправительном учреждении
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 1–11

Tsukanova V.S., Safuanov F.S.
Ideas about Remorse among Women
Serving Sentences in a Correctional Institution
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 1–11

nating the need for a criminal penalty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2012, no. 9-10, pp. 40–56. (In Russ.).

13. Uzlov N.D. Prigovorennye k zhizni: samootsenka agressivnosti i chuvstva viny osuzhdennymi k pozhiznennym srokam lisheniya svobody [Sentenced to life: self-assessment of aggression and sense of guilt of condemned to lifelong terms of imprisonment]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2015. Vol. 6, no. 1 (18), pp. 42–53. (In Russ.).

14. Fransella F., Bannister D. Novyi metod issledovaniya lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam [A manual for repertory grid technique]. Moscow: Progress, 1987. 236 p. (In Russ.).

15. Tsareva E.V. Spetsifika emotsional'nykh perezhivaniy u osuzhdennykh zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Specific features of emotional experiences among convicted women serving punishment in places of deprivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 6, pp. 53–56. (In Russ.).

Информация об авторах

Цуканова Валентина Сергеевна, главный специалист, отдел психологической работы управления морально-психологического обеспечения, Управление по работе с личным составом ГУ МВД по Московской области (ОМПО УРЛС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [https:// orcid.org/0009-0002-5664-8976](https://orcid.org/0009-0002-5664-8976), e-mail: valientina250398@gmail.com

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Information about the authors

Valentina S. Tsukanova, Chief Specialist, Psychological Work Division of the Moral and Psychological Support Department, Directorate for Work with Personnel of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for Moscow Oblast, Moscow, Russia, ORCID: [https:// orcid.org/0009-0002-5664-8976](https://orcid.org/0009-0002-5664-8976), e-mail: valientina250398@gmail.com

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Получена 18.04.2023
Принята в печать 18.08.2023

Received 18.04.2023
Accepted 18.08.2023

Ценностный профиль осужденных женщин с разным уровнем правового сознания

Самойлик Н.А.

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России), г. Новокузнецк, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностного профиля осужденных женщин с разным уровнем правового сознания. Исследование проводилось в 2020—2022 годах на базе исправительных учреждений, расположенных в Сибирском федеральном округе. Выборку исследования составили осужденные женщины, отбывающие наказание впервые, в количестве 1029 человек, в возрасте от 20 до 35 лет. Диагностический комплекс включал следующие методики: «Тест правового и гражданского сознания» (Л.А. Ясюкова), «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» (Н.А. Самойлик), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев). Эмпирически доказано, что ситуативный ценностный профиль женщин с правовым нигилизмом отличается гуманностью, оптимизмом, пониманием престижности труда, а также низким уровнем представлений о справедливости и преобладанием в сознании осужденных временных перспектив. Ценностный профиль осужденных женщин с частичным проявлением правового сознания характеризуется смысловой наполненностью жизни, основанной на ценностях интеллектуального развития, саморазвития и общительности, и определяется как вариативный. В структуру устойчивого ценностного профиля осужденных со сформированным правовым сознанием входят ответственность, воспитанность, самоконтроль и добросовестность. Данные результаты можно использовать при проведении индивидуального консультирования и в коррекционной работе, направленных на формирование ценностной сферы и правового сознания женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: правовое сознание; осужденные женщины; ценностный профиль; личностные ценности; профессиональные ценности; смысложизненные ориентации.

Для цитаты: Самойлик Н.А. Ценностный профиль осужденных женщин с разным уровнем правового сознания [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 12–23. DOI:10.17759/psylaw.2023130402

Value Profile of Convicted Women Demonstrating Different Levels of Legal Consciousness

Natalya A. Samoylik

Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

The article presents the results of the empirical study of the value profile of convicted women demonstrating different levels of legal consciousness. The study was conducted in 2020–2022 on the basis of correctional institutions located in Siberian Federal District. The sample of the study was made up of 1029 convicted women aged 20 to 35 years serving their sentences for the first time. The diagnostic complex included the following techniques: “The Test of Legal and Civil Consciousness” (L.A. Yasyukova), “Differential Scale of Actual Values” (N.A. Samoylik), “The Test of Life Orientations” (D.A. Leontiev). It is empirically proved that the situational value profile of women with legal nihilism is characterized by humanity, optimism, understanding of labor prestige, as well as by a low level of justice and predominance of temporary perspectives presentment in the minds of convicts. The value profile of convicted women with a partial manifestation of legal consciousness is characterized by the semantic fullness of life based on the values of intellectual development, self-development and sociability and is defined as variable. The structure of a stable value profile of convicts with a formed legal consciousness includes responsibility, mannerliness, self-control and conscientiousness. These results can be used in conducting individual counseling and correctional work aimed at forming the value sphere and legal consciousness of women serving sentences in places of deprivation of liberty.

Keywords: legal consciousness; convicted women; value profile; personal values; professional values; life-meaning orientations.

For citation: Samoylik N.A. Value Profile of Convicted Women Demonstrating Different Levels of Legal Consciousness. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 12–23. DOI:10.17759/psylaw.2023130402 (In Russ.).

Введение

Совершенствование уголовно-исполнительной системы отражает общую потребность современного государства в людях, не только знающих требования правовой сферы, но и способных их истолковывать в соответствии с нормативными и законодательными документами. Ежегодно в места лишения свободы попадают более трех тысяч женщин, которые преступили черту закона и отличаются крайней степенью деликвентности и криминализации. Как правило, у таких женщин имеются проблемы не только с восприятием законных и правовых принципов и правил, но и с деформацией личностных структур, характеризующих смысловую и ценностную направленность процесса жизнедеятельности. В частности, проведенное нами ранее исследование ценностно-смысловых ориентаций женщин, отбывающих наказания не связанные с лишением свободы, продемонстрировало низкий уровень самостоятельности в решении вопросов, обусловленных необходимостью осознания ответственности за свою жизнь, а также выявило полное или частичное нарушение ведущих ценностных ориентиров [19]. В то же время, справедливо замечает Э.В. Зауторова: «Женская преступ-

ность может быть показателем нравственного здоровья общества, его духовности, отношения к базовым общечеловеческим ценностям» [10, с. 127].

Несомненно, большое значение для развития личности осужденных женщин играют два направления, которые необходимо учитывать при организации психолого-педагогической работы с ними. Первое направление связано с формированием их ценностной сферы, ее наполненностью и устойчивостью. Л.С. Рубинштейн в своей работе утверждал, что «наличие ценностей есть выражение небезразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости различных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни» [18, с. 355—356]. В исследовании А.Р. Ратинова убедительно показаны существенные отличия ценностных категорий осужденных от правопослушных лиц, детерминированные «недостаточной осведомленностью относительно адресованных к ним уголовно-правовых запретов» [17, с. 33]. Проблему тесной корреляции ценностных ориентиров и правового сознания индивида освещали Д.С. Безносков [3], Р.В. Голубничий [5], С.А. Ковалев [12], Е.Л. Сучкова, Е.Ф. Штефан [21]. Однако работы, посвященные изучению специфики значимых категорий осужденных женщин, в настоящее время отсутствуют.

Ситуация с женской преступностью усугубляется и на основании того, что в период отбывания наказания у большинства женщин происходит переоценка ценностей. Выполняя режимные требования, осужденные вынуждены взаимодействовать с ограниченным кругом лиц, в результате чего утрачиваются социально полезные связи со своей семьей, близкими людьми, а во многих случаях — и с детьми. Выходя из исправительного учреждения, женщины неизбежно сталкиваются со сложностями различного уровня, что способствует более глубоким психологическим нарушениям, приводящим к прогрессированию рецидивной преступности вследствие «деформации нравственной, правовой и семейной психологии» [1, с. 58].

В рамках второго направления следует рассматривать содержание правового сознания осужденных женщин. Вопросами правосознания занимались Р.Л. Ахмедшин [2], А.Н. Бражникова [4], Р.И. Канунников [11], И.Е. Метлицкий [13], Р.Р. Муслумов [14], А.Н. Пастушеня [15] и другие. Проведенный О.Н. Ежовой анализ уголовно-правовой характеристики осужденных женщин демонстрирует наличие у них низкого уровня правового сознания, о чем свидетельствуют совершенные ими преступления. Так, автор констатирует следующее: «Больше всего преступлений, которые впервые совершили осужденные женщины, связаны с незаконным оборотом наркотиков (доля этих преступлений составляет 52%). Второе место от общего числа преступлений занимают убийства — 17,5%, третье место — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (10%), четвертое место — кража (6%); при этом только кража стало больше, по всем остальным видам преступлений отмечается отрицательная динамика» [7, с. 130—131]. В данном контексте Е.Ю. Зарубаева указывает на то, что «...даже в такие моменты, когда человек совершает преступления, ведет иную противоправную деятельность, правосознание остается его правовым сознанием, хотя его душевно-духовное строение оказывается неверным, деформированным» [9, с. 89]. В ракурсе актуализации данной проблемы очевидным становится факт полного или частичного отсутствия правовых норм в сознании женщин, находящихся в местах лишения свободы.

Следовательно, изучение ценностного профиля осужденных женщин с разным уровнем правового сознания является актуальной задачей, имеющий важную теоретическую и практическую направленность не только для криминологии и пенитенциарной психологии и педагогики, но и для социума в целом.

Метод исследования

Исследование проводилось в 2020—2022 годах на базе исправительных учреждений, расположенных в Сибирском федеральном округе (Кемеровская область, Красноярский край, Новосибирская область). Выборку исследования составили осужденные женщины, отбывающие наказание впервые, в количестве 1029 человек, в возрасте от 20 до 35 лет ($M = 27,53$; $\sigma = 0,07$). В качестве диагностического инструментария были выбраны методики: «Тест правового и гражданского сознания» (Л.А. Ясюкова), «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» (Н.А. Самойлик), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев). Обработка полученных результатов производилась с помощью Н-критерия Краскала—Уоллиса, значения среднего показателя величины (M) и частотного (процентного) анализа — в программном комплексе Statistica for Windows 10.0.1011.

Результаты исследования

На основе полученных результатов диагностики по методике «Тест правового и гражданского сознания» (Л.А. Ясюкова) можно констатировать, что у осужденных женщин преобладает правовой нигилизм, обусловленный наличием негативного отношения к правовым нормам, отрицанием их общественной значимости, реализуемый в условиях осознанного выбора неправомерного поведения (рис. 1). Очевидно, данная категория женщин характеризовалась пренебрежением правовыми категориями и до попадания в исправительное учреждение, что выражалось в прямом нарушении действующих законов и отсутствии правовой культуры. Однако следует заметить, что отбывание наказания в форме изоляции положительно влияет на степень исправления осужденных женщин, о чем свидетельствует полная или частичная сформированность уровня их правового сознания (9% и 37% соответственно). Таким образом, были образованы три группы для сравнительного анализа: первую группу составили женщины с выраженным правовым нигилизмом; во вторую вошли осужденные с частичным проявлением правового сознания; третья группа женщин отличается наличием устойчивых представлений о праве.

Рис. 1. Представленность форм правового сознания у осужденных женщин

На основе полученных результатов диагностики по опроснику «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» (Н.А. Самойлик) можно констатировать, что независимо от уровня сформированности правосознания в группах респондентов лидирующими личностными цен-

ностями выступают: здоровье ($N = 319,98$ при $p \leq 0,251$), семья ($N = 275,01$ при $p \leq 0,65$) и комфорт ($N = 362,5$ при $p \leq 0,253$) (рис. 2). Данные ценностные категории являются базовыми и отражают общие потребности индивидуального развития человека. Особенно следует заметить, что именно эти значимые ориентиры актуализируются у осужденных в период отбывания наказания в условиях изоляции. Кроме того, среди исследуемых групп не выявлено достоверных различий по осознанию роли доброты ($N = 208,09$ при $p \leq 0,116$) и отзывчивости ($N = 356,25$ при $p \leq 0,31$) в качестве ключевых ценностей. Вероятно, это связано с пониманием необходимости развития данных ценностей и необходимости их реализации в процессе ресоциализации и адаптации к жизни на свободе. Также, на наш взгляд, выделенные группы отражают ценностный профиль осужденных женщин и могут выступать базисом проведения психолого-педагогических мероприятий для профилактики рецидивной преступности.

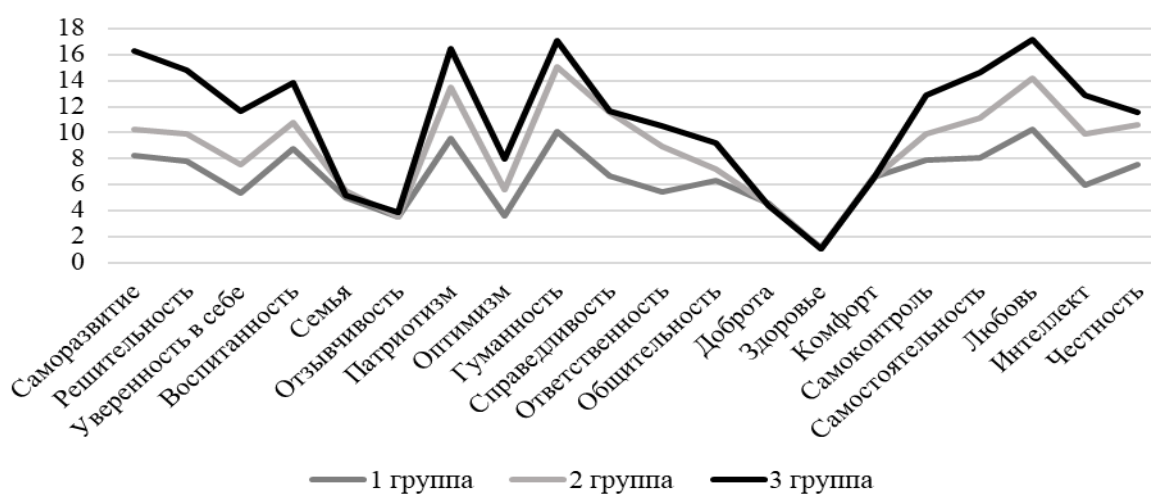

Рис. 2. Выраженность личностных ценностей у осужденных женщин в зависимости от уровня сформированности у них правового сознания (М)

При этом нельзя не заметить, что осужденные женщины с разным уровнем правового сознания отличаются субъективным восприятием ценностей саморазвития ($N = 199,26$ при $p \leq 0,03$), решительности ($N = 253,07$ при $p \leq 0,01$), уверенности в себе ($N = 380,15$ при $p \leq 0,03$). У респондентов с выраженным правовым нигилизмом данные значения отражают ситуативный тип актуальной ценностной системы, которая демонстрирует недостаточную ее осмысленность и зависимость от конкретной (текущей) ситуации. В то же время у осужденных с имеющимися основами правового сознания данные категории образуют вариативный тип реализации ценностей, играющий решающую роль на текущем этапе жизни и позволяющий прогнозировать дальнейшие стратегии жизнедеятельности. В группе респондентов со сформированным правосознанием эти значимые ориентиры обладают особой значимостью для респондента и мотивируют его на самореализацию, в том числе и в правовом поле.

Разное представление сложилось у испытуемых по осознанию ценностей, которые образуют правовую культуру личности. Так, например, воспитанность ($N = 350,68$ при $p \leq 0,02$) в большей степени выражена у осужденных с устойчивым уровнем правосознания и положительно характеризуемых со стороны администрации исправительных учреждений. Ответственность ($N = 318,53$ при $p \leq 0,07$), самоконтроль ($N = 323,6$ при $p \leq 0,01$) и честность ($N = 408,13$ при $p \leq 0,03$) не являются лидирующими у женщин с полным или частичным отрицанием законодательных норм и принципов, что существенно затрудняет формирование у них адекватной картины правового сознания.

В целом, на основании полученных результатов можно заключить, что развитию правосознания у женщин, отбывающих наказание, также препятствует отсутствие или деформация адекватных представлений о справедливости ($N = 261,03$ при $p \leq 0,03$), которая, по мнению Н.Н. Ефремовой, «...является правовой ценностью, правовой категорией, важнейшим критерием разграничения правового и противоправного» [8, с. 5]. В свою очередь, на специфику отбывания наказания у исследуемых лиц влияет проявление гуманности ($N = 295,11$ при $p \leq 0,01$) и оптимизма ($N = 308,26$ при $p \leq 0,05$), которые потенциально могут выступать ведущими детерминантами формирования правовой культуры у осужденных.

В детерминации компонентов правового сознания, с точки зрения Ю.К. Погребной, важную роль играют ценности профессии, «...несформированность которых становится фактором деструктивного поведения осужденных» [16, с. 64]. В связи с этим, проанализируем результаты диагностики по выраженности у респондентов профессиональных ценностей, наличие которых отражает не только понимание и принятие обязанности осужденных трудиться на основании статьи 103 УИК, но и их направленность на ресоциализацию в личностном и адаптивном аспектах. Как видно на рисунке 3, независимо от уровня правового сознания ценности тактичности ($N = 421,54$ при $p \leq 0,33$), принципиальности ($N = 390,17$ при $p \leq 0,208$), опыта работы ($N = 415,74$ при $p \leq 0,552$), уровня образования ($N = 462,97$ при $p \leq 0,115$) и карьерного роста ($N = 435,9$ при $p \leq 0,381$) воспринимаются осужденными женщинами практически идентично.

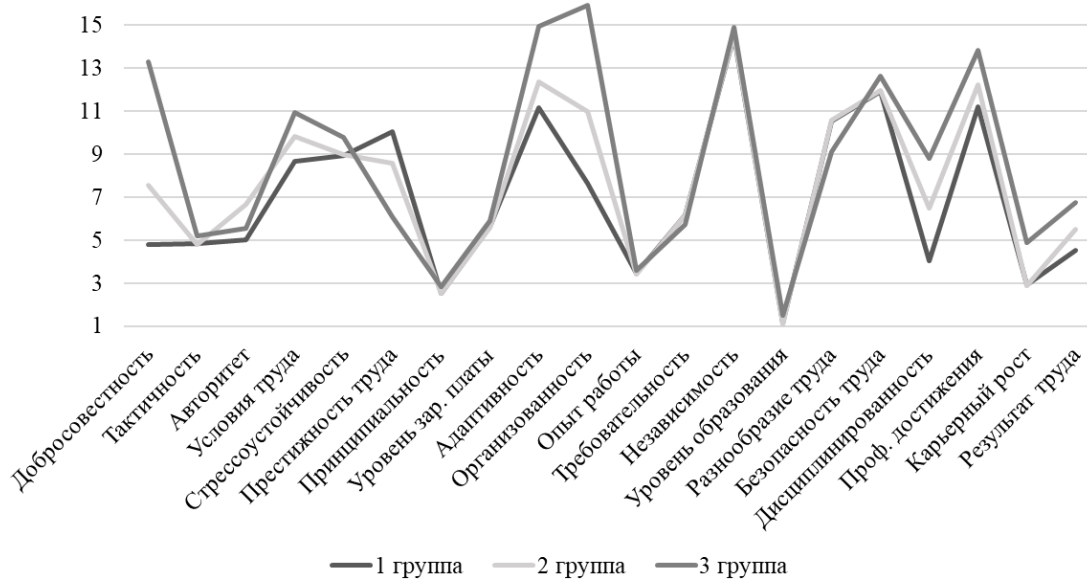

Рис. 3. Выраженность профессиональных ценностей у осужденных женщин в зависимости от уровня сформированности у них правового сознания (М)

В то же время, некоторые ценности профессиональной деятельности оцениваются осужденными женщинами по-разному. Например, такая ценность, как добросовестность, в приоритете у представителей первой группы с устойчивой системой законодательных норм и установок ($M = 4,79$), но у женщин с несформированным правовым сознанием она входит в диапазон значений, не имеющих субъективной значимости ($M = 13,3$). Однако для них более важен авторитет, который в большей степени зависит от уровня осознания происходящих событий, в том числе и в рамках правового поля в ситуации отбывания уголовного наказания ($N = 412,38$ при $p \leq 0,02$).

Для группы осужденных женщин с низким показателем сформированности правосознания характерна ценность престижности реализуемого труда ($N = 405,11$ при $p \leq 0,01$). Очевидно, престижность труда обусловлена высоким заработком, уровнем сложности и ответственности, статусом и репутацией специалиста. Данные параметры не всегда являются релевантными условиям отбывания наказания в исправительных колониях для женщин. Вследствие отсутствия возможностей удовлетворения этих потребностей зачастую можно наблюдать появление правовых противоречий с выраженными признаками неповиновения законным требованиям со стороны сотрудников и администрации учреждения, а также прямого нарушения закона. При этом значимость данной ценности у женщин, отличающихся наличием правового сознания, менее выражена ($M = 10,05$), что говорит о понимании роли общественной значимости, степени уважения и признания со стороны социального окружения в целом.

С точки зрения О.Г. Дробницкого [1] и В.П. Тугаринова [22], ценности, сформированные в социуме и профессиональном сообществе, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, образуют в структуре личности ценностные ориентации и определяют смысловую направленность. В работе В.А. Слостенини и Г.И. Чижаковой ценностные ориентации характеризуются в качестве «...системы устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества» [20, с. 43]. Следовательно, ценностные ориентации могут отражать и содержательно-функциональные аспекты правовой культуры личности, и ее осознание в контексте делинквентного поведения.

Анализ полученных результатов диагностики респондентов по тесту смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева показал, что у осужденных женщин осознается цель жизни, однако она не имеет реальной опоры в настоящем и не подкрепляется личной ответственностью за их реализацию ($N = 18,12$ при $p \leq 0,352$) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа смысложизненных ориентаций осужденных женщин (Н-критерий Краскала—Уоллиса) (N = 1029)

Шкалы методики	Н-критерий Краскала—Уоллиса		1-я группа, 2-я группа		2-я группа, 3-я группа		1-я группа, 3-я группа	
	N	p	U	p	U	p	U	p
Цели в жизни	18,12	0,352	59,04	0,628	43,6	0,499	55,4	0,432
Процесс жизни	55,4	0,001	59,23	0,571	80,11	0,753	41,2	0,558
Результат жизни	62,27	0,506	63,19	0,49	59,5	0,641	57,3	0,455
Локус контроля — Я	43,12	0,004	58,02	0,002	54,47	0,634	87,1	0,003
Локус контроля — жизнь	52,61	0,002	54,92	0,095	65,06	0,002	46,6	0,292
Общий показатель осмысленности жизни	44,8	0,508	61,15	0,021	52,05	0,06	78,5	0,005

Примечание: курсивом в таблице выделены статистически значимые различия.

При этом женщины первой группы отличаются осмысленностью и направленностью на временную перспективу ($M = 31,33$), а представители третьей группы характеризуются неясностью целей в будущей жизни ($M = 64,95$). Если взять общую выборку, то 68,39% присуще понимание своих целей, как в процессе отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период. Данный результат подтверждает значение интегрального показателя осмысленности

жизни, свидетельствующего об удовлетворенности женщинами текущей ситуацией и дальнейшими перспективами, а также понимание ими ответственности за свое будущее вне мест лишения свободы.

Достоверно значимые различия в группах респондентов были получены по проявлению эмоциональной насыщенности жизни ($H = 55,4$ при $p \leq 0,001$). Восприятие своей жизни как интересной и наполненной смыслом свойственно женщинам, у которых базовые категории правового сознания заложены, но не являются устойчивыми ($M = 21,02$). Подобное можно объяснить тем, что они предпочитают реализовывать вариативную модель поведения, позволяющую им быстро адаптироваться к динамичным условиям среды и занимать более выгодный для себя статус. В связи с тем, что диагностика проводилась по истечении срока адаптации, осужденных женщин с явными признаками неудовлетворенности своей жизнью выявлено не было, что, вероятно, обусловлено нахождением в исправительном учреждении впервые. Данное обстоятельство может выступить в качестве лидирующего фактора для организации процесса формирования стабильной системы правовых норм и установок у осужденных женского пола.

При этом отсутствие достоверных различий по показателю самореализации в группах осужденных женщин свидетельствует о тождественном восприятии прожитой части их жизни. Результаты диагностики показали, что 97,05% респондентов свойственна неудовлетворенность прожитой частью жизни, которая, по их мнению, и явилась причиной попадания в исправительное учреждение. Интересно, что у 6,95% осужденных есть дети, придающие осмысленность и продуктивность как текущему периоду жизни, так перспективам будущего. Формирование осознанного материнства позволяет привить осужденным женщинам ответственность не только за себя, но и за своего ребенка и таким образом выступить «основой для гармонизации системы ценностей женщины, совершившей преступление, источником ресурсов для ее исправления, для возвращения к нормативной модели поведения, базирующейся на правовой культуре» [23, с. 91].

Неуверенность в контроле событий повседневной жизни характерна для женщин с правовым нигилизмом ($H = 43,12$ при $p \leq 0,004$). Полученный результат отражает отсутствие у осужденных устойчивых личностных структур, позволяющих сформировать адекватную самооценку и обладать достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и смысложизненными ориентациями. В то же время и в группе женщин с правовым сознанием обнаружен низкий уровень внутреннего контроля, являющегося причиной нарушения норм, регулирующих поведение в юридически значимых ситуациях. Отсутствие или малая выраженность контроля жизни среди респондентов приводит к иллюзорному или искаженному выбору свободы и бессмысленности прогнозирования перспектив на будущее. Для осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, это может выступить серьезным препятствием на пути к успешной ресоциализации.

Заключение

Изучение ценностного профиля осужденных женщин с разным уровнем правового сознания представляет собой актуальную проблему в связи с постоянным увеличением количества совершаемых ими преступлений. Однако такие преступления не всегда имеют целью сиюминутное удовлетворение своих потребностей, но в большей степени предполагают реализацию противоправных действий, имеющих осознанный и систематический характер. Это свидетельствует об отсутствии понимания необходимости соблюдения правовых норм и требований, обусловленном нестабильностью, а иногда и несформированностью, ценностной сфе-

ры женщин, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. Тем не менее, независимо от уровня правосознания в группах женщин был выявлен комплекс ценностных категорий, имеющих устойчивый характер (здоровье, семья, комфорт, опыт работы, уровень образования, карьерный рост).

Результаты исследования показали, что ценностный профиль женщин с правовым нигилизмом отличается такими категориями, как гуманность, оптимизм, понимание престижности труда. При этом низкий уровень представлений о справедливости отражает преобладание в их сознании временных перспектив. Данные характеристики позволяют определить данный ценностный профиль как ситуативный, для которого свойственны правовой инфантилизм и отсутствие интеллектуальных, эмоциональных и волевых ресурсов, необходимых для того, чтобы успешно справляться с возникающими проблемными ситуациями.

Осужденные женщины с частичным проявлением правового сознания отличаются смысловой наполненностью жизни, основанной на ценностях интеллектуального развития, саморазвития и общительности. Однако выявленные категории они способны проявлять в отдельных ситуациях, что дает возможность обозначить их ценностные профили как вариативные. Несформированность ценностной сферы является лидирующим фактором противоправных действий.

В структуру ценностного профиля осужденных со сформированным правовым сознанием входят ответственность, воспитанность, самоконтроль и добросовестность. Данные значимые категории позволяют осознавать роль правового поведения в условиях изоляции, а также прогнозировать траекторию своей жизнедеятельности на свободе. Такой ценностный профиль можно охарактеризовать как устойчивый, закрепленный в паттерне реализуемого поведения женщин. Тем не менее, нахождение в изоляции способствует появлению неопределенности в целях на будущее, коррекцию которых можно проводить через призму ценностной и правовой сфер осужденных.

Полученные результаты можно использовать при проведении индивидуального консультирования и в коррекционной работе, направленных на формирование ценностной сферы и правового сознания у женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Исследование ценностного профиля осужденных женщин с разным уровнем правосознания может стать основой предупреждения рецидивной преступности, а также способствовать оптимизации работы сотрудников пенитенциарных учреждений по ресоциализации и адаптации среди данной категории осужденных.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 364 с.
2. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019. 454 с.
3. Безносков Д.С. Правовое сознание и система социальных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. Вып. 1. № 6. С. 70–75.
4. Бражникова А.Н. Правосознание как психологический феномен [Электронный ресурс] // Вестник Московского гуманитарно-экономического университета. 2022. № 1. С. 395–402. doi:10.37691/2311-5351-2022-0-1-395-402

5. Голубничий Р.В. Структура и функции ценностно-правовых ориентаций личности: социально-философское измерение в контексте культурных практик современности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Том 6 (72). № 4. С. 53–63.
6. Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
7. Ежова О.Н. Особенности личности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5 (36). С. 127–134. doi:10.26118/sui.2019.36.5.022
8. Ефремова Н.Н. Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры России пореформенного периода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 3–11.
9. Зарубаева Е.Ю. Психологический аспект правового сознания // Глаголь правосудия. 2015. № 1 (9). С. 87–90.
10. Зауторова Э.В. Пенитенциарная педагогика. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. 355 с.
11. Канунников Р.И. Психологический аспект формирования правосознания [Электронный ресурс] // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-5. С. 115–118. doi:10.18411/trnio-11-2021-214
12. Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–38.
13. Метлицкий Е.И. Феномены индивидуального правосознания как детерминанты поведения // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 46–51.
14. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. 84 с.
15. Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n1/50322 (дата обращения: 15.08.2023).
16. Погребная Ю.К. Кризис современного российского правосознания: Монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 192 с.
17. Ратинов А.Р. Избранные труды. М.: Академия генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 212 с.
18. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: АСТ, 2020. 960 с.
19. Самойлик Н.А. Ценностно-смысловая сфера женщин, осужденных без изоляции от общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4 (63). С. 34–38.
20. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
21. Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Проблемные вопросы формирования мотивации к правопослушному поведению у осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях содержания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 236–248. doi:10.17759/psylaw.2019090417
22. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1998. 344 с.
23. Уманская И.А., Тихомирова Е.В. Материнство в системе психологических ресурсов осужденных женщин [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (107). С. 90–97. doi:10.24411/1813-145X-2019-10356

References

1. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 364 p. (In Russ.).
2. Akhmedshin R.L. Lektsii po pravovoi psikhologii. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. 454 p. (In Russ.).
3. Beznosov D.S. Pravovoe soznanie i sistema sotsial'nykh tsennostei [Law consciousness and social values system]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations*, 2004. Vyp. 1, no. 6, pp. 70–75. (In Russ.).
4. Brazhnikova A.N. Pravosoznanie kak psikhologicheskii fenomen [Legal consciousness as a psychological phenomenon] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta = Herald of Moscow Humanitarian Economic University*, 2022, no. 1, pp. 395–402. doi:10.37691/2311-5351-2022-0-1-395-402 (In Russ.).
5. Golubnichy R.V. Struktura i funktsii tsennostno-pravovykh orientatsii lichnosti: sotsial'no-filosofskoe izmerenie v kontekste kul'turnykh praktik sovremennosti [Structure and functions of values and legal orientations of the personality: socio-philosophical dimension in the context of cultural practices of contemporary world]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Psylosophy. Political Science. Cultural Studies*, 2020. Vol. 6 (72), no. 4, pp. 53–63. (In Russ.).
6. Drobnitsky O.G. Moral'naya filosofiya: Izbrannye trudy. Moscow: Gardariki, 2002. 523 p. (In Russ.).
7. Ezhova O.N. Osobennosti lichnosti zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Peculiarities of women personality serving sentence in the places of imprisonment] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 5 (36), pp. 127–134. doi:10.26118/sui.2019.36.5.022 (In Russ.).
8. Efremova N.N. Spravedlivost' kak faktor razvitiya pravosoznaniya i pravovoi kul'tury Rossii poreformennogo perioda [Justice as a Factor Developing Legal Consciousness and Legal Culture in Russia (in commemoration of 150th anniversary of judicial statutes)]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.).
9. Zarubaeva E.Yu. Psikhologicheskii aspekt pravovogo soznaniya [The psychological aspect of legal consciousness]. *Glagol' pravosudiya = Glagol of Justice*, 2015, no. 1 (9), pp. 87–90. (In Russ.).
10. Zautorova E.V. Penitentsiarnaya pedagogika. Vologda: VIPE FSIN Rossii Publ., 2013. 355 p. (In Russ.).
11. Kanunnikov R.I. Psikhologicheskii aspekt formirovaniya pravosoznaniya [Elektronnyi resurs]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Tendentsii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*, 2021, no. 79-5, pp. 115–118. doi:10.18411/trnio-11-2021-214 (In Russ.).
12. Kovalev S.A. Deformatsiya pravosoznaniya kak faktor protivopravnogo povedeniya lichnosti. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2009, no. 13, pp. 35–38. (In Russ.).
13. Metlitsky E.I. Fenomeny individual'nogo pravosoznaniya kak determinanty povedeniya [Phenomena of individual sense of justice as behavior determinants]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki = Filosofiya i Sotsial'nye Nauki*, 2016, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).
14. Muslumov R.R. Pravovoe soznanie lichnosti. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2013. 84 p. (In Russ.).

15. Pastushenya A.N. Psikhologicheskaya kharakteristika individual'nogo i obshchestvennogo pravosoznaniya: strukturno-soderzhatel'nyi aspekt [Psychological characteristic of individual and social legal consciousness: the structural-conceptual aspect] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2012. Vol. 2, no. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n1/50322 (Accessed 15.08.2023).
16. Pogrebnaya Yu.K. Krizis sovremennogo rossiiskogo pravosoznaniya: Monografiya. Moscow: INFRA-M, 2019. 192 p. (In Russ.).
17. Ratinov A.R. Izbrannye trudy. Moscow: Akademiya general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2016. 212 p. (In Russ.).
18. Rubinshtein S.L. Problemy obshchei psikhologii. Moscow: AST, 2020. 960 p. (In Russ.).
19. Samoylik N.A. Tsennostno-smyslovaya sfera zhenshchin, osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva [Value sphere of female convicts not isolated from society]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2015, no. 4 (63), pp. 34–38. (In Russ.).
20. Slastenin V.A., Chizhakova G.I. Vvedenie v pedagogicheskuyu aksiologiyu. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2003. 192 p. (In Russ.).
21. Suchkova E.L., Shtefan E.F. Problemnye voprosy formirovaniya motivatsii k pravoposlushnomu povedeniyu u osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v strogikh usloviyakh sodержaniya [Problematic Issues of Motivation for Law-Abiding Behavior in Convicts Serving Their Sentences Under Strict Conditions of Detention] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 236–248. doi:10.17759/psylaw.2019090417 (In Russ.).
22. Tugarinov V.P. Izbrannye filosofskie trudy. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1998. 344 p. (In Russ.).
23. Umanskaya I.A., Tikhomirova E.V. Materinstvo v sisteme psikhologicheskikh resursov osuzhdennykh zhenshchin [Motherhood in the Sentenced Women Resource System] [Elektronnyi resurs]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 2 (107), pp. 90–97. doi:10.24411/1813-145X-2019-10356 (In Russ.).

Информация об авторах

Самойлик Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, начальник, кафедра юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России), г. Новокузнецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Information about the authors

Natalya A. Samoylik, PhD in Psychology, Head, Department of Legal Psychology, Pedagogy and the Organization of Educational Work with the Convicted, Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Получена 02.09.2023
Принята в печать 20.10.2023

Received 02.09.2023
Accepted 20.10.2023

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Особенности экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин средней зрелости

Макух Н.О.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Глазова А.С.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4541-953X>, e-mail: kosicinaa@icloud.com

Работа направлена на изучение особенностей экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин в период средней зрелости. Эмпирическое исследование проведено на базе федеральных казенных учреждений «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области» в г. Вологде и «Исправительная колония № 20 УФСИН России по Вологодской области» в г. Устюжне Вологодской области. Отбор респондентов в группы по возрасту (период средней зрелости) основан на периодизации Д.Б. Бромлея. Сформированы две группы: группа № 1 — 30 женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области; группа № 2 — 30 мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-20 УФСИН России по Вологодской области. Возраст респондентов — от 25 до 40 лет. Для решения поставленных задач отобраны методы: анализ личных дел, биографический метод, шкала экзистенции (авторы — А. Лэнгле и К. Орглер) для изучения аспектов экзистенциальной исполненности, тест экзистенциальных мотиваций (автор — В.Б. Шумский). В качестве математических методов обработки и анализа данных использовались количественный и качественный анализ, непараметрический статистический U-критерий Манна—Уитни. На основе результатов исследования запланирована разработка психокоррекционных программ для женщин и мужчин, осужденных впервые, с целью решения их актуальных экзистенциальных проблем и увеличения уровня их экзистенциальной исполненности.

Ключевые слова: экзистенциальная исполненность, осужденные, средняя зрелость, личность мужчин и женщин.

Для цитаты: Макух Н.О., Глазова А.С. Особенности экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин средней зрелости [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 24–36. DOI:10.17759/psylaw.2023130403

Features of the Existential Fulfillment of the Personality of Convicted Women and Men of Middle Adulthood

Natalia O. Makuh

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: [e-mail: makuh.nataly@yandex.ru](mailto:makuh.nataly@yandex.ru)

Anastasia S. Glazova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4541-953X>, e-mail: kosicinaa@icloud.com

The work is aimed at studying the features of the existential fulfillment of the personality of convicted women and men during middle adulthood. The empirical study was conducted on the basis of federal state institutions “Correctional Colony No. 1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda region” in Vologda and “Correctional Colony No. 20 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda region” in Ustyuzhna, Vologda region. The selection of respondents into age groups (the period of middle adulthood) is based on the periodization of D.B. Bromley. Two groups were formed: group No. 1 — 30 women serving a sentence of imprisonment in the Federal Penitentiary Institution IK-1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda region; group No. 2 — 30 men serving a sentence of imprisonment in the Federal Penitentiary Institution IK-20 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda region. The age of respondents is from 25 to 40 years. To solve the tasks, the following methods were selected: analysis of personal files, biographical method, scale of existence (authors — A. Langle and K. Orgler) to study the aspects of existential fulfillment, a test of existential motivations (author — V.B. Shumsky). Quantitative and qualitative analysis, nonparametric statistical Mann-Whitney U-test were used as mathematical methods of data processing and analysis. Based on the results of the study, it is planned to develop psychocorrection programs for women and men convicted for the first time in order to solve their actual existential problems and increase the level of their existential fulfillment.

Keywords: existential fulfillment, convicts, middle adulthood, personality of men and women.

For citation: Makuh N.O., Glazova A.S. Features of the Existential Fulfillment of the Personality of Convicted Women and Men of Middle Adulthood. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 24–36. DOI:10.17759/psylaw.2023130403 (In Russ.).

Введение

На современном этапе реформирования и развития уголовно-исполнительной системы перед сотрудниками исправительных учреждений ставятся задачи по предотвращению деструктивных форм поведения осужденных в период отбывания наказания, а также по обеспечению успешного их исправления и реинтеграции в социум после освобождения. При этом определение особенностей личности преступника для коррекции определенных мишеней поведения вызывает значительные сложности: невозможно выделить ту или иную личностную особенность, формирующую отклоняющее поведение и отличающее лиц, склонных к подоб-

ному поведению от лиц, придерживающихся норм морали [6]. Однако стоит отметить, что многие причины преступлений заключаются как в низкой значимости правовых ценностей, так и в потере индивидом ориентации в социальных отношениях и психической дезадаптации.

Благодаря экзистенциальной сфере, у человека формируются определенные ценностные ориентиры, человеческая экзистенция, осуществляемая при соответствии с жизненным смыслом индивида. Феномен экзистенциальной исполненности отражает уровень осмысленности жизни индивида, показывает соответствие сути человека его поведению и поступкам. Это своего рода мера субъективного качества жизни индивида. Высокий уровень экзистенциальной исполненности указывает на то, что индивид способен решительно и ответственно включаться в жизненный процесс [17]. Выраженность экзистенциальной исполненности указывает на степень осмысленности человеческой жизни, о наличии у него некоторого внутреннего согласия и соответствия его деятельности и поступков человеческой сущности (А. Лэнгле [11], О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк [2], С.В. Несына [3; 14] Э.В. Лихачева, О.В. Липнухова, Т.Ю. Турчина [10], В.Б. Шумский [24]).

Пребывание в местах лишения свободы — это для человека трудная жизненная ситуация, обусловленная наказанием за совершенное преступление. В условиях жизни в исправительных учреждениях человек не может удовлетворить полноценно свои жизненно важные потребности. Затруднен экзистенциальный выбор, состоящий в невозможности принять верное решение о смысле собственной жизни, жизненной стратегии на основе рефлексивно-ценностного осмысления пережитых событий (А.В. Быков, А.В. Датий, Е.И. Елфимова. Э.В. Лихачева, А.И. Мокрецов, А.М. Смирнов, С.А. Тарасова) [21].

Экзистенциально-психодинамический подход в изучении личности лиц, совершивших преступления, применялся в исследованиях Ю.П. Дворецкой [5], З.В. Мясниковой [13], В.С. Понкратовой [16], Д.В. Сочивко [18]. Экзистенциальным особенностям осужденных женщин, нарушающих режим и имеющих расстройства личности, посвящены исследования О.И. Сочивко, Д.В. Сочивко [20], Е.В. Дежуровой [19]. Ряд исследований посвящены экзистенциальной сфере несовершеннолетних преступников (С.В. Кулакова, К.Ф. Фадеева, М.М. Москвитина [9; 22], О.Б. Панова [15]), в частности, осужденных за насильственные преступления (С.Д. Хачатурян, М.Н. Абдурасулова [23]), за экстремизм (Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова [12]), вич-инфицированных (Э.В. Зауторова [7]).

Анализ результатов опубликованных исследований предопределил выбор темы нашего исследования, в которой предусмотрена диагностика особенностей экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин в сравнении с целью дальнейшего коррекционного воздействия на них. Актуальным возрастным этапом для настоящего исследования является период средней взрослости (от 25 до 40 лет), по классификации Д.Б. Бромлей [8]. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что, в отличие от более раннего, юношеского возраста, на данном жизненном этапе завершается физическое развитие индивида, человек становится половозрелым и сформированным, как соматически, так и психологически.

В период взрослости меняется основная деятельность индивида, на первый план выходит именно профессиональная деятельность, он становится активным субъектом труда, познания и коммуникации. Структура субъекта деятельности во взрослом возрасте подвергается наиболее значимым для представленного исследования изменениям по сравнению с юношеством — она усложняется, знания и навыки совершенствуются, расширяется коммуникативная сфера личности [4]. Таким образом, период средней взрослости является наиболее чувствительным для формирования экзистенциальной сферы человека, а именно формирования и

осмысления основных понятий нравственности, критического оценивания и переосмысления собственных поступков и деяний, а также разрешения проблемы смысла жизни [1].

Все вышеперечисленное предопределило выбор темы исследования, в которой предусмотрена диагностика сходств и различий экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин средней зрелости для дальнейшего коррекционного воздействия на них в условиях исправительных учреждений.

Структура и методы исследования

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что существуют различия в ощущениях наполненности жизни смыслом и субъективных представлениях о качестве жизни у осужденных мужчин и осужденных женщин средней зрелости: у осужденных мужчин средней зрелости выше показатели экзистенциальной мотивации; у осужденных женщин средней зрелости выше показатели осмысленности жизни.

Сбор эмпирических данных проводился в 2023 г. на базе федеральных казенных учреждений «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области» (г. Вологда), «Исправительная колония № 20 УФСИН России по Вологодской области» (г. Устюжна, Вологодская область). В исследовании принимали участие 60 осужденных впервые (30 женщин и 30 мужчин). Возраст респондентов — от 25 до 40 лет.

В первую экспериментальную группу вошли 30 женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области. Во вторую экспериментальную группу — 30 мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-20 УФСИН России по Вологодской области.

В исследовании использовался следующий методический инструментарий: анализ личных дел, биографический метод, шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер для изучения аспектов экзистенциальной исполненности, тест экзистенциальных мотиваций В.Б. Шумского. В качестве математических методов обработки и анализа данных использовались количественный и качественный анализ, непараметрический статистический U-критерий Манна—Уитни.

Результаты исследования

По результатам диагностики осмысленности жизни при помощи методики «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер (рис. 1) было выявлено, что у осужденных средней зрелости вне зависимости от пола присутствует преобладание среднего уровня осмысленности жизни, однако при детальном анализе обнаружены следующие особенности, являющиеся характерными для той или иной группы.

У впервые осужденных женщин отмечается среднее самодистанцирование. Они могут выходить на дистанцию по отношению к себе, замечают свои чувства и потребности. У них выявлена недостаточная возможность отодвинуть свои желания и стремления. Они в недостаточной мере способны чувствовать близость к кому-то и сочувствовать, неполноценно устанавливают внутреннее отношение к пережитому. Женщины способны находить возможность действовать, могут приходить к обоснованным решениям и концентрироваться на самом важном, но препятствием в этом может быть неясность в принятии решения. Они обладают средневыраженным чувством долга, но могут не ощущать персональной включенности в жизнь и не всегда способны планировать свою жизнь, доводить принятые решения до конца.

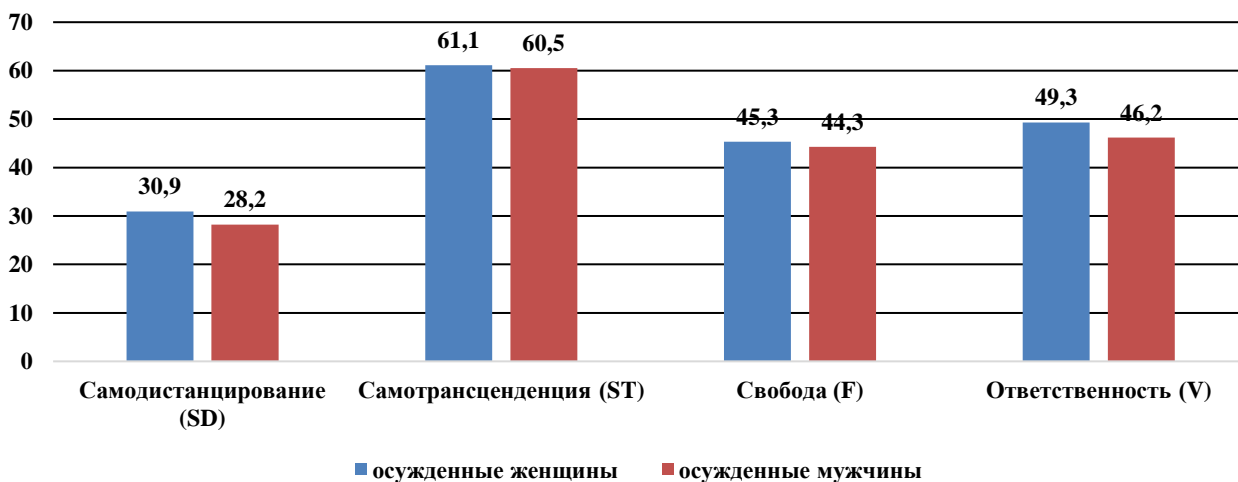

Рис. 1. Средние показатели осмысленности жизни у осужденных женщин и мужчин средней взрослости

Впервые осужденные мужчины в состоянии не только ориентироваться на себя, но и смотреть на ситуацию со стороны, видя ее данность. У них наблюдается дистанция по отношению к самим себе и определенное самообладание. Также мужчины могут вычленить важное для себя, однако могут испытывать неуверенность в своих решениях и выборах. Они среднеэмоциональны в отношениях с окружающими, недостаточно осознают чувства и эмоции к пережитым событиям, у них снижается уровень эмоциональной привязанности и близости. Чувство долга у них не выражено, они недостаточно уверены в том, что все делают правильно, не всегда доводят свои дела до конца. В их жизни допускается попустительство, они в недостаточной мере ощущают включенность в свою жизнь.

При сравнительном анализе результатов с применением непараметрического статистического U-критерия Манна—Уитни в первой и второй группах выявлены значимые различия ($p \leq 0,01^*$) по шкалам «Свобода» и «Ответственность». Осужденные женщины чаще, чем осужденные мужчины, способны принимать решение в той или иной ситуации, соотносить условия и делать выбор, не боясь совершить ошибку. Это подтверждается показателями осмысленности их жизни по шкалам «Свобода» и «Ответственность». Женщины чаще, чем мужчины, способны доводить дело до конца, в большей мере ощущают обязательность и необходимость принять обстоятельства, в которых они оказались.

По результатам диагностики функциональных экзистенциальных мотиваций, а также определения общей экзистенциальной исполненности при помощи теста экзистенциальных мотиваций В.Б. Шумского (рис. 2) у всех осужденных среднего возраста вне зависимости от пола преобладают низкие значения по шкалам «Опора», «Защищенность», «Пространство», «Соотнесенность», «Время», «Близость», «Заинтересованное внимание», «Признание ценности», «Возможность для деятельности», «Включенность во взаимосвязи», а также у осужденных женщин — по шкале «Справедливое отношение», у осужденных мужчин — по шкале «Ценность в будущем».

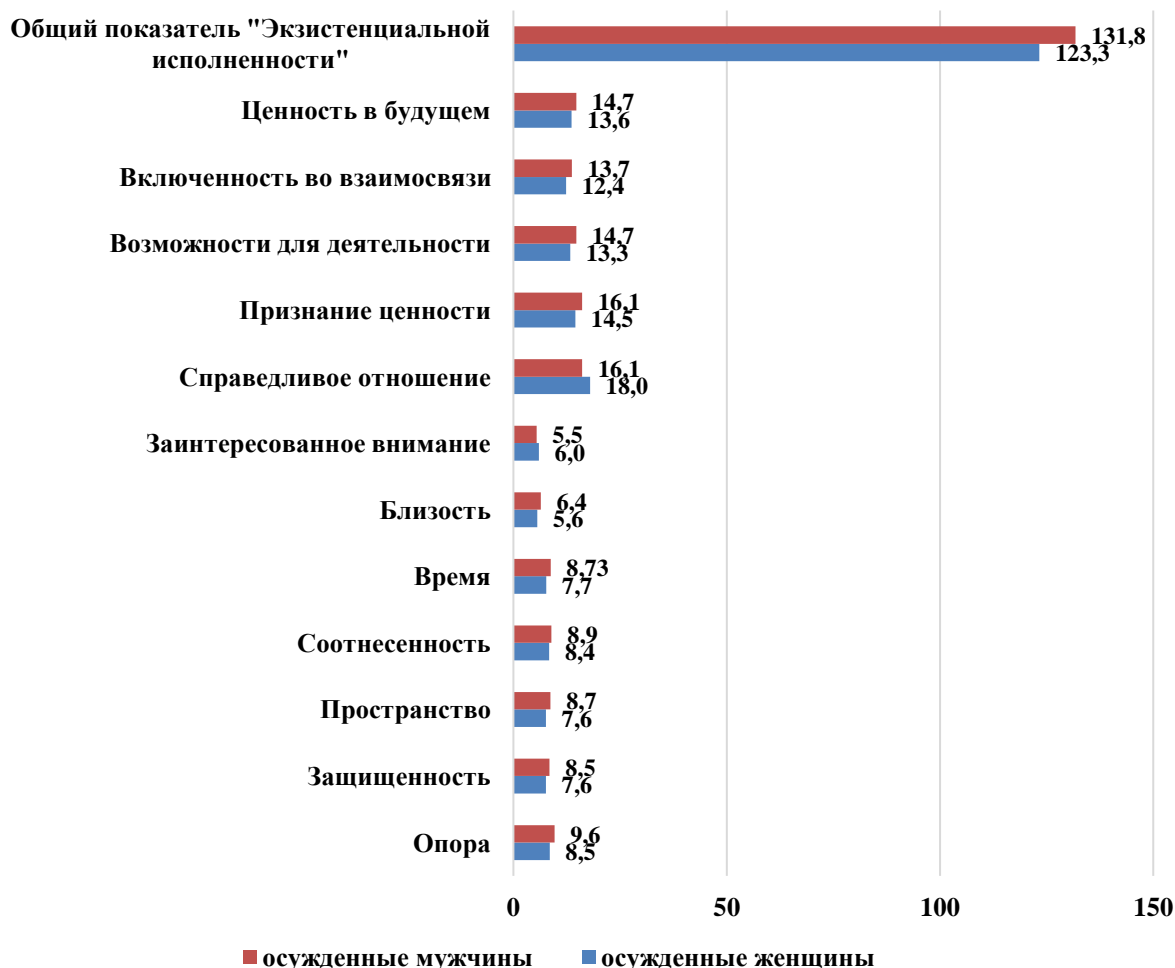

Рис. 2. Средние показатели функциональной мотивации у осужденных женщин и мужчин средней взрослости

При детальном анализе сформулированы следующие выводы.

1. По таким шкалам, как «Опора», «Защищенность», «Пространство», образующих первую функциональную мотивацию — «бытия в мире», — у осужденных женщин и мужчин отмечается недостаточное стремление иметь разные возможности для выбора, отсутствие определенной дистанции по отношению к самим себе. Это создает пространство свободы по отношению к своим мыслям и чувствам.

Осужденные не чувствуют себя в безопасности, принятыми обществом, в межличностных отношениях имеют низкую психологическую защищенность, не могут найти опоры во внешнем мире — в социуме, в самих себе и в своем опыте.

Осужденные среднего возраста имеют низкий уровень оснований для осуществления определенного выбора из возможностей, данных индивидам в жизни. Отмечается низкая мотивация к преодолению бытия в духовном плане, к самому физическому выживанию в мире, низкий уровень возможности принять данность существования, которая ранее вызывала

негатив, и выдержать его. У них отсутствует ощущение опоры в окружающей реальности, искажается окружающая действительность.

2. По шкалам, образующим вторую функциональную мотивацию — «ценность в жизни», — у осужденных впервые женщин и мужчин отмечается недостаточное стремление к тому, чтобы принимать свою жизнь и получать от нее позитив. Наблюдаются низкие значения соотнесенности. Находясь в недостаточных и некачественных соотношениях с людьми и ценностями мира, они испытывают такое переживание времени, которое нивелирует ценность этих отношений. Переживание времени негативно детерминируется актуальными отношениями (с осужденными, сотрудниками исправительного учреждения и родственниками).

Выражен низкий уровень «переживания времени»: негативное восприятие времяпровождения, непринятие ценностей отношений и взаимосвязей с миром вместе с низким уровнем психологической близости. Это создает негативные эмоции, которые мешают возникновению чувств радости от жизни. Респонденты субъективно ощущают негативные чувства от качества собственной жизни, не видят возможностей выбора иного пути, становятся эмоционально закрытыми, неудовлетворенными жизнью, не признающими ее ценностей.

3. По шкалам, образующим третью функциональную мотивацию — «самоценность» — у осужденных в обеих группах отмечается недостаточное стремление ощущать самоценность и принимать аутентичное решение. Отмечается безразличие к тому, как к ним относятся окружающие. Осужденные женщины и мужчины сами не чувствуют, справедливо к ним относятся или нет. У них выражен низкий уровень «справедливого отношения». Они в недостаточной мере различают «правильные» и «неправильные» действия, не видят себя и свое Я. У них выражен низкий уровень заинтересованного внимания: не обращают внимания на себя через свою индивидуальность, не могут оценить самого себя адекватно, не уважают себя и не признают ценность быть самим собой. Отмечается у них и низкий уровень «признания ценности». Следствием этого является неразвитая самоценность личности, неготовность осужденных впервые к диалогу с самим собой и к принятию себя.

4. По шкалам, образующим четвертую фундаментальную мотивацию — «смысл» — у респондентов в целом низкие показатели. У осужденных выражена низкая включенность во взаимосвязи в связи с минимальными возможностями к созданию того, что имеет для них ценность. Они недостаточно понимают свое бытие и недостаточно видят в нем смысл. Системы их взаимосвязи с внешним миром сформированы неполноценно. Жизнь большинства осужденных не имеет порядка: женщины и мужчины испытывают проблемы в постановке задач, не стремятся в будущее и не воспринимают возможности реализации в будущем своих ценностей, не реализуют себя в жизни «здесь и сейчас».

При сравнительном анализе результатов с применением непараметрического статистического U-критерия Манна—Уитни в первой и второй группах выявлены значимые различия ($p \leq 0,01^*$) по следующим шкалам: «Опора» и «Признание ценности», т. е. у осужденных мужчин средней зрелости выше показатели экзистенциальной мотивации. Мужчины достоверно в большей мере, чем женщины, ощущают поддержку извне, защиту, лучше чувствуют самоценность, ощущают, что к ним относятся справедливо, в большей мере могут осознать справедливость и несправедливость своих собственных поступков.

Таким образом, гипотеза о том, что существуют различия в ощущениях наполненности жизни смыслом и субъективных представлениях о качестве жизни у осужденных мужчин и осужденных женщин средней зрелости подтвердилась.

На основании полученных результатов и сделанных выводов в психологическом сопровождении осужденных мужчин и женщин необходимо проводить индивидуальную работу с каждым осужденным по изменению уровня индивидуального эгоистического отношения к окружающим. Важно регулярно изучать изменения в их поведении, понимать тенденции осужденных в выстраивании образа собственного будущего после освобождения. На коррекционных занятиях с индивидуальной моделью воздействия следует развивать самосознание осужденных, которое модифицирует их восприятие и изменит отношение к окружающему миру. Большое внимание следует уделять развитию жизнестойкости и жизнеспособности осужденных.

Коррекция личности осужденных должна быть направлена на изменение их социально-психологических установок, ценностных ориентаций и экзистенциальной сферы личности, обучение их приемам и способам саморегуляции и саморазвития, формирование положительной направленности на освобождение, правопослушного образа жизни и адекватной интеграции в социум.

Коррекционная работа с осужденными предполагает оказание психологической помощи и поддержки, снятие стрессовых и фрустрационных состояний, решение кризисных, конфликтных и проблемных жизненных ситуаций, повышение их адаптивных возможностей и стрессоустойчивости. Это возможно посредством формирования у них соответствующих жизненно необходимых качеств в период отбывания наказания в исправительных учреждениях.

С целью оказания психологической помощи осужденным женщинам и мужчинам в решении их актуальных экзистенциальных проблем и увеличения уровня экзистенциальной исполненности запланирована разработка психокоррекционных программ, направленных на поиск ценностных смыслов, преодоление тревожности, выработку новых жизненных смыслов, преодоление кризиса личности, формирование позитивной стратегии отношения к осуждению и отбыванию наказания, а также на создание отношения к собственной жизни после освобождения.

Литература

1. Быков А.В., Кудряшов О.В., Зенин С.С. Личность осужденного — пенитенциарного правонарушителя: общая характеристика, основы детерминации профилактического воздействия // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 66.
2. Гребенюк О.С., Гребенюк Т.Б. Экзистенциальная сфера // Основы педагогики индивидуальности. Калининград, 2000. С. 251–300.
3. Гребенюк Т.Б., Несына С.В. Экзистенциальная сфера как компонент понятия «индивидуальность» // Теоретико-методические основания экзистенциальной педагогики: Коллективная монография. Ярославль, 2023. С. 229–239.
4. Дарвиш О.Б. Возрастная психология. М.: Владос, 2006. 264 с.
5. Дворецкая Ю.П. Влияние семейных отношений на экзистенциальную исполненность мужчин, осужденных за преступления насильственного характера // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей: Сборник научных статей обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России / Под общ. ред. В.Н. Некрасова. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 64–68.

6. *Думанская Е.И.* Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2018. № 1 (43). С. 69–75.
7. *Зауторова Э.В.* Изучение экзистенциальных ценностей ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы [Электронный ресурс] // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2019. Том 13. № 1 (45). С. 121–126. doi:10.46741/2076-4162-2019-13-1-121-126
8. *Кулагина И.Ю., Коллюцкий В.Н.* Возрастная психология. Полный жизненный цикл человека. М.: Сфера, 2009. 79 с.
9. *Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Москвитина М.М.* Возможности преодоления экзистенциального страха у несовершеннолетних осужденных методами эриксоновского гипноза // *Башкатовские чтения: Психология притеснения и деструктивного поведения, профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детско-подростковой среде: Материалы пятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова и приуроченной к 70-летию победы в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.* / Под ред. М.Н. Филиппова. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. С. 259–261.
10. *Лихачева Э.В., Турчина Т.Ю., Липнухова О.В.* Экзистенциальная исполненность, смысло-жизненные ориентации и уровень субъективного контроля у мужчин и женщин // *Инновационная наука*. 2015. № 8. С. 156–161.
11. *Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ. Экзистенциальные подходы в психотерапии. М.: Когито-Центр, 2020. 322 с.
12. *Мещерякова Э.И., Ларионова А.В.* Конструирование персонального мифа в экзистенциальной психокоррекции осужденных за экстремизм [Электронный ресурс] // *Психология и психотехника*. 2020. № 1. doi:10.7256/24540722.2020.1.31906
13. *Мясникова З.В.* Специфика экзистенциальных выборов лиц асоциальной направленности [Электронный ресурс] // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2021. № 3. С. 67–70. doi:10.37882/2500-3682.2021.03.13
14. *Несына С.В.* Структурно-содержательные характеристики индивидуальности [Электронный ресурс] // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5 (110). С. 25–31. doi:10.24411/1813-145X-2019-10518
15. *Панова О.Б.* Воздействие на экзистенциальную сферу несовершеннолетних осужденных в процессе правовой социализации // *Современные наукоемкие технологии*. 2010. № 5. С. 106–108.
16. *Понкратова В.С.* Экзистенциально-психодинамический подход к изучению личности преступника // *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, Рязань, 09–10 апреля 2020 года*. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 138–144.
17. *Сатымова А.Р.* Особенности экзистенциальной исполненности личности женщин, осужденных за насильственные преступления // *Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей: Сборник научных статей обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России* / Под общ. ред. В.Н. Некрасова. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 201–209.

18. Сочивко Д.В. Экзистенциальная психодинамика исправления личности осужденного [Электронный ресурс] // Коченовские чтения — 2020. Психология и право в современной России: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2020. С. 59–60. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2020/kochenovskie_chteniya_2020.pdf (дата обращения: 03.09.2023).
19. Сочивко О.И., Дежурова Е.В. К вопросу о выявлении экзистенциальных особенностей осужденных женского пола с расстройствами личности в период отбывания наказания в местах лишения свободы // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции (Могилев, 25 марта 2016 года): В 2 ч. Ч. 2. Могилев: Могилевский институт МВД, 2016. С. 222–225.
20. Сочивко Д.В., Сочивко О.И. Сравнительный анализ психологических защит экзистенцирующего «Я» личности у осужденных женщин нарушителей режима и осужденных женщин, не имеющих нарушений [Электронный ресурс] // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 11 (201). С. 582–585. doi:10.34835/issn.2308-1961.2021.11.p582-584
21. Тарасова С.А. Психологические проблемы осужденных в свете экзистенциально-аналитической теории А. Лэнгле // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2 (13). С. 59–63.
22. Фадеева К.Ф., Кулакова С.В. Методы преодоления экзистенциального страха у несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 2. С. 31–32. doi:10.18572/2072-4438-2017-2-31-32
23. Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 57–70. doi:10.17759/psylaw.2017060205
24. Шумский В.Б. Экзистенциальная психология и психотерапия. М.: Юрайт, 2023. 155 с.

References

1. Bykov A.V., Kudryashov O.V., Zenin S.S. Lichnost' osuzhdennogo — penitentsiarnogo pravonarushatelya: obshchaya kharakteristika, osnovy determinatsii profilakticheskogo vozdeistviya [The personality of the convicted penitentiary lawbreakers: general characteristics, identification principles and treatment]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), pp. 66. (In Russ.).
2. Grebenyuk O.S., Grebenyuk T.B. Ekzistentsial'naya sfera. *Osnovy pedagogiki individual'nosti*. Kaliningrad, 2000, pp. 251–300. (In Russ.).
3. Grebenyuk T.B., Nesyna S.V. Ekzistentsial'naya sfera kak komponent ponyatiya "individual'nost'". *Teoretiko-metodicheskie osnovaniya ekzistentsial'noi pedagogiki: Kollektivnaya monografiya*. Yaroslavl, 2023, pp. 229–239. (In Russ.).
4. Darvish O.B. *Vozrastnaya psikhologiya*. Moscow: Vlastos, 2006. 264 p. (In Russ.).
5. Dvoretzkaya Yu.P. Vliyanie semeinykh otnoshenii na ekzistentsial'nyuyu ispolnennost' muzhchin, osuzhdennykh za prestupleniya nasil'stvennogo kharaktera. In Nekrasov V.N. (ed.). *Aktual'nye problemy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk: nauchnyi podkhod molodykh issledovatelei: Sbornik nauchnykh statei obuchayushchikhsya Vologodskogo instituta prava i ekonomiki*

FSIN Rossii. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2020, pp. 64–68. (In Russ.).

6. Dumanskaya E.I. Lichnostnye deformatsii kak kriminogennaya predposylka prestupnogo povedeniya [Personal deformations as a criminogenic background for criminal behavior]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 1 (43), pp. 69–75. (In Russ.).

7. Zautorova E.V. Izuchenie ekzistentsial'nykh tsennostei VICH-infitsirovannykh osuzhdennykh k lisheniyu svobody [The study of existential values of HIV-infected prisoners sentenced to imprisonment] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2019. Vol. 13, no. № 1 (45), pp. 121–126. doi:10.46741/2076-4162-2019-13-1-121-126 (In Russ.).

8. Kulagina I.Yu., Kolyutsky V.N. Vozrastnaya psikhologiya. Polnyi zhiznennyi tsikl cheloveka. Moscow: Sfera, 2009. 79 p. (In Russ.).

9. Kulakova S.V., Fadeeva K.F., Moskvitina M.M. Vozmozhnosti preodoleniya ekzistentsial'nogo strakha u nesovershennoletnikh osuzhdennykh metodami eriksonovskogo gipnoza [The possibility of overcoming existential fear the convicted juvenile has Eriksonian methods of hypnosis]. In Filippov M.N. (ed.). *Bashkatovskie chteniya: Psikhologiya pritesneniya i destruktivnogo povedeniya, profilaktika ksenofobii, ekstremizma i natsionalizma v detsko-podrostkovoi srede: Materialy pyatnadtsatoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF Ivana Pavlovicha Bashkatova i priurochennoi k 70-letiyu pobedy v Velikoi otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* Kholmna: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi sotsial'no-gumanitarnyi institute Publ., 2015, pp. 259–261. (In Russ.).

10. Likhacheva E.V. Turchina T.Yu., Lipnukhova O.V. Ekzistentsial'naya ispolnennost', smyslzhiznennye orientatsii i uroven' sub"ektivnogo kontrolya u muzhchin i zhenshchin. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, 2015, no. 8, pp. 156–161. (In Russ.).

11. Längle A. Ekzistentsial'nyi analiz. Ekzistentsial'nye podkhody v psikhoterapii [Existenzanalyse. Existentielle Zugänge der Psychotherapie]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2020. 322 p. (In Russ.).

12. Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Konstruirovaniye personal'nogo mifa v ekzistentsial'noi psikhokorreksii osuzhdennykh za ekstremizm [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 2020, no. 1. doi:10.7256/24540722.2020.1.31906 (In Russ.).

13. Myasnikova Z.V. Spetsifika ekzistentsial'nykh vyborov lits asotsial'noi napravlenosti [Particularity of existential choices of asocial orientated persons] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of "Cognition"*, 2021, no. 3, pp. 67–70. doi:10.37882/2500-3682.2021.03.13 (In Russ.).

14. Nesyna S.V. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki individual'nosti [Structural and substantive characteristics of the individuality] [Elektronnyi resurs]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 5 (110), pp. 25–31. doi:10.24411/1813-145X-2019-10518 (In Russ.).

15. Panova O.B. Vozdeistvie na ekzistentsial'nuyu sferu nesovershennoletnikh osuzhdennykh v protsesse pravovoi sotsializatsii. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern High Technologies*, 2010, no. 5, pp. 106–108. (In Russ.).

16. Ponkratova V.S. Ekzistentsial'no-psikhodinamicheskii podkhod k izucheniyu lichnosti prestupnika. *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: Sbornik materialov Vserossiiskogo simpoziuma psikhologov s mezhdunarodnym uchastiem, Ryazan', 09–10 aprelya 2020 goda*. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2020, pp. 138–144. (In Russ.).
17. Satymova A.R. Osobennosti ekzistentsial'noi ispolnennosti lichnosti zhenshchin, osuzhdennykh za nasil'stvennyye prestupleniya. In Nekrasov V.N. (ed.). *Aktual'nye problemy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk: nauchnyi podkhod molodykh issledovatelei: Sbornik nauchnykh statei obuchayushchikhsya Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii*. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2020, pp. 201–209. (In Russ.).
18. Sochivko D.V. Ekzistentsial'naya psikhodinamika ispravleniya lichnosti osuzhdennogo [Elektronnyi resurs]. *Kochenovskie chteniya — 2020. Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii: Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: MGPPU Publ., 2020, pp. 59–60. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2020/kochenovskie_chteniya_2020.pdf (Accessed 03.09.2023) (In Russ.).
19. Sochivko O.I., Dezhurova E.V. K voprosu o vyyavlenii ekzistentsial'nykh osobennostei osuzhdennykh zhenskogo pola s rasstroistvami lichnosti v period otbyvaniya nakazaniya v mestakh lisheniya svobody. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Mogilev, 25 marta 2016 goda): V 2 ch. Ch. 2*. Mogilev: Mogilevskii institut MVD, 2016, pp. 222–225. (In Russ.).
20. Sochivko D.V., Sochivko O.I. Sravnitel'nyi analiz psikhologicheskikh zashchit ekzitiruyushchego “Ya” lichnosti u osuzhdennykh zhenshchin narushitelei rezhima i osuzhdennykh zhenshchin, ne imeyushchikh narushenii [Comparative analysis of psychological defenses of the outgoing “I” personality among convicted women violators of the regime and convicted women who have no violations] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 2021, no. 11 (201), pp. 582–585. doi:10.34835/issn.2308-1961.2021.11.p582-584 (In Russ.).
21. Tarasova S.A. Psikhologicheskie problemy osuzhdennykh v svete ekzistentsial'no-analiticheskoi teorii A. Lengle [Psychological problems of sentenced according to the existence-analytical theory of Leangle]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2014, no. 2 (13), pp. 59–63. (In Russ.).
22. Fadeeva K.F., Kulakova S.V. Metody preodoleniya ekzistentsial'nogo strakha u nesovershennoletnykh osuzhdennykh [Approaches to Overcoming of Existential Fear by Minor Convicted] [Elektronnyi resurs]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2017, no. 2, pp. 31–32. doi:10.18572/2072-4438-2017-2-31-32 (In Russ.).
23. Khachatryan S.D., Abdurasulova M.N. Zavisimost' kharaktera prestupleniya ot tipa travmatizatsii prestupnika (na primere nesovershennoletnykh osuzhdennykh za nasil'stvennyye prestupleniya) [The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 57–70. doi:10.17759/psylaw.2017060205 (In Russ.).
24. Shumsky V.B. Ekzistentsial'naya psikhologiya i psikhoterapiya. Moscow: Yurait, 2023. 155 p. (In Russ.).

Макух Н.О., Глазова А.С.
Особенности экзистенциальной исполненности
личности осужденных женщин и мужчин
средней взрослости
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 24–36

Makuh N.O., Glazova A.S.
Features of the Existential Fulfillment
of the Personality of Convicted Women and Men
of Middle Adulthood
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 24–36

Информация об авторах

Макух Наталия Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии служебной деятельности, факультет психологии и пробации, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Глазова Анастасия Сергеевна, курсант 5-го курса, факультет психологии и пробации, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России), г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4541-953X>, e-mail: kosicinaa@icloud.com

Information about the authors

Natalia O. Makuh, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Performance Psychology, Faculty of Psychology and Probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>, e-mail: makuh.nataly@yandex.ru

Anastasia S. Glazova, 5th year cadet, Faculty of Psychology and Probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4541-953X>, e-mail: kosicinaa@icloud.com

Получена 21.09.2022
Принята в печать 21.10.2023

Received 21.09.2022
Accepted 21.10.2023

Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы

Ажимов В.В.

Исправительная колония № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике (ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике), с. Ягул, Завьяловский район, Удмуртская Республика, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3939-6327>, e-mail: azhimov@list.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО «Академия ФСИН России»), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

В статье рассмотрены личностные особенности и их психологическая коррекция у наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике. В ходе эмпирического исследования установлено, что наркозависимые осужденные имеют высокий уровень аддиктивных установок, склонны к поиску острых ощущений, уходу от реального восприятия действительности, характеризуются высоким уровнем функционирования психологических защит, разрушением семейных и межличностных отношений, однако при этом имеют высокую адаптацию к местам лишения свободы. В соответствии с распоряжением ФСИН России № 52-р от 21.02.2018 в учреждениях уголовно-исполнительной системы апробируется ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. На основании выявленных личностных особенностей в исправительном учреждении строгого режима с наркозависимыми осужденными проводилась психокоррекционная работа. Полученные результаты позволяют выявить положительные личностные изменения осужденных после применения психокоррекционной программы, что в целом способствует их лучшей подготовке к жизни на свободе.

Ключевые слова: наркозависимые осужденные, личностные особенности, психологическая коррекция, аддиктивные установки, смысложизненные ориентации, уровень субъективного контроля, поиск ощущений, психологические защиты личности.

Азимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция личностных
особенностей наркозависимых осужденных,
отбывающих наказания в местах лишения свободы
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 37–52

Azhimov V.V., Ganishina I.S., Maryim M.I.
The Psychological Correction of Personal
Characteristics of Convicts Addicted to Drugs
Serving Sentences in Places of Detention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 37–52

Для цитаты: *Азимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.* Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 37–52. DOI:10.17759/psylaw.2023130404

The Psychological Correction of Personal Characteristics of Convicts Addicted to Drugs Serving Sentences in Places of Detention

Vasilii V Azhimov

Correctional Colony No. 1 of the Department of the Federal Penitentiary Service for the Udmurt Republic, village of Yagul, Zavyalovsky district, Udmurt Republic, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3939-6327>, e-mail: azhimov@list.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

The article discusses the personality traits and their psychological correction in convicts addicted to drugs, who are serving sentences in Corrective Colony No.1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Udmurt Republic. During the course of an empirical study, it was found that drug-addicted convicts have a high level of addictive behaviours, tend to seek sensations, avoid a realistic perception of reality, are characterized by a high level of the functioning of psychological defenses, the destruction of family and interpersonal relationships, however, at the same time, they have a high adaptation to places of detention. In accordance with order No. 52-r of the Federal Penitentiary Service of Russia of February 21, 2018, a departmental program of social and psychological work is being tested in institutions of the penitentiary system in relation to drug addicts held in detention centers and correctional institutions. On the basis of the identified personality traits, psycho-correctional work was carried out with drug-addicted convicts in a strict regime corrective facility. The results obtained make it possible to identify positive personal changes in convicts after the application of the psycho-correction program, which in general contributes to their better preparation for life in freedom.

Keywords: drug addicted convicts, personality traits, psychological correction, addictive behaviors, meaningful life orientations, level of subjective control, sensation-seeking, psychological defenses of the individual.

For citation: Azhimov V.V., Ganishina I.S., Maryim M.I. The Psychological Correction of Personal Characteristics of Convicts Addicted to Drugs Serving Sentences in Places of Detention. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 37–52. DOI:10.17759/psylaw.2023130404 (In Russ.).

Введение

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях России содержится значительное количество лиц, имеющих наркотическую зависимость. Анализ дисциплинарной практики показывает, что наркозависимые, обвиняемые, подозреваемые и осужденные, чаще других становятся нарушителями режима отбывания наказания. «Уровень нарушений режима и, как следствие, наложения взыскания у наркозависимых осужденных практически в 11 раз превышает средний уровень наложения взысканий на одного осужденного» [3]. Следовательно, наркозависимые осужденные являются одной из наиболее проблемных категорий осужденных, работа с которыми требует особой подготовки персонала. В силу данных обстоятельств эффективная психокоррекционная работа с наркозависимыми осужденными сохраняет свою актуальность в местах лишения свободы.

Для наркозависимых осужденных характерны следующие личностные особенности, детерминирующие их поведение: «повышенная тревожность, высокая экзальтированность, заострение личностных черт и их деформация в сторону асоциальной направленности» [18], а также эмоциональное отчуждение и недоверие к окружающим [7], аутоагрессивное и агрессивное поведение [6], нарушения психической саморегуляции [2].

В контексте изучения личностных особенностей наркозависимых осужденных В.Ю. Рыбников предложил методы оценки психологического состояния лиц с наркотической зависимостью, а также изучал особенности кризисно-реабилитационной помощи наркоманам [14]. Ю.В. Власова описала динамику психологических защитных механизмов личности наркозависимых осужденных [2]. Т.И. Савельева изучала вопросы психодинамики аддиктивного поведения в местах лишения свободы [15]. Е.С. Лобанова охарактеризовала особенности временной перспективы наркозависимых осужденных [10]. А.А. Жарких исследовала особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в зависимости от степени выраженности когнитивно-стилевых и индивидуально-психологических свойств личности [7]. И.С. Ганишина разрабатывала проблемы психологической профилактики осужденных с наркотической зависимостью в местах лишения свободы [3]. О.В. Чащинова изучала психологические особенности наркозависимых осужденных [20].

Вопросами психологической коррекции и помощи осужденным с наркотической зависимостью занимались пенитенциарные психологи: Р.Р. Гарифуллин изучал вопросы коррекции смысловой сферы наркозависимой личности [4]; С.А. Кулаков и С.Б. Воисов обобщили опыт работы с наркозависимыми в рамках программы «12+», при этом в традиционную двенадцатишаговую модель были интегрированы методы психологической коррекции [9]; В.С. Лобанова, А.А. Михайлова описали возможности коррекции временной перспективы наркозависимых осужденных, основанные на процессе самопознания осужденных, активной жизненной позиции, позитивной самооценки и обучении основам целеполагания и планирования [10]; А.С. Ужахов выявил пробелы в Российском законодательстве и обосновал необходимость принятия специального федерального закона «О социальной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание, и контроле за их поведением» [17]; А.А. Жарких создала программу коррекции мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных [7];

Н.Е. Колесникова акцентировала внимание на важности применения домашних заданий для наркозависимых осужденных и применения рисуночных технологий как средства работы с неосознаваемыми самими осужденными аспектов своей личности [8]; О.Г. Годаванец рассматривала вопросы социально-психологической коррекции механизмов саморегуляции поведения осужденных [5]; И.В. Слюсарева предложила программу коррекции эмоциональной сферы наркозависимых осужденных [16]; А.А. Мишин осуществил анализ способов коррекции девиантного поведения осужденных [11]; С.Г. Хасплатов [19] анализировал возможности психологического сопровождения.

По мнению К. Пуччио [21], для наркозависимых больных места заключения имеют более выраженную карательную, чем реабилитационную направленность, она акцентируют внимание общества на том, что расстройство, связанное с употреблением наркотических веществ, требует лечения больше, чем наказания. К. Мьяланд [22] обращает внимание на то, что осужденные продолжают употреблять наркотики в тюрьме от скуки и для получения чувства риска с целью противодействия администрации учреждения.

В соответствии с распоряжением ФСИН России от 21.02.2018 № 52-р в учреждениях уголовно-исполнительной системы внедряется ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Согласно данной программе, роль психолога исправительного учреждения в реабилитации наркозависимых состоит, в том числе, и в коррекции неадекватных форм поведения через формирование и закрепление способов эффективного взаимодействия с окружающим миром [13]. Е.С. Боярская провела анализ апробации ведомственной программы в различных типах учреждений уголовно-исполнительной системы в отношении лиц, имеющих наркотическую зависимость [1], с указанием сильных и слабых ее сторон.

Структура и методы исследования

Настоящее исследование проводилось нами на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике. Учреждение является исправительной колонией строгого режима для осужденных рецидивистов. В исследовании приняли участие 106 осужденных, имеющих наркотическую зависимость, из них 53 осужденных составили группу, названную как экспериментальная, 53 осужденных составили контрольную группу.

С целью реализации ведомственной программы в отношении лиц, имеющих наркотическую зависимость, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, была разработана психокоррекционная программа. Данная программа разработана на модели, основанной на концепциях изменения Дж. Прохазки, Дж. Норкросса и К. ди Клемента [12]. Упражнения психокоррекционной программы были подобраны таким образом, чтобы максимально соответствовать внутренним потребностям участников группы на каждом этапе изменений, что позволяло участникам группы проходить один или несколько этапов за время участия в программе. Программа реализовывалась с октября 2020 года по март 2022 года. В ней приняли участие 4 группы осужденных, каждая группа занималась в течение 6 месяцев.

Для оценки личностных особенностей наркозависимых осужденных использовались наблюдение, опрос, тестирование, анализ личных дел, анкетирование, методы математической статистики: U-критерий Манна—Уитни, корреляционный анализ по Пирсону. В исследовании применялись методики: «Шкала аддиктивных установок» (Мак-Маллан—Гейлхар

(MGAA), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Г. Конте), Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев), «Склонность к поиску ощущений» (М. Цукерман) «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд, Е.А. Голынкина). Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерных программ SPSS Statistics 17.0 и Psychometric Expert 9.2.2.

Анализ результатов исследования проводился в несколько этапов:

1-й этап — сравнение контрольной и экспериментальной групп до проведения психокоррекционных занятий с применением критерия различия сдвигов Манна—Уитни;

2-й этап — оценка взаимосвязей до проведения психокоррекционных занятий, с применением корреляционного анализа по Пирсону;

3-й этап — сравнение контрольной и экспериментальной групп после проведения психокоррекционных занятий с применением критерия различия сдвигов Манна—Уитни;

4-й этап — оценка взаимосвязей в экспериментальной группе после проведения занятий, с применением корреляционного анализа по Пирсону.

5-й этап — анализ полученных результатов.

Результаты исследования

При сравнении контрольной и экспериментальной групп критерием различия сдвигов U Манна—Уитни до проведения психокоррекционных занятий значимых различий в группах по показателям методик не выявлено.

Для наркозависимых осужденных характерен высокий уровень аддитивных установок, выше среднего уровень функционирования психологических защит по типу отрицания, проекции, интеллектуализации, выше среднего уровень целей в жизни и локуса контроля — жизнь, низкий уровень локуса контроля — Я, выше среднего уровень склонности к поиску острых ощущений и неадаптивное стремление к трудностям, выше среднего уровень интернальности в сфере достижений и производственных отношений, а также низкий уровень интернальности в сфере семейных и межличностных отношений.

Таким образом, профиль наркозависимого осужденного характеризует очевидное признание факта своего зависимого поведения и тяги к аддиктивному агенту. Функционирование психологических защит, таких как отрицание, проекция и интеллектуализация, свидетельствует о переложении ответственности за свою жизнь на ситуативные факторы, обстоятельства и окружающих лиц. Наркозависимые осужденные имеют достаточно высокий уровень целей в жизни, результативности в жизни и локуса контроля жизнь. Такое сочетание показателей свидетельствует о направленности личности к аддиктивному уходу от реальности, заменяя ее построением когнитивных иллюзий о собственной жизни. Следует отметить, что Д.А. Леонтьев [7] отмечал, что высокие баллы по шкале «цели в жизни» могут характеризовать не только целеустремленного человека, но и прожектера, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию. Достаточно высокий уровень склонности к поиску ощущений свидетельствует, что при отсутствии наркотического вещества осужденные испытывают тягу к получению определенных эмоций, что, с одной стороны, может являться ресурсом для направленной психологической работы, а с другой — выступать основой для нарушения режима содержания в исправительном учреждении. При этом выше среднего уровень склонности к поиску острых ощущений и неадаптивное стремление к трудностям характеризует наркозависимых осужденных

как людей агрессивных, конфликтных, социально дезадаптированных, что подтверждается низкими показателями интернальности в сфере семейных и межличностных отношений.

Следует отметить, что высокие показатели в сфере достижений и производственных отношений характеризуют наркозависимых осужденных как лиц, умеющих приспосабливаться к условиям отбывания наказания, где одним из факторов успешной адаптации является занятость в производственной деятельности исправительного учреждения, с целью получения финансовых средств и положительных характеристик от администрации учреждения. В исправительном учреждении возможности для самореализации осужденных остается не так много. В основном это трудовая деятельность на производственной зоне учреждения.

Соответственно, без направленного психокоррекционного воздействия, наркозависимый осужденный представляется нам как лицо, имеющее выраженную тягу к аддиктивному агенту, склонное к уходу от реального восприятия действительности и замене ее иллюзорным восприятием, за счет высокого уровня функционирования психологических защит, имеющее агрессивные, конфликтные тенденции, с разрушенными семейными и межличностными связями, но при этом достаточно быстро приспосабливающееся к условиям отбывания наказания, с целью получения одобрения со стороны администрации.

Для выявления внутренних взаимосвязей показателей по методикам был проведен корреляционный анализ с применением рангового коэффициента корреляции Пирсона. На рис. 1 отражены взаимосвязи между показателями методик, полученными до проведения психокоррекционных занятий.

Как видно из рисунка, взаимосвязи между аддиктивными установками, шкалами склонности к поиску ощущений и психологическими защитами имеют положительные корреляции, а со шкалами по методике смысловые ориентации и уровнем субъективного контроля — отрицательные.

Уровень аддиктивных установок положительно коррелирует с регрессией ($r_s = 0,4$; $p < 0,05$), с проекцией ($r_s = 0,4$; $p < 0,05$), с компенсацией ($r_s = 0,46$; $p < 0,001$).

Шкала «Неадаптивное стремление к трудностям» имеет положительные корреляции с компенсацией ($r_s = 0,44$; $p < 0,001$), проекций ($r_s = 0,51$; $p < 0,001$).

Шкала «Непереносимость однообразия» имеет положительные корреляции с проекцией ($r_s = 0,4$; $p < 0,05$), реактивными образованиями ($r_s = 0,44$; $p < 0,001$).

Цели в жизни имеют отрицательную корреляцию со шкалой психологической защиты «Замещение» ($r_s = -0,45$; $p < 0,001$), а также положительные корреляции с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,46$; $p < 0,05$) и с интернальностью в сфере межличностных отношений ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$).

Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией имеет положительную корреляцию с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,48$; $p < 0,001$).

Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни) имеет положительную корреляцию с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,49$; $p < 0,001$).

Локус контроля — жизнь, или управляемость жизни, имеет положительную корреляцию с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,44$; $p < 0,001$).

Интернальность в сфере достижений имеет отрицательную корреляцию с регрессией ($r_s = -0,43$; $p < 0,05$).

Интернальность в области производственных отношений имеет отрицательные корреляции с регрессией ($r_s = -0,56$; $p < 0,001$), компенсацией ($r_s = -0,42$; $p < 0,05$).

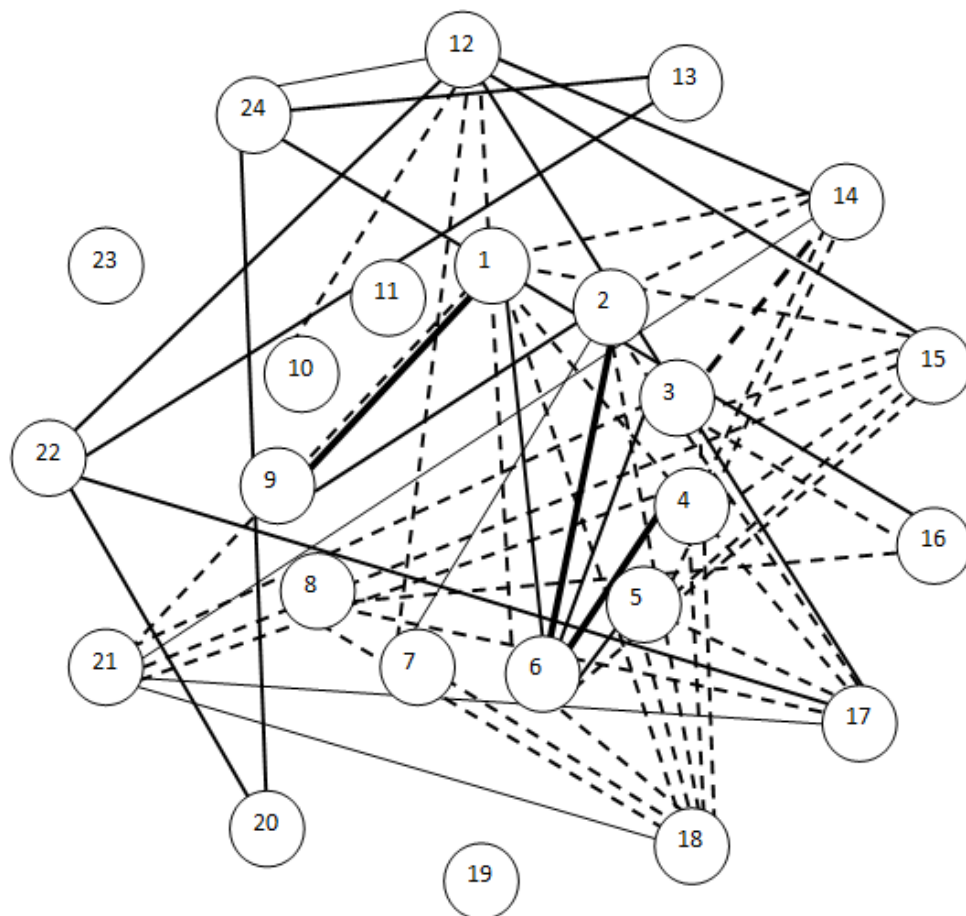

Рис. 1. Структурограмма корреляционных связей личностных особенностей по методикам до проведения психокоррекционных занятий с наркозависимыми осужденными

Примечание: 1 — наличие цели; 2 — процесс жизни; 3 — результативность жизни; 4 — локус контроля — Я; 5 — локус контроль — жизнь; 6 — интернальность в сфере достижений; 7 — интернальность в сфере неудач; 8 — интернальность в сфере производственных отношений; 9 — интернальность в сфере межличностных отношений; 10 — интернальность в сфере семейных отношений; 11 — интернальность в сфере здоровья; 12 — аддиктивные установки; 13 — отрицание; 14 — подавление; 15 — регрессия; 16 — компенсация; 17 — проекция; 18 — замещение; 19 — интеллектуализация; 20 — реактивные образования; 21 — поиск острых ощущений; 22 — непереносимость однообразия; 23 — поиск новых впечатлений; 24 — неадаптивное стремление к трудностям

- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$
- отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
- - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
- — — — — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

В целом, структурограмма до проведения психокоррекционных занятий наркозависимых осужденных характеризуется определенным количеством значимых взаимосвязей между по-

казателями, часть из которых имеют отрицательную направленность. Смысложизненные ориентации и уровень субъективного контроля отрицательно связаны с уровнем аддиктивных установок, психологическими защитами личности и склонностью к поиску ощущений. Такая взаимосвязь отражает привычные стереотипные взгляды на проблему наркозависимости, распространенные в обществе и сводящиеся к программному заявлению о том, что если употреблять наркотики, то в жизни ничего не добиться и это наркотики будут тебя подчинять и контролировать.

При сравнении контрольной и экспериментальной групп критерием различия сдвигов U Манна—Уитни после проведения психокоррекционных занятий получены значимые различия. В экспериментальной группе, в сравнении с контрольной группой, произошло снижение уровня аддиктивных установок ($u = 380,5$; $p < 0,001$), снижение функционирования такой психологической защиты, как подавление ($u = 578$; $p < 0,05$). Учитывая, что психокоррекционные занятия имели своей направленностью сознательный отказ от употребления наркотических веществ, в ходе занятий осужденные экспериментальной группы прорабатывали свои установки по отношению к проблеме наркозависимости, такой результат вполне ожидаем. При этом в контрольной группе, при втором замере, отмечен некоторый рост аддиктивных установок. Возможно, без постоянной психокоррекционной работы осужденные контрольной группы, находясь в состоянии вынужденной ремиссии, в разговорах и мыслях возвращаются к тематике употребления наркотиков. Несмотря на некоторое снижение уровня психологических защит в экспериментальной группе после проведения занятий, по сравнению с результатами контрольной группы, значимых различий, кроме подавления, не зафиксировано. Это позволяет сделать вывод о том, что в условиях исправительного учреждения функционирование психологических защит является необходимым условием стабилизации психики осужденных.

После проведения занятий в экспериментальной группе уровень всех шкал по методике смысложизненных ориентаций повысился и превышает показатели в контрольной группе. Значимо возрос уровень процесса жизни ($u = 571$; $p < 0,05$), локуса контроля — Я ($u = 520$; $p < 0,05$), локуса контроля — жизнь ($u = 559$; $p < 0,05$).

Таким образом, после проведения психокоррекционных занятий наркозависимые осужденные экспериментальной группы стали более довольны процессом жизни, несмотря на условия исправительного учреждения, чем осужденные контрольной группы. Они считают, что больше соответствуют внутренним представлениям о себе как сильной личности и что лучше контролируют свою жизнь, а также принимают решения касательно ее изменений. При этом показатели в контрольной группе имеют тенденцию к снижению. Таким образом, без направленной психокоррекционной работы ценностные ориентации относительно собственной жизни у наркозависимых осужденных контрольной группы снижаются. По их мнению, они теряют возможность управления собственной жизнью, что объективно связано с отбыванием наказания в исправительном учреждении. Направленная психокоррекционная работа позволяет настроить осужденных на управляемость собственной жизнью в условиях исправительного учреждения.

В экспериментальной группе снизились показатели по шкалам «Поиск острых ощущений» ($u = 587$; $p < 0,05$), «Непереносимость однообразия» ($u = 472$; $p < 0,05$), «Поиск новых впечатлений» ($u = 264$; $p < 0,001$), «Неадаптивное стремление к трудностям» ($u = 272$; $p < 0,001$).

После проведения психокоррекционных занятий уровень субъективного контроля в экспериментальной группе повысился, при том, что в контрольной группе произошло снижение

уровня субъективного контроля по всем шкалам методики. В экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой значимо возросли показатели интернальности в сфере достижений ($u = 440$; $p < 0,001$), в сфере неудач ($u = 521$; $p < 0,05$), в сфере производственных отношений ($u = 576$; $p < 0,05$), в сфере межличностных отношений ($u = 578$; $p < 0,05$). Можно утверждать, что уровень субъективного контроля повышается в результате проведения психологической коррекции. При этом отсутствие психологической коррекции в условиях исправительного учреждения приводит наркозависимых осужденных к мысли об утере контроля над своей жизнью. Данный факт является важным, так как при отсутствии ощущения управляемости собственной жизнью осужденные для возвращения ощущения субъективного контроля над своей жизнью могут прибегать к деструктивным формам поведения и нарушениям режима содержания.

Таким образом, мы можем утверждать, что после проведения психокоррекционных занятий в рамках ведомственной программы у наркозависимых осужденных снизился уровень аддиктивных установок, уровень функционирования психологических защит и уровень склонности к поиску ощущений, а также увеличились смысложизненные ориентации и уровень субъективного контроля в некоторых сферах. Такие изменения связаны с наполнением психокоррекционных занятий, которые ориентированы на отказ от наркотических веществ и на возвращение осужденных в социум полноценными гражданами.

На рис. 2 отражены взаимосвязи между показателями методик, полученными после проведения психокоррекционных занятий в экспериментальной группе.

Уровень аддиктивных установок имеет отрицательные корреляции с интернальностью в сфере достижений ($r_s = -0,41$; $p < 0,05$).

Цели в жизни положительно коррелируют с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,46$; $p < 0,001$).

Результативность жизни положительно коррелирует с интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$).

Локус контрол — Я положительно коррелирует интернальностью в сфере достижений ($r_s = 0,55$; $p < 0,001$).

Поиск новых впечатлений положительно коррелирует с проекцией ($r_s = 0,56$; $p < 0,001$), компенсацией ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$).

Неадаптивное стремление к трудностям положительно коррелирует с реактивными образованиями ($r_s = 0,47$; $p < 0,001$).

Интернальность в сфере достижений положительно коррелирует с отрицанием ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$), результативностью жизни ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$), локус-контролем — Я ($r_s = 0,55$; $p < 0,001$).

Интернальность в сфере семейных отношений имеет положительную корреляцию с отрицанием ($r_s = 0,44$; $p < 0,001$).

Положительным моментом психокоррекционных занятий является разрушение связей между показателями уровня субъективного контроля, смысложизненных ориентаций и показателями склонности к поиску ощущений. Данный факт свидетельствует о разделении в сознании наркозависимых осужденных целей, процесса и результата жизни от ситуативной эмоциональной составляющей, а также разделении собственного контроля над жизнью и влияния эмоций на сам этот контроль. По сути, самоконтроль и целеполагание теперь напрямую не связаны с эмоциональной составляющей, что и являлось одной из целей направленной психокоррекционной работы.

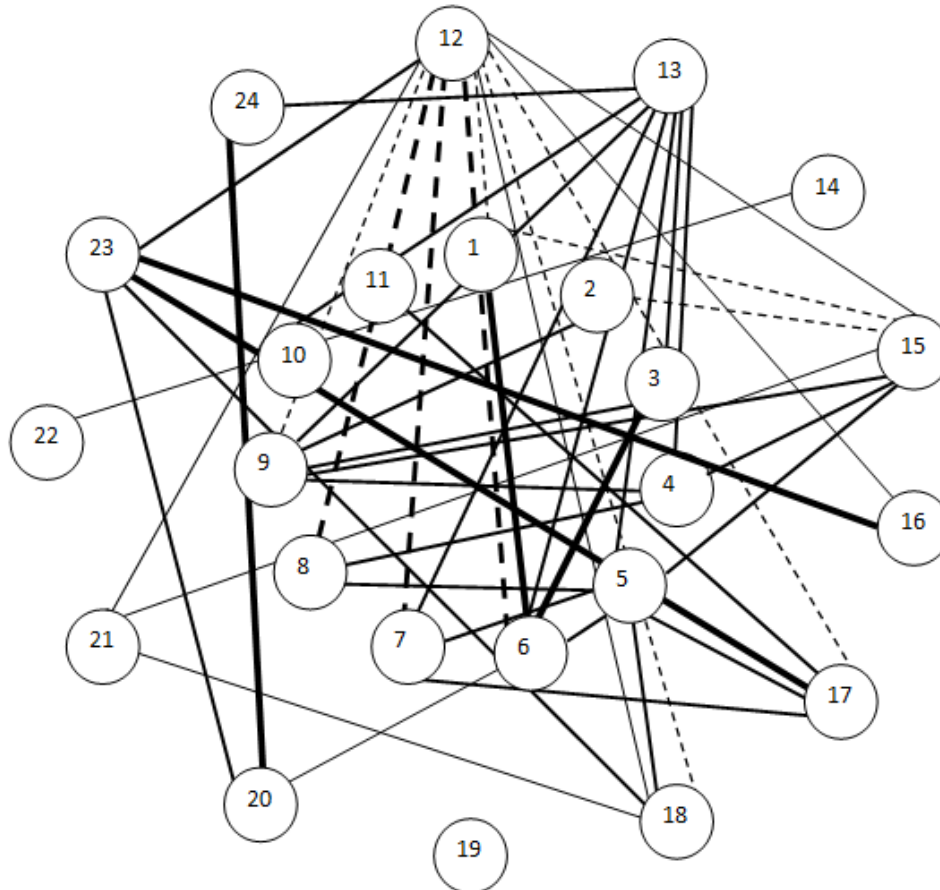

Рис. 2. Структурограмма корреляционных связей личностных особенностей после проведения психокоррекционных занятий с наркозависимыми осужденными:

Примечание: 1 — наличие цели; 2 — процесс жизни; 3 — результативность жизни; 4 — локус контроля — Я; 5 — локус контроль — жизнь; 6 — интернальность в сфере достижений; 7 — интернальность в сфере неудач; 8 — интернальность в сфере производственных отношений; 9 — интернальность в сфере межличностных отношений; 10 — интернальность в сфере семейных отношений; 11 — интернальность в сфере здоровья; 12 — аддиктивные установки; 13 — отрицание; 14 — подавление; 15 — регрессия; 16 — компенсация; 17 — проекция; 18 — замещение; 19 — интеллектуализация; 20 — реактивные образования; 21 — поиск острых ощущений; 22 — непереносимость однообразия; 23 — поиск новых впечатлений; 24 — неадаптивное стремление к трудностям

- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
- положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$
- отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
- - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
- — — — — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

Тот факт, что после проведения психокоррекционных занятий у наркозависимых осужденных изменились взаимосвязи смысложизненных ориентаций, уровня субъективного контроля с психологическими защитами личности, а именно, отрицательные корреляции сменились положительными и с онтогенетическими более ранними психологическими защитами (отрицание, подавление), свидетельствует о более структурированном, в противовес прожектерскому, пониманию целей жизни процесса и результата жизни, а также об осознанном понимании действительного уровня субъективного контроля в условиях исправительного учреждения. Иллюзорное восприятие своего будущего сменяется на очевидное понимание трудностей процесса собственного изменения, что и отражается в сознании наркозависимых осужденных, принимающих участие в психокоррекционных мероприятиях.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Личностные особенности наркозависимых осужденных характеризуются высоким уровнем аддиктивных установок, склонностью к поиску острых ощущений, выраженным уровнем функционирования психологических защит, иллюзорным уровнем смысложизненных ориентаций и низким уровнем субъективного контроля в сфере семейных и межличностных отношений. Следовательно, без направленного психокоррекционного воздействия наркозависимый осужденный представляется нам как лицо, имеющее выраженную тягу к аддиктивному агенту, склонное к уходу от реального восприятия действительности и замене ее иллюзорным восприятием, за счет высокого функционирования уровня психологических защит, имеющее агрессивные, конфликтные тенденции, с разрушенными семейными и межличностными связями, но при этом достаточно быстро приспособляющееся к условиям отбывания наказания, с целью получения одобрения со стороны администрации.

2. До проведения психокоррекционных занятий у наркозависимых осужденных имеется большое количество взаимосвязей между личностными особенностями, значительная часть из которых отрицательной направленности: смысложизненные ориентации и уровень субъективного контроля отрицательно связаны с уровнем аддиктивных установок, психологическими защитами личности и склонностью к поиску острых ощущений.

3. Психокоррекционные занятия в групповой форме оказывают влияние на изменения в личности наркозависимых осужденных; происходит снижение уровня аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений, структурируются смысложизненные ориентации, становится адекватным уровень субъективного контроля. Направленная психокоррекционная работа позволяет настроить осужденных на управляемость собственной жизнью в условиях исправительного учреждения.

4. После проведения психокоррекционных занятий изменилась структура взаимосвязей в экспериментальной группе наркозависимых осужденных. Уменьшилось количество отрицательных взаимосвязей в частности и общее количество взаимосвязей в целом. Произошел разрыв взаимосвязей между показателями субъективного контроля, смысложизненных ориентаций и склонности к поиску острых ощущений. Данный факт свидетельствует о разделении в сознании наркозависимых осужденных целей, процесса и результата жизни от ситуативной эмоциональной составляющей, а также о разделении собственного контроля над жизнью и влияния эмоций на этот контроль, что, по сути, и являлось одной из целей направленной психокоррекционной работы.

5. Перспективами дальнейшего исследования проблемы является оценка эффективности психологической коррекции в рамках предложенной психологической программы для наркозависимых осужденных мужского пола и их сравнение с наркозависимыми осужденными женского пола, а также сравнительный анализ условий отбывания наказаний (строгие, общие, облегченные) при организации психологического сопровождения наркозависимых осужденных в местах лишения свободы.

Литература

1. *Боярская Е.С., Ганишина И.С., Белова О.С.* SWOT-анализ реализации ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, на примере УФСИН России по Архангельской области // Преступление, наказание, исправление: IV Международный. пенитенциарный форум: Сборник тезисов выступлений и докладов участников: В 10 т. Т. 7. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 93–99.
2. *Власова Ю.В.* Динамика психологических защитных механизмов личности наркозависимого после освобождения из мест лишения свободы в процессе психокоррекции: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2006. 29 с.
3. *Ганишина И.С.* Проблемы психологической диагностики, профилактики и коррекции наркотической зависимости осужденных // Глобальный научный потенциал. 2015. № 1 (46). С. 18–20.
4. *Гарифуллин Р.Р.* Психокоррекция смысловых структур наркозависимой личности: Дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2000. 135 с.
5. *Годованец О.Г., Дурова Е.А., Цветкова Н.А.* Социально-психологическая коррекция механизмов саморегуляции поведения лиц, готовящихся к освобождению: нарративно-биографический подход // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3 (36). С. 40–46.
6. *Григорьева А.А., Гавриченко А.А.* Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 116–122. doi:10.17759/psylaw.2020100110
7. *Жарких А.А.* Психологические особенности мотивационной сферы наркозависимых осужденных: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2013. 25 с.
8. *Колесникова Н.Е., Ушков Ф.И.* Некоторые психокоррекционные методы работы с осужденными-наркопотребителями // Создание механизма реабилитации наркопотребителей в условиях функционирования учреждений ФСИН России как элемента комплексной системы реабилитации и ресоциализации: материалы Межведомственного круглого стола. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2016. С. 19–22.
9. *Кулаков С.А., Ваисов С.Б.* Руководство по реабилитации наркозависимых. СПб: Речь, 2006. 240 с.
10. *Лобанова Е.С., Михайлова А.А.* Особенности временной перспективы личности осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 54–57.
11. *Мишин А.А.* Современные способы коррекции девиантного поведения осужденных // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конфе-

ренции. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 132–138.

12. Прохазка Д., Норкросс Д., ди Клементе К. Психология позитивных изменений. Как навсегда избавиться от вредных привычек. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. 320 с.

13. Распоряжение ФСИН России от 21.02.2018 № 52-р «О внедрении ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс] // СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья». URL: http://homekid.ru/content/docs/УМО/norm-prav_dok/komp_reabil/14.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

14. Рыбников В.Ю. Методы оценки психологического состояния лиц с наркотической (героиновой) зависимостью: Учебно-методическое пособие. СПб: Оздоровительное учреждение «Международный институт резервных возможностей человека», 2004. 50 с.

15. Савельева Т.И. Психодинамика аддиктивного поведения осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009. 26 с.

16. Слюсарева И.В. Программа психологической коррекции эмоционально-мотивационной сферы наркозависимых осужденных // III международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, Рязань, 21–23 ноября 2017 года. Т. 4. Ч. 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 280–285.

17. Ужахов А.С. Особенности социально-психологической реабилитации наркозависимых лиц, отбывших наказание // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 217–220.

18. Ушатиков А.И., Ганишина И.С. Личность наркозависимого осужденного и ее особенности // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 194–197.

19. Хасплатов С.Г. Психологическое сопровождение наркозависимых осужденных в исправительных учреждениях // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. Самара, 24 апреля 2020 г.: В 3 ч. Ч. 2. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 191–194.

20. Чащинова О.Н. Психологические особенности наркозависимых осужденных // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1 (35). С. 190–198.

21. Puccio K. (Mis)treating Substance Use Disorder with Prison Punishment Versus Rehabilitation // Voices in Bioethics. 2019. Vol. 5. doi:10.7916/vib.v5i.5916

22. Mjaland K. Exploring prison drug use in the context of prison-based drug rehabilitation // Drugs: Education Prevention and Policy. 2016. Vol. 23(2). P. 154–162. doi:10.3109/09687637.2015.1136265

References

1. Boyarskaya E.S., Ganishina I.S., Belova O.S. SWOT-analiz realizatsii vedomstvennoi programmy sotsial'no-psikhologicheskoi raboty v otnoshenii lits, imeyushchikh alkohol'nyuyu i narkoticheskuyu zavisimost', na primere UFSIN Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. *Prestuplenie,*

nakazanie, ispravlenie: IV Mezhdunarodnyi. penitentsiarnyi forum: Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: V 10 t. T. 7. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2019, pp. 93–99. (In Russ.).

2. Vlasova Yu.V. Dinamika psikhologicheskikh zashchitnykh mekhanizmov lichnosti narkozavisimogo posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody v protsesse psikhokorreksii: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2006. 29 p. (In Russ.).

3. Ganishina I.S. Problemy psikhologicheskoi diagnostiki, profilaktiki i korrektsii narkoticheskoi zavisimosti osuzhdennykh [Problems of psychological diagnosis, prevention and correction of convicts' drug addiction]. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*, 2015, no. 1 (46), pp. 18–20. (In Russ.).

4. Garifullin R.R. Psikhokorreksiya smyslovykh struktur narkozavisimoi lichnosti: Diss. kand. psikhol. nauk. Kazan, 2000. 135 p. (In Russ.).

5. Godovanets O.G., Durova E.A., Tsvetkova N.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya korrektsiya mekhanizmov samoregulyatsii povedeniya lits, gotovyashchikhsya k osvobozhdeniyu: narrativno-biograficheskii podkhod [Socio-psychological mechanisms of behavior self-regulation of convicts who are preparing for release: narrative-biographical approach]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2016, no. 3 (36), pp. 40–46. (In Russ.).

6. Grigoryeva A.A., Gavrichenkova A.A. Upotreblenie podrostkami psikhoaktivnykh veshchestv pri raznykh vidakh autoagressivnogo povedeniya [Use of Psychoactive Substances by Adolescents in Different Types of Auto-Aggressive Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 116–122. doi:10.17759/psylaw.2020100110 (In Russ.).

7. Zharkikh A.A. Psikhologicheskie osobennosti motivatsionnoi sfery narkozavisimykh osuzhdennykh: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2013. 25 p. (In Russ.).

8. Kolesnikova N.E., Ushkov F.I. Nekotorye psikhokorreksionnye metody raboty s osuzhdennymi-narkopotrebiteleyami. *Sozdanie mekhanizma rehabilitatsii narkopotrebitelei v usloviyakh funktsionirovaniya uchrezhdenii FSIN Rossii kak elementa kompleksnoi sistemy rehabilitatsii i resotsializatsii: materialy Mezhdovedomstvennogo kruglogo stola.* Pskov: Pskovskii filial Akademii FSIN Rossii Publ., 2016, pp. 19–22. (In Russ.).

9. Kulakov S.A., Vaisov S.B. Rukovodstvo po rehabilitatsii narkozavisimykh. Saint Petersburg: Rech', 2006. 240 p. (In Russ.).

10. Lobanova E.S., Mikhailova A.A. Osobennosti vremennoi perspektivy lichnosti osuzhdennykh muzhchin, imeyushchikh narkoticheskuyu zavisimost'. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 9, pp. 54–57. (In Russ.).

11. Mishin A.A. Sovremennye sposoby korrektsii deviantnogo povedeniya osuzhdennykh. *Nauchnoe obespechenie psikhologo-pedagogicheskoi i sotsial'noi raboty v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2018, pp. 132–138. (In Russ.).

12. Prochaska J., Norcross J., DiClemente K. Psikhologiya pozitivnykh izmenenii. Kak navsegda izbavit'sya ot vrednykh privyчек [Changing for Good. A Revolutionary Six-Stage Program for Overcoming Bad Habits and Moving Your Life Positively Forward]. Moscow.: Mann, Ivanov i Farber, 2013. 320 p. (In Russ.).

13. Rasporyazhenie FSIN Rossii ot 21.02.2018 № 52-r "O vnedrenii vedomstvennoi programmy sotsial'no-psikhologicheskoi raboty v otnoshenii lits, imeyushchikh alkogol'nyuyu i narkoticheskuyu

zavisimost', soderzhashchikhsya v sledstvennykh izolyatorakh i ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugovovno-ispolnitel'noi sistemy" [Elektronnyi resurs]. *SPbGBU "Gorodskoi informatsionno-metodicheskii tsentr "Sem'ya"*. URL: http://homekid.ru/content/docs/UMO/norm-prav_dok/komp_reabil/14.pdf (Accessed 14.03.2023). (In Russ.).

14. Rybnikov V.Yu. *Metody otsenki psikhologicheskogo sostoyaniya lits s narkoticheskoi (geroinovoi) zavisimost'yu: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Saint Petersburg: Ozdorovitel'noe uchrezhdenie "Mezhdunarodnyi institut rezervnykh vozmozhnostei cheloveka" Publ., 2004. 50 p. (In Russ.).

15. Savelyeva T.I. *Psikhodinamika addiktivnogo povedeniya osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk*. Ryazan, 2009. 26 p. (In Russ.).

16. Slyusareva I.V. *Programma psikhologicheskoi korrektsii emotsional'no-motivatsionnoi sfery narkozavisimykh osuzhdennykh. III mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 20-letiyu vstupleniya v silu Uголовно-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ryazan', 21–23 noyabrya 2017 goda. T. 4. Ch. 2*. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2017, pp. 280–285. (In Russ.).

17. Uzhahov A.S. *Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoi rehabilitatsii narkozavisimykh lits, otbyvshikh nakazanie [Features of social and psychological rehabilitation of drug addicts who have served time]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2009, no. 4, pp. 217–220. (In Russ.).

18. Ushatkov A.I., Ganishina I.S. *Lichnost' narkozavisimogo osuzhdennogo i ee osobennosti [Drug dependent convict personality and its features]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 3 (90), pp. 194–197. (In Russ.).

19. Khasplatov S.G. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie narkozavisimykh osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh. Problemy i perspektivy razvitiya ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii na sovremennom etape: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii ad'yunktov, aspirantov, kursantov i studentov s mezhdunarodnym uchastiem. Samara, 24 aprelya 2020 g.: V 3 ch. Ch. 2*. Samara: Samarskii yuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2020, pp. 191–194.

20. Chashchinova O.N. *Psikhologicheskie osobennosti narkozavisimykh osuzhdennykh. Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog = Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog*, 2018, no. 1 (35), pp. 190–198. (In Russ.).

21. Puccio K. (Mis)treating Substance Use Disorder with Prison Punishment Versus Rehabilitation. *Voices in Bioethics*, 2019. Vol. 5. doi:10.7916/vib.v5i.5916

22. Mjaland K. Exploring prison drug use in the context of prison-based drug rehabilitation. *Drugs: Education Prevention and Policy*, 2016. Vol. 23, no. 2, pp. 154–162. doi:10.3109/09687637.2015.1136265

Информация об авторах

Ажимов Василий Владимирович, начальник, психологическая лаборатория, Исправительная колония № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике (ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике), с. Ягул, Завьяловский район, Удмуртская Республика, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3939-6327>, e-mail: azhimov@list.ru

Азимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция личностных
особенностей наркозависимых осужденных,
отбывающих наказания в местах лишения свободы
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 37–52

Azhimov V.V., Ganishina I.S., Maryim M.I.
The Psychological Correction of Personal
Characteristics of Convicts Addicted to Drugs
Serving Sentences in Places of Detention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 37–52

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник, кафедра юридической психологии и педагогики, факультет психологии и пробации, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО «Академия ФСИН России»), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Information about the authors

Vasilii V Azhimov, Head, Psychological Laboratory, Correctional Colony No. 1 of the Department of the Federal Penitentiary Service for the Udmurt Republic, village of Yagul, Zavyalovsky district, Udmurt Republic, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: azhimov@list.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology & Pedagogy, Faculty of Psychology and Probation, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Получена 30.01.2023
Принята в печать 30.06.2023

Received 30.01.2023
Accepted 30.06.2023

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)

Каширский Д.В.

Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева О.В.

Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetzova_olga.1988@mail.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений при различных нарушениях функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет (средний возраст — 33,7 лет), обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений и находящихся на судебно-психиатрической экспертизе. Использованы методы нейропсихологического обследования и психологического анализа уголовных дел. Установлено, что у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений наиболее выражены синдром поражения базальных отделов лобных долей, префронтальный синдром, синдром поражения медиальных отделов лобных долей, заднелобный (премоторный) синдром. При поражении базальных отделов лобных долей криминальное поведение характеризовалось не критичностью; поражения префронтальных отделов лобной доли (префронтальный синдром) связаны с проявлениями импульсивности в преступном поведении; поражения кинетического (динамического) фактора проявляются в ригидном характере криминального поведения; при нарушениях энергетического фактора (поражении медиальных отделов лобных долей) преступное поведение обвиняемых носило наиболее пассивный (энергосберегающий) характер. Полученные результаты могут быть учтены при составлении портрета неизвестного преступника, а также в ходе коррекционной работы с лицами, склонными к рецидивному противоправному поведению.

Ключевые слова: делинквентная личность, особо тяжкие преступления, криминальное поведение, функции программирования, регуляции и контроля, нейропсихологические синдромы.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

Для цитаты: *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1) [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69. DOI:10.17759/psylaw.2023130405

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)

Dmitry V. Kashirsky

Russian State Social University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva

Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Yu.K. Erdmann, Barnaul, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

The purpose of our study was the features of criminal behavior of the accused in the commission of particularly serious crimes in the context of the formation functions of programming and control. The sample consisted of 59 men aged 18—60 years, of those accused of committing particularly serious crimes aimed at a forensic psychiatric examination, the average age was 33.7 years. The methods of neuropsychological examination and psychological analysis of criminal cases were used. Syndrome of defeat of the basal divisions of the frontal lobes, prefrontal syndrome, syndrome of defeat of the medial divisions of the frontal lobes, Postfrontal (premotor) syndrome is most often seen among persons accused of particularly serious crimes. The criminal behavior of the accused in the Commission of particularly serious crimes was characterized by uncritical damage to the basal parts of the frontal lobes. The impulsivity is the main characteristic of the criminal behavior of the accused in especially serious crimes with the defeat of the prefrontal frontal lobe (prefrontal syndrome). Subjects with the defeat of the kinetic (dynamic) factor differed greater rigidity of criminal behavior. The behavior of those accused of committing particularly serious crimes was passive (energy-saving) in violation of the energy factor in the case of damage to the medial parts of the frontal lobes. The obtained results can be used to solve the issues of drawing a portrait of an unknown criminal, as well as in the course of correctional work with persons prone to repeat illegal behavior.

Keywords: delinquent personality, especially serious crimes, criminal behavior, programming, regulation and control functions, neuropsychological syndromes.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

For citation: Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69. DOI:10.17759/psylaw.2023130405 (In Russ.).

Введение

В настоящее время уровень преступности на территории нашей страны по-прежнему остается достаточно высоким. Если посмотреть на этот процесс в динамике, то по данным главного информационно-аналитического центра МВД России в январе—декабре 2021 г. зарегистрировано 2004,4 тыс. преступлений. Наряду с этим увеличился удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных с 27,6% в январе—декабре 2020 г. до 27,9% за аналогичный период 2021 г. [20]. По данным Пресс-Центра МВД России от 21 ноября 2022 г. органами внутренних дел в январе—октябре 2022 г. выявлено более 75% криминальных деяний коррупционной направленности, этот показатель на 2,5% выше, чем год назад.

Таким образом, проблема насильственной преступности и криминальной агрессии все так же сохраняет свою актуальность, так как играет первостепенное значение для стабильности общества и счастливой жизни его граждан. Эти вопросы являются центральными, как для всего социума, так и для отдельного индивида, поскольку общественный порядок, а также личные права граждан (на жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность личных границ и др.) — это то, на чем строится правовое государство, что лежит в основе его оптимального функционирования и развития [6].

Различные аспекты проблемы противоправного поведения и криминальной агрессии рассматривались в трудах многих отечественных (Ю.М. Антонян, Ю.А. Васильева, Г.Е. Введенский, С.Н. Ениколопов, Н.В. Дворянчиков, И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова Ф.С. Сафуанов, А.А. Ткаченко, В.В. Гульдан и др.) [1; 9; 10; 14; 16; 17; 22] и зарубежных (А. Burgess, J. Douglas, R. Kocsis, J. Meloy, L. Morgenbesser, R. Ressler, G. Salfati, L. Schlesinger и др.) [30; 31; 37; 39; 43; 46; 47] ученых.

Психологический анализ криминалистических характеристик события преступления в последнее десятилетие проводился в рамках исследования проблемы разработки психологического портрета неизвестного преступника [1—3; 7; 11; 13; 21].

Ряд зарубежных исследователей, занимавшихся изучением криминального поведения серийных убийц, указывают на произвольность и организованность деятельности преступника в криминальной ситуации. Основываясь на данном положении, авторами выделены следующие классификационные дихотомии: организованный и неорганизованный преступник [30; 31; 39; 40; 43], «когнитивный» и «аффективный» стили поведения преступника [28], оппортунистически-импульсивный и садистски-расчетливый типы убийств [32], «компульсивные» и «кататимные» убийства [37], «инструментальный» и «экспрессивный» типы агрессии [46] и др. При этом организованного преступника ученые и практики описывают как человека, имеющего средний уровень интеллекта, хорошую социальную адаптацию, неприметную внешность, планирующего преступления задолго до его совершения, выбирающего жертву по определенным критериям, предварительно общающегося с жертвой, совершающего преступления в заранее определенном месте. В свою очередь, неорганизованный преступник, по их мнению, имеет низкий уровень интеллекта, является социально неприспособленным, совершает преступления спонтанно.

В ряде работ [22; 25; 26; 36; 38] указывается на то, что органические поражения ЦНС выступают в качестве обязательного этиопатогенетического звена в механизме нарушения регуляции поведения, в том числе они могут лежать в основе противоправного и криминального поведения.

По данным В.М. Смирнова [19], одной из важных характеристик криминальной агрессии является насильственность, навязчивый, стереотипный характер. Согласно его исследованиям, именно такие переживания неодолимости и неконтролируемости присущи состояниям, возникающим при электростимуляции структур лимбической системы, диэнцифальных структур. Л. Шлезингер [47] считает, что нейробиологическим фактором предрасположенности к делинквентному поведению являются аномалии в лимбических структурах головного мозга.

В свою очередь, функционирование лобных долей мозга, прежде всего конвекситальных отделов, обеспечивает пластичность поведения, его произвольную регуляцию, контроль над деятельностью [12; 15; 23]. Таким образом, при функциональной недостаточности этих областей мозга в наибольшей степени может проявляться такая важнейшая особенность криминального поведения, как его стереотипный, клишированный характер.

Исследователи США [34], Германии [44], Англии [33] и других стран, занимающиеся изучением нейронных предпосылок криминального поведения при помощи МРТ, пришли к выводу о том, что лица, склонные к совершению преступлений, характеризуются нарушениями в передней части коры головного мозга (orbitofrontal cortex).

Ряд исследователей, изучая насильственных преступников, обнаружили структурные аномалии префронтальной и орбитофронтальной коры [27; 29; 35; 45; 48; 49], а также уменьшение кровотока [24] и нарушения метаболизма [31; 41; 50] в этих областях мозга.

Таким образом, делинквентная личность характеризуется преимущественным поражением конвекситальных отделов лобных долей, которые являются морфологическими субстратами, обеспечивающими целостность фактора программирования, контроля и регуляции деятельности. При этом определение сохранности функций программирования, регуляции и контроля деятельности имеет центральное значение при решении экспертных вопросов судебных психолого-психиатрических экспертиз [5; 10; 16; 18].

В то же время проведенный анализ показывает, что, несмотря на большой интерес ученых и практиков к различным аспектам противоправного поведения, на данный момент остаются недостаточно изученными особенности криминального поведения лиц с нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности.

Лобные отделы головного мозга по своей структурной организации и по тем функциям, которые они осуществляют, представляют собой сложное образование. Н.К. Корсакова, Л.И. Московичюте [8] на основе анализа клинических вариантов нарушений психических функций при локальной мозговой патологии лобных отделов дали описание следующим выделенным ими синдромам: базальному лобному синдрому, префронтальному синдрому, синдрому поражения медиальных отделов лобных долей, заднелобному (премоторному) синдрому, синдрому поражения глубинных отделов лобных долей. По их данным, функциональная недостаточность базальных отделов лобных долей преимущественно сказывается на интеллектуальных и мнестических процессах (синдром эмоционально-личностных и мнестических расстройств). В данном случае на фоне сохранности операциональной стороны мышления нарушается контроль за выполнение мыслительных операций, что проявляется в им-

пульсивном соскальзывании субъекта на побочные ассоциации, а также ригидности при необходимости смены алгоритма. При этом эмоциональная сфера субъекта характеризуется обедненностью, монотонностью, недостаточной критичностью. Поэтому можно предположить, что криминальное поведение лиц с функциональной недостаточностью базальных отделов лобных долей будет отличаться сниженной критичностью при оценке ситуации преступления.

В работе Н.К. Корсаковой и Л.И. Московичюте указывается также, что ведущим признаком в структуре синдрома нарушения программирования, регуляции и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов является диссоциация между относительной сохранностью произвольного уровня активности и дефицитностью в произвольной регуляции психических процессов. В связи с этим для преступников, характеризующихся данным типом нарушений функционирования лобных долей головного мозга, вероятно, будет характерна импульсивность и произвольность реакций при осуществлении криминальной деятельности.

Известно, что кинетический (динамический) фактор обеспечивается деятельностью задне-лобных отделов мозга и связан с работой ассоциативных премоторных отделов мозга. Кинетический фактор содержит два основных компонента: смена звеньев процесса, развертывание их во времени и плавность перехода от одного звена к другому, предполагающая своевременное отторгивание предшествующего элемента, незаметность перехода и отсутствие перерывов. При поражении или функциональной недостаточности задне-лобных отделов мозга наблюдается синдром нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий [там же]. С нашей точки зрения, криминальное поведение лиц с данным синдромом должно отличаться ригидностью, отсутствием плавности при переходе от одного звена осуществления преступной деятельности к другому.

В той же работе Н.К. Корсаковой и Л.И. Московичюте выделяют синдром нарушения памяти и сознания при поражении медиальных отделов лобных долей мозга, который характеризуется нарушением такого модально-неспецифического фактора, как «активация—инактивация». В данном случае модально-неспецифические нарушения психических функций сочетаются с недостаточностью функций программирования и контроля. Например, нарушения памяти при поражениях медиальных отделов лобных долей отличаются модальной неспецифичностью. При этом только нарушение избирательности воспроизведения является специфической особенностью при нарушениях медиальных отделов лобных долей, что связано с недостатком контроля при актуализации следов памяти. Криминальное поведение при поражении медиальных отделов лобных долей мозга скорее будет характеризоваться недостатком энергии, что обусловлено недостаточным уровнем активации.

При поражении глубинных отделов лобных долей наблюдается полная дезорганизация психической деятельности. На первый план выступает спонтанность, выражающаяся в грубых нарушениях потребностно-мотивационной сферы личности. На этом фоне типичной становится замена осознаваемой программы действий хорошо упроченным стереотипом.

Таким образом, в основу нашего исследования положена идея о том, что нарушения функционирования лобных долей головного мозга специфическим образом меняют поведение и деятельность человека, что будет отражаться, в частности, на характере его действий, носящих противоправный характер. Данное положение будет конкретизировано нами далее при формулировке общей гипотезы исследования.

Программа исследования

Проведенное нами эмпирическое исследование выполнено на базе отделения судебно-психиатрических экспертиз Алтайской краевой клинической психиатрической больницы имени Ю.К. Эрдмана. В исследовании участвовали лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений и направленные на судебно-психиатрическую экспертизу. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет, средний возраст — 33,7 лет. Среди них: 42 человека, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений против жизни и здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ); 17 человек — против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 4 ст. 131 УК РФ, ч. 4 ст. 132 УК РФ). По данным экспертизы 25,4% имеют среднюю стадию алкоголизма, 13,6% — диссоциальное расстройство личности, 15,3% — эмоционально-неустойчивое расстройство личности, 25,4% — органическое расстройство личности, 20,3% признаны психически здоровыми. В соответствии с экспертным решением, 100% подэкспертных были признаны вменяемыми в отношении инкриминируемого деяния.

Целью исследования является выявление особенностей криминального поведения у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными типами нарушений функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности.

Основная **гипотеза исследования** основана на предположении о том, что у обвиняемых с нарушениями функций программирования, регуляции и контроля будут преобладать неорганизованные формы криминального поведения, проявляющиеся в виде импульсивности, ситуативности, ригидности, некритичности.

Методы исследования.

1. Психологический анализ уголовных дел.

На основе анализа литературы нами были выделены наиболее существенные параметры для проведения психологического анализа уголовного дела для того, чтобы составить наиболее полное представление о личности преступника и характере совершенных им действий. В качестве таких параметров выступили:

- анкетные данные, содержащие социально-демографические характеристики обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений;
- данные о вовлеченности обвиняемого в криминальную субкультуру;
- предкриминальное поведение (формирование умысла; заблаговременное приготовление орудия преступления; выбор орудия преступления и вида развратных действий; поиск соучастников преступления; выбор места атаки, метода привода жертвы, характера отношений с потерпевшим; обдумывание преступной деятельности по сокрытию следов преступления).
- собственно криминальный период (наличие алкогольного или наркотического опьянения в момент совершения преступления, наличие свидетелей при совершении преступления, комплекс фиксированных действий, ритуализация, клиширование, двигательные автоматизмы, время совершения преступления, продолжительность периода преступления, приращение инструментальной либо экспрессивной агрессии).
- посткриминальный период (выбор места освобождения жертвы, деятельность по сокрытию следов преступления, признание степени собственной вины в правонарушении, раскаивание в содеянном, выработка стратегии защиты и следование ей, последовательность даваемых показаний, поведение в ситуации задержания, привлечение на свою сторону свидетелей, возвращение на место совершения преступления, место оставления жертвы).

2. Нейропсихологическое обследование функций программирования, регуляции и контроля за сознательной психической деятельностью. Были использованы следующие методики из схемы нейропсихологического исследования, предложенной А.Р. Лурия (модификация Е.Д. Хомской): регуляция и контроль слухоречевой памяти, регуляция и контроль зрительной памяти, выполнение ритмов по речевой инструкции, реакция выбора, вербальные ассоциации, решение задач, «Пятый лишний», раскладывание серий картинок, таблицы Шульте—Горбова, динамический праксис «Кулак—ладонь—ребро», конфликтная условная реакция «Палец—кулак», реципрокная координация движений. Оценка выполнения нейропсихологических проб происходила по традиционной 4-балльной шкале, где: 0 — отсутствие нарушений; 1 — легкие нарушения при возможности самостоятельной коррекции ошибок; 2 — средняя степень выраженности дефекта, возможность коррекции и выполнения заданий при подсказках экспериментатора; 3 — выраженные нарушения [4].

3. Методы математико-статистической обработки данных — метод главных компонент (PCA), t-критерий Стьюдента для независимых выборок (t-test). Обработка результатов производилась в программе IBM SPSS Statistics 26.

Результаты и их интерпретация

Нейропсихологическая диагностика. Проведенное нейропсихологическое обследование позволило собрать большой объем информации о функционировании и выраженности нарушений в работе блока программирования, регуляции и контроля сознательной психической деятельности обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Результаты нейропсихологического обследования функций программирования, регуляции и контроля за сознательной психической деятельностью представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты нейропсихологического обследования функций программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности

Диагностируемый параметр		М	SD
Регуляция и контроль процесса запоминания	Регуляция и контроль слухоречевой памяти	1,9	1,0
	Регуляция и контроль зрительной памяти	1,6	1,0
Произвольная регуляция движений	Реципрокная координация движений	0,7	0,8
	Динамический праксис «Кулак—ладонь—ребро»	2,0	0,9
	Реакция выбора	0,9	1,0
	Конфликтная условная реакция «Палец—кулак»	1,0	0,8
Произвольное внимание	Таблицы Шульте—Горбова	1,3	1,0
Регуляция мыслительных операций	Вербальные ассоциации	1,1	0,8
	«Пятый лишний»	0,6	0,8
	Раскладывание серии картинок	0,5	0,8
	Решение задач	0,4	0,7
Слухomotorная координация	Выполнение ритмов по речевой инструкции	0,4	0,7

Примечание: М — среднее арифметическое; SD — стандартное отклонение.

Полученные результаты указывают на то, что обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений характеризуются слабыми ($0 < M \leq 1$) и средними ($1 < M \leq 2$) по степени вы-

раженности нарушениями в функционировании блока программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности. При этом выраженных нарушений ($M > 2$), т. е. полной невозможности выполнения той или иной пробы в исследовании зафиксировано не было. Это объясняется тем, что среди подэкспертных не было лиц с локальными поражениями головного мозга.

Последующий корреляционный анализ показал наличие множества связей между диагностируемыми переменными и наличие в данных разных групп корреляционных плеяд (при отсутствии сильно коррелирующих переменных $|r_{xy}| \geq 0,95$. В результате мы столкнулись с большим массивом эмпирических данных, и в то же время со сложностями в их анализе и интерпретации. Поэтому было принято решение сократить размерность полученного пространства измерений за счет использования методов многомерного анализа данных, в частности метода главных компонент (РСА). Полученное в результате использования РСА структурное решение (как будет показано далее) было содержательно проинтерпретировано в русле идеи Н.К. Корсаковой и Л.И. Московичюте о существовании группы синдромов при локальной мозговой патологии лобных отделов головного мозга, описанных нами выше.

Отдельно отметим, что метод главных компонент выполнил в нашей работе роль предварительного анализа данных, а выделенные в процессе анализа компоненты (факторы) были включены в базу данных в качестве отдельных переменных и приняли участие в дальнейшем статистическом анализе и проверке основной гипотезы исследования.

Метод главных компонент. Перед использованием РСА были вычислены статистические индексы, которые позволили нам убедиться в корректности использования данного метода. Так, критерий Кайзера—Мейера—Олкина и критерий сферичности Бартлетта показали, что используемая выборка адекватна для применения РСА ($KMO = 0,56$, $\chi^2 = 195,95$, $df = 66$, $p \leq 0,0001$).

Далее, при решении вопроса о количестве выделяемых компонент использовался критерий собственных чисел, или критерий Кайзера, в соответствии с которым, если фактор не выделяет дисперсию, эквивалентную, по крайней мере, дисперсии одной переменной, то он опускается. В нашем случае таких факторов оказалось четыре. По табл. 2 видно, что каждый из них имеет собственное значение $\lambda > 1$. Поэтому в соответствии с критерием Кайзера остальные факторы в модель не включались.

Таблица 2

Результаты факторизации (полная объясненная дисперсия)

Компонента (фактор)	Собственные значения	Объясняемый фактором процент общей дисперсии	Кумулятивные собственные значения	Кумулятивный процент общей дисперсии для каждого фактора
1	2,159	17,995	2,832	17,995
2	1,812	15,101	3,921	33,095
3	1,620	13,503	5,591	46,599
4	1,584	13,200	7,175	59,799

Из табл. 2 также видно, что выделенные факторы объясняют около 60% общей дисперсии. Результаты факторного анализа представлены в табл. 3, в которой наиболее высокие факторные нагрузки выделены жирным шрифтом.

Таблица 3

**Факторные нагрузки после вращения методом Varimax
 с нормализацией Кайзера (метод главных компонент)**

Диагностируемый параметр		Номер компоненты (фактора)			
		1	2	3	4
Регуляция и контроль процесса запоминания	Регуляция и контроль слухоречевой памяти	0,104	-0,117	0,026	0,742
	Регуляция и контроль зрительной памяти	-0,098	0,063	0,222	0,768
Произвольная регуляция движений	Реципрокная координация движений	0,045	-0,055	0,831	0,108
	Динамический праксис «Кулак—ладонь—ребро»	0,175	0,206	0,682	0,028
	Реакция выбора	0,260	0,626	0,344	0,092
	Конфликтная условная реакция «Палец—кулак»	0,240	0,795	0,286	-0,227
Произвольное внимание	Таблицы Шульте—Горбова	0,549	0,108	0,119	0,039
Регуляция мыслительных операций	Вербальные ассоциации	0,354	0,280	-0,191	0,559
	«Пятый лишний»	0,735	0,106	-0,097	0,037
	Раскладывание серии картинок	0,685	0,082	0,271	-0,063
	Решение задач	0,709	-0,109	0,084	0,152
Слухomotorная координация	Выполнение ритмов по речевой инструкции	-0,207	0,778	-0,271	0,167
<i>Общая дисперсия</i>		2,159	1,812	1,62	1,584
<i>Доля общей дисперсии</i>		0,21	0,17	0,15	0,15

Перейдем к анализу и интерпретации факторной структуры нарушений функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

Первую компоненту (объясняет 21% дисперсии) составили такие нейропсихологические пробы, как «Пятый лишний», «Серия картинок», «Задачи», «Таблицы Шульте—Горбова». Как видно, в данном случае на первый план выступает нарушение произвольной регуляции мыслительной деятельности. Поэтому данный фактор, на наш взгляд, может быть назван как «*Синдром эмоционально-личностных и мнестических расстройств*».

Во вторую компоненту (17% объясненной дисперсии) вошли следующие нейропсихологические пробы: «Конфликтная условная реакция “Палец-кулак”», «Выполнение ритмов по речевой инструкции», «Реакция выбора». Ведущим симптомом здесь является диссоциация между относительной сохранностью произвольной деятельности и нарушенной произвольной регуляцией. Поэтому данный фактор был проинтерпретирован нами как «*Синдром нарушения программирования, регуляции и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов*».

Третью компонента (15% дисперсии), получившая название «*Синдром нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий при поражении заднеобных*

отделов», объединил в себе следующие нейропсихологические пробы: «Реципрокная координация движений», «Динамический праксис “Кулак—ладонь—Ребро”». В первую очередь нарушенным здесь является смена звеньев процесса психической деятельности, т. е. переход от одного звена к другому происходит недостаточно плавно, а иногда и вовсе невозможен.

Четвертая компонента (15% дисперсии), названный нами «Синдром нарушения памяти и сознания при поражении медиальных отделов лобных долей», включает такие нейропсихологические пробы, как «Регуляция и контроль зрительной памяти», «Регуляция и контроль слухоречевой памяти», «Вербальные ассоциации». На первый план в данном факторе выступают модально неспецифические нарушения избирательности воспроизведения следов памяти.

Таким образом, результаты нейропсихологического обследования указывают на то, что в выборке обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений наиболее представленными оказались синдром поражения базальных отделов лобных долей, префронтальный синдром, синдром поражения медиальных отделов лобных долей и заднелобный (премоторный) синдром. В исследовании не был выявлен синдром поражения глубоких отделов лобных долей, так как для него свойственна выраженная дезорганизация психической деятельности и аспонтанность, проявляющаяся грубым нарушением потребностно-мотивационной сферы личности. Такие нарушения в большинстве случаев препятствуют совершению криминальной деятельности, а также существенно затрудняют участие субъекта преступной деятельности в экспериментально психологическом исследовании.

Полученные результаты указывают на то, что при исследовании функционирования лобных долей у лиц, проявляющих криминальную агрессию, можно наблюдать достаточно широкий спектр нейропсихологических нарушений. При этом следует указать на сложность проведения подобного рода нейропсихологических обследований в экспертной ситуации, в связи с тем, что у обследуемого контингента испытуемых наблюдается отсутствие четких локальных поражений мозга. Имеющиеся нарушения являются, скорее, следствием функциональной недостаточности определенных церебральных структур, которые можно назвать специфическими вариантами дизонтогенетического развития функциональных систем головного мозга. В таком случае недостаточность в работе отдельных нейропсихологических факторов приводит лишь к нарушению некоторых функций, оставляя сохранными другие.

На следующем этапе исследования выделенные с помощью *РСА* компоненты были сохранены в базе данных в качестве самостоятельных переменных, после чего выполнены парные сравнения выраженности особенностей криминального поведения, полученных на основе анализа уголовных дел, для каждого из четырех типов нарушений функций программирования, регуляции и контроля. Результаты будут представлены во второй части нашей статьи.

Литература

1. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.
2. Анфиногенов А.И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. М.: Академия управления МВД РФ, 2002. 133 с.
3. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 178 с.
4. Глозман Ж.М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 270 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

5. *Дьякова Н.В.* Нейропсихологические методы в судебной экспертизе // Развитие научного наследия А.Р. Лурия в отечественной и мировой психологии: материалы III Международной научно-практической конференции памяти А. Р. Лурия, Москва — Белгород, 10–12 октября 2007 года / Под ред. проф. В.А. Москвина. М.; Белгород: Издательско-полиграфический центр «ПОЛИТЕРРА», 2007. С. 42.
6. *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110
7. *Коньшева Л.П.* Психологический анализ серийных преступлений // Юридическая психология: Сборник научных трудов. Выпуск третий. Часть 1. М., 2005. С. 39–54.
8. *Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Клиническая нейропсихология. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 144 с.
9. *Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М.: Издательство МГУ, 2000. 192 с.
10. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Васильева Ю.А.* Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1985. № 12. С. 1837–1842.
11. *Логунова О.А.* Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018. 256 с.
12. *Лурия А.Р., Хомская Е.Д.* Лобные доли и регуляция психических процессов: нейропсихологические исследования. М.: Издательство Московского университета, 1966. 740 с.
13. *Мионов Д.В.* Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийств: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук. М., 2001. 20 с.
14. *Печерникова Т.П., Гульдан В.В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей // Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. М.: Генезис, 2013. С. 34–45.
15. *Прибрам К.* Языки мозга (Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии). М.: Прогресс, 1975. 464 с.
16. *Сафуанов Ф.С., Переpravина Ю.О., Черненко А.Д.* Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке делкоспособности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 115–127. doi:10.17759/psylaw.2018080411
17. *Сафуанов Ф.С., Телешева К.Ю., Мямлин В.В., Киренская А.В.* Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 150–166. doi:10.17759/psylaw.2018080311
18. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
19. *Смирнов В.М.* Сенсорные эффекты электростимуляций глубоких структур мозга человека // Механизмы сенсорного контроля движений (Симпозиум): Материалы Расширенного пленума Союзной проблемной комиссии. Курск, 1974. С. 72–76.
20. Состояние преступности в России за январь—декабрь 2021 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 67 с.
21. *Тележникова В.Н.* Криминолого-психологическая характеристика лиц, виновных в многоэпизодных убийствах и изнасилованиях: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 145 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

22. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 560 с.
23. Хомская Е.Д. Нейропсихология. М.: УМК «Психология», 2002. 415 с.
24. Amen D.G., Hanks C., Prunella J.R., Green A. An analysis of regional cerebral blood flow in impulsive murderers using single photon emission computed tomography // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2007. Vol. 19(3) 3. P. 304–309. doi:10.1176/jnp.2007.19.3.304
25. Briken P., Habermann N., Berner W., Hill A. The influence of brain abnormalities on psychosocial development, criminal history and paraphilias in sexual murderers // *Journal of Forensic Science*. 2005. Vol. 50(5). P. 1204–1208.
26. Briken P., Habermann N., Kafka M.P., Berner W., Hill A. The paraphilia-related disorders: an investigation of the relevance of the concept in sexual murderers // *Journal of Forensic Science*. 2006. Vol. 51(3). P. 683–688. doi:10.1111/j.1556-4029.2006.00105.x
27. Cope L. et al. Abnormal brain structure in youth who commit homicide // *Neuroimage: Clinical*. 2014. Vol. 4. P. 800–807. doi:10.1016/j.nicl.2014.05.002
28. *Criminal Psychology and Forensic Technology: A Collaborative Approach to Effective Profiling* / Godwin M.G. (ed.). New York: CRC Press, 2000.
29. De Brito S.A. et al. Size matters: increased grey matter in boys with conduct problems and callous—unemotional traits // *Brain*. 2009. Vol. 132. P. 843–852. doi:10.1093/brain/awp011
30. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R.K. *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. San Francisco, California: Jossey Bass, 2006.
31. Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R. Criminal profiling from crime scene analysis // *Behavioral Sciences & Law*. 1986. Vol. 4(4). P. 401–421. doi:10.1002/bsl.2370040405
32. Gerard F., Mormont C., Kocsis R. Offender profiles and crime scene behaviors in Belgian sexual murders // *Criminal Profiling* / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2007. P. 27–47. doi:10.1007/978-1-60327-146-2_2
33. Gregory S. et al. The antisocial brain: psychopathy matters // *Archives of General Psychiatry*. 2012. Vol. 69(9). P. 962–972. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2012.222
34. Kiehl K.A., Liddle P.F., Hopfinger J.B. Error processing and the rostral anterior cingulate: An event-related fMRI study // *Psychophysiology*. 2000. Vol. 37(2). P. 216–223.
35. Lam B. et al. Psychopathy Moderates the Relationship between Orbitofrontal and Striatal Alterations and Violence: The Investigation of Individuals Accused of Homicide // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnhum.2017.00579
36. Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood, and Behavior // *Human Sexual Aggression: Current Perspectives* (Annals of the New York Academy of Sciences, Vol 528). New York: New York Academy of Sciences, 1988. P. 163–171. doi:10.1111/j.1749-6632.1988.tb50859.x
37. Meloy J. The nature and dynamics of sexual homicide: an integrative review // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol. 5(1). P. 1–22. doi:10.1016/S1359-1789(99)00006-3
38. Money J. Forensic sexology: paraphilic serial rape (biastophilia) and lust murder (erotophonophilia) // *American Journal of Psychotherapy*. 1990. Vol. 44(1). P. 26–36. doi:10.1176/appi.psychotherapy.1990.44.1.26
39. Morgenbesser L.I., Kocsis R.N. Sexual Homicide. An Overview of Contemporary Empirical Research // *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes* / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2008. P. 103–117. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_7

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

40. *Neubacher F.* Serienmorder: Überblick über den Wissenschaftlichen Erkenntnisstand // *Kriminalistik*. 2003. Vol. 1. P. 43–48.
41. *New A. et al.* Blunted prefrontal cortical fluorodeoxyglucose positron emission tomography response to meta-chlorophenyl piperazine in impulsive aggression // *Archives of General Psychiatry*. 2002. Vol. 59(7). P. 621–629. doi:10.1001/archpsyc.59.7.621
42. *Raine A., Buchsbaum M., LaCasse L.* Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography // *Biological Psychiatry*. 1997. Vol. 42(6). P. 495–508. doi:10.1016/S0006-3223(96)00362-9
43. *Ressler R., Burgess A., Douglas J.* *Sexual Homicides: Patterns and Motives*. Toronto, Lexington, MA: Lexington Books, 1988.
44. *Roth G.* *Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1994.
45. *Sajous-Turner A. et al.* Aberrant brain gray matter in murderers // *Brain Imaging and Behavior*. 2020. Vol. 14(5). P. 2050–2061. doi:10.1007/s11682-019-00155-y
46. *Salfati G., Bateman A.* Serial Homicide: An Investigation of Behavioral Consistency // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2005. Vol. 2(2). P. 121–144. doi:10.1002/jip.27
47. *Schlesinger L.* Compulsive-Repetitive Offenders: Behavioral Patterns, Motivational Dynamics // *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes* / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2008. P. 15–33. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_2
48. *Tiihonen J. et al.* Brain anatomy of persistent violent offenders: more rather than less // *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 2008. Vol. 163(3). P. 201–212. doi:10.1016/j.psychresns.2007.08.012
49. *Veit R. et al.* Brain circuits involved in emotional learning in antisocial behavior and social phobia in humans // *Neuroscience Letters*. 2002. Vol. 328(3). P. 233–236. doi:10.1016/s0304-3940(02)00519-0
50. *Volkow N.D. et al.* Brain glucose metabolism in violent psychiatric patients: a preliminary study // *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 1995. Vol. 61(4). P. 243–253. doi:10.1016/0925-4927(95)02671-j

References

1. Antonyan Yu.M., Guldan V.V. *Kriminal'naya patopsikologiya*. Moscow: Nauka, 1991. 248 p. (In Russ.).
2. Anfinogenov A.I. *Psikhologicheskoe portretirovanie neustanovlennogo prestupnika*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD RF Publ., 2002. 133 p. (In Russ.).
3. Begunova L.A. *Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovanii i ubiistv, sopryazhennykh s deistviyami seksual'nogo kharaktera*: Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2002. 178 p. (In Russ.).
4. Gluzman Zh.M. *Neiropsikhologicheskoe obsledovanie: kachestvennaya i kolichestvennaya otsenka dannykh*. Moscow: Smysl, 2012. 270 p. (In Russ.).
5. Dyakova N.V. *Neiropsikhologicheskie metody v sudebnoi ekspertize*. In V.A. Moskvina (ed.). *Razvitie nauchnogo naslediya A.R. Luriya v otechestvennoi i mirovoi psikhologii: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati A. R. Luriya, Moskva — Belgorod, 10–12 oktyabrya 2007 goda*. Moscow; Belgorod: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "POLITER-RA", 2007, pp. 42. (In Russ.).

6. Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. Tsennosti, samoidentifikatsiya i lichnostnaya motivatsiya obvinyaemykh v sovershenii osobo tyazhkikh prestuplenii [Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110 (In Russ.).
7. Konysheva L.P. Psikhologicheskii analiz seriinykh prestuplenii. *Yuridicheskaya psikhologiya: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk tretii. Chast' 1*. Moscow, 2005, pp. 39–54. (In Russ.).
8. Korsakova N.K., Moskovichyute L.I. Klinicheskaya neiropsikhologiya. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2003. 144 p. (In Russ.).
9. Kudryavtsev I.A., Ratinova N.A. Kriminal'naya agressiya (ekspertnaya tipologiya i sudebno-psikhologicheskaya otsenka). Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. 192 p. (In Russ.).
10. Kudryavtsev I.A., Safuanov F.S., Vasil'eva Yu.A. Osobennosti regulyatsii deyatel'nosti psikhopaticeskikh lichnostei smyslovymi (motivatsionnymi) ustanovkami. *Zhurnal nevropatologii i psikhiiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropatology and Psychiatry*, 1985, no. 12, pp. 1837–1842. (In Russ.).
11. Logonova O.A. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti i povedeniya razlichnykh tipov seriinykh seksual'nykh ubiits: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.).
12. Luria A.R., Khomskaya E.D. Lobnye doli i regulyatsiya psikhicheskikh protsessov: neiropsikhologicheskie issledovaniya. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. 740 p. (In Russ.).
13. Mironov D.V. Psikhologicheskoe obespechenie raskrytiya seriinykh ubiistv: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2001. 20 p. (In Russ.).
14. Pechernikova T.P., Guldan V.V. Osobennosti ekspertnoi otsenki affektivnykh reaktsii v moment soversheniya pravonarusheniya u psikhicheski zdorovykh i psikhopaticeskikh lichnostei. *Affekt: praktika sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy*. Moscow: Genezis, 2013, pp. 34–45. (In Russ.).
15. Pribram K. Yazyki mozga (Eksperimental'nye paradoksy i printsipy neiropsikhologii) [Languages of the brain]. Moscow: Progress, 1975. 464 p. (In Russ.).
16. Safuanov F.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Neiropsikhologicheskoe issledovanie pri sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenke sdeltkosposobnosti [Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision making capacity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 115–127. doi:10.17759/psylaw.2018080411 (In Russ.).
17. Safuanov F.S., Telesheva K.Yu., Myamlin V.V., Kirenskaya A.V. Patokharakterologicheskie osobennosti psikhicheski zdorovykh lits, sklonnykh k impul'sivnoi agressii [Pathocharacterological signs of mentally healthy individuals, prone to impulsive aggression] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 150–166. doi:10.17759/psylaw.2018080311 (In Russ.).
18. Sitkovskaya O.D. Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti. Moscow: NORMA, 1998. 285 p. (In Russ.).
19. Smirnov V.M. Sensornye efekty elektrostimulyatsii glubokikh struktur mozga cheloveka. *Mekhanizmy sensornogo kontrolya dvizhenii (Simpozium): Materialy Rasshirennogo plenuma Soyuznoi problemnoi komissii*. Kursk, 1974, pp. 72–76. (In Russ.).

20. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'—dekabr' 2021 g. Moscow: GIATs MVD Rossii Publ., 2022. 67 p. (In Russ.).
21. Telezhnikova V.N. Kriminologo-psikhologicheskaya kharakteristika lits, vinovnykh v mnogooepizodnykh ubiistvakh i iznasilovaniyakh: Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 1999. 145 p. (In Russ.).
22. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya. Moscow: Meditsina, 2001. 560 p. (In Russ.).
23. Khomskaya E.D. Neiropsikhologiya. Moscow: UMK "Psikhologiya", 2002. 415 p. (In Russ.).
24. Amen D.G., Hanks C., Prunella J.R., Green A. An analysis of regional cerebral blood flow in impulsive murderers using single photon emission computed tomography. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*, 2007. Vol. 19, no. 3, pp. 304–309. doi:10.1176/jnp.2007.19.3.304
25. Briken P., Habermann, N., Berner W., Hill A. The influence of brain abnormalities on psychosocial development, criminal history and paraphilias in sexual murderers. *Journal of Forensic Science*, 2005. Vol. 50, no. 5, pp. 1204–1208.
26. Briken P., Habermann N., Kafka M.P., Berner W., Hill A. The paraphilia-related disorders: an investigation of the relevance of the concept in sexual murderers. *Journal of Forensic Science*, 2006. Vol. 51, no. 3, pp. 683–688. doi:10.1111/j.1556-4029.2006.00105.x
27. Cope L. et al. Abnormal brain structure in youth who commit homicide. *Neuroimage: Clinical*, 2014. Vol. 4, pp. 800–807. doi:10.1016/j.nicl.2014.05.002
28. Godwin M.G. (ed.). *Criminal Psychology and Forensic Technology: A Collaborative Approach to Effective Profiling*. New York: CRC Press, 2000.
29. De Brito S.A. et al. Size matters: increased grey matter in boys with conduct problems and callous—unemotional traits. *Brain*, 2009. Vol. 132, pp. 843–852. doi:10.1093/brain/awp011
30. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R.K. *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. San Francisco, California: Jossey Bass, 2006.
31. Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R. Criminal profiling from crime scene analysis. *Behavioral Sciences & Law*, 1986. Vol. 4, no. 4, pp. 401–421. doi:10.1002/bsl.2370040405
32. Gerard F., Mormont C., Kocsis R. Offender profiles and crime scene behaviors in Belgian sexual murders. In R.N. Kocsis (ed.). *Criminal Profiling*. Totowa, N.J.: Humana Press, 2007, pp. 27–47. doi:10.1007/978-1-60327-146-2_2
33. Gregory S. et al. The antisocial brain: psychopathy matters. *Archives of General Psychiatry*, 2012. Vol. 69, no. 9, pp. 962–972. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2012.222
34. Kiehl K.A., Liddle P.F., Hopfinger J.B. Error processing and the rostral anterior cingulate: An event-related fMRI study. *Psychophysiology*, 2000. Vol. 37, no. 2, pp. 216–223.
35. Lam B. et al. Psychopathy Moderates the Relationship between Orbitofrontal and Striatal Alterations and Violence: The Investigation of Individuals Accused of Homicide. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnhum.2017.00579
36. Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood, and Behavior. *Human Sexual Aggression: Current Perspectives (Annals of the New York Academy of Sciences, Vol 528)*. New York: New York Academy of Sciences, 1988, pp. 163–171. doi:10.1111/j.1749-6632.1988.tb50859.x

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

37. Meloy J. The nature and dynamics of sexual homicide: an integrative review. *Aggression and Violent Behavior*, 2000. Vol. 5, no. 1, pp. 1–22. doi:10.1016/S1359-1789(99)00006-3
38. Money J. Forensic sexology: paraphilic serial rape (biastophilia) and lust murder (erotophonophilia). *American Journal of Psychotherapy*, 1990. Vol. 44, no. 1, pp. 26–36. doi:10.1176/appi.psychotherapy.1990.44.1.26
39. Morgenbesser L.I., Kocsis R.N. Sexual Homicide. An Overview of Contemporary Empirical Research. In R.N. Kocsis (ed.). *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Totowa; N.J.: Humana Press, 2008, pp. 103–117. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_7
40. Neubacher F. Serienmorder: Überblick über den Wissenschaftlichen Erkenntnisstand. *Kriminalistik*, 2003. Vol. 1, pp. 43–48.
41. New A. et al. Blunted prefrontal cortical fluorodeoxyglucose positron emission tomography response to meta-chlorophenyl piperazine in impulsive aggression. *Archives of General Psychiatry*, 2002. Vol. 59, no. 7, pp. 621–629. doi:10.1001/archpsyc.59.7.621
42. Raine A., Buchsbaum M., LaCasse L. Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography. *Biological Psychiatry*, 1997. Vol. 42, no. 6, pp. 495–508. doi:10.1016/S0006-3223(96)00362-9
43. Ressler R., Burgess A., Douglas J. *Sexual Homicides: Patterns and Motives*. Toronto, Lexington, MA: Lexington Books, 1988.
44. Roth G. *Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1994.
45. Sajous-Turner A. et al. Aberrant brain gray matter in murderers. *Brain Imaging and Behavior*, 2020. Vol. 14, no. 5, pp. 2050–2061. doi:10.1007/s11682-019-00155-y
46. Salfati G., Bateman A. Serial Homicide: An Investigation of Behavioral Consistency. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 2005. Vol. 2, no. 2, pp. 121–144. doi:10.1002/jip.27
47. Schlesinger L. Compulsive-Repetitive Offenders: Behavioral Patterns, Motivational Dynamics. In R.N. Kocsis (ed.). *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Totowa; N.J.: Humana Press, 2008, pp. 15–33. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_2
48. Tiihonen J. et al. Brain anatomy of persistent violent offenders: more rather than less. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 2008. Vol. 163, no. 3, pp. 201–212. doi:10.1016/j.pscychresns.2007.08.012
49. Veit R. et al. Brain circuits involved in emotional learning in antisocial behavior and social phobia in humans. *Neuroscience Letters*, 2002. Vol. 328, no. 3, pp. 233–236. doi:10.1016/s0304-3940(02)00519-0
50. Volkow N.D. et al. Brain glucose metabolism in violent psychiatric patients: a preliminary study. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 1995. Vol. 61, no. 4, pp. 243–253. doi:10.1016/0925-4927(95)02671-j

Информация об авторах

Каширский Дмитрий Валерьевич, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра психологии, конфликтологии и бихевиористики, факультет политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ); профессор, департамент психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69

Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева Ольга Владимировна, медицинский психолог, отделение стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц, находящихся под стражей, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Information about the authors

Dmitry V. Kashirsky, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia; Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva, Clinical Psychologist, Office Stationery is Judicial-psychiatric Examinations of Persons in Custody, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Yu.K. Erdmann, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Получена 15.01.2023

Принята в печать 30.03.2023

Received 15.01.2023

Accepted 30.03.2023

Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность

Казберов П.Н.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Необходимость психологической подготовки сотрудников оперативной службы уголовно-исполнительной системы к работе с осужденными за террористическую деятельность очевидна. Целью исследования являлось определение содержательных аспектов психологической подготовки оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятельность. Соответственно были определены и задачи: определение методики организации подготовки оперативных сотрудников, принципы ее построения; выявление социально-психологических и аксиологических характеристик лиц, осужденных за террористическую деятельность. Значимость полученных результатов определяется раскрытием теоретико-методических аспектов психологической подготовки сотрудников оперативной службы к работе с осужденными за террористическую деятельность, представленных в виде валидных принципов ее построения, определенных путем интерпретации эмпирического материала. Теоретическая и практическая значимость результатов подчеркивается также установленными социально-психологическими и аксиологическими характеристиками лиц, осужденных за террористическую деятельность, необходимыми для проведения эффективной оперативной работы с ними.

Ключевые слова: психологическая подготовка, оперативные сотрудники, психологическая характеристика, аксиологическая характеристика лица, осужденные за террористическую деятельность, научно-исследовательская работа.

Для цитаты: Казберов П.Н. Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 70–82. DOI:10.17759/psylaw.2023130406

The Content Aspects of the Psychological Training of Russian Federal Penitentiary Service Officers to Work with Those Convicted of Terrorist Activity

Pavel N. Kazberov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

The need for psychological training of operational service officers of the penitentiary system to work with those convicted of terrorist activity is obvious. The purpose of the study was to determine the content aspects of the psychological training of operational officers to work with those convicted of terrorist activities. In accordance with this, the following tasks were defined: the determining of the method for the organizing of the training of operational officers, the principles of its construction; the identification of the socio-psychological and axiological characteristics of persons convicted of terrorist activities. The significance of the obtained results is determined by the disclosure of the theoretical and methodological aspects of the psychological training of operational officers to work with those convicted of terrorist activity, presented in the form of valid principles of its construction, determined through interpreting the empirical material. The theoretical and practical significance of the results is also emphasized by the established socio-psychological and axiological characteristics of persons convicted of terrorist activity, necessary for effective operative work with them.

Keywords: psychological training, operational officers, psychological characteristics, axiological characteristics, persons convicted of terrorist activities, research work.

For citation: Kazberov P.N. The Content Aspects of the Psychological Training of Russian Federal Penitentiary Service Officers to Work with Those Convicted of Terrorist Activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 70–82. DOI:10.17759/psylaw.2023130406 (In Russ.).

Введение

Основной предпосылкой проведения научно-исследовательской работы по изучению личностных характеристик осужденных за терроризм, необходимых для проведения эффективной оперативной работы с ними, явилась ситуация недостаточности данных в отношении указанной категории лиц, полученных путем анализа реального эмпирического материала. Большая часть исследований, посвященных личности террориста [5; 16; 27; 28] и аспектам психологической подготовки сотрудников оперативной службы ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность [1; 5; 7; 8; 16; 20; 22; 26] построены на гипотетических предположениях авторов, не имеют в виде оснований выводов и методических предложений, основанных на результатах интерпретации и обработки необходимого валидного эмпирического материала.

В этой ситуации новизна проведенного нами исследования заключается в определении принципов построения психологической подготовки оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятельность, а также социально-психологических ха-

рактических лиц, осужденных за террористическую деятельность, необходимых для проведения с ними эффективной оперативной работы, установленных путем интерпретации значительного массива эмпирического материала. Именно в этом состоит исследовательский вклад автора в изучение вопроса подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к успешной работе с осужденными за террористическую деятельность, об этом пойдет речь в данной статье [3; 4; 9; 10—14; 17; 23].

Необходимо отметить, что специфика профессиональной деятельности сотрудников оперативной службы ФСИН России имеет значительно выраженный конфиденциальный характер, в связи с чем материалы данной публикации не могут претендовать на полное раскрытие содержания психологической подготовки этих сотрудников.

Материалы и методы

С целью выполнения задач, поставленных во введении, наше эмпирическое исследование, часть результатов которого рассматривается в нашей публикации, было организовано и проведено с 2013 по 2020 год в исправительных учреждениях ФСИН России тридцати территориальных органов УИС. Выборка лиц, осужденных за террористическую деятельность, составила более семиста человек.

В процессе научно-исследовательской работы применялись следующие методики:

- метод анализа документации, связанной с личностью осужденных за террористическую деятельность (личные дела осужденных, материалы судебных решений (приговоров), характеристики осужденных, материалы по анализу их дисциплинарной практики);
- метод бесед с лицами, осужденными за террористическую деятельность,
- анкетирование лиц, осужденных за террористическую деятельность с использованием авторских анкет;
- метод психодиагностики (тестирования): 1) опросник LSI (LIFE STYLE INDEX) «Индекс жизненного стиля Р. Плутчика»; 2) методика «Стандартизированный метод исследования личности» (СМИЛ) Л.Н. Собчик; 3) методика «Временная перспектива осужденного» (ВПО) Филиппа Зимбардо; 4) методика исследования самоотношения Р.С. Пантелеева (МИС); 5) личностный опросник Басса—Дарки (БД); 6) методика «Комплексное исследование личности осужденного» (КИЛО) Е.А. Чебаловой; 7) тест «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Весь полученный в ходе научно-исследовательской работы эмпирический материал прошел соответствующую математико-статистическую обработку с использованием методов пакета IBM SPSS Statistics 23.

Результаты и обсуждение

Процессы, происходящие не только в нашей стране, но и во всем мире, к которым относятся миграционные и интеграционные процессы, актуализируют проблематику противодействия террористической деятельности. В этих динамических процессах находят свое отражение противоречия не только различных стран, религий, политических доктрин, но и различных культур и ментальностей [24; 25; 29].

В данных условиях проблема профилактики и противодействия терроризму становится актуальной и для Федеральной службы исполнения наказаний России, и, в частности, для сотрудников оперативной службы ФСИН России. Определяется как актуальная и оптимизация существующей психологической подготовки оперативных сотрудников к работе с осуж-

денными за террористическую деятельность [3; 18]. Закономерным требованием к организации такой подготовки будет ее проведение на соответствующем методическом уровне, обусловленном принципами построения психологической подготовки оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятельность, а также детерминированном использованием в подготовке аутентичных социально-психологических характеристик лиц, осужденных за террористическую деятельность, необходимых для проведения с ними эффективной оперативной работы, установленных путем интерпретации значительного массива эмпирического материала [3; 4; 9—14; 17; 23].

Осмысление всего полученного в исследовании эмпирического материала позволило определить принципы построения психологической подготовки оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятельность. Так, принцип аксиологичности предполагает, что подготовка сотрудников оперативной службы ФСИН России к работе с осужденными за преступления террористической направленности должна основываться на обязательном учете системы ценностей каждого человека, соответственно и осужденных рассматриваемой категории. Достигнуть этого возможно посредством обеспечения оперативных сотрудников знаниями в области аксиологии, научной дисциплины, изучающей ценности жизнедеятельности человека, определяющих качественное состояние подструктуры направленности его личности [3; 9; 11—14].

В юридической психологии известны позиции, раскрывающие ценностно-нормативный подход при рассмотрении ядра личности преступника (Долгова А.И., Ратинов А.Р.). Согласно этому подходу, иерархическое строение системы ценностей образует структуру личности. С позиций А.И. Долговой к ценностям ядра личности относятся социальные цели, а также средства их достижения [18, с. 15]. А.Р. Ратинов определял систему ценностей личности преступника как «...сложную динамическую систему, имеющую свою ядерную и периферическую части. В центре находятся самые значимые и потому наиболее стабильные ценности сознания, а по мере “удаления” от них — подчиненные первым более лабильные и ситуативные ценности» [15, с. 48].

Оформление именно аксиологического (греч. *axios* — ценность и *logos* — учение) подхода в понимании природы такого крайне сложного явления, как терроризм, начало осуществляться автором статьи в составе авторского коллектива ФКУ НИИ ФСИН России с 2013 г. в рамках проведения ряда научно-исследовательских работ по рассматриваемой тематике [12; 23].

Обобщение и интерпретация результатов сбора эмпирических материалов по рассматриваемой категории осужденных определяло наличие явных отличий аксиологического характера осужденных за терроризм от основной социальной среды осужденных. Прежде всего это выражалось в общих, социально-демографических характеристиках этих лиц, так:

- 90% (от общей выборки осужденных за терроризм — 705 человек) определяют себя верующими, причастными в разной степени к религии, из них: абсолютно убежденных в своей вере — 70%, «просто» верующих — 20%;
- относят себя к умеренно верующим 20% и безразлично относятся к вере либо считают себя атеистами 10%;
- из числа тех, кто определяет себя верующим: 88% являются мусульманами-суннитами, 5% — мусульманами-шиитами, 3% — это представители других течений в исламе и 4% — православные христиане [10, с. 37].

Соответственно, ярко выражен аспект абсолютной (радикальной) убежденности в своей вере у большинства осужденных за терроризм; в данном случае это преимущественно му-

сульмане-сунниты, указавшие при анкетировании, что, как правило, являются выходцами с Северного Кавказа, а также бывших азиатских республик Советского Союза (87,4%) [23, с. 27].

Осужденные определили, что на преступление их толкнуло:

- желание мести (мстительность) — 81,5% (от общей выборки осужденных за терроризм — 705 человек);
- обида — 51,5%;
- желание острых ощущений — 22%;
- желание проверить себя — 14%;
- иное — 14%;
- безденежье — 13,5% [13, с. 28].

Примечательно, что желание мести, связанное с унижением, как следствие значимой психотравмы в анамнезе истории народа (национальности), уже определялось в исследованиях вопроса терроризма [5].

Данные, полученные нами с помощью психодиагностической методики СМИЛ, позволили установить аксиологические характеристики лиц, осужденных за терроризм. В частности, определяется возможность формирования у этих лиц иррациональных установок (см. рис. 1).

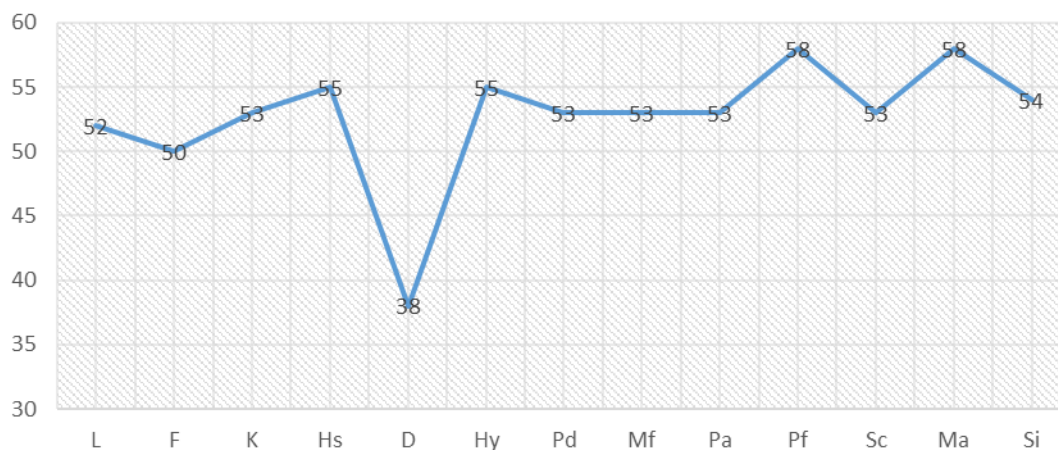

Рис. 1. Обобщенный профиль основных шкал методики СМИЛ осужденных за террористические преступления

Прежде всего методика СМИЛ выявляет тип профиля личности террористов как конверсионный [11, с. 142], что может определять следующее:

В случае проявления конверсий (превращений) инстинктивные, вытесненные устремления реализуются посредством бессознательных соматических симптомов. По сути, это является соматической реализацией аффектов с позиций психоанализа. Сама личность, возможно, не догадывается о том, что бессознательное психологическое напряжение превращается в совокупность соматических симптомов;

Носители такого профиля (типа) проявляют: истерические черты, слабую эмоциональную устойчивость, уход от реальности посредством фантазий и искажений часто религиозного содержания. Этим людям свойственно проявление конфликтных, крайне противоречивых устремлений [12, с. 47]. Причастность к социальной группе конкурирует со значимым уровнем эгоистичных устремлений. Корыстные устремления противостоят заявляемым альтруи-

стическим целям. Желание производить благоприятное впечатление соперничает с проявлениями враждебности к социальному окружению [12, с. 48].

Наличие конверсионного профиля (типа) обуславливает: минимальное выражение страха (депрессии) у этих лиц (низкий показатель шкалы D); проявления шкалы ипохондрии (Hs) камуфлируются яркой эмоциональностью показателя шкалы истерии (Hy), пряча (нивелируя), таким образом, проблемы психосоматического характера, определяемые шкалой ипохондрии (Hs) [11, с. 143].

Носители рассматриваемого профиля (типа) не признают наличие каких-либо проблем в жизни, проявляя в виде механизмов психологической защиты реактивные образования и вытеснение [4, с. 86]. Эти, скорее примитивные бессознательные виды защиты, способствуют уходу от действительности, приводя к иррациональным установкам и фантазиям, нивелируя проявления слабой эмоциональной неустойчивости.

Полученные по результатам исследования данные позволяют установить, что в основном содержание иррациональных установок лиц, осужденных за терроризм, затрагивает доктринальные аспекты догм радикального ислама: исключительность (богоизбранность) мусульман и исламского мира; невосприятие светских форм государства и его представителей; нигилизм по отношению к правовым нормам светского государства и к их источникам; полная уверенность в отсутствии собственной вины в совершенном террористическом преступлении и т. д. [23, с. 38].

Для реализации принципа аксиологичности основная часть подготовки оперативных сотрудников должна быть посвящена психологическим техникам противодействия механизмам манипуляционного воздействия, которому лица, осужденные за террористические преступления, были подвергнуты ранее.

В процессе психологической подготовки оперативных сотрудников необходимо раскрыть основные проблемные аспекты функционирования когнитивного, поведенческого и аффективного уровней личности лиц, осужденных за террористическую деятельность. Проблемы когнитивного уровня таких личностей характеризуются наличием: иррациональных установок, когнитивных искажений, разрушительных мыслей, часто приводящих к социальной дезинтеграции и неадекватности в самооценке [7, с. 921]. Проблемы на аффективном уровне выражаются в проявлении злости, агрессии, враждебности; чувств вины и страха, в ночных кошмарах. На поведенческом уровне проблемы проявляются во враждебности, социальной депривации, импульсивности и в доминировании менее конструктивных механизмов психологической защиты [4, с. 86].

Чтобы подвести осужденного к мысли об исправлении необходимо для начала понимать мотивы, из-за которых он совершил преступление. Необходимо учитывать яркие типичные характеристики мотивации осужденных за терроризм, к числу которых относится подчиненность радикальным политическим и религиозным идеям. В психологическом понимании такие идеи можно определить, как деструктивные иррациональные установки [3; 8].

Подготовка сотрудников оперативной службы должна предполагать формирование у них компетенций по работе с наиболее традиционными, часто встречающимся у осужденных за преступления террористической направленности иррациональными установками и когнитивными искажениями ментально-религиозного характера.

Отметим также, что содержательный аспект эффективности подготовки оперативных сотрудников должен выражаться в том числе и в таких показателях, как: знания по учету иррациональных установок и когнитивных искажений, свойственных представителям монотеи-

стической ментальной цивилизации, поведенческих паттернов [13, с. 23]; а также владение сотрудниками оперативной службы психологическими методами: лабилизации, идентификации, нравственной эмпатии и экспектаций [13, с. 48].

Принцип аксиологичности подготовки оперативных сотрудников определяет необходимость формирования у них и межкультурной компетенции. Именно эта компетенция обуславливает наличие у сотрудников знаний и умений учета в профилактической работе с осужденными за терроризм данных об иррациональных установках и когнитивных искажениях, свойственных представителям монотеистической ментальной цивилизации, оказывающих влияние на их поведенческие паттерны и жизнедеятельность в целом.

В своей профессиональной деятельности сотрудникам оперативной службы необходимо принимать во внимание субъективность восприятия ситуации любым из ее субъектов. Наблюдаемая ситуация воспринимается и понимается каждым субъектом дифференцированно, исходя из его отношения к определенной социальной, политической, религиозной группе, жизненного опыта, системы ценностей, ориентаций и индивидуальных особенностей. К примеру, взрывая в Сирии архитектурные памятники времен эллинизма, т. е. совершая, по нормам европейского уголовного законодательства, акты вандализма, террористы считают, что уничтожают предметы культа идолопоклонства, т. е. борются с мрачным наследием политеизма (язычества).

Соблюдение принципа интегративности также обязательно при психологической подготовке оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятельность.

Психодиагностические характеристики осужденных, состоящих на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, часто не раскрывают оперативным сотрудникам своих индивидуальных свойств, относящихся к подструктуре направленности личности. Проведенное нами исследование позволило определить модель личности осужденных за преступления террористической направленности как совокупность интегративных личностных характеристик этих лиц [23, с. 43]. В соответствии с содержанием модели эти лица определяются как социально активные маргиналы с конверсионным профилем личности, способные совершить террористические и экстремистские преступления исходя из иррациональных установок ментально-религиозного характера.

Интегративные личностные характеристики осужденных, являясь элементами структуры личности, отражают опыт их жизнедеятельности, проявляются в их поведении, сознании, чувствах.

Важно отметить одно из положений, раскрытых исследователями изучаемого вопроса, о том, что основой интегративных личностных характеристик выступают осознание личностью необходимости собственных изменений, преобразования своего внутреннего мира и поиск новых путей повышения личностного самосознания [21, с. 11]. Вероятно, в этом положении заложено одно из оснований возможности исправительного воздействия на осужденных. Выделяются как когнитивные, так регулятивные и интегративные личностные характеристики, которые являются базой для развития социально важных качеств личности [9; 13].

В процессе профессиональной подготовки важно довести до сотрудников оперативной службы знания о лицах, осужденных за преступления террористического характера как о типичных обладателях конверсионного типа профиля личности [9; 10]. При недлительных контактах лица, осужденные за преступления террористического характера, способны произвести о себе впечатление как о самоуверенных людях, легко устанавливающих социальные

контакты [11, с. 142]. Но это, как правило, фальшивая маскировка личности. Обладание конверсионным типом профиля личности характеризует их как людей, переживших значимую психическую травму. Переживания по поводу драматических событий не идут на уменьшение. Пережитые события обиды, оскорблений сильно уязвили личность. Как правило, к совершению преступления приводили необходимость аффективной разрядки и чувство мести, [17, с. 12; 19, с. 100].

Осужденные с такими паттернами являются обладателями истерических черт личности, которые проявляются в эмоциональной неустойчивости, в замещении реальности когнитивными искажениями и иррациональными установками, в фантазировании [11; 12]. Поэтому лица, осужденные за преступления террористического характера, как правило, не имея высокого образовательного уровня, так легко поддаются радикальным религиозным мистериям, установкам и догмам. Совокупность указанных в публикации положений, посвященных личностным характеристикам осужденных рассматриваемой категории, необходимо учитывать при организации проведения психологической подготовки оперативных сотрудников для работы с лицами, осужденными за терроризм.

Выводы

Проведенная научно-исследовательская работа позволила сделать следующие выводы:

1. По результатам исследования раскрыты теоретико-методические аспекты психологической подготовки сотрудников оперативной службы ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность, представленные в виде валидных принципов ее построения, определенных путем интерпретации значительного массива эмпирического материала.

2. Данные, полученные по результатам психодиагностики с помощью методики СМЛ, способствуют определению типа профиля личности террористов как конверсионного, со следующими проявлениями: истерические черты, бессознательный уход от реальности посредством фантазий и искажений часто религиозного содержания с минимальным выражением страха, яркой эмоциональностью и нивелированием проблем психосоматического характера [11, с. 144].

3. Полученные данные позволяют установить, что в основном содержание иррациональных установок лиц, осужденных за терроризм, затрагивает доктринальные аспекты догм радикального ислама: исключительность мусульман и исламского мира; невосприятие светских форм и правовых норм государства и его представителей; полная уверенность в отсутствии собственной вины в совершенном террористическом преступлении и т. д. [23, с. 18]

4. Для реализации принципа аксиологичности основная часть подготовки оперативных сотрудников должна быть посвящена их обучению психологическим техникам противодействия механизмам манипуляционного воздействия, которому лица, осужденные за террористические преступления, были подвергнуты ранее.

5. Установленный в исследовании принцип аксиологичности при организации подготовки сотрудников оперативной службы предполагает, что подготовка сотрудников к работе с осужденными за преступления террористической направленности должна основываться на обязательном учете системы ценностей каждого человека, соответственно и осужденных рассматриваемой категории [10; 17].

6. Соблюдение принципа интегративности также обязательно при психологической подготовке оперативных сотрудников к работе с осужденными за террористическую деятель-

Казберов П.Н.
Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 70–82

Kazberov P.N.
The Content Aspects of the Psychological Training of Russian Federal Penitentiary Service Officers to Work with Those Convicted of Terrorist Activity // Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 70–82

ность. Интегративность в подготовке оперативных сотрудников должна соблюдаться в плоскости как межпредметных так и внутрпредметных связей [17].

7. Знание основных социально-психологических характеристиках лиц, осужденных за террористическую деятельность, является необходимым условием для проведения эффективной оперативной работы с данной категорией осужденных.

Литература

1. *Бабичев И.В.* Акмеологические факторы развития профессионально важных качеств оперативных сотрудников правоохранительных органов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 21 с.
2. *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б.* Легитимизация терроризма в подростково-молодежной среде: от механизмов радикализации к модели оценки риска [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170. doi:10.17759/psylaw.2022120412
3. *Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.* Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Том 17. № 2. С. 227–246. doi:10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246
4. *Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.* Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86–105. doi:10.17759/psylaw.2021110207
5. *Боева М.В.* Тактико-коммуникативная компетентность оперативного работника уголовно-исполнительной системы: понятие и сущность // Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: Монография: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. С. 171–189.
6. *Витюк В.В.* Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология мирных разрешения. Вып. 4. Терроризм. М., 2003. С. 50–55.
7. *Глотов В.А.* Роль психологической подготовки сотрудников УИС к действиям в экстремальных условиях // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 623–626.
8. *Даниличева Т.П.* Психологическое сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Шуя, 2005. 19 с.
9. *Казберов П.Н.* Методическое обеспечение организации и реализации основных этапов психологической работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления: Монография. М.: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», 2022. 120 с.
10. *Казберов П.Н., Бовин Б.Г.* Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36–53. doi:10.17759/psylaw.2019090103
11. *Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А.* Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 141–157. doi:10.17759/psylaw.2019090311

12. Казберов П.Н., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Характеристики агрессивности, враждебности и самоотношения лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Успехи современной науки и образования. 2016. Том 4. № 7. С. 46–51.
13. Казберов П.Н., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Экспертная профилактика в правоохранительной деятельности (психолого-педагогический аспект): Учебник. М.: ООО «Русайнс», 2019. 248 с.
14. Казберов П.Н., Спасенников Б.А., Тюньков В.В. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Том 13. № 6. С. 921–931. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931
15. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47–54.
16. Коржова О.В. Психологические детерминанты успешности профессиональной деятельности сотрудников федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах профессионального становления: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Шуя, 2005. 23 с.
17. Криминалистика: Учебник для бакалавров / Под ред. Бертовского Л.В. М.: РГ-Пресс, 2020. 960 с.
18. Криминология: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
19. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ценностные ориентации преступников-террористов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 99–110. doi:10.17759/psylaw.2022120208
20. Кудрявцев А.В. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2012. 39 с.
21. Нохрина И.Г. Динамика интегративных характеристик учащихся в процессе личностно ориентированного обучения: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Казань, 2004. 18 с.
22. Огородников А.В. Особенности деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. Том 16. № 5. С. 219–223. doi:10.18287/2542-0445-2010-16-5-219-223
23. Основы психологического прогнозирования и коррекции деструктивно-агрессивного поведения осужденных лиц за экстремистскую и террористическую деятельность: Учебник / Казберов П.Н. [и др.]. М.: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», 2018. 96 с.
24. Роцин С.К., Еникополов С.Н. Психология терроризма: круглый стол // Психологический журнал. 2009. С. 43–45.
25. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
26. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 53–75.
27. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalization of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69(3). P. 39–64. doi:10.1111/josi.12030
28. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. Vol. 60(2). P. 161–169. doi:10.1037/0003-066X.60.2.161

29. Hogg M. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 436–454. doi:10.1111/josi.12023

References

1. Babichev I.V. Akmeologicheskie faktory razvitiya professional'no vazhnykh kachestv operativnykh sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 2011. 21 p. (In Russ.).
2. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B. Legitimizatsiya terrorizma v podrostkovo-molodezhnoi srede: ot mekhanizmov radikalizatsii k modeli otsenki riska [The Legitimization of Terrorism in Adolescence and Youth: from Radicalisation Mechanisms to Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170. doi:10.17759/psylaw.2022120412 (In Russ.).
3. Bovin B.G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Vovlechnost' v terroristicheskuyu deyatel'nost' v Rossii i mire: ot psikhologicheskikh k sotsial'no-psikhologicheskim faktoram [Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: from psychological to social!psychological factors] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 227–246. doi:10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246 (In Russ.).
4. Bovin B.G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity i dominiruyushchee zashchitnoe povedenie osuzhdennykh za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatel'nost' [Mechanisms of Psychological Defense and Dominant Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist Activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86–105. doi:10.17759/psylaw.2021110207 (In Russ.).
5. Boeva M.V. Taktiko-kommunikativnaya kompetentnost' operativnogo rabotnika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: ponyatie i sushchnost'. In Sochivko D.V. (ed.). *Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii: Monografiya: V 2 t. T. 2*. Ryazan, 2013, pp. 171–189. (In Russ.).
6. Vityuk V.V. Nekotorye problemy terrorizma v aspekte sovremennykh konfliktnykh situatsii (soobrazheniya terrologov). *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologiya mirnykh razresheniya. Vyp. 4. Terrorizm*. Moscow, 2003, pp. 50–55. (In Russ.).
7. Glotov V.A. Rol' psikhologicheskoi podgotovki sotrudnikov UIS k deistviyam v ekstremal'nykh usloviyakh. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 25 (129), pp. 623–626. (In Russ.).
8. Danilicheva T.P. Psikhologicheskoe soprovozhdeniye sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. Shuya, 2005. 19 p. (In Russ.).
9. Kazberov P.N. Metodicheskoe obespecheniye organizatsii i realizatsii osnovnykh etapov psikhologicheskoi raboty s litsami, osuzhdennymi za terroristicheskie i ekstremistskie prestupleniya: Monografiya. Moscow: Federal'noe kazennoe uchrezhdeniye "Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossiiskoi Federatsii" Publ., 2022. 120 p. (In Russ.).
10. Kazberov P.N., Bovin B.G. Obshchaya kharakteristika lits, osuzhdennykh za prestupleniya ekstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti [General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 36–53. doi:10.17759/psylaw.2019090103 (In Russ.).

11. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Psikhologicheskii profil' terrorista [Terrorist's Psychological Profile] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 141–157. doi:10.17759/psylaw.2019090311 (In Russ.).
12. Kazberov P.N., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Kharakteristiki agressivnosti, vrazhdebnosti i samootnosheniya lits, osuzhdennykh za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Features aggressively hostile and the self of persons convicted of extremist and terrorist activities]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya = Success of Modern Science and Education*, 2016. Vol. 4, no. 7, pp. 46–51. (In Russ.).
13. Kazberov P.N., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Ekspertnaya profilaktika v pravookhranitel'noi deyatel'nosti (psikhologo-pedagogicheskii aspekt): Uchebnik. Moscow: OOO "Rusains", 2019. 248 p. (In Russ.).
14. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyunkov V.V. Osobennosti lichnosti osuzhdennykh za prestupleniya terroristicheskogo i ekstremistskogo kharaktera [Specific personality characteristics of prisoners convicted for terrorism and extremism crimes] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019. Vol. 13, no. 6, pp. 921–931. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931 (In Russ.).
15. Karpets I.I., Ratinov A.R. Pravosoznanie i prichiny prestupnosti. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo = Soviet State and Law*, 1968, no. 12, pp. 47–54. (In Russ.).
16. Korzhova O.V. Psikhologicheskie determinanty uspekhov professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii na raznykh etapakh professional'nogo stanovleniya: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Shuya, 2005. 23 s.
17. Bertovsky L.V. (ed.). Kriminalistika: Uchebnik dlya bakalavrov. Moscow: RG-Press, 2020. 960 p. (In Russ.).
18. Dolgova A.I. (ed.). Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov. 3rd ed. Moscow: Norma, 2005. 912 p. (In Russ.).
19. Kroz M.V., Ratinova N.A. Tsennostnye orientatsii prestupnikov-terroristov [Value Orientations of Terrorist Criminals] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 99–110. doi:10.17759/psylaw.2022120208 (In Russ.).
20. Kudryavtsev A.V. Teoreticheskie i prikladnye problemy operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme: Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk. Vladimir, 2012. 39 p. (In Russ.).
21. Nokhrina I.G. Dinamika integrativnykh kharakteristik uchashchikhsya v protsesse lichnostno orientirovannogo obucheniya: Avtoref. diss. kand. med. nauk. Kazan, 2004. 18 p. (In Russ.).
22. Ogorodnikov A.V. Osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [Features of professional activity of penitentiary system's collaborators of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2010. Vol. 16, no. 5, pp. 219–223. doi:10.18287/2542-0445-2010-16-5-219-223 (In Russ.).
23. Kazberov P.N. et al. Osnovy psikhologicheskogo prognozirovaniya i korrektsii destruktivno-agressivnogo povedeniya osuzhdennykh lits za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost': Uchebnik. Moscow: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie "Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii" Publ., 2018. 96 p. (In Russ.).
24. Roshchin S.K., Enikopolov S.N. Psikhologiya terrorizma: kruglyi stol. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2009, pp. 43–45. (In Russ.).

Казберов П.Н.

Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 70–82

Kazberov P.N.

The Content Aspects of the Psychological Training of Russian Federal Penitentiary Service Officers to Work with Those Convicted of Terrorist Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 70–82

25. Sochivko D.V. Problema metodologii prikladnoi (yuridicheskoi) psikhologii [The problem of methodology applied (legal) psychology]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 2, pp. 8–18. (In Russ.).

26. Chufarovskiy Yu.V. Psikhologiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti. Moscow, 2001, pp. 53–75. (In Russ.).

27. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalization of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 39–64. doi:10.1111/josi.12030

28. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*, 2005. Vol. 60, no. 2, pp. 161–169. doi:10.1037/0003-066X.60.2.161

29. Hogg M. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 436–454. doi:10.1111/josi.12023

Информация об авторах

Казберов Павел Николаевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Information about the authors

Pavel N. Kazberov, PhD in Psychology, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Получена 13.10.2022

Принята в печать 13.10.2023

Received 13.10.2022

Accepted 13.10.2023

Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга: гендерная и психосексуальная специфика

Медведева А.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация; Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Решение проблемы сексуального домогательства детей и подростков в сетевой коммуникации (кибергруминга) требует ее углубленного изучения. Особую важность для профилактической работы представляют гендерные и психосексуальные аспекты виктимизации потерпевших. В статье представлены результаты контент-анализа диалогов между 35 кибергрумерами и 94 несовершеннолетними, реализованных в Интернете. Половозрастная структура потерпевших — 54 девочки и 40 мальчиков от 9 до 16 лет. Установлено, что в зависимости от пола и сексуальной идентичности ребенка, а также собственных криминальных целей грумеры используют разные тактики манипулятивного воздействия. Мальчики значимо чаще проявляют сексуальные мотивы при взаимодействии с посягателями, а также большую виктимизацию ($p = 0,000$). Девочки преимущественно ориентированы на нейтральное и дружеское общение и не позволяют ему выйти за указанные рамки ($p = 0,000$). Сделан вывод о том, что профилактика виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в кибергруминг, должна предусматривать развитие навыков отстаивания личных границ и критического отношения к онлайн-собеседникам.

Ключевые слова: кибергруминг, Интернет, несовершеннолетние потерпевшие, мальчики, девочки, виктимизация, гендерная специфика, психосексуальный аспект.

Для цитаты: *Медведева А.С.* Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга: гендерная и психосексуальная специфика [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 83–94. DOI:10.17759/psylaw.2023130407

Victimization of Minors in the Process of Cybergrooming: Gender and Psychosexual Specificity

Anna S. Medvedeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Addressing the problem of sexual harassment of children and adolescents in online communication (cybergrooming) requires in-depth study. Gender and psychosexual aspects of victimization of victims are of particular importance for preventive work. The article presents the results of content analysis of dialogues between 35 cybergroomers and 94 minors, realized on the Internet. The gender and age structure of the victims is 54 girls and 40 boys from 9 to 16 years old. It was found that depending on the gender and sexual identity of the child, as well as their own criminal goals, the groomers use different tactics of manipulative influence. Boys are significantly more likely to exhibit sexual motive when interacting with abusers, as well as greater victimization ($p=0.000$). Girls are predominantly oriented towards neutral and friendly interactions and do not allow it to go beyond these limits ($p=0.000$). It is concluded that prevention of victimization of minors involved in cybergrooming should include the development of skills to assert personal boundaries and critical attitude towards online interlocutors.

Keywords: cybergrooming, Internet, child victims, boys, girls, victimization, gender specificity, psychosexual aspect.

For citation: Medvedeva A.S. Victimization of Minors in the Process of Cybergrooming: Gender and Psychosexual Specificity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 83–94. DOI:10.17759/psylaw.2023130407 (In Russ.).

Введение

Возникшая в условиях усиленной цифровизации общества проблема сексуального домогательства несовершеннолетних в онлайн-форме (кибергруминга) по-прежнему остается актуальной и недостаточно изученной. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в числе интернет-преступлений, совершаемых в отношении детей и подростков, первое место занимают посягательства на их половую неприкосновенность: в 2020 году потерпевшими были признаны около 15 тысяч человек, в 2021 — 18 тысяч, за первые четыре месяца 2022 года — 23 тысячи человек¹. Кроме того, по состоянию на 2021 год выросло число

¹ Цифровую гигиену нужно прививать с детства: интервью Замглавы СК РФ Елены Леоненко 01 июня 2022 года [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1693826/> (дата обращения: 20.12.2022).

интернет-преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов с участием несовершеннолетних (на 9,5% по сравнению с 2020 годом)².

Рост числа правонарушений отчасти может быть связан с тем, что в Сети содержится большое количество информации о половых взаимоотношениях людей. Дети и подростки, изучая свою сексуальность, считают ее и могут открыто демонстрировать свой интерес, — грумеры анализируют онлайн-профили несовершеннолетних, и подобное поведение с их стороны является сигналом к началу коммуникации [14]. При этом мужчины-посягатели часто подражают своим жертвам, используют их сленг или представляются ребенком, в том числе женского пола [10; 19].

Данные относительно пола вовлекаемых в процесс кибергруминга несовершеннолетних неоднозначны. Общепринятой является позиция, в соответствии с которой девочки чаще мальчиков подвергаются сексуальному домогательству в Интернете [3; 21]. Это объясняют такими факторами, как более интенсивное использование социальных сетей [8], склонность публиковать личную информацию о себе [17] и гетеросексуальность мужчин-посягателей [22]. Также отмечается, что девочки проявляют большую виктимизацию [9] и тяжелее переживают опыт груминга [2; 26]. Риск стать жертвой злоупотребления увеличивается в случаях, когда они испытывают дефицит позитивного общения в социальной микросреде, имеют проблемы со здоровьем, недостаточно осведомлены в области половых взаимоотношений либо проявляют излишний интерес к данной теме, а также близко контактируют с вовлеченными в груминг несовершеннолетними [1].

Другие авторы, напротив, называют мальчиков более активными интернет-пользователями, что увеличивает их шанс получить сообщение сексуального характера [4; 24]. Также подчеркивается склонность мальчиков к рискованному онлайн-поведению [12] вплоть до размещения на сайтах объявлений о поиске взрослых мужчин для полового акта [6]. По результатам некоторых исследований, мальчики с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также те, чья сексуальная идентификация еще не сформировалась, проявляют высокую уязвимость для кибергруминга [20; 25]. Это может быть связано с их стремлением найти в Сети человека, который разделяет их психосексуальные переживания [11]. В исследовании Е.К. Englander показано, что мальчики почти в два раза чаще, чем девочки, сообщают о добровольном взаимодействии с грумерами [7]. Так, Н. Whittle описывает впечатления мальчиков от общения с посягателями, согласно которым на них не оказывалось давления, не было жестокости, они чувствовали возбуждение [23]. Вполне вероятно, что речь идет о первых этапах груминга, когда манипулятивное воздействие направлено на постепенное формирование доверия у ребенка. В дальнейшем мальчики могут присылать свои личные интимные материалы, которые используются посягателями для шантажа и продолжения коммуникации. Авторами отмечается, что угрозы грумеров распространить в Интернете подобные материалы могут повлиять на мальчиков сильнее, чем на девочек, из-за страха остракизма [13; 16].

По некоторым данным, число случаев кибергруминга в отношении мальчиков сильно занижено из-за опасений потерпевших лишиться доступа к компьютеру в случае информиро-

² Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021 году [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/06/30/doklad_deti_e05.pdf (дата обращения 24.07.2023).

вания окружающих людей [15] или их переживаний относительно нарушения норм маскулинности и страха негативной стигматизации ввиду онлайн-коммуникации с мужчинами [18]. Более того, встречались ситуации, когда представители правоохранительных органов могли неохотно возбуждать дела с участием потерпевших мальчиков и медленнее расследовать такие преступления вследствие собственных гендерных стереотипов [5].

Сведения об особенностях коммуникации несовершеннолетних и их уязвимости непосредственно в процессе кибергруминга могут быть получены путем доверительной беседы с пострадавшими, а также в результате психологического анализа их переписок с посягателями. В данной статье приведены результаты изучения подобных текстов, что позволило получить информацию о гендерной и психосексуальной специфике виктимизации детей и подростков.

Программа исследования

Материал исследования составили 94 онлайн-переписки между 35 кибергрумерами и 94 несовершеннолетними, которые с 2015 по 2022 год являлись объектами исследования в рамках производства комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз в ФБУ «Северо-Западный РЦСЭ Минюста России». Объем диалогов — от 9 до 3176 сообщений, длительность варьирует от 1 до 84 дней.

Представители сплошной экспертной выборки несовершеннолетних находились в возрастном диапазоне от 9 до 16 лет, по гендерной принадлежности распределились следующим образом: 54 девочки (57,5%, средний возраст — $12,59 \pm 1,88$) и 40 мальчиков (42,5%, средний возраст — $12,65 \pm 1,96$).

В качестве метода исследования применялся контент-анализ. Статистическая обработка результатов проводилась методами описательной статистики, сравнивалась частота встречаемости выявленных признаков в группах мальчиков и девочек, определялся уровень статистической значимости различий по критериям χ^2 Пирсона и точного критерия Фишера.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе была изучена общая специфика воздействия, оказываемого грумерами на детей и подростков. Установлено, что из числа посягателей 26 человек общались с девочками, 6 — с мальчиками, еще 3 — с несовершеннолетними обоих полов. При знакомстве они могли представляться девочкой либо не искажать личные данные; кроме того, ими преследовались разные криминальные цели. В зависимости от перечисленных факторов были выделены четыре коммуникативные роли посягателей (табл. 1).

Таблица 1

Специфика кибергруминга

Роль	Обман	Мотивация	Содержание манипуляции	Адресат (в % от 94)
«Гетеросексуал»	Отсутствует	Интимный интерес, ориентация на встречу в офлайне, получение интимных изображений	Установление доверительного контакта, постепенная сексуализация общения и соблазнение	51 девочка (54,2%)
«Гомосексуал»				19 мальчиков (20,2%)
«Нимфетка»	Имеется	Коммерческий интерес, стремление получить порнопродукцию		21 мальчик (22,3%)
«Подруга»				3 девочки (3,2%)

В случаях, когда посягатели притворялись девочками, их криминальной целью являлось получение интимных изображений несовершеннолетних. В дальнейшем данные материалы нередко распространяются в Сети как порнографические, при этом посягатели могут и не испытывать сексуального влечения к детям (кибергруминг как способ заработка). Установлено, что мальчики значимо чаще девочек подвергались подобному обману ($p = 0,000$), что может свидетельствовать о стремлении грумеров получить порнопродукцию с участием несовершеннолетних именно мужского пола (вероятно, цена таких материалов выше).

В ситуациях, когда посягатели сообщали подлинные сведения о себе, они были ориентированы на встречу с ребенком в офлайне (54 случая) либо ограничивались его интимными изображениями для удовлетворения своих сексуальных потребностей (16 случаев). Это характерно для людей, испытывающих острое половое влечение к детям; сочетание подобного желания с отсутствием обмана может быть обусловлено убежденностью посягателя в истинности своей привязанности к ребенку и отсутствии правонарушения со своей стороны. Девочки чаще мальчиков были осведомлены о том, что общаются со взрослыми мужчинами ($p = 0,000$), данное обстоятельство не препятствовало их контакту.

Все вышесказанное обусловило необходимость определить причины, побуждающие детей и подростков к взаимодействию с посягателями, поэтому на втором этапе исследования были определены четыре основных вида таких мотивов (рис. 1).

Рис. 1. Причины, по которым несовершеннолетние контактировали с посягателями

В большинстве случаев мальчикам была свойственна ориентация на сексуальное взаимодействие, желание удовлетворить свое любопытство. Вместе с тем наблюдалось и стремление к дружескому или нейтральному общению. В исключительных случаях несовершеннолетние

мужского пола демонстрировали потребность иметь возлюбленного человека, либо хотели получить награду за контакт с посягателем (деньги, подарки). Характерно, что те или иные виды мотивов проявлялись как при общении с «гомосексуалами», так и с «нимфетками».

Лицам женского пола в большей степени присуща установка на дружеское или нейтральное общение как со взрослыми мужчинами (26 случаев), так и с «подругами» (2 случая). Вместе с тем наблюдается зависимость девочек от таких манипуляций «гетеросексуалов», как постепенная романтизация взаимодействия или обещания наградить за общение (игрушки, лайки, роль в фильме): в подобных ситуациях они начинают проявлять доверие к посягателям или могут вербализировать свою влюбленность в них, несмотря на разницу в возрасте.

Коммуникация грумеров предполагает постепенную интимизацию общения с ребенком и переход к реализации криминальной цели, поэтому на третьем этапе исследования анализировались реакции несовершеннолетних на внедрение в разговор сексуальных тем (рис. 2).

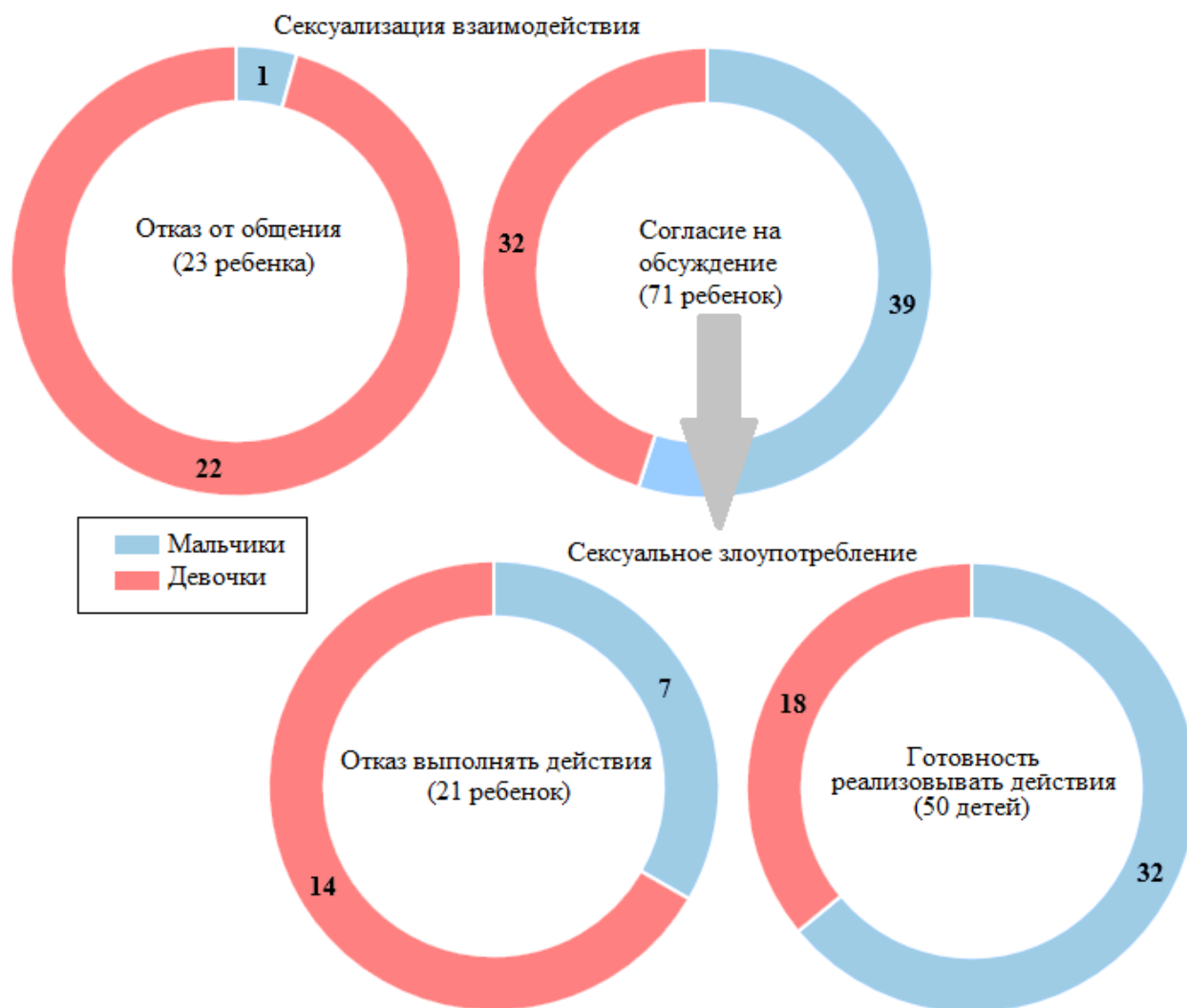

Рис. 2. Динамика коммуникаций после внедрения сексуальных тем

Только четверть несовершеннолетних (24,5%, 1 мальчик и 22 девочки) сразу пресекли контакт на запрещенные темы, прибегнув к следующим способам: ругали собеседника, насмеялись над ним, указывали на преступный характер происходящего, игнорировали сообщения или требовали прекратить их писать. Данная негативная реакция в большей степени присуща девочкам, мотивы которых — дружеское или нейтральное общение (19 человек) и получение награды (3 ребенка); проявивший устойчивость мальчик также изначально был ориентирован только на нейтральное общение. Вероятно, в воспитании данных детей существует строгий запрет на сексуальные разговоры с посторонними людьми.

В большинстве случаев (75,5%, 39 мальчиков и 32 девочки) взаимодействие продолжилось и носило недозволенный характер: в результате манипуляций посягателя его допустили все несовершеннолетние с сексуальным и романтическим интересом к собеседнику, а также те, кто стремился к дружескому/нейтральному общению или хотел получить от него выгоду. В дальнейшем, на стадии перехода к осуществлению сексуально ориентированных действий, 7 мальчиков и 14 девочек все-таки негативно оценили и пресекли контакт, что позволяет сделать вывод об их склонности к рискованному поведению.

В оставшихся 50 случаях несовершеннолетние поддерживали коммуникацию вплоть до реализации грумером своей криминальной цели. В числе мальчиков 30 человек предоставили свои изображения в обнаженном виде, еще двое имели сексуальную связь с «гомосексуалистами» в реальной жизни. Подобная уязвимость преимущественно свойственна мальчикам, которые хотели удовлетворить свой сексуальный интерес (17 человек) или просто пообщаться с новым человеком (9 человек), а также наблюдалась у романтически настроенных детей (5 человек) и у одного ребенка, жаждущего подарков. Пострадавшие девочки в основном демонстрировали влюбленность в посягателей (10 человек), также проявляли меркантильный (4 человека) или дружеский (3 человека) интерес либо сексуальное любопытство (1 человек); в результате коммуникации 14 девочек отправили свои интимные материалы, еще четыре подверглись сексуальным действиям во время личной встречи с «гетеросексуалом».

Значимые различия между несовершеннолетними разных полов были выявлены по четырем параметрам (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия между мальчиками и девочками

Критерии	Выраженность (количество человек)		Уровень значимости различий (критерии χ^2 Пирсона и точного критерия Фишера)
	Мальчики	Девочки	
Обман со стороны кибергрумера	21	3	P = 0,000
Отказ от обсуждения сексуальных тем	1	22	
Реализация криминальной цели	32	18	
Сексуальная мотивация	21	4	

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга — это сложный психологический феномен, связанный как со спецификой манипулятивного воздействия посягателей, так и с гендерными и психосексуальными особенностями потерпевших, оказывающими влияние на их коммуникативное поведение.

2. Инициация и укрепление первичного контакта с несовершеннолетними достигается посягателями в условиях сообщения подлинной или ложной информации о своей гендерной принадлежности и возрасте, — выбор тактики обусловлен криминальной целью и полом потерпевших. Мальчики и девочки проявляют одинаковую готовность к знакомству как со взрослыми мужчинами, так и с неизвестными им «детьми»; при этом они не ставят под сомнение честность своих собеседников.

3. Мальчики значимо чаще демонстрируют сексуальные мотивы при взаимодействии с грумерами: в условиях осведомленности об истинном поле посягателя они проявляют гомосексуальный интерес, а в ситуациях обмана — ориентацию на создание с «девочкой» взаимоотношений половых партнеров. Выраженное стремление мальчиков к снижению психологической дистанции с собеседниками вплоть до обсуждения интимных и сексуальных тем усиливает вероятность сексуального злоупотребления.

4. Девочки в большей степени заинтересованы в приобретении нового собеседника и формировании дружеских взаимоотношений с ним и, в случаях возникновения сексуальной направленности разговора, достоверно чаще демонстрируют понимание значения коммуникативных действий посягателя и пресекают диалог. Вместе с тем существует зависимость девочек от обещаний грумеров наградить их за общение игрушками, лайками или ролью в фильме, такая зависимость может приводить к сексуальному злоупотреблению.

Полученные данные подтверждают результаты других исследований в части большей уязвимости мальчиков для кибергруминга, обусловленной их повышенным сексуальным интересом и добровольным характером взаимодействия с посягателями. Профилактика виктимизации детей и подростков должна организовываться с учетом их гендерных и психосексуальных особенностей, предусматривать развитие навыков отстаивания личных границ и критического отношения к онлайн-собеседникам. Ситуации наличия у ребенка гомосексуального интереса требуют особого внимания, поскольку высок риск посещения им сетевых форумов и чатов, отслеживаемых грумерами, — важно обеспечить таким детям возможность получать информацию из безопасных источников.

Литература

1. Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306
2. Baumgartner S.E., Valkenburg P.M., Peter J. Unwanted online sexual solicitation and risky sexual online behavior across the lifespan // Journal of Applied Developmental Psychology. 2010. Vol. 31. P. 439–447. doi: 10.1016/j.appdev.2010.07.005
3. Biesel K. et al. Digitale Kindeswohlgefährdung: Herausforderungen und Antworten für die Soziale Arbeit. German: Verlag Barbara Budrich. 2023. 249 p. doi:10.2307/jj.3102553.9
4. DeHart D. et al. Internet sexual solicitation of children: a proposed typology of offenders based on their chats, e-mails, and social network posts // Journal of Sexual Aggression. 2017. Vol. 23(1). P. 77–89. doi:10.1080/13552600.2016.1241309
5. Denov M.S. Perspectives on Female Sex Offending: A Culture of Denial. Aldershot, England: Ashgate Publishing. 2004. 225 p.

6. *Edinburgh L., Pape-Blabolil J., Harpin S.B., Saewyc E.* Assessing exploitation experiences of girls and boys seen at a child advocacy center // *Child Abuse & Neglect*. 2015. Vol. 46. P. 47–59. doi: 10.1016/j.chiabu.2015.04.016
7. *Englander E.K.* Bullying and Harassment in a Digital World // *Bullying, Teen Aggression and Social Media*. 2014. Vol. 1(1). P. 1–29.
8. *Feierabend S., Rathgeb T., Kheredmand H., Glockler S.* JIM 2020 — Jugend, Information, Medien — Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger in Deutschland. Stuttgart: Medienpädagogischer Forschungsverbund Sudwest. 2020. 80 p.
9. *Gamez-Guadix M., de Santisteban P., Wachs S., Wright M.* Unraveling cyber sexual abuse of minors: psychometrics properties of the Multidimensional Online Grooming Questionnaire and prevalence by sex and age // *Child Abuse & Neglect*. 2021. Vol. 120. doi:10.1016/j.chiabu.2021.105250
10. *Kopecký K., René S., Dobešová P.* Riziková komunikace a seznamování českých dětí v kyberprostoru. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2021. 115 p. doi:10.5507/pdf.21.24459141
11. *Livingstone S., Palmer T.* Identifying vulnerable children online and what strategies can help them. London: Safer Internet Centre. 2012. 46 p.
12. *Livingstone S., Kalmus V., Talves K.* Girls' and boys' experiences of online risk and safety // C. Carter, L. Steiner, L. McLaughlin. *Routledge Companion to Media and Gender*. London: Routledge, 2013. P. 190–200.
13. *Lowe M., Rogers P.* The scope of male rape: A selective review of research, policy and practice // *Aggression & Violent Behaviour*. 2017. Vol. 35(2). P. 38–43. doi:10.1016/j.avb.2017.06.007
14. *Malesky L.A.* Predatory online behaviour: Modus operandi of convicted sex offenders in identifying potential victims and contacting minors over the Internet // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2007. Vol. 16(2). P. 23–32. doi:10.1300/J070v16n02_02
15. *O'Leary P.J., Barber J.* Gender differences in silencing following childhood sexual abuse // *Journal of Child Sexual Abuse: Research, Treatment, and Program Innovations for Victims, Survivors, and Offenders*. 2008. Vol. 17. P. 133–143. doi:10.1080/10538710801916416
16. *Parratt K., Pina A.* From “real rape” to real justice: A systematic review of police officers' rape myth beliefs // *Aggression and Violent Behaviour*. 2017. Vol. 34. P. 68–83. doi:10.1016/J.AVB.2017.03.005
17. *Pujazon-Zazik M.A., Manasse S.M., Orrell-Valente J.K.* Adolescents' self-presentation on a teen dating website: A risk-content analysis // *Journal of Adolescent Health*. 2012. Vol. 50(5). P. 517–520. doi:10.1016/j.jadohealth.2011.11.015
18. *Salton M.R., Cohen R., Deptula P.D., Ray G.E.* Willingness to self-disclose cyber victimization to friends or parents: Gender differences in cyber victimization a year later // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2023. Vol. 17(2). doi:10.5817/CP2023-2-2
19. *Seymour-Smith S., Kloess J.A.* A discursive analysis of compliance, resistance and escalation to threats in sexually exploitative interactions between offenders and male children // *British Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 60(3). P. 988–1011. doi:10.1111/bjso.12437
20. *Sklenarova H., Schulz A., Schuhmann P., Osterheider M., Neutze J.* Online sexual solicitation by adults and peers — Results from a population based German sample // *Child Abuse & Neglect*. 2018. Vol. 76. P. 225–236. doi:10.1016/j.chiabu.2017.11.005

21. Sofian A., Pratama B., Talerico C. Weighting Approaches on Online Sexual Abuse of Children: Cultural Prevention or Crime-Based Enforcement? // *Udayana Journal of Law and Culture*. 2018. Vol. 2(2). P. 191–219. doi:10.24843/UJLC.2018.v02.i02.p04
22. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R., Collings G. A review of young people's vulnerabilities to online grooming // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18(1). P. 135–146. doi:10.1016/j.avb.2012.11.008
23. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. "Under his spell": Victims' perspectives of being groomed online // *Social Sciences*. 2014. Vol. 3(3). P. 404–426. doi:10.3390/socsci3030404
24. Winters G.M., Jeglic E.L. Stages of sexual grooming: recognizing potentially predatory behaviours of child molesters // *Deviant Behavior*. 2017. Vol. 38(6). P. 724–733. doi:10.1080/01639625.2016.1197656
25. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. Online "predators" and their victims: Myths, realities and implications for prevention and treatment // *American Psychologist*. 2008. Vol. 63(2). P. 111–128. doi:10.1037/0003-066X.63.2.111
26. Ybarra M.L., Mitchell K.J. How risky are social networking sites? A comparison of places online where youth sexual solicitation and harassment occurs // *Pediatrics*. 2008. Vol. 121(2). P. 350–357. doi:10.1542/peds.2007-0693

References

1. Nutskova E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruminga [Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).
2. Baumgartner S.E., Valkenburg P.M., Peter J. Unwanted online sexual solicitation and risky sexual online behavior across the lifespan. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2010. Vol. 31, pp. 439–447. doi: 10.1016/j.appdev.2010.07.005
3. Biesel K. et al. Digitale Kindeswohlgefährdung: Herausforderungen und Antworten für die Soziale Arbeit. German: Verlag Barbara Budrich. 2023. 249 p. doi:10.2307/jj.3102553.9
4. DeHart D. et al. Internet sexual solicitation of children: a proposed typology of offenders based on their chats, e-mails, and social network posts. *Journal of Sexual Aggression*, 2017. Vol. 23, no. 1, pp. 77–89. doi:10.1080/13552600.2016.1241309
5. Denov M.S. Perspectives on Female Sex Offending: A Culture of Denial. Aldershot, England: Ashgate Publishing. 2004. 225 p.
6. Edinburgh L., Pape-Blabolil J., Harpin S.B., Saewyc E. Assessing exploitation experiences of girls and boys seen at a child advocacy center. *Child Abuse & Neglect*, 2015. Vol. 46, pp. 47–59. doi: 10.1016/j.chiabu.2015.04.016
7. Englander E.K. Bullying and Harassment in a Digital World. *Bullying, Teen Aggression and Social Media*. 2014. Vol. 1, no. 1, pp. 1–29.
8. Feierabend S., Rathgeb T., Kheredmand H., Glockler S. JIM 2020 — Jugend, Information, Medien — Basisuntersuchung zum Medieumgang 12- bis 19-Jähriger in Deutschland. Stuttgart: Medienpädagogischer Forschungsverbund Südwest. 2020. 80 p.
9. Gamez-Guadix M., de Santisteban P., Wachs S., Wright M. Unraveling cyber sexual abuse of minors: psychometrics properties of the Multidimensional Online Grooming Questionnaire and

- prevalence by sex and age. *Child Abuse & Neglect*, 2021. Vol. 120. doi:10.1016/j.chiabu.2021.105250
10. Kopecký K., René S., Dobešová, pp. Riziková komunikace a seznamování českých dětí v kyberprostoru. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2021. 115 p. doi:10.5507/pdf.21.24459141
11. Livingstone S., Palmer T. Identifying vulnerable children online and what strategies can help them. London: Safer Internet Centre. 2012. 46 p.
12. Livingstone S., Kalmus V., Talves K. Girls' and boys' experiences of online risk and safety. C. Carter, L. Steiner, L. McLaughlin. Routledge Companion to Media and Gender. London: Routledge, 2013, pp. 190–200.
13. Lowe M., Rogers P. The scope of male rape: A selective review of research, policy and practice. *Aggression & Violent Behaviour*, 2017. Vol. 35, no. 2, pp. 38–43. doi:10.1016/j.avb.2017.06.007
14. Malesky L.A. Predatory online behaviour: Modus operandi of convicted sex offenders in identifying potential victims and contacting minors over the Internet. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2007. Vol. 16, no. 2, pp. 23–32. doi:10.1300/J070v16n02_02
15. O'Leary P.J., Barber J. Gender differences in silencing following childhood sexual abuse. *Journal of Child Sexual Abuse: Research, Treatment, and Program Innovations for Victims, Survivors, and Offenders*, 2008. Vol. 17, pp. 133–143. doi:10.1080/10538710801916416
16. Parratt K., Pina A. From “real rape” to real justice: A systematic review of police officers' rape myth beliefs. *Aggression and Violent Behaviour*, 2017. Vol. 34, pp. 68–83. doi:10.1016/J.AVB.2017.03.005
17. Pujazon-Zazik M.A., Manasse S.M., Orrell-Valente J.K. Adolescents' self-presentation on a teen dating website: A risk-content analysis. *Journal of Adolescent Health*. 2012. Vol. 50, no. 5, pp. 517–520. doi:10.1016/j.jadohealth.2011.11.015
18. Salton M.R., Cohen R., Deptula P.D., Ray G.E. Willingness to self-disclose cyber victimization to friends or parents: Gender differences in cyber victimization a year later. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2023. Vol. 17, no. 2. doi:10.5817/CP2023-2-2
19. Seymour-Smith S., Kloess J.A. A discursive analysis of compliance, resistance and escalation to threats in sexually exploitative interactions between offenders and male children. *British Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 60, no. 3, pp. 988–1011. doi:10.1111/bjso.12437
20. Sklenarova H., Schulz A., Schuhmann P., Osterheider M., Neutze J. Online sexual solicitation by adults and peers — Results from a population based German sample. *Child Abuse & Neglect*, 2018. Vol. 76, pp. 225–236. doi:10.1016/j.chiabu.2017.11.005
21. Sofian A., Pratama B., Talerico C. Weighting Approaches on Online Sexual Abuse of Children: Cultural Prevention or Crime-Based Enforcement? *Udayana Journal of Law and Culture*, 2018. Vol. 2, no. 2, pp. 191–219. doi:10.24843/UJLC.2018.v02.i02.p04
22. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R., Collings G. A review of young people's vulnerabilities to online grooming. *Aggression and Violent Behavior*, 2013. Vol. 18, no. 1, pp. 135–146. doi:10.1016/j.avb.2012.11.008
23. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. “Under his spell”: Victims' perspectives of being groomed online. *Social Sciences*, 2014. Vol. 3, no. 3, pp. 404–426. doi:10.3390/socsci3030404

Медведева А.С.
Виктимизация несовершеннолетних
в процессе кибергруминга: гендерная
и психосексуальная специфика
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 83–94

Medvedeva A.S.
Victimization of Minors in the Process
of Cybergrooming: Gender and
Psychosexual Specificity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 83–94

24. Winters G.M., Jeglic E.L. Stages of sexual grooming: recognizing potentially predatory behaviours of child molesters. *Deviant Behavior*, 2017. Vol. 38, no. 6, pp. 724–733. doi:10.1080/01639625.2016.1197656
25. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. Online “predators” and their victims: Myths, realities and implications for prevention and treatment. *American Psychologist*, 2008. Vol. 63, no. 2, pp. 111–128. doi:10.1037/0003-066X.63.2.111
26. Ybarra M.L., Mitchell K.J. How risky are social networking sites? A comparison of places online where youth sexual solicitation and harassment occurs. *Pediatrics*, 2008. Vol. 121, no. 2, pp. 350–357. doi:10.1542/peds.2007-0693

Информация об авторах

Медведева Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация; ведущий государственный судебный эксперт, Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Information about the authors

Anna S. Medvedeva, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Lead Forensic Expert, North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Получена 29.08.2023
Принята в печать 28.09.2023

Received 29.08.2023
Accepted 28.09.2023

Вопросы психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения несовершеннолетних с отклоняющимся поведением в трудах отечественных психологов

Смоленкова В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2663-9390>, e-mail: v5sage@yandex.ru

Шпагина Е.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

Проблема профессионального самоопределения личности подростков с отклоняющимся, в том числе противоправным, поведением представляет интерес для психологов и педагогов, так как именно выбор профессии и успешное закрепление в профессиональной деятельности является альтернативой криминальной карьере подростков, испытывающих трудности социализации. Задача психолого-педагогического сопровождения в этом возрасте — развить интерес подростка к профессии, помочь осмыслить значение трудовой деятельности в жизненном контексте. Психолого-педагогическая работа с данной категорией подростков имеет свои особенности. В статье представлены результаты аналитического обзора работ отечественных авторов по проблеме профессионального самоопределения несовершеннолетних с отклоняющимся поведением, выявлены мишени и предложены подходы к психолого-педагогическому сопровождению.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация, отклоняющееся поведение подростков, противоправное поведение, психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения.

Для цитаты: Смоленкова В.А., Шпагина Е.М. Вопросы психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения несовершеннолетних с отклоняющимся поведением в трудах отечественных психологов [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114. DOI:10.17759/psylaw.2023130408

Issues of Psychological and Pedagogical Support of Professional Self-Determination of Minors with Deviant Behavior in the Works of Russian Psychologists

Anna S. Medvedeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

The problem of professional self-determination of the personality of adolescents with deviant, including illegal behavior, is of interest to psychologists and educators, since it is the choice of profession and successful consolidation in professional activity that is an alternative to the criminal career of adolescents experiencing difficulties of socialization. The task of psychological and pedagogical support at this age is to consolidate a teenager's interest in professional choice, to help comprehend the meaning of work in a life context. Psychological and pedagogical work with this category has its own characteristics. The article provides an analytical review of the theoretical foundations of psychological and pedagogical support of professional self-determination of adolescents prone to deviant, including illegal behavior.

Keywords: professional self-determination, professional orientation, deviant behavior of adolescents, illegal behavior, psychological and pedagogical accompaniment of professional self-determination.

For citation: Smolenkova V.A., Shpagina E.M. Issues of Psychological and Pedagogical Support of Professional Self-Determination of Minors with Deviant Behavior in the Works of Russian Psychologists. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114. DOI:10.17759/psylaw.2023130408 (In Russ.).

Введение

Выбор профессии, мотивация к трудовой деятельности и подготовка к ней имеют главенствующее значение в процессе социализации личности, адаптации в обществе.

Профессиональное самоопределение — это непрерывный внутриличностный процесс, в ходе которого формируется представление о собственном профессиональном становлении путем изменения осознанности и активности в отношении выбора профессионального труда; реализации и корректировки этого понимания с учетом внутренних и внешних условий (К.А. Абульханова-Славская, М.Р. Гинзбург, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) [11; 46].

Термин «профессиональное самоопределение» схож по значению с термином «профессиональное определение», однако различие лежит в активной позиции субъекта выбора профессии в первом случае. Одни специалисты рассматривают самоопределение как личностное новообразование в процессе индивидуального развития (Л.И. Божович, Н.Р. Гинзбург, И.В. Дубровина, И.С. Кон, В.Ф. Сафин), а другие говорят о специально организованном процессе (О.С. Анисимов, Л.М. Карнозова, Т.В. Кудрявцев, Т.Е. Резник, В.Ю. Шегуров) [25].

Профессиональное самоопределение напрямую связано с пониманием жизненного пути. В подростковом возрасте эти вопросы стоят особенно остро для еще неокрепшей психики так называемого «оптанта». Процесс профессионального самоопределения требует сопровождения, как со стороны родителей, так и всего социального окружения ребенка. Вопросы профориентации входят в структуру деятельности психолога образовательных учреждений всех типов. Особое значение приобретает вопрос профессионального самоопределения для подростков с отклоняющимся поведением, так как профессиональная деятельность является средством (или ресурсом) профилактики большинства видов девиантного (отклоняющегося) поведения. Формирование мотивации к зарабатыванию денег социально приемлемыми путями способствует отказу от криминальной карьеры у подростков и молодых взрослых, испытывающих трудности социализации. Ведь, как известно, криминальная субкультура предполагает отрицание трудовой деятельности.

Одно из правил профориентации требует соотнесения желаний и способностей человека с требованиями трудового поста и работодателей. Мы предлагаем выделить мишени профориентационной работы среди подростков с девиантным (отклоняющимся) поведением, опираясь на анализ имеющихся исследований в области психологии и педагогики.

Аналитический обзор работ по профессиональному самоопределению подростков с девиантным, в том числе делинквентным, поведением

Рассмотрим в первую очередь личностные особенности подростков с девиантным поведением, оказывающие влияние на успешность выбора трудовой деятельности.

В основе любой деятельности лежит мотивация, опора на ценности и установки. В философском, стратегическом плане профессиональное определение включает в себя понимание смысла труда и его места в жизненной траектории человека, необходимость профессионального выбора [27]. Выбор профессии предполагает также знание о содержании конкретных видов трудовой деятельности, осознание необходимости получения профессионального образования. Сравнительные исследования показывают, что у подростков с отклоняющимся поведением данные представления и смысловые категории развиты слабее, чем в группе сверстников с социально нормативным поведением [15]. Так, например, исследование особенностей профессиональных представлений и профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением показало, что 80% опрошенных подростков с девиантным поведением имеют выраженный низкий уровень профессиональных представлений, 20% опрошенных — средний уровень, и ни один респондент из выборки не показал высокий уровень профессиональных представлений (в сравнении с группой подростков с социально приемлемым поведением (15% — низкий уровень; 25 — средний; 60% — высокий уровень) [29]. Авторы объясняют полученные различия тем, что «...подростки с социально приемлемым поведением имеют первичные представления о выборе будущей профессии в связи с нормальной социализацией, а подростки с девиантным поведением, в связи с отсутствием адекватной оценки социальных связей и отношений, имеют крайне ограниченные, даже первичные представления о профессиях». В работе С.Г. Головиной, Т.В. Смолиной [15] показано, что для подростков с девиантным поведением характерна разбросанность профессиональных интересов. В меньшей степени сформирована ценностно-нравственная составляющая самоопределения; в основе выбора профессии лежат «азарт жизни и интересные события, власть и влияние и в меньшей степени, чем у подростков с нормой поведения, развиты чувство по-

лезности людям». У подростков с девиантным поведением в большей степени развит интерес к профессиям, связанным со странствиями, и в меньшей степени, чем у подростков с нормой поведения, сформирован интерес к профессиям, связанным с наукой и педагогикой.

О.Б. Юсипова отмечает, что большинство подростков, вступивших в конфликт с законом (подростки, реализующие «делинквентный потенциал») [47], имеют диффузный (неопределенный) статус профессиональной идентичности, неразвитость профессиональных интересов, связывают свое будущее с профессиями, не требующими высокого уровня квалификации труда. Автор приходит к выводу, что профессиональные интересы этой категории подростков, как правило, не совпадают с личными интересами, склонностями, идеалами и др.

И.С. Арон отмечает, что для подростков с отклоняющимся поведением характерна недостаточная личностная готовность к профессиональному самоопределению по всем четырем компонентам готовности: слабо выражено стремление к познанию окружающего мира, восприятие мира и людей по большей части фрагментарно, нарушено построение причинно-следственных связей, уровень творческого потенциала ниже возрастной нормы. Самопонимание, саморефлексия, контактность, самопроизвольность, гибкость и другие элементы деятельностного компонента психологической готовности к профессиональному самоопределению у этих подростков мало развиты по сравнению с учащимися общеобразовательных школ. Уровень субъектности профессионального выбора у подростков с девиантным и делинквентным поведением в целом ниже, чем у старшеклассников с социально приемлемым поведением [4].

С.Г. Конюхова определяет систему ценностей подростков с отклоняющимся поведением как систему ориентиров мотивации поведения. Наиболее значимыми блоками ценностей по убыванию являются «здоровье», «общение со сверстниками» (потребность в общении выражена сильно, поскольку обычно такие подростки отвергаются коллективом) и «ценность свободы и независимости» как иммунитет на негативные стили педагогического воздействия (трудности или отсутствие должного контроля, неприемлемые наказания, непоследовательное воспитание и др.). Престижность и хорошая заработная плата (утилитарное отношение к профессии), согласно Т.В. Цубиной, являются смысловыми основаниями профессионального выбора таких подростков [4]. А.Н. Смирнова дополнила, что на последнем месте по значимости для этих подростков оказались ценности «самопожертвование», «работа (учеба)» и «нравственность» [28].

С.Н. Чистякова и Н.Ф. Родичев также установили, что жизненные и профессиональные планы подростков с отклоняющимся поведением практически не сформированы или сформированы слабо и противоречиво. Как мы уже говорили, профессиональный выбор носит инфантильный характер, иными словами, отношение к профессиональному самоопределению и развитию легкомысленное, из-за чего можно столкнуться с негативизмом и циничным отношением к труду [4].

Инструментальными ценностями (ценности-цели) для подростков, реализующих «делинквентный потенциал», согласно результатам исследования Ю.Ю. Стрельниковой, Е.И. Ильианковой, являются: «здоровье», «наличие хороших и верных друзей» (что было выявлено и С.Г. Конюховой) и «уверенность в себе». «Нетерпимость к своим и чужим недостаткам», «твердая воля» и «честность» (не в традиционном понимании, а только в рамках референтной группы, например, «справедливое распределение» ролей, товаров, продуктов и проч.) —

ценности-средства или терминальные ценности, которые выделили для себя старшеклассники с делинквентным поведением [28].

В целом, большинство исследований, в том числе работы И.С. Арон [2; 3; 4], Е.Г. Дозорцевой, А.А. Федонкиной [16], Т.В. Цубиной [42], С.П. Акутиной, Е.В. Киселевой [24], С.Г. Головиной, Т.В. Смолиной [15], указывают на недостаточность развития ценностно-мотивационной сферы, преобладание мотивов избегания неудачи и принуждения; наличие внешних мотивов выбора профессии (избегание наказания, материальное вознаграждение); недостаточную осознанность своих ценностей и мотивов; несформированность системы ценностных ориентаций, преобладание материальных потребностей.

Наиболее сильно мотивационная сфера нарушена у подростков с суицидальным поведением: когда потерял смысл жизни, вопрос профессионального самоопределения и самореализации становится малозначимым [4].

Специфические качества личности, затрудняющие профессиональное самоопределение и возможную адаптацию в профессии, выделяют многие исследователи, изучающие девиантное поведение. Так, И.С. Арон, обобщая работы Н.Ф. Родичева, С.Н. Чистяковой, Д.И. Фельдштейна, Т.А. Шиловой и др., выделила в структуре личности подростков с девиантным поведением такие черты, как агрессивность, вспыльчивость, инертность, лживость, повышенную конфликтность, заниженную самооценку, низкую коммуникативность, стремление избежать ответственности, пониженную переносимость повседневных трудностей, стереотипность поведения, нарушение ощущения самостоятельности, принадлежность к среде, не поддерживающей интереса к профессиональному развитию, и одновременно сильная зависимость от нее.

В условиях профессионального выбора подростки с девиантным поведением отличаются от подростков с нормативным поведением большей предприимчивостью и инициативностью, однако волевые и коммуникативные качества у них менее развиты [15].

Когнитивный компонент у таких подростков имеет различные дефициты, что определяет низкие интеллектуальные возможности. У них слабо сформированы потребность в познании, мотивация к получению знаний, что выливается в низкую успеваемость и отрицательное отношение к учебе, проявляющееся в систематических прогулах, нежелании обучаться после окончания школы и продолжить профессиональное образование. Им свойственна неадекватность представлений об окружающем мире, о себе и о мире профессий [4; 16].

Агрессивное поведение подростков часто мешает установить контакты, несущие информацию о мире профессий. Трудновоспитуемые подростки отличаются сиюминутными развлекательными и игровыми интересами, что мешает им ставить долгосрочные цели [31].

Большое значение для успешности профессионального самоопределения и дальнейшей профессиональной адаптации имеют особенности саморегуляции подростков с отклоняющимся поведением [41]. Симптомокомплекс личностной незрелости (как специфическое психологическое и психопатологическое явление, потенциальная способность к осознанной волевой регуляции собственной деятельности) [16] и степень проявления трудностей волевого контроля активности [6] будут определять выраженность поведенческих девиаций у подростка.

Естественная незрелость личности, свойственная младшим подросткам, в норме должна трансформироваться в осознанную саморегуляцию и сформироваться как «функция развитой личности» к концу подросткового возраста (14—15 лет). Однако у подростков с отклоняю-

щимся поведением в этой сфере наблюдаются трудности. Е.Г. Дозорцева, А.А. Федонкина выделяют обобщенные группы признаков, характеризующие личностную незрелость старших подростков-правонарушителей — бедность мотивов и трудности организации деятельности, пониженный уровень морального развития и недифференцированность оценок находят свое выражение в дефицитах личностной смысловой регуляции деятельности [16].

Исследователи выделяют у подростков с отклоняющимся поведением дефицит способности к осознанной саморегуляции поведения [37], что выражается в трудностях выбора жизненной перспективы, профессионального самоопределения и связывают это с проблемой в сфере принятия решений. По их мнению, на выбор подростков влияет либо референтная группа, либо значимый взрослый. Действительно, этом возрасте референтная группа имеет для подростка решающее значение со всеми вытекающими отсюда последствиями: если в групповые ценности и нормы входит определенное негативное отношение к труду, то это не может не повлиять на подростка.

И еще одна важная характеристика личностной зрелости подростка, которую важно учитывать при сопровождении профессионального самоопределения — это использование эффективных стратегий разрешения проблемных ситуаций. В исследовании К.Г. Савоницкой, Н.Н. Авраменко выявлено, что подростки с отклоняющимся поведением предпочитают копинг-стратегию «избегание проблем» за счет того, что кризисная или фрустрирующая ситуация намеренно воспринимается как субъективно малозначимая, либо индивид вовлекается в ситуацию меньше, чем она того требует [35].

Помимо этого, такие параметры блока личностно-средовых ресурсов, как негативная и искаженная Я-концепция, низкий уровень перцепции социальной поддержки, экстернальный локус контроля, отсутствие расхождения между реальным и идеальным компонентами самооценки и пр., способствуют развитию деструктивных стилей копинг-поведения [6], которые также используются в процессе профессионального самоопределения и, соответственно, негативно влияют на успешность профессионального выбора и его реализации.

В довершение всего актуализация защитно-преодолевающей системы личности такого подростка обнаруживается в сверхнормативной напряженности копинг-стратегии, в доминировании примитивных копингов и сниженной саморегуляции, в слабом волевом контроле поведения (в силу преобладания деструктивных копингов) [33].

К.Д. Хломов, А.А. Бочавер, А.А. Корнеев установили различия между копинг-стратегиями, используемыми подростками с социально допустимым (школы с высоким рейтингом) и с девиантным (школы с низким рейтингом, наличие эпизодов с участием полиции, КДН и ЗП) поведением в контексте образовательной среды: подростки с нормой поведения предпочитают рефлексивные, чаще используют такие копинг-стратегии, как «планирование решения проблемы», «позитивная переоценка», «принятие ответственности», «самоконтроль»; младшие подростки с отклоняющимся поведением и/или социально-психологической дезадаптацией из школ с низким рейтингом чаще используют конфронтацию (открытая агрессия, конфликтность, нетерпимость), хотя ее уровень снижается с возрастом; способность к планированию и самоконтролю у них изначально развита слабо [39]. Подростки со склонностью к девиантному поведению чаще, чем подростки с нормативным поведением, используют неадаптивные, часто примитивные копинг-стратегии в условиях фрустрации и стресса, что отрицательно влияет на процесс профессионального самоопределения и профессиональной адаптации в дальнейшем.

Рассмотрев результаты исследований, связанных с личностными особенностями подростков с отклоняющимся поведением, стоит обратить внимание и на встречающийся во многих работах акцент на социальной ситуации развития и среде, в которой формируется профессиональное самоопределение подростка.

В контексте профессионального самоопределения объективный компонент социальной ситуации развития отражает значимые для этого процесса особенности общения и межличностных отношений, а субъективный — на психологическую готовность к профессиональному самоопределению, что влияет на успешность осуществления профессионального выбора и реализации стратегии профессионального развития.

Особенности профессионального самоопределения и психологической готовности к профессиональному самоопределению этой категории подростков были проанализированы в трудах Б.Н. Алмазова, И.С. Арон, Е.Н. Кондрата, Н.Ф. Родичева, Т.В. Цубиной, С.Н. Чистяковой и др. В работах Б.Н. Алмазова, Л.И. Божович, Е.В. Змановской, Д.И. Фельдштейна акцент сделан на особенностях социальной ситуации развития, которая определяет специфику их профессионального самоопределения [1; 4; 32; 34; 38; 39].

Выбор профессии подростков со склонностью к девиантному поведению, как правило, затруднен социально-психологической дезадаптацией, педагогической запущенностью, плохой ориентацией в мире профессий др. [34].

Неблагоприятная социокультурная среда вместе с негативным психологическим содержанием субъективного компонента социальной ситуации развития (в том числе личностные дисгармонии, нарушения здоровья) не позволяют включиться таким подросткам в социокультурные связи общества, удовлетворить свои потребности в общении и уважении социально допустимым способом, из-за чего процесс профессионального самоопределения сильно затруднен, развивается социально нежелательная ориентация: установки на нарушение правопослушного норматива и антисоциальная направленность личности приобретают устойчивый (привычный) характер [1; 3].

Опираясь на выявленные в процессе теоретического анализа особенности профессионального самоопределения подростков с отклоняющимся поведением, рассмотрим возможные подходы к психологическому сопровождению данного процесса в рамках работы психолога образовательного учреждения и других специалистов, включенных в социализацию несовершеннолетних.

Современные подходы к самоопределению в мире профессий (исчезновение одних и появление других) связаны с динамикой изменений на рынке труда, которые «...требуют от человека в его профессиональной жизни зрелости, рефлексивности, умения широко и многогранно подходить к построению собственной профессиональной карьеры, объединяться в профессиональные сообщества и выходить из них, в ходе социальной жизни менять сферы профессиональной деятельности» [36].

Очевидно, что основные трудности в профессиональном самоопределении в старшем школьном возрасте одинаковы для подростков с нормой и отклонением в поведении (мы понимаем, что подростки со склонностью к девиантному поведению решают те же задачи развития), однако у последних неблагоприятная социокультурная среда, в которой они находятся, индивидуально-психологические особенности существенно затрудняют их личностное и профессиональное развитие. Иными словами, трудности профессионального самоопределения подростков с отклоняющимся поведением проявляются в более утрированной, грубой

форме, в силу этого они нуждаются в повышенном внимании к себе со стороны семьи и педагогических работников, социальной защите и поддержке.

В педагогическом подходе «предметом педагогического сопровождения становится процесс совместного с обучающимся определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему самоопределиваться в профессиональном выборе, профессиональной карьере». С.Н. Чистякова выделяет информационный, проективный, имитационный (моделирующий) и продуктивный подходы к построению модели профориентационной работы [44]. В рамках психологического подхода М.Р. Битянова [8] предлагает рассматривать сопровождение как «...систему профессиональной деятельности психолога, направленную на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психологического развития ребенка в ситуациях школьного взаимодействия». Э.Ф. Зеер предлагает понимать сопровождение как «...целостный процесс изучения, формирования, развития и коррекции профессионального становления личности» [20]. Н.В. Богданович, В.В. Делибалт сопровождение в юридической психологии объясняют как «...направление деятельности психолога, целью которого является создание адекватных и психологически благоприятных условий для участников какой-либо определенной деятельности» [10].

К ошибкам и затруднениям в процессе профессионального самоопределения Е.А. Климов, Н.Н. Зотова относят: отношение к выбору профессии как к выбору постоянного пристанища в мире профессий (фатальность профессионального выбора), предвзятое отношение к конкретным видам трудовой деятельности («предрассудки чести»), выбор профессии «за компанию» или под давлением старших родственников, перенос отношения к человеку на профессию, отождествление учебного предмета в школе с профессией, незнание или слабое представление о трудовых действиях и операциях в конкретной профессии, неверные представления о своих возможностях и способностях [21; 27].

О.Р. Бусарова отметила, что при работе с подростками с девиантным поведением помощь в профессиональном самоопределении является не дополнением к воспитательным и коррекционно-развивающим задачам, а одним из средств их реализации [12].

Важным условием успешного профессионального самоопределения подростков этой категории является формирование осознанного и адекватного самосознания (О.С. Тоистева) [4], осознанной личностно-смысловой регуляции с помощью регуляторно-ориентированного тренинга (О.К. Осницкий) [45]; актуализация внутренних субъектных ресурсов, определяющих действенную (активную) позицию самоопределяющейся личности в отношении воздействий внешней среды (иными словами, развитие субъективного компонента социальной ситуации развития — готовности к профессиональному самоопределению); формирование устойчивых просоциальных ценностных ориентаций и профессиональных интересов; актуализация потребности в построении четкой личной профессиональной перспективы; формирование мотивации к обучению и трудовой деятельности, развитие «социальной управляемости поведением» в ходе профилактических бесед в групповом и индивидуальном форматах [14; 24].

С целью формирования активной социальной и гражданской позиции, развития устойчивой, просоциальной позиции личности, правосознания (как антитезы формированию антисоциальных ориентаций) желательно привлекать подростков с отклоняющимся поведением к активной социальной деятельности (аналитической, творческой, продуктивной и проч.), к

участию в общественных объединениях, волонтерских организациях [24; 47] Н.С. Пряжников предлагает психологам-профконсультантам ориентировать подростков на решение проблем в ходе личностного и профессионального самоопределения «цивилизованным способом» (социально допустимым) [33]. Е.И. Ильянова, Ю.Ю. Стрельникова дополнительно рекомендуют проводить со старшеклассниками с делинквентным поведением проблемные игры, направленные на разъяснение правовых норм [24].

Вариантами практической помощи самоопределяющейся личности, по Е.А. Никитской, могут быть: дополнительные общеразвивающие профориентационные программы с ориентацией на социальную адаптацию, с расширением «социальной практики» (имеется в виду использование интерактивных методов обучения и воспитания); экскурсии по ознакомлению с конкретной профессией, встречи с представителями профессий; конференции, дискуссии, беседы, в рамках которых обсуждаются вопросы профессионального самоопределения, ориентации и пр.; создание банка трудовых биографий выпускников и др. [28; 32].

В.В. Делибалт, Н.В. Богданович обобщили технологии помощи несовершеннолетним с проблемным и девиантным поведением в контексте юридически значимых ситуаций [9]. Назовем некоторые из них, которые, на наш взгляд, применимы в процессе сопровождения профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением.

- Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего (технология сбора информации — ОРВ) — позволяет оценить многие факторы риска и возможностей, социальную ситуацию развития (объективный и субъективный компоненты) профессионально самоопределяющейся личности: семейные обстоятельства, взаимоотношения со сверстниками, образование и трудовую занятость, досуг и свободное время, жизненные установки и социальную ориентацию и др., все, что также важно в процессе профессионального самоопределения.
- Технологии раннего вмешательства (направленные на предотвращение неблагополучия всех компонентов социальной ситуации развития).
- Технологии мотивирования (направленные на формирование готовности и мотивации к изменениям поведения, в нашем случае — на изменение ценностных ориентаций на про-социальные, повышение ценности труда, образования, мотивации к обучению и труду).
- Технологии, ориентированные на работу с семьей, на организацию социальной среды подростка (например, включение в социально активную деятельность подростков с девиантным поведением — молодежные социальные проекты, социальная реклама ЗОЖ и вовлечение в спортивные проекты для молодежи [24]: секции, соревнования, туристические походы).
- Технологии информирования, активного социального обучения, формирования социальных альтернатив (идея формирования альтернативного просоциального поведения — «антитеза формированию антисоциальной ориентации», как говорил Н.С. Пряжников), постепенциарные технологии помощи несовершеннолетним и их родителям и др. — применимы, если перед осужденным несовершеннолетним после отбывания наказания стоит вопрос профессионального выбора.

На основе проведенного анализа современных зарубежных исследований Т.А. Егоренко предлагает [17] включать в содержание профориентационных программ мероприятия, направленные на активизацию профессионального интереса старшеклассников к профессиям, востребованным на современном рынке труда. Для этого автор рекомендует использо-

вать: а) приемы релевантных интервенций, которые формируют понимание старшеклассниками важности изучаемых в школе учебных предметов для будущей профессии и таким образом воздействуют на их профессиональные интересы; б) практику наставничества как эффективного механизма познания мира профессий и активизации профессионального самоопределения личности, включения в учебный процесс технологий начального профессионального образования и обучения; в) интеграцию цифровых технологий в учебный процесс, включая инновации, такие как цифровая дистрибуция, меню с QR-кодом, искусственный интеллект, технологии распределенных реестров, которые будут способствовать формированию знаний у старшеклассников об их применении в современном мире профессий.

Заключение

Проблематика профессионального самоопределения подростков с противоправным поведением в научных трудах изучена слабо. Негативные особенности социальной ситуации развития, по мнению И.С. Арон, еще больше обостряются у подростков с делинквентным поведением. Деформация нравственных и правовых ценностных ориентаций, криминогенные сдвиги влияют на профессиональное самосознание осужденных несовершеннолетних с делинквентным поведением следующим образом: жизненные (в том числе профессиональные) цели связаны с потребительством, комфортом в референтной группе; мотивация и интерес к учебной и трудовой деятельности выражены слабо; преобладают досуговые интересы; потребности носят примитивный характер; такие подростки практически не включены в трудовой коллектив, имеют утилитарное отношение к профессии; профессиональные планы, представления о будущем у этой категории подростков гораздо чаще отсутствуют или недостаточно конкретны [4; 11; 13]. Дополним, что в целом состояние факторов (жизненных обстоятельств) построения личного профессионального плана, по Е.А. Климову, у подростков с отклоняющимся поведением хуже, чем у их ровесников: позиция старших членов семьи или лиц, их заменяющих, и сверстников, как правило, мешает успешному профессиональному самоопределению (они сами часто являются носителями антисоциальных установок) [27]; компоненты самосознания, по В.С. Мерлину, развиты слабо [11] в результате утраты базисного доверия к окружающему миру; подростки испытывают затруднения в способности самостоятельно принимать решения; у них отсутствуют четкие временные перспективы; по Е.А. Никитской [32], фактором, влияющим на профессиональное самоопределение девиантных подростков, является неспособность заглянуть в будущее, а значит, и невозможность адекватной самооценки.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Проблема профессионального определения подростков с отклоняющимся (девиантным, в том числе делинквентным, поведением) неизменно вызывает интерес, как у практиков, так и у теоретиков в области психологии и педагогики. Однако современных исследований, ориентированных на потребности актуального рынка труда практически нет.

Качества личности подростков, склонных к девиантному поведению, на которые можно было бы опереться при раскрытии способностей к профессиональному самоопределению, — это предприимчивость, инициативность, приспособляемость и жизнестойкость.

Большинство исследователей указывают на качества личности подростков с девиантным поведением, которые затрудняют профессиональное самоопределение. Это проблемы в мотивационной сфере: трудности с пониманием смысла труда и его морально-нравственной

ценности. Дефициты в когнитивной области затрудняют обучение и способствуют отказу от продолжения профессионального обучения, определяют выбор профессий, не требующих особого образования. Недостаточный кругозор определяет слабое знание содержательной стороны профессионального выбора, несоответствие категорий «хочу» и «могу», непонимание потребностей рынка труда в определенных профессиях. Проблемы волевой саморегуляции приводят к непоследовательности в процессе профессионального самоопределения, подверженности влиянию со стороны, в том числе референтной группы (часто таких же «трудных» подростков). Склонность к деструктивным копингам также затрудняет профессиональное самоопределение и профессиональную адаптацию подростков с девиантным поведением.

Важнейшее значение для профессионального самоопределения подростков имеет социальная ситуация развития и окружение. В связи с тем, что подростки с девиантным поведением находятся в окружении «моделей подражания», дезориентирующих их в адекватном социально приемлемом и социально значимом способе зарабатывания денег (дисфункциональная семья, плохая компания с установками криминальной субкультуры), важно включать в процесс профессионального самоопределения позитивные примеры для подражания, такие как привлечение наставников, использование средств искусства (например кино), просвещение через интернет-ресурсы и социальную рекламу.

В программы психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков следует включать по крайней мере три компонента: 1) изучение ресурсов личности, на которых можно построить профессиональную карьеру; 2) коррекция и формирование личностных качеств и жизненных навыков, способствующих социальной адаптации, в том числе и профессиональной адаптации (таких как навыки саморегуляции, коммуникативные навыки, социальный и эмоциональный интеллект и другие); 3) расширение кругозора и содержательной стороны профессий с помощью наставничества и информирования, использования возможностей цифровых технологий.

Дальнейшие исследования по данной тематике могут быть направлены как на уточнение содержания программ психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения по основным видам девиаций отдельно, так и на поиск новых эффективных методов профориентации подростков с отклоняющимся поведением в условиях изменяющихся требований современного общества и рынка труда.

Литература

1. Алмазов Б.Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних: Монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 180 с.
2. Арон И.С. Мотивация к профессиональному самоопределению подростков, находящихся в особой социальной ситуации развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 1. С. 154–164. doi:10.17759/psyedu.2015070115
3. Арон И.С. Профессиональное самоопределение старшеклассников в контексте социальной ситуации развития [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11). С. 20–27. doi:10.11621/nprj.2013.0303
4. Арон И.С. Психология готовности к профессиональному самоопределению: подходы и результаты исследований: Монография. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. 284 с.

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

5. Арчакова Т.О. Социально-психологическая адаптация выпускников фостерных семей: образование и работа [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 2. С. 92–106. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n2/70119 (дата обращения: 06.08.2023).
6. Банников И.А. Копинг-стратегии девиантных подростков // Студенческий. 2020. № 12 (98). С. 29–32.
7. Барышева А.В. Готовность несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к профессиональному самоопределению как проблема современной педагогической науки // Пенитенциарная наука. 2018. № 2 (42). С. 133–140.
8. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе. М., 2001. 298 с.
9. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Определение понятия «психологическое сопровождение несовершеннолетних в суде» // Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 20–22 октября 2015 года / Отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб: Скифия-принт, 2015. С. 207–208.
10. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность: Сборник материалов. Т. 1. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 458–473. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/covid19challenges2020/covid19challenges2020.pdf> (дата обращения: 09.08.2023).
11. Буров К.С. Профессиональное самоопределение как научное понятие [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. № 4. С. 57–67. doi:10.14529/ped170407
12. Бусарова О.Р. Профориентационная работа с подростками и юношами с девиантным поведением: опыт подготовки специалистов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 35–44. doi:10.17759/psylaw.2019090303
13. Бусарова О.Р., Евсина Е.О. Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147–159. doi:10.17759/psylaw.2022120112
14. Глебова А.А. Социально-психологические особенности формирования просоциальности у подростковых лидеров отрицательной направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 185–194. doi:10.17759/psylaw.2022120414
15. Головина С.Г., Смолина Т.В. Психологические особенности профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением // Инновационное развитие. 2019. № 1 (28). С. 63–69.
16. Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62522 (дата обращения: 12.12.2023).
17. Егоренко Т.А. Методы активизации профессионального самоопределения личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 61–70. doi:10.17759/jmfp.2022110306

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

18. *Ермаков Д.С.* Профессиональное самоопределение и профессиональная ориентация школьников: историко-педагогические аспекты, современный взгляд // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3 (27). С. 75–79.
19. *Ермолова Т.В., Литвинов А.В., Савицкая Н.В., Логвинова О.К.* Приоритеты психолого-педагогической работы с поколением Z (зарубежный опыт) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 89–102. doi:10.17759/jmfp.2020090408
20. *Зеер Э.Ф., Рудей О.А.* Психология профессионального самоопределения в ранней юности: Учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. 256 с.
21. *Зотова Н.Н.* Происхождение ошибок старшеклассников при выборе профессии и возможность их профилактики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 2. С. 102–110.
22. *Иванова С.А., Тимофеева Е.Д.* Развивающая психолого-педагогическая программа «Познаю себя. Развиваюсь. Стремлюсь» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2022. Том 19. № 4. С. 7–28. doi:10.17759/bppe.2022190401
23. *Ильина О.Б.* Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 255–263. doi:10.17759/psyedu.2014060324
24. *Ильянкова Е.И., Стрельникова Ю.Ю.* Особенности ценностно-смысловой сферы личности делинквентных подростков [Электронный ресурс] // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 283–288. doi:10.33910/herzenpsyconf-2019-2-34
25. *Исакова Т.А.* Профессиональное самоопределение в контексте формирования жизненных и профессиональных планов учащейся молодежи // Психологическое сопровождение образовательного процесса: Сборник научных статей. 2012. Том 1. № 2-1. С. 139–144.
26. *Киселева Е.В., Акутина С.П.* Профессиональное самоопределение подростка с девиантным поведением как психолого-педагогическая проблема // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 1038–1041.
27. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 304 с.
28. *Костикова А.В.* Профессиональное самоопределение подростков с девиантным поведением // Актуальные проблемы личности, образования и общества в контексте социально-гуманитарных наук. Тезисы II Международной студенческой научно-практической конференции: Сборник статей. М.: ООО «Издательство РИТМ», 2019. С. 164–170.
29. *Молчанов С.В.* Морально-ценностные основания профессионального выбора в юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 3. С. 81–86.
30. *Нагорная Ю.О., Ефремов Д.А.* Особенности ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением // Педагогическая реальность: системность, событийность, сотрудничество: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, включенной в программу Всероссийского форума. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2020. С. 193–195.
31. *Науменко М.В., Панкратова И.А.* Особенности профессиональных представлений и профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Науковедение. 2015. Том 7. № 5. doi:10.15862/141E VN515

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

32. Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2017070103
33. Пряжников Н.С. Методы ориентировки в психологических «пространствах» самоопределения [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 144–150. doi:10.11621/npj.2017.0316
34. Пряжников Н.С., Румянцева Л.С. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся: Учебник. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 208 с.
35. Савоничева К.Г., Авраменко Н.Н. Особенности выбора копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением, стоящих на учете в детской комнате полиции // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2019. Том 2. № 2 (3). С. 46–56.
36. Тоистева О.С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 60–64.
37. Федонкина А.А. Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 3. С. 178–192. doi:10.17759/psylaw.2016060313
38. Хаймовская Н.А., Бочарова А.Л. Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 1. С. 105–113. doi:10.17759/psyedu.2016080110
39. Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 180–199. doi:10.17759/sps.2020110211
40. Царькова Л.В. Психологическое обеспечение развития профессионального самосознания осужденных несовершеннолетних делинквентов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. 31 с.
41. Царькова Л.В. Развитие профессионального самосознания осужденных несовершеннолетних делинквентов [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. 2012. № 4 (43). С. 84–91. doi:10.7256/2454-0722.2012.4.5724
42. Цубина Т.В. Модель социально-педагогического сопровождения подростков с девиантным поведением в профессиональном самоопределении школы открытого типа // Научный поиск в воспитании: парадигмы, стратегии, практика: материалы 2-й Международной научно-практической конференции, 25–26 марта 2009 г. / Отв. ред. М.Е. Умрихина. М.: Школьная книга, 2010. С. 253–257.
43. Чекалина М.С., Манякова П.О. Саморегуляция и ее компоненты как условие готовности к профессиональному самоопределению [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Том 26. № 1. С. 65–71. doi:10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71
44. Чистякова С.Н. Системная организация педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях социально-экономических перемен // Казанский педагогический журнал. 2017. № 1 (120). С. 4–14.
45. Чуркина Ю.А. Коррекция ценностно-смысловой сферы подростков, склонных к девиантному поведению // Психологические и биологические особенности нарушенного поведения :

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

Материалы всероссийского научно-практического круглого стола с международным участием, Москва, 21 мая 2020 года — 25 марта 2021 года / Под ред. Т.А. Шиловой. М.: ООО «Издательство РИТМ», 2021. С. 209–212.

46. Шутова Е.П., Великанова А.С. Теория профессионального самоопределения старшеклассников в отечественной психологии [Электронный ресурс] // Вестник университета. 2021. № 10. С. 187–194. doi:10.26425/1816-4277-2021-10-187-194

47. Юсупова О.Б. Профессиональное самоопределение подростков, вступивших в конфликт с законом // Технологии развития сензитивности и коммуникации подростков с девиантным поведением: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.В. Москвина. Екатеринбург, 2017. С. 71–80.

References

1. Almazov B.N. *Psikhicheskaya sredovaya dezadaptatsiya nesovershennoletnikh: Monografiya*. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2020. 180 p. (In Russ.).
2. Aron I.S. Motivatsiya k professional'nomu samoopredeleniyu podrostkov, nakhodyashchikhsya v osooi sotsial'noi situatsii razvitiya [Comparative Analysis of Motivational Readiness for Professional Self-determination in Adolescents in Specific Social Situations of Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 154–164. doi:10.17759/psyedu.2015070115 (In Russ.).
3. Aron I.S. Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya [Career choice of senior pupils in the context of the social situation of developmen] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2013, no. 3 (11), pp. 20–27. doi:10.11621/npj.2013.0303 (In Russ.).
4. Aron I.S. *Psikhologiya gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu: podkhody i rezul'taty issledovaniy: Monografiya*. Yoshkar-Ola: Povolzhskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ., 2016. 284 p. (In Russ.).
5. Archakova T.O. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya vypusnikov fosternykh semei: obrazovanie i rabota [Social and Psychological Adjustment in Foster Care Alumni: Education and Employment] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2014. Vol. 3, no. 2, pp. 92–106. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n2/70119 (Accessed 06.08.2023). (In Russ.).
6. Bannikov I.A. Koping-strategii deviantnykh podrostkov. *Studencheskii = Studenchesky*, 2020, no. 12 (98), pp. 29–32. (In Russ.).
7. Barysheva A.V. Gotovnost' nesovershennoletnikh, osuzhdennykh k lisheniyu svobody, k professional'nomu samoopredeleniyu kak problema sovremennoi pedagogicheskoi nauki [Readiness of minors sentenced to imprisonment to professional self-determination as a problem of the modern pedagogical science]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2018, no. 2 (42), pp. 133–140. (In Russ.).
8. Bityanova M.R. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty v shkole*. Moscow, 2001. 298 p. (In Russ.).
9. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Opredelenie ponyatiya “psikhologicheskoe soprovozhdenie nesovershennoletnikh v sude”. In Allakhverdov V.M. (ed.). *Anan'evskie chteniya – 2015: Fundamental'nye problemy psikhologii: materialy nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20–22 oktyabrya 2015 goda*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 2015, pp. 207–208. (In Russ.).
10. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatelnosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Elektronnyi resurs]. *Vyzovy*

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

pandemii COVID-19: psikhicheskoe zdorov'e, distantsionnoe obrazovanie, internet-bezopasnost': Sbornik materialov. Т. 1. Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2020, pp. 458–473. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/covid19challenges2020/covid19challenges2020.pdf> (Accessed 09.08.2023). (In Russ.).

11. Burov K.S. Professional'noe samoopredelenie kak nauchnoe ponyatie [Professional self-determination as a scientific concept] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki" = Bulletin of the South Ural State University. Series "Education. Educational Sciences"*, 2017, no. 4, pp. 57–67. doi:10.14529/ped170407 (In Russ.).

12. Busarova O.R. Proforientatsionnaya rabota s podrostkami i yunoshami s deviantnym povedeniem: opyt podgotovki spetsialistov [Career Guidance with Adolescents and Youths with Deviant Behavior: Professional Training Experience] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 35–44. doi:10.17759/psylaw.2019090303 (In Russ.).

13. Busarova O.R., Evsina E.O. Osobennosti lichnoi professional'noi perspektivy starshikh podrostkov i yunoshei so sklonnost'yu k deviantnomu povedeniyu [Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159. doi:10.17759/psylaw.2022120112 (In Russ.).

14. Glebova A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti formirovaniya prosotsial'nosti u podrostkovykh liderov otritsatel'noi napravlenosti [Socio-Psychological Features of the Prosociality Formation in Adolescent Leaders with Negative Orientation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 185–194. doi:10.17759/psylaw.2022120414 (In Russ.).

15. Golovina S.G., Smolina T.V. Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo samoopredeleniya podrostkov s deviantnym povedeniem [Psychological features of professional self-determination of adolescents with deviant behavior]. *Innovatsionnoe razvitie = Innovatsionnoe Razvitie*, 2019, no. 1 (28), pp. 63–69. (In Russ.).

16. Dozortseva E.G., Fedonkina A.A. Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei s lichnostnoi nezrelost'yu [Psychological characteristics of juvenile offenders with personal immaturity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2013. Vol. 5, no. 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62522 (Accessed 12.12.2023). (In Russ.).

17. Egorenko T.A. Metody aktivizatsii professional'nogo samoopredeleniya lichnosti na etape doprofessional'nogo razvitiya: opyt zarubezhnykh stran [Methods for activating professional self-determination of a person at the stage of pre-professional development: the experience of foreign countries] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 61–70. doi:10.17759/jmfp.2022110306 (In Russ.).

18. Ermakov D.S. Professional'noe samoopredelenie i professional'naya orientatsiya shkol'nikov: istoriko-pedagogicheskie aspekty, sovremennyy vzglyad [Professional self-identification and vocational counselling of schoolchildren: historical and pedagogical aspects, the modern view]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, 2017, no. 3 (27), pp. 75–79. (In Russ.).

19. Ermolova T.V., Litvinov A.V., Savitskaya N.V., Logvinova O.K. Prioritety psikhologo-pedagogicheskoi raboty s pokoleniem Z (zarubezhnyi opyt) [Priorities of psychological and educa-

- tional work with generation Z (foreign experience)] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4, pp. 89–102. doi:10.17759/jmfp.2020090408 (In Russ.).
20. Zeer E.F., Rudey O.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya v rannei yunosti: Uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO "MODEK", 2008. 256 p. (In Russ.).
21. Zotova N.N. Proiskhozhdenie oshibok starsheklassnikov pri vybore professii i vozmozhnost' ikh profilaktiki [Origin of errors of senior pupils when choosing a profession and the possibility of their preventive maintenance]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2010, no. 2, pp. 102–110. (In Russ.).
22. Ivanova S.A., Timofeeva E.D. Razvivayushchaya psikhologo-pedagogicheskaya programma "Poznayu sebya. Razvivayus'". Stremlyus' [Developing Psychological and Pedagogical Program "I'm Knowing Myself. I'm Developing. I'm Striving"] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2022. Vol. 19, no. 4, pp. 7–28. doi:10.17759/bppe.2022190401 (In Russ.).
23. Ilyina O.B. Professional'noe samoopredelenie sovremennykh podrostkov: problemy i puti ikh resheniya [Professional Self-determination of Modern Teenagers: Problems and Solutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2014. Vol. 6, no. 3, pp. 255–263. doi:10.17759/psyedu.2014060324 (In Russ.).
24. Ilyankova E.I., Strelnikova Yu.Yu. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti delinkventnykh podrostkov [The value-sense sphere in the personality of delinquent teenagers] [Elektronnyi resurs]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii = The Herzen University Studies: Psychology in Education*, 2019, no. 2, pp. 283–288. doi:10.33910/herzenpsyconf-2019-2-34 (In Russ.).
25. Isakova T.A. Professional'noe samoopredelenie v kontekste formirovaniya zhiznennykh i professional'nykh planov uchashcheisya molodezhi. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa: Sbornik nauchnykh statei = Psychological Support of the Educational Process: Collection of Scientific Articles*, 2012. Vol. 1, no. 2-1, pp. 139–144. (In Russ.).
26. Kiseleva E.V., Akutina S.P. Professional'noe samoopredelenie podrostka s deviantnym povedeniem kak psikhologo-pedagogicheskaya problema. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 8 (112), pp. 1038–1041. (In Russ.).
27. Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya: Uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2010. 304 p. (In Russ.).
28. Kostikova A.V. Professional'noe samoopredelenie podrostkov s deviantnym povedeniem. *Aktual'nye problemy lichnosti, obrazovaniya i obshchestva v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh nauk. Tezisy II Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: Sbornik statei*. Moscow: OOO "Izdatel'stvo RITM", 2019, pp. 164–170. (In Russ.).
29. Molchanov S.V. Moral'no-tsennostnye osnovaniya professional'nogo vybora v yunosheskom vozraste [Moral and value grounds of professional choice at a young age]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 81–86. (In Russ.).
30. Nagornaya Yu.O., Efremov D.A. Osobennosti tsennostnykh orientatsii podrostkov s deviantnym povedeniem [Features of value orientations of teenagers with deviant behavior]. *Pedagogicheskaya real'nost': sistemnost', sobytiinost', sotrudnichestvo: Materialy Vserossiiskoi nauchno-*

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

prakticheskoi konferentsii, vklyuchenoj v programmu Vserossiiskogo foruma. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020, pp. 193–195. (In Russ.).

31. Naumenko M.V., Pankratova I.A. Osobennosti professional'nykh predstavlenii i professional'nogo samoopredeleniya podrostkov s deviantnym povedeniem [Features of professional representations and professional self-determination of teenagers with deviant behavior] [Elektronnyi resurs]. *Naukovedenie = Naukovedenie*, 2015. Vol. 7, no. 5. doi:10.15862/141EVN515 (In Russ.).
32. Nikitskaya E.A. Formy psikhologo-pedagogicheskoi raboty po preodoleniyu negativnykh faktorov v professional'nom samoopredelenii podrostkov s deviantnym povedeniem [Forms of psycho-pedagogical work to overcome the negative factors in professional self-determination of teenagers with deviant behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2017070103 (In Russ.).
33. Prjazhnikov N.S. Metody orientirovki v psikhologicheskikh «prostranstvakh» samoopredeleniya [Guidance methods in psychological “spaces” of self-determination] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 3 (27), pp. 144–150. doi:10.11621/npj.2017.0316 (In Russ.).
34. Prjazhnikov N.S., Rumyantseva L.S. Samoopredelenie i professional'naya orientatsiya uchashchikhsya: Uchebnik. Moscow: Izdatel'skii tsentr “Akademiya”, 2013. 208 p. (In Russ.).
35. Savonicheva K.G., Avramenko N.N. Osobennosti vybora koping-strategii u podrostkov s deviantnym povedeniem, stoyashchikh na uchete v detskoj komnate politsii [Peculiarities of coping-strategies choice among adolescents with deviant behaviour who are on the list at police children department]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki = Herald of the Kaluga State University. Series 1. Psychological Science. Pedagogical Sciences*, 2019. Vol. 2, no. № 2 (3), pp. 46–56. (In Russ.).
36. Toisteva O.S. Professional'noe samoopredelenie podrostkov: aktual'nost', problemy, puti resheniya [Professional self-determination of adolescents: relevance, problems and solutions]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2011, no. 4, pp. 60–64. (In Russ.).
37. Fedonkina A.A. Sposobnost' nesovershennoletnikh pravonarushitelei s lichnostnoi nezrelost'yu k osoznannomu rukovodstvu svoimi deistviyami [The ability of juvenile offenders with personality immaturity to conscious leadership by their actions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 178–192. doi:10.17759/psylaw.2016060313 (In Russ.).
38. Khaimovskaya N.A., Bocharova A.L. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty professional'nogo samoopredeleniya v sovremennom obshchestve [Socio-psychological Aspects of Professional Identity in the Modern Society] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2016. Vol. 8, no. 1, pp. 105–113. doi:10.17759/psyedu.2016080110 (In Russ.).
39. Khlomov K.D., Bocharov A.A., Korneev A.A. Koping-strategii i obrazovatel'naya sreda podrostkov [Coping Strategies of Adolescents and Educational Environment] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 180–199. doi:10.17759/sps.2020110211 (In Russ.).
40. Tsarkova L.V. Psikhologicheskoe obespechenie razvitiya professional'nogo samosoznaniya osuzhdennykh nesovershennoletnikh delinkventov: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2012. 31 p. (In Russ.).

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

41. Tsarkova L.V. Razvitie professional'nogo samosoznaniya osuzhdennykh nesovershennoletnikh delinkventov. *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 2012, no. 4 (43), pp. 84–91. (In Russ.).
42. Tsubina T.V. Model' sotsial'no-pedagogicheskogo soprovozhdeniya podrostkov s deviantnym povedeniem v professional'nom samoopredelenii shkoly otkrytogo tipa. In Umrikhina M.E. (ed.). *Nauchnyi poisk v vospitanii: paradigmy, strategii, praktika: materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 25–26 marta 2009 g.* Moscow: Shkol'naya kniga, 2010, pp. 253–257. (In Russ.).
43. Chekalina M.S., Manyakova P.O. Samoregulyatsiya i ee komponenty kak uslovie gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu [Self-regulation and its components as a condition of readiness for professional self-determination] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetic*, 2020. Vol. 26, no. 1, pp. 65–71. doi:10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71 (In Russ.).
44. Chistyakova S.N. Sistemnaya organizatsiya pedagogicheskogo soprovozhdeniya professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh peremen [System organization of pedagogical maintenances professional self-determination of students in conditions social and economic changes]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2017, no. 1 (120), pp. 4–14. (In Russ.).
45. Churkina Yu.A. Korrektsiya tsennostno-smyslovoi sfery podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu. In Shilova T.A. (ed.). *Psikhologicheskie i biologicheskie osobennosti narushennogo povedeniya : Materialy vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 21 maya 2020 goda — 25 marta 2021 goda.* Moscow: OOO "Izdatel'stvo RITM", 2021, pp. 209–212. (In Russ.).
46. Shutova E.P., Velikanova A.S. Teoriya professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov v otechestvennoi psikhologii [Professional self-determination theory of senior pupils in Russian psychology] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik universiteta = Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 187–194. doi:10.26425/1816-4277-2021-10-187-194 (In Russ.).
47. Yusipova O.B. Professional'noe samoopredelenie podrostkov, vstupivshikh v konflikt s zakonom [Professional self-determination of adolescents in conflict with the law]. In Moskvina E.V. (ed.). *Tekhnologii razvitiya senzitivnosti i kommunikatsii podrostkov s deviantnym povedeniem: Sbornik nauchnykh trudov.* Yekaterinburg, 2017, pp. 71–80. (In Russ.).

Информация об авторах

Смоленкова Виктория Алексеевна, студентка, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2663-9390>, e-mail: v5sage@yandex.ru

Шпагина Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.
Вопросы психолого-педагогического сопровождения
профессионального самоопределения
несовершеннолетних с отклоняющимся
поведением в трудах отечественных психологов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 95–114

Smolenkova V.A., Shpagina E.M.
Issues of Psychological and Pedagogical
Support of Professional Self-Determination
of Minors with Deviant Behavior
in the Works of Russian Psychologists
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 95–114

Information about the authors

Viktoria A. Smolenkova, Student, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2663-9390>, e-mail: v5sage@yandex.ru

Elena M. Shpagina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

Получена 30.08.2023
Принята в печать 30.10.2023

Received 30.08.2023
Accepted 30.10.2023

Акцентуации характера, ценностные ориентации и агрессивность подростков как факторы риска совершения правонарушений несовершеннолетними

Обуховская Д.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-4364>, e-mail: dashashowbiz9624@gmail.com

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Правонарушения несовершеннолетних являются важной проблемой, стоящей перед нашим социумом в настоящий момент. В исследовательской работе применялись различные теоретические методы, методики «Адаптированный подростковый опросник Леонгарда—Шмишека», «Опросник уровня агрессивности Басса—Перри», «Ценностные ориентации» Ш. Шварца. Статистический анализ данных был проведен с использованием U-критерия Манна—Уитни и коэффициента корреляции Пирсона. Были выявлены характерологические особенности несовершеннолетних правонарушителей, уровень их агрессивности и система ценностных ориентаций. Большинство правонарушителей имеют возбудимый, гипертимный и эмотивный тип акцентуаций, высокий уровень агрессивности и отличную от контрольной группы систему ценностей. Были выявлены статистически значимые корреляции между акцентуациями характера, уровнем агрессивности и ценностными ориентациями. Полученные данные дают возможность повысить эффективность профилактической работы с подростками, их родителями и педагогами.

Ключевые слова: несовершеннолетние, правонарушения, противоправная деятельность, факторы правонарушений, акцентуации характера, агрессивность, ценностные ориентации.

Для цитаты: *Обуховская Д.И., Коноплева И.Н.* Акцентуации характера, ценностные ориентации и агрессивность подростков как факторы риска совершения правонарушений несовершеннолетними [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 115–131. DOI:10.17759/psylaw.2023130409

The Character Accentuations, Value Orientations and Agressiveness of Adolescents as the Risk Factors of the Committing of Offenses by Juveniles

Daria I. Obukhovskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-4364>, e-mail: dashashowbiz9624@gmail.com

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Juvenile delinquency is an important problem facing our society at the moment. In the research work, various theoretical methods were used, the “Adapted adolescent questionnaire of Leonhard-Schmishek”, the “Questionnaire of the level of aggressiveness of Bass-Perry” methods, the S. Schwartz “Value orientations” method. Statistical analysis of the data was carried out using the Mann-Whitney U-test and the Pearson correlation coefficient. The characterological features of juvenile offenders, the level of their aggressiveness and the system of value orientations were identified. Most offenders have an excitable, hyperthymic and emotive type of accentuations, a high level of aggressiveness and a different value system to the control group. Statistically significant correlations were found between character accentuations, the level of aggressiveness and value orientations. The obtained data make it possible to increase the effectiveness of preventive work with adolescents, their parents and teachers.

Keywords: juveniles, offenses, illegal activities, factors of offenses, character accentuations, aggressive-ness, value orientations.

For citation: Obukhovskaya D.I., Konopleva I.N. The Character Accentuations, Value Orientations and Agressiveness of Adolescents as the Risk Factors of the Committing of Offenses by Juveniles. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 115–131. DOI:10.17759/psylaw.2023130409 (In Russ.).

Введение

Проблема правонарушений среди несовершеннолетних в нашей стране стоит очень остро. Рост правонарушений среди подростков ведет к негативным последствиям не только для общества, но и для них самих, неся угрозу их физическому и психическому здоровью.

Ученые и специалисты из различных областей науки обеспокоены по поводу того, что молодежь в настоящее время, еще не начав жить, уже лишает себя перспективы на достойное положение в обществе. Возрастание количества подростков с отклоняющимся и противоправным поведением вызывает тревогу [16]. В последние годы выросла численность подростков, выбирающих целью своей жизни материальное благополучие, которого они добиваются любой ценой. Среди несовершеннолетних утрачиваются ценность и значимость труда и саморазвития. Данная позиция среди несовершеннолетних приобретает все более агрессивные формы, поэтому особую значимость приобретает выявление и изучение факторов,

влияющих на совершение правонарушений среди несовершеннолетних, что в дальнейшем будет способствовать предупреждению противоправного поведения.

Целью нашего исследования явилось выявление и анализ психологических факторов риска, влияющих на совершение правонарушений несовершеннолетними.

Период подросткового возраста — это этап жизни человека, в течение которого некоторые процессы, связанные с переходом от детства к взрослой жизни, протекают достаточно остро. В данный период ребенок ведет себя вызывающе по отношению к взрослым, происходит изменение в увлечениях, убеждениях и интересах ребенка. Все это связано с тем, что подросток хочет выглядеть как взрослый, но при этом не может фактически им быть, он стремится получить самостоятельность и свободу от взрослых, но не может ей пользоваться и должен соблюдать те правила и нормы, которые ставятся перед ним взрослыми. К тому же взрослые сталкиваются с повышенной импульсивностью, возбудимостью и ранимостью подростка. Дети становятся обидчивыми и довольно критичными к родителям, учителям и остальным взрослым, которые их окружают. Данные особенности вызывают трудности в общении между взрослыми и детьми, что приводит к различного рода конфликтам, протестам и конфронтациям.

В данный период развития изменяется и отношение подростка к миру, к себе. Он формирует свое собственное мировоззрение, планы на будущую жизнь, что, в итоге, позволит ему жить самостоятельно. Подросток стремится занять равную позицию со взрослыми, даже несмотря на то, что он пока не способен полностью соответствовать взрослому. Подросток начинает понимать себя, свои возможности и свое место в обществе, а также назначение в жизни [11].

В это время у подростков происходят и изменения в деятельности. Возникновение новых форм деятельности, изменения, происходящие из-за данной деятельности, и перестроение отдельных психических функций являются характеристиками ведущей деятельности. Только учитывая данные характеристики, деятельность можно назвать ведущей [10].

В ведущей деятельности происходит усвоение подростком общественных норм и правил, средств и целей социального поведения. Д.И. Фельдштейн, в свою очередь, предполагает, что в настоящее время подростки чаще ищут новые формы значимой для социума деятельности, где он может выразить себя как член общества, т. е. если ребенок участвует в общественно принятой и полезной деятельности, то он становится увереннее в своей значимости. Данный факт позволяет подросткам развивать ту систему ценностей и мотивацию, которые будут направлены на общественное благо [22].

Изучая психологические особенности несовершеннолетних, важно также рассмотреть теорию А.Е. Личко, в которой он выявлял и описывал стереотипы поведения подростков [9]. Данная теория помогает понять особенности поведения ребенка на этом этапе развития. Изучив и проанализировав данную теорию, можно выявить факторы и причины совершения противоправных поступков несовершеннолетними.

Определенные факторы окружающей среды, а также особенности личности подростка могут привести его к совершению правонарушений. При сочетании дисгармоничных личностных черт у подростков риск противоправного поведения повышается [18].

В настоящее время преступность среди детей и молодежи находится на высоком уровне, поэтому очень важно изучать психологические особенности их личности, которые выступают факторами противоправного поведения среди данной категории лиц [3; 13; 21].

Несовершеннолетние, совершившие правонарушения, обладают характерными чертами личности, изучив которые, можно выбирать наиболее подходящие меры для педагогической работы. К правонарушениям при влиянии негативных условий может приводить и неустойчивость в системе ценностных ориентаций [12; 14; 15]. Под ценностными ориентациями понимается система личностных установок по отношению к существующим в обществе материальным и духовным ценностям [6; 17].

Д.А. Леонтьев считает, что в подростковый период активно формируются ценностные ориентации, которые оказывают большое влияние на становление личности подростка. Ценностные ориентации, которые формируются у подростка, определяют то, какие у него будут отношения с окружающим миром, и служат детерминантой его поведения. Ценностные ориентации несовершеннолетнего являются структурой, в которой проявляется его отношение к действительности. Ценностные ориентации, во-первых, выражаются в проявлении отношения подростка к миру, а во-вторых — служат системой установок, которые детерминируют его поведение. Для подростков, совершающих противоправные поступки, соблюдение общепризнанных норм и правил поведения является наименее значимой ценностью [19]. Влияние на поведение и убеждения подростка оказывают и его социальные связи. В исследовании Э.М. Томас изучалось влияние моральных ценностей родителей и преступного поведения сверстников на ценности и преступное поведение подростков [26].

Согласно исследованию К.А. Овчинниковой и М.А. Даниловой, для несовершеннолетних правонарушителей не характерно стремление планировать жизнь, слабо выражено стремление к внутреннему росту, самосовершенствованию. Несовершеннолетние правонарушители не имеют ценностей, принятых в обществе — не стремятся к познанию, отвергают ценности культуры, бездеятельны в жизни. Они убеждены в том, что не нужны обществу, не смогут добиться чего-то в жизни и занять достойное положение среди своих сверстников [13].

Согласно теории А.Е. Личко, личностные особенности занимают важное место в формировании противоправного поведения подростков. Он отмечает, что несовершеннолетний, имеющий некоторые акцентуации характера, склонен к асоциальным реакциям на негативные факторы и условия окружающей среды. При этом он же отмечает, что обладателям таких акцентуаций, как сензитивная, психастеническая, астеноневротическая, напротив, совершенно не свойственно делинквентное и асоциальное поведение [9]. В свою очередь, К. Леонгард также выдвигал концепцию «акцентуированных личностей». По его мнению, личностные черты разделяются на основные и дополнительные. Личность с ярко выраженными основными чертами является «акцентуированной» [8]. Такие личности не следует рассматривать как патологические, но в случае взаимодействия с неблагоприятными факторами они могут приобретать такой характер, разрушая структуру личности.

Изучение психологических и эмоционально-волевых особенностей несовершеннолетних правонарушителей имеет важное криминологическое значение, в том числе и для прогнозирования преступного поведения.

Молодежную делинквентность анализируют также с точки зрения изменения социальной системы, которая разрушает сложившиеся социальные нормы. Данное явление получило название аномии. Это определение используют для того, чтобы объяснить криминализацию общества в период трансформаций системы. В современных исследованиях отмечается, что аномия заявляет о себе наличием постоянно расширяющейся гаммы социальных девиаций. К числу индикаторов аномии Э. Дюркгейм относит рост преступного поведения в обществе, социальный хаос, нечеткость целей в жизни, возрастание значимости таких ориентаций, как

материальные и направленные на удовольствие без усилий, в противоположность духовным и нравственным ориентациям.

В свою очередь, в работах Т.В. Шипуновой, которая затрагивает тему социально-психологических причин и факторов противоправного поведения, отмечается, что формирование данного поведения может начинаться с этапа снижения общения между родителями и детьми и заканчиваться принятием правил и норм криминальной субкультуры [24].

М. Камбиева делит факторы правонарушений на две группы: макро- и микросоциальные. В микросоциальных делается акцент только на одном — негативном влиянии семьи на подростка [5]. Согласно зарубежным исследованиям, значимым фактором асоциального поведения является семейная ситуация [25].

Таким образом, причины противоправного поведения связаны не только с психологическими особенностями, но и с социально-педагогическими факторами, вводящими подростка в ситуации риска, в ходе которых он идет на правонарушение.

Многие исследователи задаются вопросом, какими мотивами руководствуются несовершеннолетние, идущие на совершение правонарушений или преступлений. Мотивы играют важную роль не только в повседневной деятельности человека, но и в формировании противоправного поведения подростков, которое все больше походит на мотивацию преступников более взрослой категории. При этом личностные особенности подростков играют не последнюю роль во влиянии на мотивы и характер совершенных ими правонарушений.

Значительное количество правонарушений совершаются подростками без четкого плана, спонтанно, непродуманно. Г.Г. Федорова считает, что это связано с мотивами, которые не осознаются подростком, но связаны с отсроченным действием травматического опыта, закрепившегося в сознании несовершеннолетнего [19]. В исследовании Л.Р. Заграй выделяются такие типы мотивов, как экспериментально-познавательный, коммуникативно-эмоциональный, утилитарно-потребительский [4]. Не последнюю роль играет и материальная выгода в совершении правонарушений подростками [1; 7; 10].

Таким образом, характерными особенностями мотивации противоправного поведения несовершеннолетних являются примитивный характер потребностей, желание самоутвердиться и отсутствие баланса между потребностями [23].

Изучение психологических и эмоционально-волевых особенностей подростков имеет важное значение, в том числе и для прогнозирования противоправных действий. В свою очередь, криминогенное поведение среди подростков возникает как результат не только личностных особенностей, но и негативного влияния окружающей среды.

Мы предположили, что фактором риска совершения правонарушений являются психологические особенности несовершеннолетних, представленные акцентуациями характера; высокий уровень агрессивности может выступать фактором риска совершения правонарушений несовершеннолетними. Также высказано предположение, что несовершеннолетние, совершившие правонарушение, имеют систему ценностных ориентаций, отличную от ценностей правоуправляемых несовершеннолетних.

Выборка и методы исследования

Для проверки высказанных предположений нами организовано и проведено собственное эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 20 несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет (19 мальчиков и 1 девочка), стоящих на внутришкольном учете и в КДН, и 20 несовершеннолетних, не стоящих на учете (все мальчики).

Все подростки контрольной группы обучаются в школе; из группы правонарушителей 17 обучаются в школе, 3 — в колледже. Респонденты являются жителями г. Москва. В контрольной группы 13 человек воспитываются в полных семьях, 7 человек — в неполной семье. Среди правонарушителей 7 человек воспитываются в полной семье, 13 — в неполной.

Мы проанализировали характер семейных взаимоотношений испытуемых. Свои взаимоотношения с близкими родственниками как «положительные» оценили 5 подростков из контрольной группы и 4 подростка из группы правонарушителей; как «отрицательные» — 6 из контрольной группы и 10 из группы правонарушителей; как «нейтральные» были обозначены 9 респондентами из контрольной группы и 6 из группы правонарушителей.

Опрос испытуемых показал, что в группе подростков-правонарушителей свободное время проводится преимущественно на улице, во дворе, тогда как в контрольной группе несовершеннолетние проводят время в театрах, парках, секциях или же дома за компьютером. Свободное время обе группы проводят чаще с друзьями, чем с родителями.

Методики исследования.

- «Адаптированный подростковый опросник Леонгарда—Шмишека» (в адаптации И.В. Крук), направленный на диагностику акцентуаций характера.
- «Опросник уровня агрессивности ВРАQ-24 Басса—Перри» (в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского).
- Методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца (в адаптации В.Н. Карандашева).

Для статистической обработки данных использовался критерий Манна—Уитни для независимых выборок и критерий корреляции Пирсона, позволяющий определить наличие или отсутствие линейной связи между двумя количественными показателями, а также оценить ее тесноту и статистическую значимость. Анализ нормальности распределения выборки оценивался с помощью критерия согласия Пирсона хи-квадрат. Все расчеты проводились в программе SPSS Statistics 22.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным, полученным в ходе исследования, видно, что более выражены акцентуации характера в группе подростков-правонарушителей, в меньшей степени — в контрольной группе (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

Полученные данные (рис. 1) показывают, что группа правонарушителей в большей степени обладает такими акцентуациями, как возбудимый, гипертимный и эмотивный тип. Стоит отметить, что человек не обязательно может обладать только одной акцентуацией. По мнению К. Леонгарда, существуют сочетания акцентуаций, которые не дают ничего принципиально нового — получается, скорее, смешанный тип акцентуации [8].

Для выявления эмоционально-волевых качеств испытуемых была проведена методика на выявление уровня агрессивности Басса—Перри. В ходе исследования были получены результаты по шкалам физической агрессии, враждебности, гнева, а также общий показатель (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

По полученным данным у испытуемых контрольной группы (рис. 2) преобладают низкий и средний уровни, а среди группы правонарушителей (рис. 3) — средний и высокий. Это может говорить о том, что правонарушители больше склонны активно проявлять физическую агрессию в своих действиях и поступках.

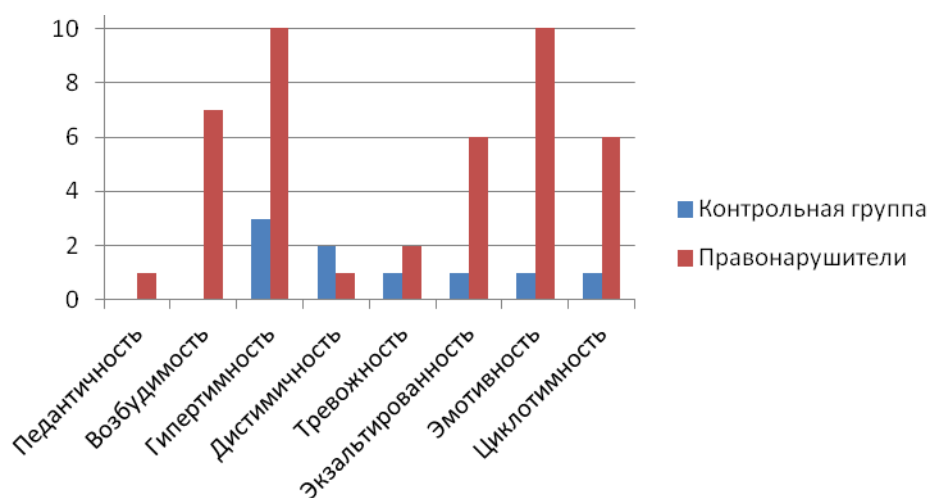

Рис. 1. Акцентуации характера группы подростков-правонарушителей. Представлены результаты обеих групп

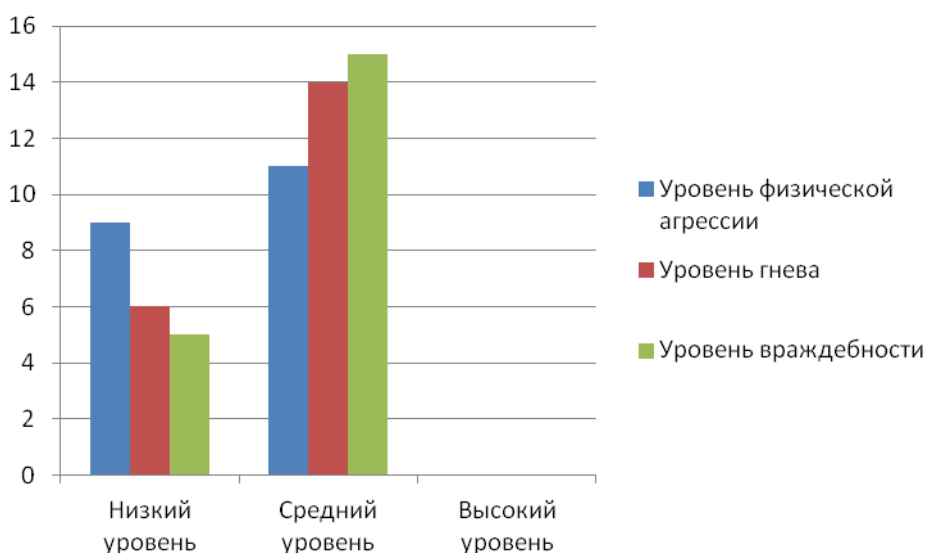

Рис. 2. Результаты методики Басса—Перри испытуемых контрольной группы

Данные уровня гнева демонстрируют, что среди респондентов обеих групп преобладает средний уровень. Важно отметить то, что некоторые испытуемые из группы подростков-правонарушителей имеют высокий уровень гнева; это объясняется тем, что среди правонарушителей, в отличие от обычных подростков, чаще встречаются неконтролируемые вспышки гнева, влияющее на их поступки и решения. Среди испытуемых контрольной группы высоких результатов по этому параметру не выявлено.

Показательным также является количество испытуемых из каждой группы по показателю низкого уровня гнева. Среди контрольной группы низкий уровень имеют 6 респондентов, среди правонарушителей — всего один человек.

По уровню враждебности преобладающими оценками среди контрольной группы являются средние и низкие, в группе правонарушителей — средние и высокие.

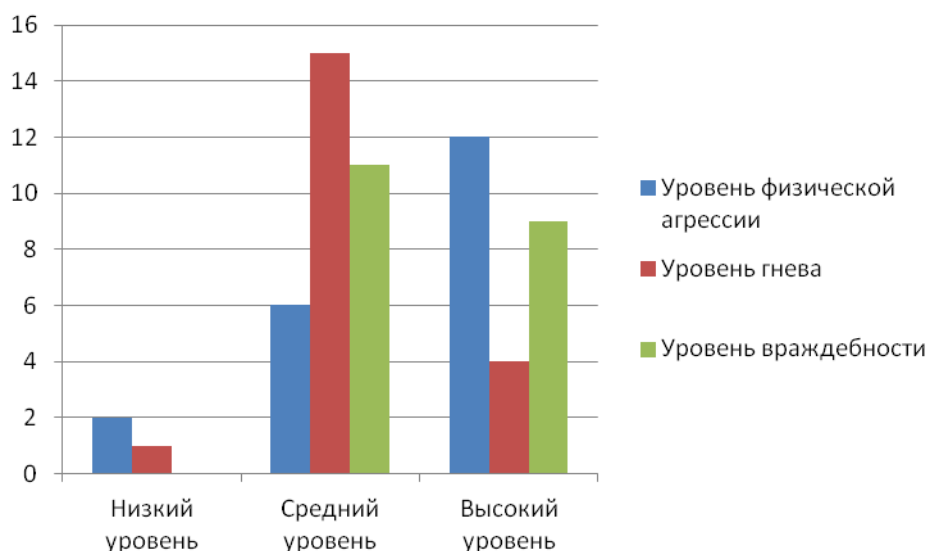

Рис. 3. Результаты методики Басса—Перри подростков-правонарушителей

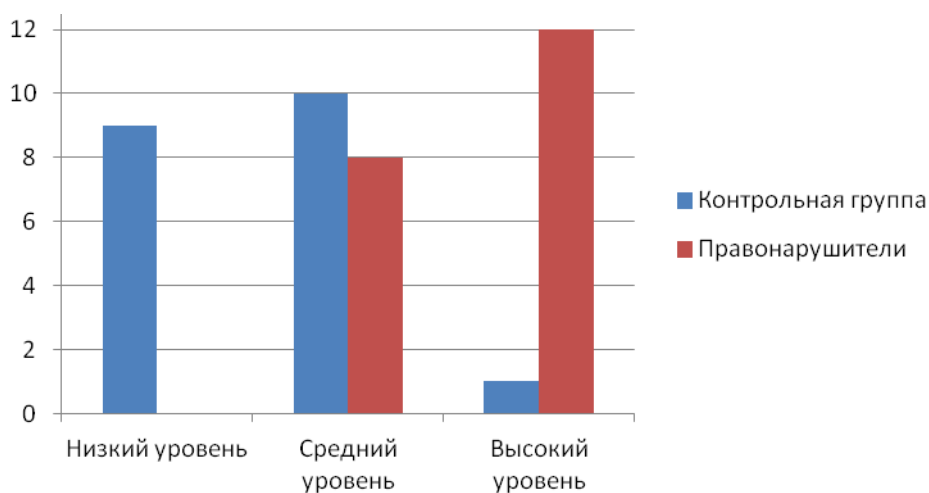

Рис. 4. Общий уровень агрессивности в двух группах испытуемых

Высокий и средний уровень общей агрессивности преобладает в группе подростков-правонарушителей (рис. 4), в контрольной группе идет преобладание низкого и среднего уровня. То есть уровень агрессивности среди правонарушителей выше, чем в группе нормы. Таким образом, агрессивность среди несовершеннолетних правонарушителей выступает одним из факторов риска совершения правонарушений.

Для того чтобы определить разницу в иерархии ценностных ориентаций групп испытуемых, в исследовании была использована методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца. Подростковый возраст характеризуется также тем, что на данном этапе происходит формирование системы ценностей, влияющих на развитие личности в целом. Именно ценностные ориентации, формирующиеся у несовершеннолетних, детерминируют его взаимодействие с обществом и поведение.

Первая часть исследования по методике «Обзор ценностей» направлена на исследование нормативных идеалов у испытуемых, которые находятся на уровне убеждений личности.

Структура ценностей, исследуемая в этой части опросника, не проявляется в поведении человека в обществе, но при этом выступает как наиболее влияющая на личность.

Полученные результаты подтвердили наличие различий в системе ценностей контрольной группы и группы правонарушителей (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

Рис. 5. Сравнение результатов испытуемых, полученные при исследовании ценностных ориентаций (нормативные ценности)

На рис. 5 показаны различия среди испытуемых по таким ценностям, как «Конформизм», «Универсализм», «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Власть», «Безопасность».

В представленных ниже данных (таблица 1) содержится информация о ранговом распределении нормативных ценностей среди контрольной группы и группы подростков, совершивших правонарушение.

Таблица 1

Ранговое распределение ценностных ориентаций по системе нормативных ценностей

Нормативные ценности	Контрольная группа	Правонарушители
Конформность	9	7
Традиции	10	10
Доброта	4	3
Универсализм	3	8
Самостоятельность	1	1
Стимуляция	7	6
Гедонизм	6	9
Достижение	5	4
Власть	8	5
Безопасность	2	2

Результаты первого этапа методики показывают, что среди испытуемых контрольной группы важными ценностями являются самостоятельность, безопасность и универсализм. Наименее важными ценностями являются традиции, конформность и власть.

В группе правонарушителей наиболее важными ценностями являются самостоятельность, безопасность и доброта. Универсализм, традиции и гедонизм выступают, как наименее важные для них ценности.

Для испытуемых, у которых важной ценностью является самостоятельность характерно самостоятельное мышление и выбор способов действия в сферах активности, самоконтроль, самоуправление. Для испытуемых с ценностью безопасность важна стабильность в обществе и взаимоотношения с людьми, безопасность для себя и других, а также гармония. Люди с ценностью универсализм отличаются пониманием и терпимостью касаясь общества, стремлением к защите природного и человеческого благополучия.

В группе правонарушителей важной ценностью является также самостоятельность и безопасность. Третьей важной ценностью является доброта, которая проявляется в стремлении обустроить и сохранить благополучие близких людей, с которыми они находятся в непосредственном контакте. При этом наименее важной ценностью для них является универсализм, поэтому сохранение благополучия людей, не входящих в узкий круг знакомых, становится наименее важным, то есть, благополучие других людей и общества в целом не является для них значимым. Также они менее склонны без сильной необходимости вступать в контакт с людьми, которые находятся вне своего узкого круга общения.

Полученные результаты в ходе второй части исследования, которое направлено на исследование ценностей, проявляющихся на уровне поведения человека, также подтвердили наличие различий в системе ценностей двух исследуемых групп (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

Рис. 6. Сравнение результатов испытуемых, полученные при исследовании ценностных ориентаций (профиль личности).

На рис. 6 представлены различия, выявленные в ходе исследования по профилю личности по таким показателям, как «Традиции» «Универсализм».

В таблице 2 содержится информация о ранговом распределении ценностей профиля личности в контрольной группе и группе подростков, совершивших правонарушение.

Таблица 2

Ранговое распределение ценностных ориентаций по системе нормативных ценностей

Ценностные ценности профиля личности	Контрольная группа	Правонарушители
Конформность	9	8
Традиции	10	7
Доброта	4	2
Универсализм	3	10
Самостоятельность	1	1
Стимуляция	7	3

Гедонизм	2	5
Достижение	6	6
Власть	8	9
Безопасность	5	4

Результаты второго этапа методики показывают, что наиболее важными ценностями в контрольной группе являются самостоятельность, гедонизм и универсализм, а наименее важными традиции, конформность и власть. Для испытуемых с ценностью «Гедонизм» мотивационной целью является наслаждение жизнью и чувственное удовольствие.

Наиболее важными ценностями в группе правонарушителей являются самостоятельность, доброта и стимуляция, наименее важными универсализм, власть и конформность.

Для испытуемых с ценностью стимуляция, как наиболее важной, характерны стремление к новизне и глубине переживаний. Такие испытуемые стремятся к новым ощущениям и чувствам, риску, экстриму, что может выступать фактором совершения ими правонарушений для того, чтобы испытать их. Людям, для которых данная ценность является одной из значимых, необходимо разнообразие в различных сферах жизни для того, чтобы поддерживать свою активность на необходимом для них уровне.

Для выявления взаимосвязи системы ценностных ориентаций и акцентуаций характера нами был проведен корреляционный анализ данных по коэффициенту корреляции r Пирсона.

Данный анализ выявил связь таких показателей, как «Педантичность» и «Конформность» ($r = 0,530^*$ на уровне значимости $0,05$). Эта взаимосвязь объясняется тем, что личность, имеющая педантичный тип акцентуации характера, отличается приверженностью к определенному порядку, стремлением контролировать ситуацию, добросовестностью, четкостью, надежностью, стремлением совершенствовать все сферы своей личности. Они способны брать на себя ответственность за поступки, стараются уделять внимание близким людям, их благополучию, здоровью. При этом им довольно трудно адаптироваться к новым условиям, принимать решения, так как они боятся совершить ошибку.

Также была выявлена связь показателей «Доброта» и «Эмотивность» ($r = 0,465^*$ на уровне значимости $0,05$). Это объясняется тем, что человек с эмотивным типом личности отличается ранимостью, вспышками гнева, высокой мнительностью по отношению ко всему, что его окружает, он тяжелее переживает грубость и жестокость, отсутствие теплоты и равнодушие со стороны других людей, особенно близких. При этом он обладают такими положительными качествами, как отзывчивость, душевная теплота искренность чувств, он сопереживает людям, стремится к построению близких контактов с ними, способен по-настоящему радоваться успехам своих родных.

Выраженная связь показателей «Власть» и «Демонстративность» ($r = 0,989^{**}$ на уровне значимости $0,01$) объясняется тем, что демонстративная личность отличается высоким уровнем притязаний, желанием достижений, артистичностью, смелостью и решительностью, такие люди чаще других стремятся завоевать лидерство и получить всеобщее признание. Личность демонстративного типа не переносит чужой успех и расценивает его как собственную неудачу, такому человеку необходимо получить внимание всех окружающих любыми средствами и любой ценой. Люди со значимой ценностью власти стремятся к достижению статуса и престижа в социальной среде, лидерству и контролю над людьми и ресурсами, им также необходимо общественное признание любой ценой.

Корреляционный анализ, проведенный нами для выявления взаимосвязи уровня агрессивности и ценностных ориентаций правонарушителей, выявил значимую связь показателей «Власть» и «Общий уровень агрессивности» ($r = 0,473^*$ на уровне значимости 0,05). Данная связь объясняется тем, что личность, для которой ценность «Власть» является значимой, характеризуется высоким уровнем притязаний, авторитетом в обществе. Такая личность постоянно стремится к лидерству, богатству, высокому социальному статусу, престижу, доминированию над людьми, такие люди получают удовольствие от доминирования над другими, властью над ними. Они чаще стараются занимать более высокие позиции в коллективе, стремятся возглавить группы, к которым они себя относят. Все это может приводить к тому, что при неудачах или нежелательных исходах своих действий такой человек способен достигнуть своей цели с помощью агрессивного поведения.

Выводы

Исследователями в различных областях психологии, педагогики и криминологии было установлено, что подростки правонарушители характеризуются отсутствием интереса к познавательной деятельности, стремлением получить удовольствие без усилий и труда, отличной от других системой ценностей, которая проявляется в желании утвердить свою позицию в обществе, стремлении к лидерству, но, что самое важное, в отсутствии стремления к саморазвитию, внутреннему росту, всеобщему благополучию. Они не планируют свое будущее и живут моментом, получая удовольствие от риска и быстропроходящих удовольствий.

Правонарушения, совершаемые подростками, происходят под влиянием множества факторов риска, при выявлении которых появляется возможность наметить основные пути работы по их предупреждению и устранению. Отсутствие доступного досуга, организованного государством, враждебность и безразличие со стороны родителей и учителей, кризис системы образования и другие факторы приводят к повышению числа правонарушений среди подростков.

Эмпирическое исследование позволило выявить наличие возбудимых, гипертимных и эмотивных типов личности преимущественно в группе подростков правонарушителей; такие типы личности могут выступать психологическими факторами риска, подталкивающими их к совершению правонарушений. У большинства испытуемых выявились проблемы в сфере семейных взаимоотношений, большинство испытуемых группы правонарушителей воспитываются в неполной семье. Это является довольно ощутимым фактором, влияющим на их поведение. В обеих группах подростки редко общаются со своей семьей, а часть испытуемых живут в конфликтах с родителями и близкими, испытывают безразличие и непонимание с их стороны.

В группе подростков-правонарушителей преобладают высокий и средний уровни общей агрессивности, в контрольной группе мы наблюдаем преобладание низкого и среднего уровней. В целом мы видим, что уровень агрессивности среди правонарушителей выше, чем в группе нормы. И это может свидетельствовать о том, что агрессивность у несовершеннолетних правонарушителей выступает одним из факторов риска совершения правонарушений.

Было выявлено, что системы ценностных ориентаций в контрольной группе и группе правонарушителей имеют различия. Ценности контрольной группы направлены на всеобщее благополучие, сохранение целостности природы и общества, тогда как ценности правонарушителей направлены на сохранение благополучия только узкого круга их близких, а благополучие общества в целом является для них наименее значимым.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что при выявлении факторов риска, влияющих на совершение правонарушений несовершеннолетними, их психологических особенностей появляется возможность в дальнейшем определить основные направления психологической и учебно-воспитательной работы с данной категорией лиц.

Литература

1. Вахабова С.А. Факторы возникновения преступлений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Вестник научной мысли. 2021. № 1. С. 178–180. doi:10.34983/DTPB.2021.72.29.001
2. Гартвик Е.В. Психологические факторы делинквентного поведения подростков [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Том 26. № 3 (86). С. 283–291. doi:10.24412/1999-6241-2021-3-86-283-291
3. Горьковская И.А. Направления профилактики противоправного поведения подростков в России [Электронный ресурс] // Психология человека в образовании. 2020. Том 2. № 3. С. 265–276. doi:10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276
4. Заграй Л.Р. Мотивация противоправных действий подростков // Научный диалог. 2012. № 1. С. 21–31.
5. Камбиева М. Факторы, влияющие на формирование противоправного поведения подростков // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 845–847.
6. Карацук Л.Н., Шалимова Е.Н., Конопкина В.Д., Дмитриева М.Н. Исследование ценностных ориентаций подростков для активизации образовательного процесса [Электронный ресурс] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 378–382. doi:10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p378-382
7. Колесников Р.В. Факторы, детерминирующие групповые преступления несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 201–208.
8. Леонгард К. Акцентуированные личности. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 446 с.
9. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО). СПб: Речь, 2009. 256 с.
10. Личко А.Е. Социо-психологические особенности подросткового возраста как причины нарушения поведения // Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия / Сост. И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 256–266.
11. Назарова Н.Г. Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 3. С. 89–103. doi:10.17759/psylaw.2016060308
12. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 460 с.
13. Омарова Р.И. Современная преступность несовершеннолетних и меры предупреждения и борьбы с ней // Аллея науки. 2019. № 3 (30). С. 558–563.
14. Салахова В.Б., Костыряченко Ю.А. Мотивация и мотивы несовершеннолетних правонарушителей // Симбирский научный вестник. 2018. № 4 (34). С. 31–35.
15. Семочкина А.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершающего насильственные преступления [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 150–153. doi:10.24411/2073-0454-2020-10471

Обуховская Д.И., Коноплева И.Н.
Акцентуации характера, ценностные ориентации
и агрессивность подростков как факторы риска
совершения правонарушений несовершеннолетними
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 115–131

Obukhovskaya D.I., Konopleva I.N.
The Character Accentuations, Value Orientations
and Aggressiveness of Adolescents as the Risk Factors
of the Committing of Offenses by Juveniles
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 115–131

16. Сводные данные из статистических сведений ГИАЦ МВД России по годам [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762?ysclid=15gg70nlwh759860306> (дата обращения: 21.12.2021).
17. Смирнова Е.Ю. Особенности ценностных ориентаций несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная Работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Том 16. № 4. С. 95–98.
18. Старикова В.О., Дебольский М.Г., Ошевский Д.С. Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 79–91. doi:10.17759/psylaw.2017070407
19. Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 63–76. doi:10.17759/psylaw.2018080105
20. Федорова Г.Г. Делинквентное поведение несовершеннолетних и пути его профилактики // Социальная педагогика. 2017. № 4-5. С. 61–69.
21. Федотова Е.Н. Особенности личности несовершеннолетнего преступника [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 98–101. doi:10.24411/2073-0454-2019-10327
22. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избранные труды. 2-е изд. М.: МПСИ, 2004. 672 с.
23. Шаповал И.А. Психология дисгармонического дизонтогенеза: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2016. 301 с.
24. Шупунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 180 с.
25. Alboukordi S., Nazari A.M., Nouri R., Sangdeh J.K. Predictive factors for juvenile delinquency: the role of family structure, parental monitoring and delinquent peers // International Journal of Criminology and Sociological Theory. 2012. Vol. 5(1). P. 770–777.
26. Thomas A.M. Parent and Peer Influences: Their Role in Predictive Adolescent Moral Values and Delinquent Behavior: Thesis for the Degree of Master of Science. Colorado: Colorado State University Fort Collins, 2011. 64 p.

References

1. Vakhobova S.A. Faktory voznikoveniya prestuplenii sredi nesovershennoletnikh [Factors of occurrence of crimes among minors] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik nauchnoi mysli = Bulletin of Scientific Thought*, 2021, no. 1, pp. 178–180. doi:10.34983/DVIPB.2021.72.29.001 (In Russ.).
2. Gartvik E.V. Psikhologicheskie faktory delinkventnogo povedeniya podrostkov [Psychological Factors of Juvenile Delinquent Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021. Vol. 26. № 3 (86), pp. 283–291. doi:10.24412/1999-6241-2021-3-86-283-291 (In Russ.).
3. Gorkovaya I.A. Napravleniya profilaktiki protivopravnogo povedeniya podrostkov v Rossii [Trends in the prevention of illegal behaviour among teenagers in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*, 2020. Vol. 2, no. 3, pp. 265–276. doi:10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276 (In Russ.).
4. Zagray L.R. Motivatsiya protivopravnykh deistvii podrostkov [Motivation of Juvenile Offenders]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2012, no. 1, pp. 21–31. (In Russ.).

5. Kambieva M. Faktory, vliyayushchie na formirovanie protivopravnogo povedeniya podrostkov. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2014, no. 4 (63), pp. 845–847. (In Russ.).
6. Karashchuk L.N., Shalimova E.N., Konopkina V.D., Dmitrieva M.N. Issledovanie tsennostnykh orientatsii podrostkov dlya aktivizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Study of value orientations of adolescents to activate the educational process] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, 2020, no. 8 (186), pp. 378–382. doi:10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p378-382 (In Russ.).
7. Kolesnikov R.V. Faktory, determiniruyushchie gruppovye prestupleniya nesovershennoletnikh [Factors determining group crimes of minors]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 4, pp. 201–208. (In Russ.).
8. Leonhard K. Aktsentuirovannye lichnosti [Akzentuierte persönlichkeiten]. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 446 p. (In Russ.).
9. Lichko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. Patokharakterologicheskii diagnosticheskii oprosnik dlya podrostkov (PDO). Saint Petersburg: Rech', 2009. 256 p. (In Russ.).
10. Lichko A.E. Sotsio-psikhologicheskie osobennosti podrostkovogo vozrasta kak prichiny narusheniya povedeniya. In Dubrovina I.V., Prikhozhan A.M., Zatsepin V.V. (eds.). *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya*. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2001, pp. 256–266. (In Russ.).
11. Nazarova N.G. Otsenka faktorov, povyshayushchikh i snizhayushchikh risk agressivnogo protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnikh (obzor issledovaniy) [Assessment of factors that increase and reduce the risk of aggressive unlawful behavior among juveniles (a review of foreign literature)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 89–103. doi:10.17759/psylaw.2016060308 (In Russ.).
12. Obukhova L.F. Vozrastnaya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Yurait, 2020. 460 p. (In Russ.).
13. Omarova R.I. Sovremennaya prestupnost' nesovershennoletnikh i mery preduprezhdeniya i bor'by s nei. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2019, no. 3 (30), pp. 558–563. (In Russ.).
14. Salakhova V.B., Kostiryachenko Yu.A. Motivatsiya i motivy nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Motivation and motives of juvenile offenders]. *Simbirskii nauchnyi vestnik = Simbirsk Scientific Journal Vestnik*, 2018, no. 4 (34), pp. 31–35. (In Russ.).
15. Semochkina A.A. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nesovershennoletnego, sovershayushchego nasil'stvennye prestupleniya [Criminological characteristics of the personality of a minor who commits violent crimes] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 8, pp. 150–153. doi:10.24411/2073-0454-2020-10471 (In Russ.).
16. Svodnye dannye iz statisticheskikh svedenii GIATs MVD Rossii po godam [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://мвд.пф/ folder/101762?ysclid=l5gg70nlwh759860306> (Accessed: 21.12.2021). (In Russ.).
17. Smirnova E.Yu. Osobennosti tsennostnykh orientatsii nesovershennoletnikh pravonarushitelei [The specifics of juvenile offenders' value system]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya Rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University n.a. N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 2010. Vol. 16, no. 4, pp. 95–98. (In Russ.).

Обуховская Д.И., Коноплева И.Н.
Акцентуации характера, ценностные ориентации
и агрессивность подростков как факторы риска
совершения правонарушений несовершеннолетними
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 115–131

Obukhovskaya D.I., Konopleva I.N.
The Character Accentuations, Value Orientations
and Aggressiveness of Adolescents as the Risk Factors
of the Committing of Offenses by Juveniles
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 115–131

18. Starikova V.O., Debolsky M.G., Oshevsky D.S. Cherty “asotsial’noi lichnosti” u nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Traits of antisocial personality of juvenile offenders] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 4, pp. 79–91. doi:10.17759/psylaw.2017070407 (In Russ.).
19. Ustinov D.V. Soderzhanie potrebnosti kak kriterii klassifikatsii motivov protivopravnogo imushchestvennogo povedeniya detei [Content of needs as classification criteria of unlawful property behavior of children] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 63–76. doi:10.17759/psylaw.2018080105 (In Russ.).
20. Fedorova G.G. Delinkventnoe povedenie nesovershennoletnikh i puti ego profilaktiki. *Sotsial’naya pedagogika = Social Pedagogy*, 2017, no. 4-5, pp. 61–69. (In Russ.).
21. Fedotova E.N. Osobennosti lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Features of the personality of a minor offender] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019. № 6. S. 98–101. doi:10.24411/2073-0454-2019-10327 (In Russ.).
22. Feldshtein D.I. Psikhologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel’nye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti: izbrannye trudy. 2nd ed. Moscow: MPSI Publ., 2004. 672 p. (In Russ.).
23. Shapoval I.A. Psikhologiya disgarmonicheskogo dizontogeneza: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2016. 301 p. (In Russ.).
24. Shipunova T.V. Vvedenie v sinteticheskuyu teoriyu prestupnosti i deviantnosti. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003. 180 p. (In Russ.).
25. Alboukordi S., Nazari A.M., Nouri R., Sangdeh J.K. Predictive factors for juvenile delinquency: the role of family structure, parental monitoring and delinquent peers. *International Journal of Criminology and Sociological Theory*, 2012. Vol. 5, no. 1, pp. 770–777.
26. Thomas A.M. Parent and Peer Influences: Their Role in Predictive Adolescent Moral Values and Delinquent Behavior: Thesis for the Degree of Master of Science. Colorado: Colorado State University Fort Collins, 2011. 64 p.

Информация об авторах

Обуховская Дарья Игоревна, студентка, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-4364>, e-mail: dashashowbiz9624@gmail.com

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Information about the authors

Daria I. Obukhovskaya, Student, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-4364>, e-mail: dashashowbiz9624@gmail.com

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psy-

Обуховская Д.И., Коноплева И.Н.
Акцентуации характера, ценностные ориентации
и агрессивность подростков как факторы риска
совершения правонарушений несовершеннолетними
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 115–131

Obukhovskaya D.I., Konopleva I.N.
The Character Accentuations, Value Orientations
and Agressiveness of Adolescents as the Risk Factors
of the Committing of Offenses by Juveniles
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 115–131

chology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail:
konopleva.i.n@gmail.com

Получена 15.03.2023
Принята в печать 15.09.2023

Received 15.03.2023
Accepted 15.09.2023

Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Радчиков А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Морозикова И.В.

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ), г. Смоленск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Пятых Г.А.

Администрация Губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Анисимова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

В работе приводятся данные стандартизации методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ», представляющей собой модификацию методики OES-A (Р. Гилман и соавторы, 2013). В русскоязычной версии методика ШСО-ПМ представлена тремя субшкалами: «Игнорирование», «Исключение», «Отвержение». В исследовании приняли участие 2417 человек (75,2% женского пола) в возрасте от 14 до 25 лет (средний возраст — $18,36 \pm 2,61$ лет). Приводятся данные пилотажного исследования с применением метода виньеток. Методика ШСО-ПМ показала хорошую внутреннюю согласованность: альфа Кронбаха = 0,63, 0,83 и 0,62 для субшкал «Игнорирование», «Исключение» и «Отвержение» соответственно; конфирматорный факторный анализ подтвердил соответствие трехфакторной модели данным (SRMR=0,04; GFI=0,96; IFI=0,95; CFI=0,95; RMSEA=0,06). Внешняя валидность подтверждена умеренными положительными корреляционными связями со шкалой стра-

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

ха отвержения опросника «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и результатами методики «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона. В приложении приведен текст ШСО-ПМ с инструкцией, ключом и интерпретацией.

Ключевые слова: социальный остракизм, отвержение, игнорирование, исключение, валидизация, стандартизация, Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках работ по методическому обеспечению образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» в целях сопровождения работы Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования на 2023 год.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Федерацию психологов образования России.

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130410

Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Andrew S. Radchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Irina V. Morozikova

Smolensk State University, Smolensk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Galina A. Pyatykh

Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Ekaterina V. Anisimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

The paper presents data on the standardization of the “Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)”, which is a modification of the OES-A (R. Gilman et al., 2013). In the Russian version OES-AY is represented by three subscales: ignoring, exclusion, rejection. The study involved 2417 people aged 14 to 25 years ($M = 18.36$ years, $SD = 2.61$). Data from a pilot study using the vignette method are presented. Distribution of the sample by gender: male 24.8%, female 75.2%. To assess the internal consistency of the questionnaire subscales, Cronbach’s Alpha consistency assessment was used, which showed good consistency of all 3 subscales: “Ignoring” (0.63), “Exclusion” (0.83), “Rejection” (0.62). The general model of the three-factor questionnaire was tested using confirmatory factor analysis, which showed good fit to the data: $SRMR=0.04$; $CMIN/df=9.59$; $GFI=0.96$; $IFI=0.95$; $CFI=0.95$; $RMSEA=0.06$. To assess external validity, the questionnaires “Diagnostics of affiliation motives, A. Mehrabian (in Russ.)” and “Methodology for diagnosing the level of subjective feeling of loneliness by D. Russell and M. Ferguson (in Russ.)” were used. The appendix to the article contains the text of the OES-AY (in Russ.) with instructions, key and interpretation.

Keywords: social ostracism, rejection, ignoring, exclusion, validation, standardization, Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.).

Funding. The reported study was carried out as part of the work on methodological support of educational activities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University in order to support the work of the Federal Coordination Center for the provision of psychological services in the education system for 2023.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection the Russian Public Organization “Federation of Psychologists of Education of Russia”.

For citation: Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V. Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130410 (In Russ.).

Введение

Важность фактора социального остракизма, который включает в себя такие субконструкты, как *игнорирование*, *исключение*, *отвержение*, а также рассматривается в контексте родственных феноменов (изоляция, отчужденность, одиночество, стигматизация, буллинг и др.) в процессе развития и становления Человека как социального вида на сегодняшний день не подлежит сомнению. Данный тезис подтверждается не только научными теоретико-эмпирическими исследованиями в области психологических наук [3; 8; 9; 12; 15; 28] и социологии [2; 18].

О значительной роли феномена социального остракизма говорит антропология, этология и история. В Древней Греции остракизм применялся как превентивная мера: в государствах-полисах остракизм применялся как мера изгнания влиятельных граждан на определенный срок. В антропологии как науке, изучающей происхождение и историческое бытие человека, существует устойчивая тенденция считать остракизм формой социального контроля. В данной концепции остракизм зачастую мог быть приравнен к смертной казни остракируемого: на ранних этапах развития человечества изгнанный (из племени, семьи, клана) в новых

аутгрупповых условиях не всегда был способен поддерживать свою жизнедеятельность и был обречен на гибель. Если говорить об остракизме как характеристике, присущей всем социальным видам животных, то этология знает много примеров его использования у видов, ведущих стайный образ жизни: шимпанзе склонны относиться к своим собратьям с особенностями поведения и развития как к изгоям, у волков подчиненные особи избираются еще с рождения, а мать семейства клана луговых собачек жестоко изгоняет в период подготовки к спячке низкостатусных беременных самок. [см.: 1]

Постановка проблемы

Стоит признать тот факт, что феномен социального остракизма, опосредующий мощные негативные эффекты, в рамках теоретико-эмпирических исследований в области психологических наук подвергнут глубокому и всестороннему анализу. В зарубежных исследованиях социальный остракизм и родственные феномены изучались целой плеядой ученых из разных стран: К.Д. Вильямсом, Л. Задро, С. Нидой, К.Л. Зоммер, Р. Баумайстером, Э.Д. Вессельманном, Д. Реном, Ж. Ченом, Н. де Воллом, М. Пфундмайер, Й. Райхертом, К. Конопкой, Л.Р. Хьюсманном, П. Ривой, Дж.Б. Нецлеком и другими.

В отечественных исследованиях процессы, связанные с игнорированием, исключением, отвержением, также подвергаются всестороннему научно-практическому анализу и систематизации (Б.Н. Алмазов, Бойкина Е.Э., А.Е. Войскунский, Дозорцева Е.Г., Т.В. Шипунова, В.В. Титкова, Е.П. Ильин, Е.В. Киселева и др.).

Видный советский исследователь криминальной психологии В.Ф. Пирожков, анализируя значимость факторов *социальной изоляции* несовершеннолетних заключенных говорит о том, что сила изоляции настолько велика, что она способна стереть грань «между различными асоциальными и криминальными типами (...насильником, бродягой, хулиганом, мелким вором и т. п.)» и приводит к формированию «...нового типа — личности осужденного (личности несовершеннолетнего в условиях правовых ограничений)» [8, с. 366].

В контексте анализа депривационного характера отношений группы с широким социумом по принципу выделения ее инициатора М.Ю. Кондратьев описал различные виды изоляции: вынужденную, принудительную, добровольную и добровольно-принудительную. В данной типологии ученый активно изучил подгруппу принудительной изоляции, в которой группы людей подвергаются «...своеобразному временному остракизму — осужденные в условиях различных исправительно- и воспитательно-трудовых учреждений» [5, с. 60].

В исследовании Е.Э. Бойкиной были получены значимые результаты, свидетельствующие о том, что остракизм в его хронической форме может нанести тяжелый урон психическому здоровью несовершеннолетних [3].

Активный прирост теоретического массива знаний в области социального остракизма позволил отечественным исследователям перейти на уровень формирования практико-ориентированного знания в данной области, о чем свидетельствуют работы Л.Н. Костиной, И.В. Ульяновой, Е.Ю. Костиной, И.В. Морозиковой, Н.В. Путинцевой, Р.В. Чиркиной, Е.М. Шпагиной и других [1; 6; 7; 10; 17]. Однако, несмотря на широкую академическую представленность социального остракизма и его родственных феноменов в контексте научного дискурса, приходится констатировать ряд проблем в области методологии исследования данных феноменов в Российской Федерации. На данный момент нам удалось обнаружить лишь несколько методик, которые отечественные исследователи могут применять при изучении процессов игнорирования, исключения и/или отвержения [13; 14]. С учетом вышеска-

занного можно считать проблематику дефицита диагностического инструментария для изучения аспектов феномена социального остракизма актуальной и востребованной, с точки зрения как науки, так и практики.

Триада социального остракизма

Основываясь на анализе результатов собственного эмпирического исследования [1; 3; 4], мы пришли к выводу о необходимости дополнения структуры феномена остракизма, представленной в модели К.Д. Вильямса, в которой остракизм представлен в качестве двухфакторного конструкта (игнорирование, социальное исключение). Отвержение рассматривалось вне этой модели [30].

В данном исследовании мы стоим на позиции, постулирующей феномен социального остракизма как трехфакторный конструкт, включающий в себя такие подконструкты, как *игнорирование*, *исключение*, *отвержение*, поскольку, как показывают исследования, границы между данными подконструктами по факту весьма тонки и часто пересекаются [3; 27; 31]. При адаптации утверждений методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)» (далее — ШСО-ПМ) по субшкалам «Игнорирование» и «Исключение» и разработке утверждений по субшкале «Отвержение» мы исходили из следующего понимания данных подконструктов.

Игнорирование. В психологическом дискурсе подконструкт социального остракизма «Игнорирование» позиционируется как его пассивная форма (например, по сравнению с отвержением) [25]. Именно эта характеристика, как считают Д. Молден с коллегами, опосредует и способ реагирования на «игнор»: в серии экспериментов ученые получили результаты, свидетельствующие о том, что в отличие от отвергаемых испытуемых игнорируемые чаще предпринимали активные попытки социальной реинтеграции, уделяли повышенное внимание действиям, которые препятствовали бы повторному игнорированию [там же]. Без сомнения, данный механизм проактивного реагирования активно используется в педагогике. Так, например, в своем аналитическом обзоре «Остракизм» (2007) К.Д. Вильямс упоминал о корректирующем педагогическом методе *тайм-аута* (англ., time out — короткий перерыв, передышка), описывая его как «...непродолжительный период времени, в течение которого ребенок игнорируется или исключается» с целью корректировки его поведения [29, с. 440]. О силе и важности *запланированного игнорирования* (англ., planned ignoring) как воспитательной технологии пишут К. Беарс с соавторами в книге, посвященной методам работы родителей по профилактике деструктивного поведения у детей [20].

В оригинальном варианте «Шкалы субъективного остракизма — подростки» Р. Гилмана и соавторов субшкала «Игнорирование» представлена, в частности, следующими утверждениями «В основном другие... относятся ко мне как к невидимке / ... игнорировали мои приветствия при встрече / ... смотрят сквозь меня, будто я не существую» [23]. Сами авторы методики дают очень простое определение субконструкту «Игнорирование»: «...те, кого называют социально пренебрегаемыми (т. е. игнорируемыми)... этих молодых людей просто не замечают сверстники» [там же, с. 320].

С учетом вышесказанного в нашем исследовании игнорирование мы понимаем как «умышленное оставление без внимания, пренебрежение кем-либо или чем-либо» [1, с. 270].

Социальное исключение. Принято считать, что авторство термина «социальное исключение» (или его синонима «социальная эксклюзия») принадлежит Р. Ленуару, государственному секретарю по социальным вопросам при президенте В.Ж. д'Эстене (Франция, 70-е годы

XX века). Политик выделял данное явление прежде всего как социально-экономический феномен, только как переживание социальных проблем: бедности, отсутствия доступа к образованию, медицинским услугам, как физическую изоляцию. [см.: 15, с. 29].

Осознание явления социального исключения сквозь призму психологического знания пришло позднее. Неоценимый вклад в понимание социальной эксклюзии с точки зрения ее объекта (на примере лиц без определенного места жительства) внес К. Эмманюэлли, описавший полный цикл деградации «человека исключаемого» [18].

В работах зарубежных исследователей операционализация понятия «социальное исключение», к сожалению, не отличается четкостью и дифференцированностью. Так, Дж.М. Твендж определяет данный подконструкт остракизма как «будучи исключенным, изолированным, временами с внешним проявлением неодобрения, а иногда — без него». По мнению К.Д. Вильямса, «...исключение происходит после некоего взаимодействия и отделения кого-то от группы, либо в качестве гипотетической меры в будущем» [см.: 29, с. 429]

Наиболее близким к пониманию смыслового наполнения утверждений субшкалы «Исключение» в ШСО-ПМ мы считаем определение, которое предлагает Г.В. Семенова и соавторы: *социальное исключение* — это «...один из видов микроагрессивного поведения, цель которого состоит в отказе человеку от права быть членом значимых для него социальных групп (родственной, семейной, дружеской, сетевого сообщества), и/или депривация права быть включенным в диадические личностные отношения (дружеские, любовные, семейные). Это разрыв психологических (в том числе символических) связей между человеком и значимым другим (группой), который субъективно воспринимается как страдание, осознается как болезненное переживание отвергнутости, невключенности, обесценивания» [13, с. 99].

Отвержение. На наш взгляд, факт того, что в модель остракизма подконструкт «отвержение» К.Д. Вильямсом включен не был, является парадоксом. Если обратиться собственно к истории возникновения слова «остракизм», то, как политическая мера времен Античности, остракизм представлял собой именно процесс отвержения — публичного, демонстративного изгнания.

Упоминание об этом критерии мы также находим и в психологии. В своей работе М. Лири так характеризует данный феномен: «Отвержение обычно реализуется как заявление человека или группы о том, что они не хотят (или больше не хотят) взаимодействовать или находиться в компании человека». Ученый также считает, что «...отвержение обычно не предполагает длительного эпизода, а происходит после взаимодействия и разлуки» [см. по: 29, с. 429].

В ШСО-ПМ под отвержением мы понимаем процесс отторжения от общества, непринятие обществом, основной чертой которого является демонстративность действия со стороны субъекта (отвержения).

Исследование восприятия различий между подконструктами социального остракизма в среде несовершеннолетних

Для организации исследования необходимо было выбрать ряд методик (определение внешней валидности), описывающих либо сходные субконструкты социального остракизма, либо близкие родственные феномены. С учетом проблематики дефицита диагностического инструментария в исследуемой области нами было принято решение использовать уже стандартизированные сравнительные методики, измеряющие те или иные родственные остракизму понятия. Для определения наиболее близких подконструктам остракизма понятиям нами

был: 1) сформулирован поисковый вопрос: «Насколько четко наши испытуемые различают «нюансы» социального остракизма?» и 2) организовано пилотажное исследование.

Метод (пилотажное исследование). Основываясь на понимании исследуемых подконструктов остракизма, которое представлено выше, мы провели опрос в форме виньеток с применением условий множественного выбора ответов. Помимо заданных ситуаций-виньеток, описывающих игнорирование, исключение и отвержение, нами также были включены винюетки с описанием родственного социальному остракизму понятий (одиночество, травля, стигматизация), а также предоставлена возможность выбора опции «другое».

Пример винюетки (ситуация «Исключение»):

«Летом А. получила тяжелую травму и весь следующий учебный год была прикована к кровати. По соцсетям друзей А. видела, как класс съездил на экскурсию, сходил в театр. А. продолжала общаться с одноклассниками по телефону и в соцсетях, но никто ее больше нигде не приглашал».

Выборка данного исследования составила 313 несовершеннолетних (мальчики — 146 (45,8%), девочки — 167 (54,2%), средний возраст — 14,7 лет.

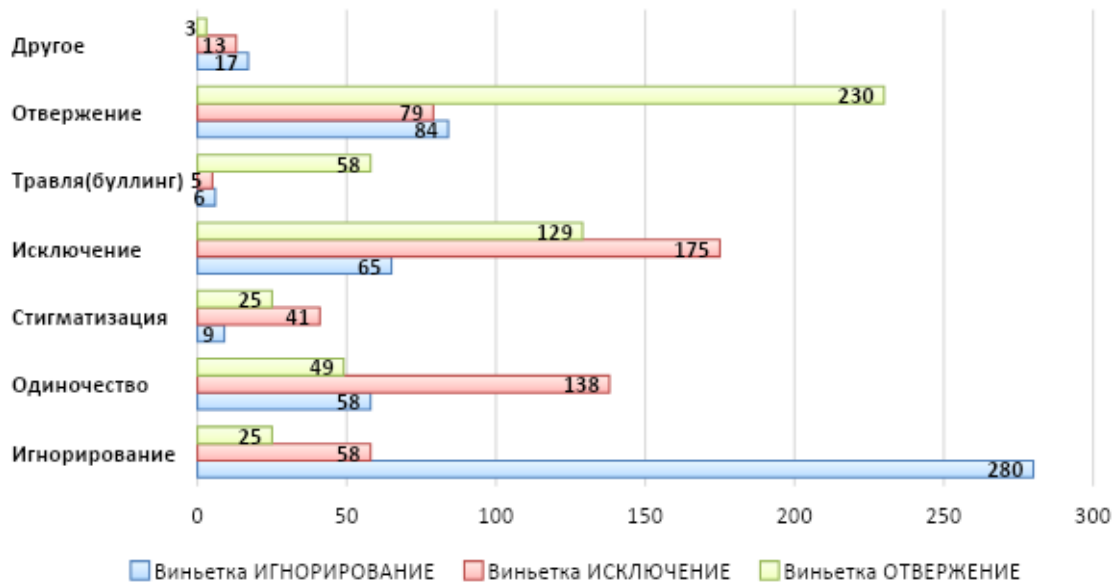

Рис. 1. Результаты опроса в форме виньеток «Как вы это понимаете?» по трем субшкалам социального остракизма и трем родственным остракизму феноменам

Результаты и обсуждение. Согласно полученным результатам (рис. 1), в 100% случаев максимальные значения в ответах респондентов соответствовали тому конструкту, который изначально был заложен в винюетку. Как видно из представленных выше результатов и с учетом условий множественного выбора ответов, несовершеннолетние рассматривают анализируемые подконструкты социального остракизма не в качестве унитарных явлений, а, скорее, в качестве понятий, имеющих основное понятийное ядро и периферию. Так, например, ситуация игнорирования характеризовалась довольно сильной периферией: 44,1% респондентов (138 из 313) связали явление исключения с *одиночеством*.

Выводы. Полученные результаты позволили нам сделать вывод о том, что несовершеннолетние с высокой долей вероятности (от 55,9 до 89,5%) правильно идентифицируют признаки проявления феномена социального остракизма. Нами также получены результаты, позво-

ляющие использовать для анализа внешней валидности ШСО-ПМ ряд родственных феноменов, таких как одиночество, травля и стигматизация.

Методика Ostracism Experience Scale for Adolescents, R. Gilman [et al.]

В данной статье нами приводятся данные по стандартизации методики «Шкала субъективного остракизма — Подростки, молодежь», в основу которой легла методика *Ostracism Experience Scale for Adolescents, OES-A* (англ.), разработанная и валидизированная коллективом авторов в 2013 г. (R. Gilman, A. Carter-Sowell, C.N. DeWall, R.E. Adams, I. Carboni) [23].

Методика OES-A (R. Gilman et al., 2013) представляет из себя экспресс-шкалу для самооценки подростками собственного уровня остракизации, включает в себя две субшкалы «Игнорирование» и «Исключение». В первоначальном варианте OES-A содержала 19 утверждений, но после проведения исследования на выборке из 876 старшеклассников в итоговом варианте осталось 11. Для подтверждения конструктивной валидности диагностического инструментария группой ученых были применены исследовательский и конфирматорный факторный анализ, двумерные корреляции и иерархическая регрессия [там же]. Данная методика активно применяется в научных исследованиях социального остракизма [3; 22; 26]. Известно о валидизации OES-A на турецком [19] и китайском языках [24]. В 2019 г. Е.Э. Бойкиной в РФ англоязычная методика OES-A была адаптирована на русском языке [4], а в 2022 г. на ее основе проведено исследование социального остракизма как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних [1, 3].

Субшкала «Отвержение», которая не входила в структуру методики OES-A (R. Gilman et al., 2013) сформирована авторами исследования в ходе ряда пилотажных исследований с опорой на концептуализацию подконструкта «Отвержение», описанную выше и субшкалу «Страх отвержения» методики «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиан».

Программа исследования

Выборка. 2417 испытуемых из 15 регионов Российской Федерации (Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Калининградская, Калужская, Псковская, Ростовская области, Красноярский край, города Великий Устюг, Москва, Петрозаводск, Саратов, Самара, Смоленск); юноши — 599 (24,8%), девушки — 1818 (75,2%). Средний возраст по выборке составил $18,3 \pm 2,61$ лет.

Исследование предполагало разделение общего числа участников на 2 возрастные группы (подростки и молодежь). Подростки в возрасте от 14 до 17 лет — 993 человека (41%, MAGE 16,2), из них 594 (60%) девушек и 399 (40%) юношей. Молодежь в возрасте от 18 до 25 лет — 1395 человек (58%, MAGE 21,8), из них 1202 (86%) девушки и 193 (14%) юноши. Возраст не указали 29 (1%) испытуемых.

Методики. Модифицированная ШСО-ПМ, включающая 3 субшкалы: «Игнорирование» (5 вопросов), «Исключение» (5 вопросов), «Отвержение» (4 вопроса). Для проверки внешней валидности использовались методики: «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, шкала СО (страх отвержения) [16] и «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона [11].

Процедура. Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы, в которую входили следующие блоки: 1) преамбула (приветствие и объяснение фобулы); 2) демографический блок (код организации с номером участника; пол; возраст); 3) методика «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)»; 4) методика «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана (полностью: шкалы «Страх отвержения», «Стремле-

ние к принятию»; 5) методика «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона».

Результаты и их интерпретация

Описательная статистика и внутренняя согласованность (альфа Кронбаха) для всех субшкал методики ШСО-ПМ представлена в табл. 1. Внутренняя согласованность субшкал оказалась не очень высокой, что может объясняться небольшим количеством вопросов в каждой субшкале или сложностью конструкторов. Тем не менее, коэффициенты альфы Кронбаха более 0,6 могут считаться приемлемыми [8]. Небольшие корреляции между субшкалами (табл. 1) свидетельствуют об относительной независимости подконструкторов социального остракизма: игнорирования, социального исключения и отвержения.

Таблица 1

Описательные статистики, показатели внутренней согласованности и внутренние корреляции для всех субшкал российской версии опросника ШСО-ПМ

Шкала	Среднее ± станд. отклонение	Me [LQ; MQ]	α Кронбаха	Корреляции	
				Игнорирование	Исключение
Игнорирование	1,77 ± 0,53	1,60 [1,40; 2,00]	0,63		
Исключение	2,94 ± 0,87	2,80 [2,40; 3,40]	0,83	0,47*	
Отвержение	2,12 ± 0,63	2,00 [1,75; 2,50]	0,62	0,46*	0,27*

Примечание: Me — медиана; LQ — нижний квартиль; MQ — верхний квартиль; «*» — $p < 0,05$.

Для проверки новой модели методики ШСО-ПМ с добавленной третьей шкалой «Отвержение» использовался конфирматорный факторный анализ, который показал, что модель хорошо соответствует данным (SRMR=0,04; CMIN/df = 9,59; GFI = 0,96; IFI = 0,95; CFI = 0,95; RMSEA = 0,060 [0,056; 0,064]). На рис. 2 представлена структура опросника.

Для оценки внешней валидности были посчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между субшкалами методики и шкалой «Страх отвержения» (СО) опросника «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, а также корреляции с результатами методики «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции для всех субшкал ШСО-ПМ с методиками «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона

Шкала	Корреляции	
	Страх отвержения	Шкала субъективного ощущения одиночества
Игнорирование	0,46*	0,56*
Исключение	0,49*	0,51*
Отвержение	0,29*	0,40*

Примечание: «*» — $p < 0,05$.

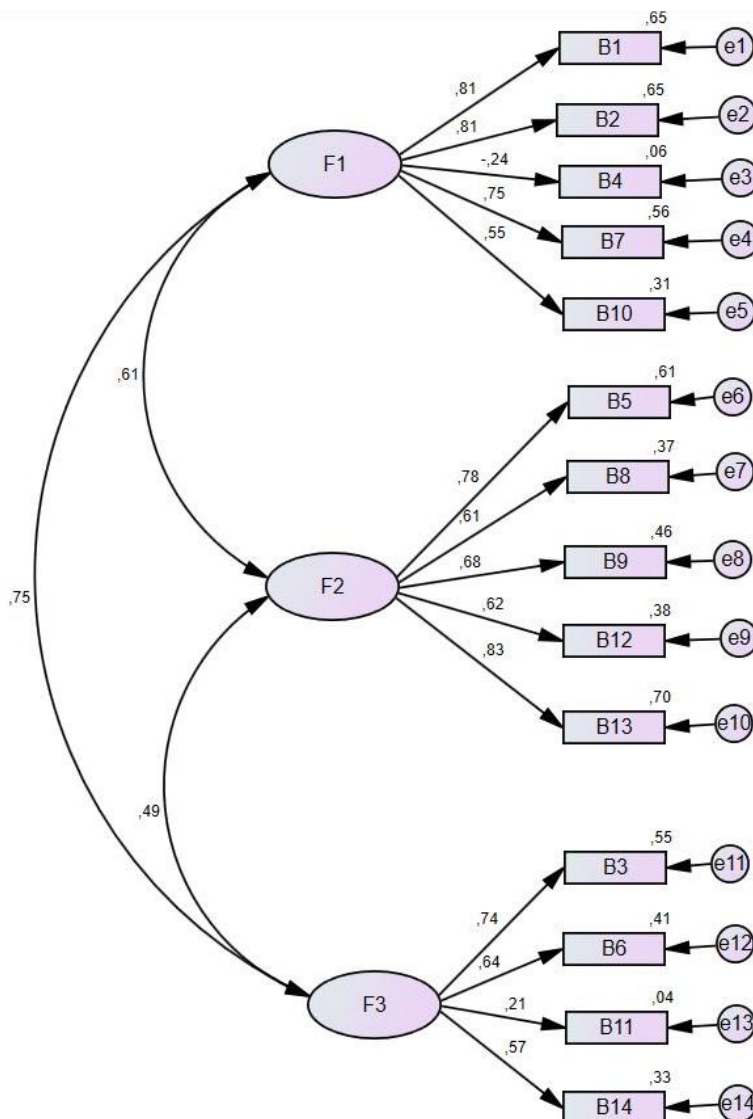

Рис. 2. Результаты конфирматорного факторного анализа: структура опросника с тремя шкалами (номера вопросов соответствуют Приложению)

Как и ожидалось, шкалы «Игнорирование» и «Исключение» показали умеренную значимую положительную корреляцию с используемыми методиками (с опросником «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана — 0,46 и 0,56 соответственно, с опросником «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона — 0,49 и 0,51 соответственно). Новая шкала «Отвержение» показала слабую значимую связь с опросником «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана ($r = 0,29$; $p < 0,05$) и умеренную положительную связь с опросником «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона ($r = 0,40$; $p < 0,05$).

Для оценки различий половозрастной структуры опросника был проведен многофакторный дисперсионный анализ. Несмотря на статистически значимые различия между некоторыми группами, эта-квадрат не превышал отметки в 0,01, что говорит о крайне слабой величине эффекта. Статистически значимые различия с большой величиной эффекта были

найлены только между самими шкалами опросника: наибольшие значения имеет шкала «Исключение», наименьшие — «Игнорирование» ($p < 0,01$, эта-квадрат = 0,45). Таким образом можно сделать выводы, что для методики ШСО-ПМ нет различий между участниками разного пола и возраста (подростки и молодежь). Такие результаты согласуются с данными, полученными в ходе валидизации OES-A, которые также показали инвариантность результатов относительно демографических характеристик [23, с. 324—325].

Исходя из представленных результатов, мы можем выделить единые нормы для молодежи и подростков вне зависимости от пола. Для выделения норм для каждой шкалы использовали значения верхнего и нижнего квартиля. В приложении представлены нормы для каждой субшкалы опросника.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать достоверные выводы о надежности опросника ШСО-ПМ как диагностического инструментария всех трех подконструктов феномена социального остракизма: игнорирования, исключения и отвержения. Ввиду того, что исследование не выявило статистически значимой разницы по критериям «возрастная группа» и «пол», ШСО-ПМ может быть использован для лиц в возрасте от 14 лет до 25 лет для представителей женского и мужского пола. Интерпретацию результатов обработки методики ШСО-ПМ следует проводить, опираясь на полученные в ходе исследования нормы (Приложение).

Опросник «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)» может быть использован в деятельности специалистов в педагогике, психологии и социологии в качестве верифицированного диагностического инструментария при определении рисков субъективной остракизации подростков и представителей молодежи. Для получения более ясной картины о степени влияния остракизма на испытуемого методику ШСО-ПМ следует совмещать с предъявлением и анализом методики «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь)».

Приложение

Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ
(модификация Ostracism Experience Scale for Adolescents (OES-A), Gilman R., et al., 2013;
модификация и стандартизация Бойкиной Е.Э. и др., 2023)

Инструкция.

Перед тобой 14 утверждений. Они касаются того, как обычно ты общаешься со своим окружением: родными, друзьями, учителями и другими людьми. Постарайся описать свои ощущения. Не спеши, можешь вспомнить какие-нибудь ситуации из жизни.

Все ответы конфиденциальны. Спасибо.

№	Утверждение	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
<i>В основном, другие...</i>						
1	...относятся ко мне как к невидимке					
2	...смотрят сквозь меня, будто я не существую					
3	...отвергают мои предложения					
4	...игнорируют меня во время разговора					
5	...приглашают меня на выходные					

6	...отказывают мне, когда я что-либо спрашиваю					
7	... игнорируют меня					
8	...проводят время со мной у меня дома					
9	...приглашают меня стать членом их клуба, организации, группы					
10	...игнорируют мои приветствия при встрече					
11	...не стесняются писать мне в соцсети, что не пойдут со мной на встречу					
12	...всячески стараются привлечь моё внимание					
13	...приглашают меня присоединиться к ним в хобби, провести вместе выходные или сходить куда-нибудь					
14	...часто противоречат мне в большой компании					

Ключ.

Игнорирование: 1, 2, 4, 7, 10.

Исключение: 5*, 8*, 9*, 12*, 13*.

Отвержение: 3*, 6, 11, 14.

Прямые утверждения: 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 14 (никогда — 1 балл, редко — 2 балла, иногда — 3 балла, часто — 4, всегда — 5 баллов).

Обратные утверждения (отмечены звездочкой «»):* 3, 5, 8, 9, 12, 13 (оцениваются в обратном порядке: никогда — 5 баллов, редко — 4 балла, иногда — 3 балла, часто — 2 балла, всегда — 1 балл).

По каждой субшкале вычисляются средние значения по всем вопросам, входящим в субшкалу.

Интерпретация

Чем выше средний показатель оценки результатов по отдельно взятой субшкале (см. нормы), тем выше уровень субъективизации игнорирования, исключения или отвержения. Иными словами, чем выше данный показатель, тем сильнее подросток/представитель молодежи субъективно ощущает себя игнорируемым, исключенным или отвергаемым.

Нормы для опросника ШСО-ПМ

Субшкала	Уровни выраженности подконструктов социального остракизма		
	Низкий	Средний (норма)	Высокий
Игнорирование	От 1 до 1,3	От 1,4 до 2	От 2,1 до 5
Исключение	От 1 до 2,3	От 2,4 до 3,4	От 3,5 до 5
Отвержение	От 1 до 1,6	От 1,7 до 2,5	От 2,6 до 5

Литература

1. Антология остракизма: учебное пособие / Под ред. Е.Э. Бойкиной. М.: ИД «Городец», 2023. 288 с.
2. Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии: социокультурная интерпретация: Дисс. ... докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 381 с.
3. Бойкина Е.Э. Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 119–134. doi:10.17759/psylaw.2023130109
4. Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования: часть 1. Методология // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под ред. Коврова В.В. Ялта: ИТ «Ариал», 2019. С. 29–36.
5. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 335 с.
6. Костина Л.Н., Ульянова И.В., Костина Е.Ю. Психологические и педагогические технологии помощи несовершеннолетним, подвергаемым остракизму: Учебное пособие. М.: ИП Колупаева Е.В., 2022. 142 с.
7. Морозикова И.В. Психологические основы предупреждения конфликтных ситуаций в закрытых группах (на примере воинского коллектива) // Драгомировские образовательные чтения: Сборник научных статей по материалам II международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.И. Грачёв. Пенза, 2019. С. 282–285.
8. Митина О.В. Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: Сборник материалов III Всероссийской конференции: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Батулин и др. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 232–240.
9. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-8, 2007. 704 с.
10. Путинцева Н.В. Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.
11. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.
12. Рягузова Е.В. Межличностное отвержение как особый вариант отношений в онтологической константе Я — Другой [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Том 12. Вып. 1 (45). С. 24–33. doi:10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33
13. Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307
14. Суворова И.Ю. Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409
15. Суворова И.Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 29–43.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

16. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 362 с.
17. Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М. Интернет и одиночество подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110401
18. Эммануэлли К. Отверженные: как победить пренебрежение к изгоям? М.: NOTA BENE, 2009. 239 с.
19. Ahmet A., Uysal R., Ümran A. Ergenler İçin Ostracizm (Sosyal Dışlanma) Ölçeğinin Türkçe'ye // Kastamonu Eğitim Dergisi. 2016. Vol. 24(2). P. 895–904.
20. Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Planned Ignoring // Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Parent Training for Disruptive Behavior. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 79–94. doi:10.1093/med-psych/9780190627812.003.0006
21. Çiftci N., Yıldız M., Çiftci K. The mediating role of social ostracism in the effect of social media-addiction on loneliness in adolescents // Journal of Pediatric Nursing. 2023. Vol. 73. P. 177–183. doi:10.1016/j.pedn.2023.09.005
22. Hudaynazarova A., Avşaroğlu S. Investigation of ostracism (social exclusion) and forgiveness levels of adolescents with positive and negative life experiences // International Journal on Social and Education Sciences. 2023. Vol. 5(2). P. 393–403. doi:10.46328/ijonses.524
23. Gilman R., Carter-Sowell A., DeWall C.N., Adams R.E., Carboni I. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents // Psychological Assessment. 2013. Vol. 25(2). P. 319–330. doi:10.1037/a0030913
24. Li S., Zhao F., Yu G. Ostracism and aggression among adolescents: Implicit theories of personality moderated the mediating effect of self-esteem // Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 100(1). doi:10.1016/j.childyouth.2019.02.043
25. Molden D.C., Lucas G.M., Gardner W.L., Dean K., Knowles M.L. Motivations for Prevention or Promotion Following Social Exclusion: Being Rejected Versus Being Ignored // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96(2). P. 415–431. doi:10.1037/a0012958
26. Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // Educational process: International Journal. 2015. Vol. 4(1-2). P. 18–30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
27. Richman L., Leary M. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model // Psychological Review. 2009. Vol. 116(2). P. 365–383. doi:10.1037/a0015250
28. The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying / Ed. by K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel. New York: Psychology Press, 2005. 389 p.
29. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 41. P. 279–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected // Interpersonal rejection / Ed. by M.R. Leary. New York: Oxford University Press, 2001. P. 21–53.

References

1. Boikina E.E. (ed.). Antologiya ostrakizma: uchebnoe posobie. Moscow: ID “Gorodets”, 2023. 288 p. (In Russ.).

2. Astoyants M.S. Sotsial'noe sirotstvo: usloviya, mekhanizmy i dinamika eksklyuzii: sotsiokul'turnaya interpretatsiya: Diss. dokt. sotsiol. nauk. Rostov-on-Don, 2007. 381 p. (In Russ.).
3. Boikina E.E. Sotsial'nyi ostrakizm i antisotsial'noe povedenie nesovershennoletnikh [Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 119–134. doi:10.17759/psylaw.2023130109
4. Boikina E.E. Rol' ignorirovaniya i sotsial'nogo isklyucheniya v formirovanii antisotsial'nogo povedeniya u detei. Rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya: chast' 1. Metodologiya. In Kovrov V.V. (ed.). *Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii: Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8-10 oktyabrya 2019 goda*. Yalta: IT "Arial", 2019, pp. 29–36. (In Russ.).
5. Kondratyev M.Yu. Podrostok v zamknutom krugе obshcheniya. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK", 1997. 335 p. (In Russ.).
6. Kostina L.N., Ulyanova I.V., Kostina E.Yu. Psikhologicheskie i pedagogicheskie tekhnologii pomoshchi nesovershennoletnim, podvergaemym ostrakizmu [Psychological and pedagogical technologies of assistance to minors subjected to ostracism]: Uchebnoe posobie. Moscow: IP Kolupaeva E.V., 2022. 142 p. (In Russ.).
7. Morozikova I.V. Psikhologicheskie osnovy preduprezhdeniya konfliktnykh situatsii v zakrytykh gruppakh (na primere voinskogo kollektiva). In Grachev I.I. (ed.). *Dragomirovskie obrazovatel'nye chteniya: Sbornik nauchnykh statei po materialam II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Penza, 2019, pp. 282–285. (In Russ.).
8. Mitina O.V. Al'fa Kronbakha: kogda i zachem ee schitat'. In Baturin N.A. et al. (eds.). *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: Sbornik materialov III Vserossiiskoi konferentsii: V 2 t. T. 1*. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2015, pp. 232–240. (In Russ.).
9. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psikhologiya. Moscow: Os'-8, 2007. 704 p. (In Russ.).
10. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
11. Raigorodsky D.Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: Uchebnoe posobie. Samara: Izdatel'skii dom "BAKhRAKh", 1998. 672 p. (In Russ.).
12. Ryaguzova E.V. Mezhlchnostnoe otverzhenie kak osobyi variant otnoshenii v ontologicheskoi konstante Ya — Drugoi [Interpersonal rejection as a special type of relationship in the ontological constant 'Me and the Other'] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1 (45), pp. 24–33. doi:10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33 (In Russ.).
13. Semenova G.V., Vekilova S.A., Rudykhina O.V. Perezhivanie sotsial'nogo isklyucheniya: razrabotka i aprobatsiya oprosnika [Social Exclusion: Development and Testing of the Scale] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307 (In Russ.).
14. Suvorova I.Yu. Razrabotka probnoi versii oprosnika na opredelenie perezhivaniya isklyucheniya iz sotsial'noi sistemy [The development of trial questionnaire on social exclusion] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409 (In Russ.).

15. Suvorova I.Yu. Sotsial'naya eksklyuziya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Social Exclusion as a Social Psychological Phenomenon]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 29–43. (In Russ.).
16. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2002. 362 p. (In Russ.).
17. Khararbakhova M.A., Musatova O.A., Shpagina E.M. Internet i odinochestvo podrostkov [Internet and Loneliness of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110401 (In Russ.).
18. Emmanuelli X. Otverzhennye: kak pobedit' prenebrezhenie k izgoyam? [Out. L'exclusion peut-elle être vaincre?] Moscow: NOTA BENE, 2009. 239 p. (In Russ.).
19. Ahmet A., Uysal R., Ümran A. Ergenler İçin Ostracizm (Sosyal Dışlanma) Ölçeğinin Türkçe'ye. *Kastamonu Eğitim Dergisi*. 2016. Vol. 24, no. 2, pp. 895–904.
20. Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Planned Ignoring. In Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. *Parent Training for Disruptive Behavior*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 79–94. doi:10.1093/med-psych/9780190627812.003.0006
21. Çiftci N., Yıldız M., Çiftci K. The mediating role of social ostracism in the effect of social media addiction on loneliness in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2023. Vol. 73, pp. 177–183. doi:10.1016/j.pedn.2023.09.005
22. Hudaynazarova A., Avşaroğlu S. Investigation of ostracism (social exclusion) and forgiveness levels of adolescents with positive and negative life experiences. *International Journal on Social and Education Sciences*, 2023. Vol. 5, no. 2, pp. 393–403. doi:10.46328/ijones.524
23. Gilman R., Carter-Sowell A., DeWall C.N., Adams R.E., Carboni I. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents. *Psychological Assessment*, 2013. Vol. 25, no. 2, pp. 319–330. doi:10.1037/a0030913
24. Li S., Zhao F., Yu G. Ostracism and aggression among adolescents: Implicit theories of personality moderated the mediating effect of self-esteem. *Children and Youth Services Review*, 2019. Vol. 100, no. 1. doi:10.1016/j.childyouth.2019.02.043
25. Molden D.C., Lucas G.M., Gardner W.L., Dean K., Knowles M.L. Motivations for Prevention or Promotion Following Social Exclusion: Being Rejected Versus Being Ignored. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 2, pp. 415–431. doi:10.1037/a0012958
26. Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey. *Educational process: International Journal*, 2015. Vol. 4, no. 1-2, pp. 18–30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
27. Richman L., Leary M. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model. *Psychological Review*, 2009. Vol. 116, no. 2, pp. 365–383. doi:10.1037/a0015250
28. Williams K.D., Forgas J.P., von Hippel W. (eds.). *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York: Psychology Press, 2005. 389 p.
29. Williams K.D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58, pp. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 279–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. In Leary M.R. (ed.). *Interpersonal rejection*. New York: Oxford University Press, 2001, pp. 21–53.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Радчиков Андрей Сергеевич, лаборант-исследователь, научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Морозикова Ирина Владиславовна, кандидат психологических наук, судебный эксперт-психолог, доцент, кафедра педагогики и психологии, Смоленский государственный университет, (ФГБОУ ВО СмолГУ), г. Смоленск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Пятых Галина Анатольевна, уполномоченный по правам ребенка в Белгородской области, Администрация губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая, сектор психологического сопровождения, отдел воспитательной и социальной работы, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Andrew S. Radchikov, research laboratory assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Irina V. Morozikova, PhD in Psychology, forensic psychologist, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Smolensk State University, Smolensk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Galina A Pyatykh, Commissioner for Children’s Rights in the Belgorod Region, Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

Ekaterina V. Anisimova, Head, Sector of Psychological Support, Department for Educational and Social Work, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

Получена 23.10.2023
Принята в печать 07.11.2023

Received 23.10.2022
Accepted 07.11.2023

Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга

Гриненко У.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Проведен анализ различий психологического отношения к феномену скулшутинга у представителей молодежи, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге, путем изучения его связи с отношением к смерти на выборке из 98 человек (48 мужчин и 50 женщин, средний возраст составил 22,7 года). Показано, что существует разница в оценке и восприятии специфической терминологии по скулшутингу — «natural selection», «reb'n'vodka», «мафия плащей», «wrath» — в группах, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге: нарицательные термины более позитивно оцениваются теми, кто ранее был знаком с понятием «скулшутинг». Сделан вывод о том, что для респондентов, знакомых со скулшутингом, собственная смерть и смерть другого человека близки по смыслу и эмоциональной нагрузке. Группа осведомленных о скулшутинге демонстрирует наличие суицидального риска. Смерть рассматривается ими одобрительно и положительно, поскольку влечет за собой освобождение от страданий, невзгод и трудностей. Полученные результаты отражают диагностические возможности изучения имплицитного отношения к скулшутингу посредством изучения отношения к смерти. Перспективной задачей в данном исследовании выступает анализ различий психологического отношения к феномену скулшутинга у лиц с аутоагрессивным поведением, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге, путем изучения отношения к смерти.

Ключевые слова: скулшутинг, отношение к смерти, молодежь, отношение к скулшутингу, вооруженное насилие.

Для цитаты: Гриненко У.Б. Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 150–163. DOI:10.17759/psylaw.2023130411

The Attitude of Young People towards Death and the Phenomenon of School Shootings

Uliana B. Grinenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

An analysis of differences in psychological attitudes to the phenomenon of school shooting among young people who are knowledgeable and uninformed about school shootings was carried out through studying its relationship with attitudes towards death in a sample of 98 people (48 men and 50 women, the average age was 22.7 years). It is shown that there is a difference in the assessment and perception of the specific terminology of school shootings «natural selection», «reb'n'vodka», «trench coat mafia», «wrath» in groups knowledgeable and uninformed about school shootings: common terms are more positively evaluated by those who were previously familiar with the concept of «school shootings». It is concluded that for respondents familiar with school shootings, their own death and the death of another are close in meaning and emotional burden. The group of people who are knowledgeable on school shootings demonstrates the presence of a suicidal risk. Death is viewed by them approvingly and positively, since it entails a liberation from suffering, adversity and difficulties. The results obtained reflect the diagnostic possibilities of studying the implicit attitude towards school shootings by studying the attitude towards death. The promising task of this study is to analyze the differences in the psychological attitude towards the phenomenon of school shootings in people with autoaggressive behavior, who are knowledgeable and uninformed of school shootings, by studying the attitude towards death.

Keywords: school shootings, attitude towards death, youth, attitude towards school shootings, armed violence.

For citation: Grinenko U.B. The Attitude of Young People towards Death and the Phenomenon of School Shootings. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 150–163. DOI:10.17759/psylaw.2023130411 (In Russ.).

Введение

В период с 1970-х гг. по июнь 2022 г. в школах США было зафиксировано 1739 случаев [29] вооруженного насилия на территории образовательной организации — скулшутинга. Подробное рассмотрение проблемы скулшутинга было сделано в предыдущей работе автора настоящего исследования [7]. В России с 2014 г. по октябрь 2023 г. было зафиксировано более 55 случаев скулшутинга, в число которых входит как совершение вооруженного нападения, так и приготовление к преступлению и покушение на преступление [18].

Изучение феномена скулшутинга в российской действительности достаточно сложное: малая выборка и низкая частота инцидентов. По решению Верховного суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г. № АКПИ21-1059С движение «Колумбайн» (прототип других инцидентов с вооруженным нападением на образовательные организации) признано террористическим и запрещено на территории России [5]. Обоснование данного решения заключается в том, что его деятельность основана на идеологии насилия и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки

В настоящее время, начиная с февраля 2022 г., в Российской Федерации осуществляется следующая правоприменительная практика за принадлежность к движению «Колумбайн»: ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»; ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности»; ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем»; ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации».

Отношение к смерти, как одной из базовых категорий, можно рассматривать как фактор, связанный с адаптацией или дезадаптацией, оказывающий влияние на ауто- и гетероагрессивное поведение. Отношение к смерти актуализирует поиски смысла жизни, оно естественным образом связано со степенью удовлетворенности жизнью, страхом перед смертью и процессом умирания, а также ожиданием того, что будет после смерти. У лиц с аутоагрессивным поведением отмечается положительное отношение к смерти, восприятие которой рассматривается как способ перерождения в лучшую жизнь, лишенную страданий и трудностей. Положительное отношение к смерти повышает суицидальную активность. Проблема отношения к смерти встает также в контексте роста криминального поведения, демонстрируя незрелость ценностной системы людей, по причине которой люди применяют насилие в отношении других лиц.

В настоящем исследовании предпринимается попытка косвенной оценки отношения молодежи к сулшутингу, поскольку прямая оценка невозможна ввиду очевидной социальной желательности ответов респондентов.

Представления о смерти в психологии

Проблема отношения человека к смерти является одной из основополагающих для философии, психологии и зачастую рассматривается через дихотомию «жизнь—смерть»: смерть играет ключевую роль в конструировании мировоззрения и отношения к жизни. Теоретически данная тема наиболее широко разработана в рамках философских учений (Сократ, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев, Ж.-П. Сартр) и социологических работ (Э. Дюркгейм, Ф. Арьес), а также ее затрагивают психологические теории психоаналитических (З. Фрейд, Э. Фромм) и экзистенциально-гуманистических (И Ялом, В. Франкл, Д.А. Леонтьев) направлений, которые выстраивают модели личностного развития через мотивационную составляющую. Представления о смерти включают в себя идеи, сформированные на уровне личности и на уровне общества; кроме того, определенные различия зафиксированы между отношением к личной смерти (осознание конечности бытия) и отношением к смерти другого.

Большинством ученых и философов смерть отождествляется с разрушением и противопоставить этому пониманию созидательный аспект данного явления достаточно сложно (речь идет не о творчестве и смыслообразовании, которые происходят всё же за счет времени жизни): в самом событии смерти нет продуктивности. Так, З. Фрейд соотносил смерть и стремление к разрушению, сводя их к Танатосу — влечению к смерти и противопоставляя его влечению к жизни [1; 19]. По З. Фрейду и Э. Фромму, влечение к смерти направлено или на саморазрушение, или на разрушение другого человека [20]. Однако современные теории указывают на то, что деструктивное влечение не всегда тождественно влечению к смерти [26], оно включает спектр различных проявлений, в том числе направлено на перестройку, а не уничтожение социальной структуры. Другой аспект соотношения понятий смерти и разрушения парадоксальным образом обнаруживает ее созидательность, правда, направленную всё же в прошлое — на историю жизни человека: в случае суицидального поведения самоубийство выступает как субъективный способ «собрать» свою фрагментарную идентичность в завершенную историю путём совершения данного события, вывести себя из воспринимаемых невыносимыми условий жизни [23; 24]; в случае насильственного поведения — как способ «создать» свою личность таковой, утвердить себя как «антагониста».

Помимо понимания смерти на когнитивном уровне и личностного выбора стратегии жизни в связи с осознанием ее конечности, а также веры в возможную жизнь после смерти или ее отсутствие, формируется эмоциональное отношение к смерти.

В ряде случаев формируется положительное отношение к смерти, однако данное явление Э. Фромм считает патологическим [20]. Если З. Фрейд вводит понятия «влечение к жизни» и «влечение к смерти», то Э. Фромм говорит о «биофилии» и «некрофилии» [14]. Некрофилия в его понимании является формой злокачественной агрессии, глубинным влечением к смерти, направляющим человека на разрушение и дезинтеграцию, и, имея разные степени и формы выраженности (садизм, мазохизм), является основой человеческой деструктивности [20]. Исходно от природы человек направлен на биофилию — созидание и накопление, а некрофилия является результатом свободного выбора альтернативного направления индивидуализации [9].

К.А. Чистопольская и коллеги пишут о том, что адаптивными стратегиями реагирования на смерть можно считать нейтральное принятие смерти, страх последствий смерти для личности, страх последствий для близких, связанный с формированием привязанности к ним; дезадаптивными стратегиями являются принятие смерти как бегства (т. е. избавления), принятие-приближение смерти, страх забвения другими; в качестве защитных стратегий проявили себя страх смерти, избегание темы смерти, страх трансцендентных последствий, страх последствий для тела [25].

Отношение к смерти другого человека отличается от понимания конечности собственного бытия. В этом смысле мы уже увидели из предшествующего анализа, что смерть другого является источником познания, информации о данном явлении, поскольку своя смерть принципиально непостижима [21; 17]. В эмоциональном аспекте смерть другого может нести страх, ощущение тоски и потери [4; 27; 28] или, напротив, приносить положительные эмоции: так, согласно З. Фрейду, человек инстинктивно склонен желать смерти чужаку, врагу [1; 19], однако подобная точка зрения является радикальной и не разделяется Э. Фроммом, Н.А. Бердяевым, наделяющими природу личности человеколюбием и возможностью свободного выбора, а также Ж.-П. Сартром, Д.А. Леонтьевым и др., считающими, что личность формируется при жизни через собственные поступки [14; 17].

Выше описывался индивидуальный уровень отношения к смерти, на который так или иначе оказывают влияние культурные установки. *На социальном уровне происходит регуляция отношения к смерти.*

Во-первых, сами социальные условия могут способствовать принятию стратегий, направленных на гибель, и ее положительной оценке («избавление»): Э. Дюркгейм пишет о том, что дезорганизация принятых социальных норм (аномия) ведет к саморазрушению [11]. При этом речь идет о совершенно разных аспектах социума: так, принципиальная перестройка структуры общения происходит с появлением социальных сетей, что также может являться дезорганизующим фактором.

Во-вторых, в культуре задаются нормы и правила эмоционального реагирования на смерть, особенности поведения, морали и табу. Ф. Арьес описывает культурные изменения отношения к смерти. Изначально человеку не был присущ страх и горевание по отношению к смерти, а само данное событие сопровождалось церемониалом и анонимным погребением. Позже (с XI века) в культуре появляется идея Страшного суда и религиозные заповеди как моральные регуляторы поведения, а также идея спасения индивидуальной души. В XVII веке усиливается индивидуализация смерти и происходит разделение мира мертвых и живых (кладбища имеют именные надгробия и выносятся за городскую черту). По мере ослабления

представлений о Страшном суде формируются горевание, ощущение утраты, комплекс трагических эмоций и чувств, связанных с уходом близкого. В современном мире, согласно Арьесу, преобладает страх смерти и вытеснение всего, что связано с ней из коллективного сознания: человек всеми способами стремится к достижению бессмертия [2].

Помимо психологического аспекта, отношение к смерти регулируется религией, законодательством, которые транслируют запрет на причинение смерти другому и санкции в связи с этим [1], а также формируется посредством литературы, кинематографа, музыки, где гибель персонажей и суицидальное поведение нередко романтизируется. Романтизация, с одной стороны, выступает способом закрепить за смертью чувство печали и тоски, ощущение потери; но в то же время таит в себе опасность пропаганды деструктивного поведения, социального научения [3] и подражательного эффекта Вертера [15; 30].

Отношение к смерти при склонности к деструктивному поведению

Отношение к смерти, которая является одной из базовых категорий картины мира, можно рассматривать как фактор, связанный с адаптацией или дезадаптацией и влияющий на деструктивное поведение — аутоагрессивное или гетероагрессивное. Исследователи в области социальных наук полагают, что восприятие смерти отражает зрелость личности и ее соответствие нормам общества, в котором приняты те или иные типы отношения к смерти и их символизация в ритуалах [8]. Изменение отношения к смерти на альтернативное или полярное по сравнению с культурой, к которой принадлежит человек, может быть связано с нарушением социализации, ее направлением по дезадаптивному пути [10]. В контексте криминального поведения изменение отношения к смерти вызвано недостаточной сформированностью или «деформацией» ценностной системы людей [13], в связи с чем они оказываются способны применять насилие в отношении других лиц. В норме понимание конечности бытия выступает регулятором здорового отношения к жизни, систематизируя ее, позволяя осмыслить и взять на себя ответственность.

Согласно взглядам исследователей [31], тревога по поводу смерти представляет собой наиболее распространенную эмоцию в отношении данного явления, однако степень беспокойства зависит от воспринимаемой ценности жизни. Разрушение у человека *буфера тревоги* по отношению к смерти, сформированного культурой, происходит в случаях пережитого травматического события (домашнее насилие, смерть родителей, природные катаклизмы, гражданские войны, террористические акты и т. д.), в результате чего развивается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР); суицидальных попыток, не окончившихся гибелью. При этом, как отмечают К.А. Чистопольская и С.Н. Ениколопов, для категории людей, имевших суицидальные попытки, характерно принятие смерти как бегства от субъективной трудности жизни, а также снижение уровня психологического благополучия в силу полученного травматического опыта. Принятие смерти как бегства связано с негативным прошлым, а страх смерти появляется в ситуациях сниженного контроля — и обе эти стратегии связаны с депрессией, которая коррелирует с тревожной привязанностью, что говорит о социальной дезадаптированности у людей, проявляющих данные стратегии. Наиболее психологически адаптивным отношением является нейтральное принятие смерти у людей, проявляющих достаточную жизнестойкость и находящихся в культурных рамках буфера тревоги. Жизнестойкость формируется на основе высокой степени удовлетворенности жизнью, сформированной привязанности, опоры на позитивное прошлое (ностальгия), творческой активности, адекватной самооценки и твердой жизненной позиции [22].

Согласно исследованию М.И. Костяной и Ф.С. Сафуанова, эмоционально-смысловое отношение к смерти у лиц с опытом агрессивных и противоправных деяний отличается от отношения у законопослушных граждан. У нормативных испытуемых элементы «страх» и «смерть» располагаются рядом в семантических пространствах, а также связаны с негативным отношением и естественными причинами. У деструктивных испытуемых данные категории чаще связываются с насильственными причинами и имеют противоположные оценки — «страх» оценивается негативно, а «смерть» несет позитивно окрашенную оценку. Контрастные оценки свидетельствуют об инверсии отношения к смерти у испытуемых деструктивной группы. Таким образом, для людей, не имевших деструктивного опыта, характерно наличие страха в отношении к концепту смерти, тогда как для испытуемых деструктивных групп она рассматривается как нечто неестественное, обратимое, неожиданное и не имеющее негативной окраски, при этом смерть и страх разведены [13].

В отечественных исследованиях были выявлены возрастные и гендерные особенности страха смерти и отношения к ней в контексте жизнестойкости у подростков. Так, для девушек характерен более высокий уровень страха смерти и более выраженное аффективное отношение к ней; у молодых людей страх смерти интеллектуализируется и зависит от оценки собственной религиозности. В 10—12 лет смерть понимается младшими подростками как непостоянное явление и оценивается негативно; при этом эмоциональное отношение к смерти отделено от собственной личности [12]. С точки зрения возрастных различий наблюдается схожий уровень выраженности страха смерти у подростков 13—14 лет и 15—16 лет. При этом содержание этого страха у данных возрастных групп отличается: старшие в большей степени боятся мучительной смерти, а младшие — неожиданной [6]. Согласно исследованию Н.Ю. Жуковой, тревога смерти у нормативных подростков чаще связывается с физическими изменениями в процессе естественного цикла жизни или вызванных болезнью; а у девиантных — со страхами хронических болезней и серьезных стрессов (причины которых могут обнаруживаться в социальном окружении такого подростка и его образе жизни). В рассказах нормативных подростков на тему смерти преобладали тематики «Обретение смысла», «Размышление», чаще встречалась категория «Утрата/потеря» и отсутствовала тема «Воскрешение», тогда как в рассказах девиантных подростков существенно чаще встречалась тема «Мистификация/ритуализация» и исключалась тема «Обретение смысла». Таким образом, в группе девиантных подростков более распространено представление о смерти как о сверхъестественном, мистическом явлении, что может говорить о нарушении общего и эмоционального развития (т. е. оно регрессирует и соответствует уровню детей) либо нарушении привязанности и отсутствии благоприятных отношений с группой сверстников. Когнитивный аспект отношения к смерти у нормативных подростков представлен стратегиями «Принятие смерти» и «Смерть как переход в другое состояние», в то время как на эмоциональном уровне преобладает отношение по типу «Непринятие смерти». Немного иная картина наблюдается у девиантных подростков: их когнитивный аспект отношения связан со стратегиями «Непринятие смерти», «Принятие смерти», «Смерть как переход в другое состояние», а эмоциональный аспект представлен амбивалентно, т. е. включает одновременной отношения по типу «Принятие смерти» и «Непринятие смерти» [12].

Бесстрашие по отношению к смерти является неустойчивой характеристикой. Нельзя утверждать, что оно всегда связано с деструктивным поведением, однако этот фактор облегчает подобные поведенческие проявления. Для более точного понимания мотивации людей с гетероагрессивным поведением необходимы углубленное изучение духовно-нравственного

самосознания и раскрытие механизмов формирования эмоционально-смысловой структуры отношения к смерти.

Программа исследования

Цель исследования заключается в анализе различий психологического отношения к феномену скулшутинга у представителей молодежи, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге, путем изучения его связи с отношением к смерти. Осведомленность о скулшутинге — наличие знаний о феномене скулшутинга (когнитивный компонент, по В.Н. Мясищеву [16]). *Объектом* является психологическое отношение к смерти и феномену скулшутинга. В качестве *предмета* исследования выступает психологическое отношение к смерти и феномену скулшутинга у представителей молодежи, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге.

В исследовании приняли участие 105 человек. Однако в выборку вошли 98 человек ввиду неполноты данных, 48 из которых — мужчины (49%), 50 — женщины (51%). Средний возраст респондентов составил 22,7 года ($sd = 2.8$). Согласно ответам респондентов, 64 человека (65%) ранее слышали о скулшутинге. Значимых гендерных различий в осведомленности о феномене обнаружено не было ($\chi^2(1) = 0,004$, $p = 0,948$), однако осведомленность о скулшутинге оказалась статистически связанной с уровнем образования ($\chi^2(3) = 13,2$; $p = 0,004$) за счет большей осведомленности студенческой группы. В выборку вошли следующие респонденты: 56,1% — студенты, 29,6% — с высшим образованием, 8,2% — со средним специальным образованием, 4,1% — с неоконченным высшим, 1,02% — имеющие более одного высшего образования, 1,02% — со средним общим образованием. Выборка осуществлялась путем рандомизации. Общая выборка была разделена на две группы наблюдения по признаку осведомленности о феномене скулшутинга путем ответа на вопрос в социально-демографической анкете после прохождения тестирования («Слышали ли Вы когда-нибудь о феномене скулшутинга (из СМИ, Интернета или других источников)?»).

Для эмпирического исследования применялись следующие *методики*: «Моральные дилеммы» (J.D.Greene, 2004); «Отношение к смерти» (С.Н. Ениколопов, 2012); «Отношение к смерти» (И.Ю. Кулагина, 2011); «Семантический дифференциал Ч. Осгуда» (С.Е. Osgood, 1957); опросник «Мини-Мульт» (адаптация В.П. Зайцева, 1981); методика исследования правосознания (Л.А. Ясюкова); опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е.П. Ильин); социально-демографическая анкета.

Для проверки полученных результатов применялась статистическая обработка данных при помощи программного обеспечения Jamovi v2.3.21.0. Проводился дисперсионный анализ, а также корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена. Для оценки статистической значимости различий, связанных с полом и уровнем образования, был рассчитан критерий Хи-квадрат. Определение значимости различий показателей между группами производилось с помощью непараметрического U-критерия Манна—Уитни. Так как прямая оценка отношения респондентов к скулшутингу невозможна ввиду очевидной социальной желательности ответов, нами была проведена попытка косвенной оценки с использованием эксплораторного факторного анализа методом главных компонент. Для снижения размерности семантического пространства был использован метод поиска главных компонент с косоугольным вращением Облимин.

Результаты исследования и их обсуждение

При описании результатов приведены значения U-критерия Манна—Уитни и уровень значимости, а оценка различий между группами производилась на основе разницы средних

при расчете U-критерия. Результаты статистической обработки полученных данных позволили выявить, что группа, осведомленная о феномене сулшутинга отличается более положительным отношением к смерти вообще и в частности имеет более высокие показатели по шкалам «Нейтральное принятие смерти» ($U = 805$; $p = 0,032$), «Принятие-приближение смерти» ($U = 99$; $p < 0,001$), «Принятие смерти как бегства» ($U = 62,5$; $p < 0,001$), в то время как не осведомленная о сулшутинге группа более склонна к «Избеганию темы смерти» ($U = 357,5$; $p < 0,001$) и «Страху смерти» ($U = 764$; $p < 0,016$). Это означает, что группа осведомленных о сулшутинге демонстрирует наличие суицидального риска. Смерть рассматривается ими одобрительно и положительно, поскольку влечет за собой освобождение от страданий, невзгод и трудностей.

Сравнение полученных профилей, по результатам опросника «Мини-Мульт», в двух группах показало, что респонденты, ранее слышавшие о сулшутинге, имеют значимо более высокие показатели по шкалам «Депрессия» (D) ($U = 584$; $p < 0,001$) и «Паранойяльность» (Pa) ($U = 708$; $p < 0,004$) по сравнению с теми, кто не знаком с данным феноменом, в то время как другие личностные качества значимо не отличаются между двумя группами. Согласно отечественным и зарубежным исследованиям, депрессивные тенденции характерны для нападавших, а наличие склонности к формированию сверхценных идей свойственно при формировании идеи нападения на образовательную организацию.

Осведомленные о сулшутинге респонденты обладают более низким уровнем правосознания ($U = 618$; $p < 0,001$) и более высоким уровнем как аутоагрессии ($U = 10,5$; $p < 0,001$), так и гетероагрессии ($U = 53,5$; $p < 0,001$). Низкий уровень сформированности правового сознания, как внутреннего регулятора деятельности личности, может побудить их к неправомерному поведению, в данном случае, насильственного характера.

Респонденты в группе осведомленных о сулшутинге оказались более склонны к рациональным решениям моральных дилемм ($U = 564$; $p < 0,001$). Эти данные демонстрируют эмоциональное предпочтение «смерти» и снижение субъективной значимости жизни. Увеличение рациональных выборов связано с имплицитным предпочтением «смерти», выраженностью суицидальных намерений и также снижением значимости жизни. Также результаты говорят о том, что для респондентов, знакомых со сулшутингом, собственная смерть и смерть другого человека близки по смыслу и эмоциональной нагрузке.

Нами также было проверено предположение о связи отношения к смерти и склонности к тем или иным решениям дилемм. Мы обнаружили, что лица, предпочитающие рациональные решения дилемм имеют также более высокие значения по суицидально значимым шкалам «Принятие-приближение смерти» ($r = 0,226$; $p < 0,026$), «Принятие смерти как бегства» ($r = 0,245$; $p < 0,015$) и более низкие значения по шкале «Избегание темы смерти» ($r = -0,231$; $p < 0,001$), которая не несет в себе суицидальный радикал.

В связи с тем, что шкалы «Депрессия» (D), «Паранойяльность» (Pa), «Аутоагрессия», «Гетероагрессия» и уровень правосознания показали связь с решениями дилемм и отношением к смерти, мы решили добавить эти переменные в модель, проверив наличие частных корреляций между моральными выборами и отношением к смерти. Частные корреляции показывают, что с поправкой на личностные особенности респондентов преобладание рациональных выборов в моральных дилеммах имеет значимую связь только со шкалой «Нейтральное принятие смерти» ($p = 0,030$).

Чтобы подробнее изучить влияние шкалы «Депрессия» (D) на связь принятия смерти и рациональности моральных выборов нами была проверена модель, предполагающая модерацию шкалой «Депрессия» (D) связи между отношением к смерти и рациональностью реше-

ния моральных дилемм, которая подтвердила наши выводы, основанные на частных корреляциях этих переменных: рациональность решения в большей степени связана именно со шкалой «Депрессия» (D) как личностной особенностью, чем со шкалой «Нейтральное принятие смерти», которая характеризует смерть как нечто неизбежное. В то же время вклад эффекта модерации в общую дисперсию видится достаточно значимым для учета в анализе.

В связи с тем, что прямая оценка отношения респондентов к скулшутингу невозможна ввиду очевидной социальной желательности ответов нами была проведена попытка косвенной оценки. В методике «Семантический дифференциал» для оценки респондентам был предложен набор специфической терминологии по скулшутингу: «natural selection», «reb'n'vodka», «мафия плащей», «wrath». Данные термины стали нарицательными, они вошли в особое употребление для обозначения скулшутинга. При обработке данных было проведено снижение размерности семантического пространства объектов, связанных с феноменом скулшутинга и не связанных («Я», «жизнь», «смерть», «Я-идеальный»). Для снижения размерности семантического пространства был использован метод поиска главных компонент с косоугольным вращением Облимин. Полученная трехфакторная структура объясняет 60,3% исходной вариативности данных и включает факторы «Сила», «Отношение» и «Простота».

Дисперсионный анализ полученных независимых переменных показал отсутствие значимого эффекта осведомленности испытуемых о скулшутинге на фактор «Отношение к объектам», т. е. отношение к большинству оцениваемых категорий у осведомленной и не осведомленной группы не отличается, за исключением категории «Мафия плащей» (рис. 1).

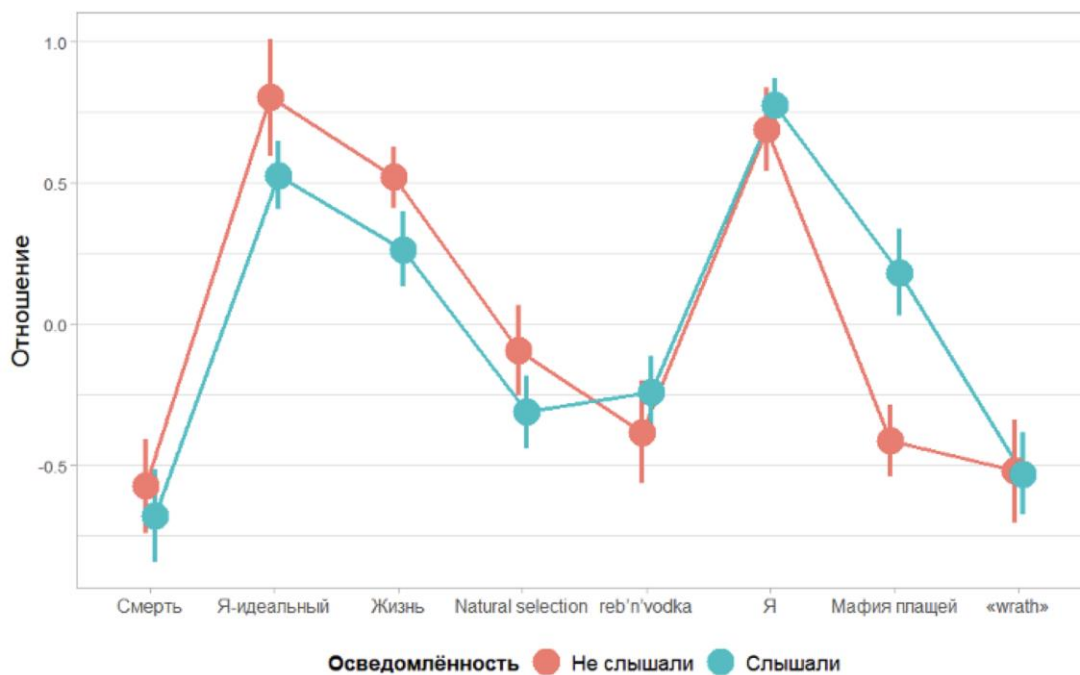

Рис. 1. Фактор «Отношение» и набор специфической терминологии

Тем не менее, фактор «Сила объектов» демонстрирует мощное перекрестное взаимодействие таких переменных, как «Осведомленность о скулшутинге» и «Связанность объектов со скулшутингом» (специфической терминологией): у осведомленной и не осведомленной группы различается оценка силы категорий «мафия плащей», «wrath», «жизнь» и «Я» (рис. 2).

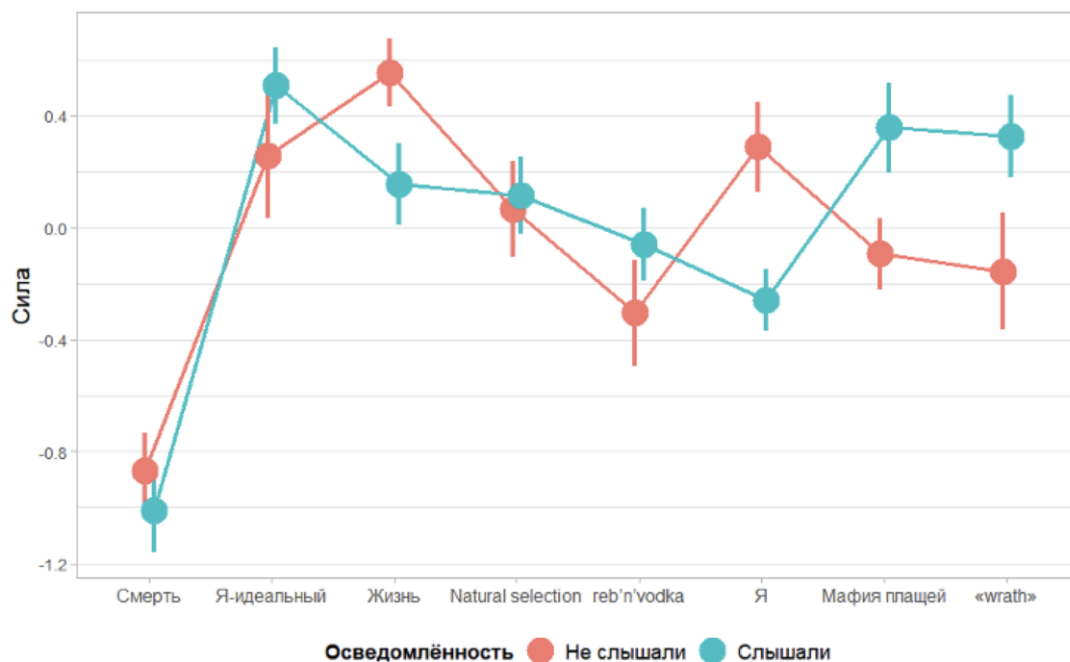

Рис. 2. Фактор «Сила» и набор специфической терминологии

Если разбить группы терминов на отдельные объекты, можно увидеть, что осведомленные респонденты имеют более позитивное ($t = 3,22$; $p = 0,001$; $d = 0,68$) отношение к термину «Мафия плащей». Отсутствие значимых результатов отношения к некоторым специфическим для скулшутинга терминам, предположительно объясняется с позиции узнаваемости конструкций: «natural selection» (естественный отбор) — термин из области биологии, хотя и является нарицательным в узких кругах.

Также было получено следующее: осведомленные респонденты оценивают категории «Жизнь» и «Я» как более слабые по сравнению с не осведомленными, что согласуется с более выраженной депрессивностью первой группы (Мини-Мульт, шкала D «Депрессивность»), а «Мафию плащей» и «Wrath» — как более сильные. Полученные данные указывают на разницу в оценке и восприятии специфической терминологии в группах, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге. Нарцательные термины более позитивно оцениваются теми, кто ранее был знаком с понятием «скулшутинг».

Заключение

Проведенное исследование позволило изучить отношение к скулшутингу путем изучения отношения к смерти. Полученный результат может иметь диагностическую значимость при дальнейших попытках непрямого исследования имплицитного отношения к сложно изучаемым феноменам по типу скулшутинга. Прямая оценка отношения влечет за собой возрастание социально желательных ответов, лишая исследователей возможности взглянуть на то, как представителя молодежи относятся к данному феномену. В то же время неявная оценка не содержит эксплицитных оценочных компонентов в виде слов, но при этом передает различное оценочное значение. Несмотря на наличие согласованности между осведомленной и не осведомленной о скулшутинге группами в плане оценок «хорошо—плохо», для знающих людей специфические термины имеют большую эмоциональную заряженность.

Таким образом, на эмпирическом материале нами получены предварительные результаты, отражающие диагностические возможности изучения имплицитного отношения к скулшутингу посредством изучения отношения к смерти. Исходя из полученных результатов, данный феномен требует дальнейшего исследования. Перспективной задачей выступает анализ различий психологического отношения к феномену скулшутинга у лиц с аутоагрессивным поведением, осведомленных и не осведомленных о скулшутинге, путем изучения отношения к смерти.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. 304 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 526 с.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
4. Бердяев Н.А. Смерть и бессмертие // Развитие личности. 2014. № 1. С. 69–88.
5. Верховный суд признал «Колумбайн» террористическим движением [Электронный ресурс] // РБК. 02.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/02/2022/61fa80e89a7947fc73792fb5> (дата обращения: 20.08.2023).
6. Гаврилова Т.А. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 63–71.
7. Гриненко У.Б. Проблема скулшутинга в образовательной среде [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Том 14. № 80. doi:10.54359/ps.v14i80.109
8. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. М., 1996. 246 с.
9. Гусев Д.Е. Понятие «некрофилия» в работах Эриха Фромма // Инновационная наука. 2021. № 8-1. С. 70–72.
10. Дмитриева П.Р. Отношение к смерти от страха и избегания к принятию смерти // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 76–79.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль. 1994. 400 с.
12. Жукова Н.Ю. Исследование отношения к смерти у подростков с нормативным и девиантным поведением [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2016. Том 9. № 4. С. 96–102. doi:10.14529/psy1604110
13. Костяная М.И., Сафуанов Ф.С. Отношение к концепту смерти у лиц с психическими расстройствами, совершивших агрессивные преступления [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. Том 3. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39934.shtml (дата обращения: 11.10.2023).
14. Леонтьев Д.А. Смысл смерти: на стороне жизни. 2004 [Электронный ресурс] // Институт психологии и экзистенциального творчества. URL: <http://institut.smysl.ru/article/dead.php> (дата обращения: 11.10.2023).
15. Любов Е.Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть 1 // Суицидология. 2012. № 3. С. 3–10.
16. Мясщев В.Н. Психология отношений. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 400 с.
17. Силенин И.А. Свобода и смерть в структуре человеческой экзистенции в философии Жан-Поль Сартра [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1 (28). С. 99–121. doi:10.12731/2077-1770-2016-4-1-99-121

18. Совбез РФ: Подростков затягивают в криминал с помощью квестов и игровых чатов [Электронный ресурс] // Российская газета. 10.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/10/legko-li-bit-molodym.html> (дата обращения: 20.08.2023).
19. Фрейд З. Мы и смерть. Критически-историческое исследовательское издание. М.: ERGO, 2022.
20. Фромм Э. Величие и ограниченность учения Фрейда / Теория Зигмунда Фрейда. М.: АСТ, 2019. 288 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. 447 с.
22. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии Чувашии. 2015. Том 11. № 1. С. 8–20.
23. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Психологические защиты от страха смерти у людей с разным опытом суицидального поведения // Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения / Суицидология. 2011. № 2. С. 14–15.
24. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Магурдумова Л.Г. Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения // Суицидология. 2013. № 3 (12). С. 26–35.
25. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Отношение к смерти в контексте временной перспективы: адаптивные, защитные и неадаптивные взгляды на смерть у молодых взрослых [Электронный ресурс] // Суицидология. 2019. № 10 (1). С. 58–74. doi:10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-58-74
26. Шмидт-Хеллерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либи́до и Лета. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории. СПб: Б&К, 2003. 298 с.
27. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
28. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2004. 576 с.
29. Number of K-12 school shootings in the United States from 1970 to June 2022 [Электронный ресурс] // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/971473/number-k-12-school-shootings-us> (дата обращения: 20.08.2023).
30. Phillips D.P. The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect // American Sociological Review. 1974. Vol. 39(3). P. 340–354.
31. Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. The Death Attitude Profile Revised: A multidimensional measure of attitudes towards death // Death anxiety handbook: research, instrumentation, and application / R. Neimeyer (ed.). New York: Taylor and Francis, 1994. P. 121–148.

References

1. Antonyan Yu.M. Psikhologiya ubiistva. Moscow: Yurist”, 1997. 304 p. (In Russ.).
2. Ariès Ph. Chelovek pered litsom smerti [L’Homme devant la mort]. Moscow: Progress, 1992. 526 p. (In Russ.).
3. Bandura A. Teoriya sotsial’nogo naucheniya [Social Learning Theory]. Saint Petersburg: Evraziya, 2000. 320 p. (In Russ.).
4. Berdyaev N.A. Smert’ i bessmertie. Razvitie lichnosti = Development of Personality, 2014, no. 1, pp. 69–88. (In Russ.).
5. Verkhovnyi sud priznal “Kolumbain” terroristicheskim dvizheniem [Elektronnyi resurs]. RBK. 02.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/02/2022/61fa80e89a7947fc73792fb5> (Accessed 20.08.2023).

6. Gavrilova T.A. Strakh smerti v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Fear of death in adolescence]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 2004, no. 6, pp. 63–71. (In Russ.).
7. Grinenko U.B. Problema skulshutinga v obrazovatel'noi srede [The problem of school shooting in the educational environment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2021. Vol. 14, no. 80. doi:10.54359/ps.v14i80.109 (In Russ.).
8. Grof S., Halifax J. Chelovek pered litsom smerti [The human encounter with death]. Moscow, 1996. 246 p. (In Russ.).
9. Gusev D.E. Ponyatie “nekrofilii” v rabotakh Erikha Fromma. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, 2021, no. 8-1, pp. 70–72. (In Russ.).
10. Dmitrieva P.R. Otnoshenie k smerti ot strakha i izbeganiya k prinyatiyu smerti [Attitude towards death: from fear and avoidance to acceptance]. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, 2020, no. 8, pp. 76–79. (In Russ.).
11. Durkheim D.E. Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud [Le Suicide]. Moscow: Mysl'. 1994. 400 p. (In Russ.).
12. Zhukova N.Yu. Issledovanie otnosheniya k smerti u podrostkov s normativnym i deviantnym povedeniem [A study of the Attitude toward Death of Adolescents with Normative and Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Psikhologiya” = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2016. Vol. 9, no. 4, pp. 96–102. doi:10.14529/psy1604110 (In Russ.).
13. Kostyanaya M.I., Safuanov F.S. Otnoshenie k kontseptu smerti u lits s psikhicheskimi rasstroistvami, sovershivshikh agressivnye prestupleniya [Attitudes Towards the Concept of Death among Individuals with Mental Disorders Who Have Committed Violent Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2011. Vol. 3, no. 1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39934.shtml (Accessed 11.10.2023). (In Russ.).
14. Leontiev D.A. Smysl smerti: na storone zhizni. 2004 [Elektronnyi resurs]. *Institut psikhologii i ekzistentsial'nogo tvorchestva*. URL: <http://institut.smysl.ru/article/dead.php> (Accessed 11.10.2023). (In Russ.).
15. Lyubov E.B. SMI i podrazhatel'noe suitsidal'noe povedenie. Chast' 1 [Mass media and copycat suicidal behavior: Part I]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2012, no. 3, pp. 3–10. (In Russ.).
16. Myasishchev V.N. Psikhologiya otnoshenii. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: NPO “MODEK”, 2003. 400 p. (In Russ.).
17. Silenin I.A. Svoboda i smert' v strukture chelovecheskoi ekzistentsii v filosofii Zhan-Pol' Sartra [Freedom and death in the structure of human existence in the philosophy of Jean-Paul Sartre] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Issues*, 2016, no. 4-1 (28), pp. 99–121. doi:10.12731/2077-1770-2016-4-1-99-121 (In Russ.).
18. Sovbez RF: Podrostkov zatyagivayut v kriminal s pomoshch'yu kvestov i igrovykh chatov [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskaya gazeta*. 10.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/10/legko-li-bit-molodym.html> (Accessed 20.08.2023). (In Russ.).
19. Freud S. My i smert'. Kriticheski-istoricheskoe issledovatel'skoe izdanie. Moscow: ERGO, 2022.
20. Fromm E. Velichie i ogranichennost' ucheniya Freida / Teoriya Zigmunda Freida [Greatness and Limitation of Freud's Thought]. Moscow: AST, 2019. 288 p. (In Russ.).
21. Heidegger M. Bytie i vremya [Sein und Zeit]. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. (In Russ.).
22. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. Otnoshenie k smerti posle popytki samoubiistva: stigmatizatsiya i samostigmatizatsiya suitsidal'nykh patsientov [Death attitudes after a suicide attempt: stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients].

stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients]. *Vestnik psikhiatrii Chuvashii = The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 8–20. (In Russ.).

23. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. Psikhologicheskie zashchity ot strakha smerti u lyudei s raznym opytom suitsidal'nogo povedeniya [Psychological defenses against the fear of death in people with various suicidal experiences]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2011, no. 2, pp. 14–15. (In Russ.).

24. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Magurdumova L.G. Mediko-psikhologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie kontseptsii suitsidal'nogo povedeniya [Medical and socio-psychological approaches to suicidal behavior]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2013, no. 3 (12), pp. 26–35. (In Russ.).

25. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Ozol S.N., Chubina S.A. Otnoshenie k smerti v kontekste vremennoi perspektivy: adaptivnye, zashchitnye i neadaptivnye vzglyady na smert' u molodykh vzroslykh [Death attitudes in context of time perspective: adaptive, defensive and maladaptive views of death in young adults] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2019, no. 10 (1), pp. 58–74. doi:10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-58-74 (In Russ.).

26. Schmidt-Hellerau C. Vlechenie k zhizni i vlechenie k smerti. Libido i Leta. Svodnaya formal'no-logicheskaya model' psikhoanaliticheskoi teorii vlechenii i strukturnoi teorii [Lebenstrieb Todestrieb. Libido Lethe (Ein formalisiertes konsistentes Modell der psychoanalytischen Trieb – und Strukturtheorie)]. Saint Petersburg: B&K, 2003. 298 p. (In Russ.).

27. Yalom I.D. Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn' bez strakha smerti [Staring at the Sun: Overcoming the Terror of Death]. Moscow: Eksmo, 2009. 352 p. (In Russ.).

28. Yalom I.D. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential Psychotherapy]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2004. 576 p. (In Russ.).

29. Number of K-12 school shootings in the United States from 1970 to June 2022 [Elektronnyi resurs]. *Statista*. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/971473/number-k-12-school-shootings-us> (Accessed 20.08.2023).

30. Phillips D.P. The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect. *American Sociological Review*, 1974. Vol. 39, no. 3, pp. 340–354.

31. Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. The Death Attitude Profile Revised: A multidimensional measure of attitudes towards death. In R. Neimeyer (ed.). *Death anxiety handbook: research, instrumentation, and application*. New York: Taylor and Francis, 1994, pp. 121–148

Информация об авторах

Гриненко Ульяна Богдановна, аспирант, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Information about the authors

Uliana B. Grinenko, Postgraduate Student, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Получена 06.10.2023
Принята в печать 06.11.2023

Received 06.10.2022
Accepted 06.11.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Личностные предикторы волонтерства
в повседневных и экстремальных условиях**

Петров В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Кокурин А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Специальная военная операция, проводимая Россией, вызвала увеличение числа волонтеров, осуществляющих свою деятельность в экстремальных условиях. На основе проведенного анализа научных публикаций по проблематике волонтерской деятельности, а также данных эмпирического исследования на выборке из 40 человек (20 волонтеров экстремального профиля и 20 волонтеров общегуманитарной направленности), включавших результаты анкетирования и комплексного психодиагностического обследования («Опросник оценки склонности к волонтерской деятельности» (В.Е. Петров); тест «Альтруизм—эгоизм» (Е.П. Ильин); методика «Ответственность ЭДО» (В.П. Прядеин); методика «Диагностика принятия других» (В. Фей), методика диагностики социальной эмпатии (А. Меграбян и Н. Эпштейн)), установлены психологически значимые предикторы, определяющие склонность людей к контрастным видам волонтерской деятельности. Оценка различий в группах показала, что «экстремальным волонтерам» свойственна повышенная ответственность за результаты своей деятельности, а «волонтерам общегуманитарной направленности» присуща большая толерантность по отношению к окружающим. Психологический портрет «экстремального волонтера» отличают такие характеристики ценностно-мотивационной сферы личности, как патриотизм, соучастие, самопожертвование, социальная вовлеченность, альтруизм. Материал статьи позволяет уточнить методологические ориентиры психологической практики в области волонтерства в экстремальных условиях деятельности, детализировать паттерн качеств успешного волонтера и индивидуализировать его профессиональную подготовку.

Петров В.Е., Кокурин А.В., Поздняков В.М.
Личностные предикторы волонтерства
в повседневных и экстремальных условиях
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 164–174

Petrov V.E., Kokurin A.V., Pozdnyakov V.M.
Personal Predictors of Volunteering
in Everyday and Extreme Conditions
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 164–174

Ключевые слова: волонтерство, личностный профиль качеств волонтера, социальная ответственность, толерантность, эмпатия, альтруизм, самопожертвование, сопричастность.

Для цитаты: *Петров В.Е., Кокурин А.В., Поздняков В.М.* Личностные предикторы волонтерства в повседневных и экстремальных условиях [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 3–15. DOI:10.17759/psylaw.20231304__

Personal Predictors of Volunteering in Everyday and Extreme Conditions

Vladislav E. Petrov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807> , e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691> , e-mail: kokurin1@bk.ru

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

The special military operation carried out by Russia has caused an increase in the number of volunteers carrying out their activities in extreme conditions. Based on the analysis of scientific publications on the problems of volunteering, as well as the data of an empirical study on a sample of 40 people (20 volunteers of an extreme profile and 20 volunteers of a general humanitarian orientation), which included the results of a questionnaire and a comprehensive psychodiagnostic examination (“Questionnaire for assessing the propensity to volunteer activity” (V.E. Petrov); test “Altruism — egoism” (E.P. Ilyin), methodology “EDM Responsibility” (V.P. Pryadein), the method “Diagnostics of Acceptance of Others” (V. Fey), the method of diagnosing social empathy (A. Mehrabyan and N. Epstein)), psychologically significant predictors that determine people’s inclination to contrasting types of volunteer activities have been established. An assessment of the differences in the groups showed that “extreme volunteers” are characterized by increased responsibility for the results of their activities, and “volunteers of a general humanitarian orientation” are characterized by greater tolerance towards others. The psychological portrait of an “extreme volunteer” is distinguished by such characteristics of the value and motivational sphere of the personality as patriotism, participation, self-sacrifice, social involvement, and altruism. The material of the article allows us to clarify the methodological guidelines of psychological practice in the field of volunteering in extreme conditions, to detail the pattern of qualities of a successful volunteer and to individualize his professional training.

Keywords: volunteering, personal profile of volunteer qualities, social responsibility, tolerance, empathy, altruism, self-sacrifice, involvement.

For citation: Petrov V.E., Kokurin A.V., Pozdnyakov V.M. Personal Predictors of Volunteering in Everyday and Extreme Conditions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 3–15. DOI:10.17759/psylaw.20231304__ (In Russ.).

Введение

Проблемы построения справедливого общества, ориентированного на потребности каждого человека, гармонизации межличностных отношений, оказания помощи нуждающимся не одно тысячелетие ставились в центр внимания ученых. В настоящее время данные проблемы актуализируются в России и со стороны государственных и общественных деятелей, поддерживающих проявления социальной активности граждан в разных видах волонтерства [10; 13; 17 и др.]. Согласно положениям Федерального проекта «Социальная активность», поддерживаемого Президентом России В.В. Путиным, организация и развитие волонтерского движения отнесены к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики государства. Однако волонтерство востребовано не только в социальной сфере, но и в области реалий все более расширяющегося сегодня экстремального бытия людей. Добровольцы, меценаты и волонтеры активно вовлекаются в мероприятия по ликвидации последствий катастроф и стихийных бедствий, по поиску пропавших лиц, по созданию логистики снабжения и оказания гуманитарной помощи в зонах вооруженных конфликтов, а также принимают непосредственное участие по защите интересов России в ходе проведения специальной военной операции.

Анализ публикаций свидетельствует, что феноменология волонтерства чаще стала становиться объектом научных исследований отечественных и зарубежных ученых, в том числе в предметных областях истории, социологии, психологии, социальной педагогики, юриспруденции и менеджмента (Ю.С. Белановский, В.Б. Беневоленский, Н.И. Горлова, Е.Ю. Звезда, Л.А. Кудринская, И.В. Мерсиянова, М.В. Певная, О.В. Решетников, Л. Саламон, Л.И. Якобсон, Е.И. Холостова и др.). Учеными констатируется, что под волонтерством следует понимать созидательную деятельность человека, заключающуюся в соучастии в решении проблем отдельных людей, общества или государства по собственной инициативе. Подчеркивается, что доброволец вправе в любой момент отказаться от участия в волонтерстве. Ключевой чертой волонтерства как деятельности считается альтруистическая направленность участников во благо определенного или неопределенного круга лиц без расчета на материальное вознаграждение в какой-либо форме. На подобное обстоятельство указывается и в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». В связи с этим происходящее в России также расширение оказания помощи и соучастие в экстремальной сфере деятельности на возмездной основе следует рассматривать как наемничество.

В историографическом ракурсе анализ публикаций показывает, что в психологии проблематика волонтерства не является новой. Однако до сих пор учеными продолжают изучаться преимущественно аспекты мотивационного характера добровольческой деятельности, тогда как остальным психологическим факторам волонтерства (подбор волонтеров, грани соучастия, самопожертвование и др.) уделяется недостаточно внимания. С учетом реалий современной России актуализирован поиск подходов, форм и методов оказания добровольческой и благотворительной помощи в экстремальной сфере деятельности [11; 15 и др.], диагностических средств оценки личностных предикторов волонтеров [7; 11; 14 и др.].

В настоящее время мнения о детерминации волонтерства и его ключевых атрибутах разнятся. Обобщая мнения специалистов (Н.А. Агеева, Д.В. Титова, Г.Г. Бородаева, А.Г. Кили-

на, И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон и др.), можно выделить следующие аспекты волонтерской деятельности: активность, добровольность, безвозмездность, социальная полезность, соучастие, систематичность. Выбор волонтерства как деятельности, тем более экстремальной, отражается в паттерне определенных качеств личности. Однако и в данном случае однозначного ответа относительно мотивации и иных индивидуально-психологических особенностей экстремального волонтера не существует [4; 6; 18 и др.]. Именно противоречие между имеющимися сведениями об обобщенном психологическом портрете волонтера и запросами психопрактики в области психологического сопровождения волонтерской деятельности в экстремальных условиях обусловило значимость проведения научного исследования.

Методы и материалы

Исследование, ставившее перед собой цель изучить психологические детерминанты склонности к волонтерству, проведено нами в 2023 г. на выборке из 40 человек. Для оценки ведущих характеристик личности волонтеров в экстремальных условиях деятельности было сформировано две группы по 20 человек: 1) волонтеры, оказывающие помощь в ходе проведения специальной военной операции («экстремальные волонтеры» — участие в сборе и доставке, распределении гуманитарной помощи и пр.); 2) волонтеры, принимающие участие в иных видах волонтерской деятельности («волонтеры общегуманитарной направленности» — участники экологического движения «ЭКА», Программы мобильности (Формула-1), волонтерского проекта «Погоуляй собаку», волонтеров «Музея Победы», акции «МЫВМЕСТЕ», у которых наличие волонтерских часов подтверждено в Единой информационной системе ДОБРО.РФ). Группу 1 составили 12 мужчин и 8 женщин, средний возраст — 31,6 лет; группу 2 — 9 мужчин и 11 женщин, средний возраст — 30,3 года. Тестирование проведено с помощью «Опросника оценки склонности к волонтерской деятельности» (ОСВД; В.Е. Петров [11]); теста «Альтруизм—эгоизм» (Е.П. Ильин); методик «Ответственность ЭДО» (В.П. Прядеин), «Диагностика принятия других» (В. Фей), «Диагностика социальной эмпатии» (А. Меграбян и Н. Эпштейн). Исследование дополнено анкетированием по оценке индивидуальной значимости профессионально важных качеств волонтеров. Сравнение результатов групп осуществлено по непараметрическому U-критерию Манна—Уитни (табл. 1).

Таблица 1

Оценка различий в волонтерских группах

Название шкалы	X _{ср1}	X _{ср2}	U-критерий	p
Ответственность (ОСВД)	39,872	32,112	125	0,05
Толерантность (ОСВД)	44,035	52,306	95	0,01
Эмпатия (ОСВД)	36,657	37,723	180,5	—
Альтруизм (ОСВД)	48,709	46,140	179	—
Склонность к волонтерству (ОСВД)	92,513	94,386	168	—
Ответственность («Экспресс-диагностика ответственности»)	59,670	54,511	93	0,01
Принятие (методика В. Фей)	52,007	54,740	170	—
Эмпатия (методика диагностики социальной эмпатии)	23,637	24,875	176,5	—
Альтруизм («Альтруизм—эгоизм»)	75,981	77,557	167	—

Результаты исследования и их обсуждение

Из табл. 1 видно, что статистически значимых различий не наблюдается, как по интегральному показателю методики «Склонность к волонтерству», так и по некоторым индикаторам.

торам методик «Эмпатия» и «Альтруизм». Это позволяет констатировать, что для всех категорий волонтеров свойственны понимание окружающих, сопереживание и сочувствие им, безвозмездность деятельности. В то же время сравнение данных по контрастным группам свидетельствует, что «экстремальным волонтерам» присущи в большей мере выраженные ответственность за результаты своей деятельности (ОСВД — $p = 0,05$; ЭДО — $p = 0,01$), а «волонтеров общегуманитарной направленности» отличает большая толерантность по отношению к окружающим (ОСВД — $p = 0,01$).

Индивидуальные беседы с волонтерами группы 1 свидетельствуют, что ответственность, по их мнению, предполагает объективно обусловленную необходимость учета основных правил, принципов, требований и этических дилемм, предъявляемых к волонтеру государством, обществом или окружающими, что в итоге потенцирует выбор волонтерства даже как образа жизни. Именно социальная ответственность как субъектность личности выступает своеобразным триггером участия в волонтерстве. Более того, в социальном измерении ответственность личности выражается в деятельности волонтера, причастной к общественным целям с готовностью к самопожертвованию. Формируется социально направленная мотивация волонтерской деятельности [8; 12; 16 и др.].

С позиции оценки успешности волонтерской деятельности респонденты из группы 2 в нашем исследовании указали на необходимость признавать ценность взглядов окружающих, даже если они отличны от общепринятых. На первом плане, по их мнению, должны быть: уважение к личности и поведению каждого, с кем придется работать, проявление внимания, доброты, симпатии, терпимости, сдержанности, принятие образа жизни, иных обычаев и традиций, веры, мотивации, точек зрения, чувств. Однако экстремальность вида волонтерской деятельности несколько снижает выраженность толерантности у лиц, оказывающих помощь в особых и экстремальных условиях: под постоянным действием стрессоров опасности, по мнению респондентов из группы 1, сочувствие «притупляется». Однако в индивидуальных беседах респонденты из первой группы подчеркивали, что подобное обстоятельство не означает интолерантности — у любого волонтера уровень толерантности в среднем значимо выше, чем у лиц, не оказывающих помощь. По результатам анкетного опроса установлено, что экстремальность привносит в оценки волонтера критерии категоричности и самоофективности. При этом данные настоящего исследования в части оценки и прогнозирования склонности человека к волонтерской деятельности безотносительно к сфере приложения добровольческих усилий совпадают со сведениями, приведенными в различных публикациях [2; 3; 12 и др.], в том числе зарубежных [20; 21].

Анализируя полученные нами результаты в аспекте соотнесения их с методологическими подходами к феноменологии добровольчества (волонтерства, меценатства [1; 9; 19 и др.]), можно предположить, что волонтерство в экстремальной сфере изменяет образ жизни добровольцев, расширяет границы их субъективной картины мира, генерализируя зону личной ответственности за события, происходящие в настоящее время в России, а также за жизнь и благополучие людей в новых регионах Российской Федерации (табл. 2). Характер экстремальных условий, возникающих при реализации волонтерской деятельности, способствует повышению социально-психологической зрелости личности добровольцев, причем с возникновением психологической готовности к ограничениям и самопожертвованию. По мнению респондентов, их ценностные установки (патриотизм, чувство сопричастности, социальная вовлеченность, жизнестойкость и др.) нивелируют объективно существующую угрозу жизни и здоровью. Подобная позиция повышает личностный потенциал волонтеров, придает смысл существованию как членов особого сообщества людей и граждан российского государства.

Таблица 2

Сопоставление ведущих качеств личности у разных категорий волонтеров

Событийное волонтерство	Социальное волонтерство	Культурное волонтерство	Инклюзивное волонтерство	Экстремальное волонтерство
Проактивность ²	Личностный динамизм ¹	Нравянодушие ¹	Активность ²	Ответственность ¹
Доброжелательность ²	Коммуникабельность ²	Коммуникабельность ²	Коммуникабельность ²	Соучастие ¹
Исполнительность ¹	Значимые ценности ¹	Милосердие ²	Эмпатия ¹	Самопожертвование ¹
Склонность к групповой работе ³	Психологическая готовность ¹	Склонность к групповой работе ³	Организаторские способности ²	Патриотизм ¹
Стрессоустойчивость ¹	Эмоциональная стабильность ¹	Самоконтроль ¹	Профессиональные способности ²	Социальная вовлеченность ¹
Толерантность ¹	Толерантность ¹	Саморазвитие ¹	Саморефлексия	Альтруизм ¹

Базируясь на подходе Е.С. Азаровой и Н.С. Яницкого [цит. по: 5] к личностной детерминации успешности волонтерской деятельности, наши данные позволяют выделить три группы качеств в профиле добровольцев (индексы в табл. 2):

1. индивидуально-психологические (характеристики ценностно-мотивационной и эмоционально-волевой сферы, самооценка и др.);
2. коммуникативно-деятельностные (определяют особенности активности и процесс взаимодействия с лицами, которым оказывается помощь);
3. социально-психологические (определяют межличностные отношения с коллегами, характер общения и социально-психологический климат).

В проведенном анализе личностных детерминант волонтерства в экстремальных условиях доминирующими являются характеристики нравственной и ценностно-мотивационной сферы личности: ответственность, патриотизм, соучастие, самопожертвование, социальная вовлеченность, альтруизм. Именно они образуют склонность к данному виду волонтерской деятельности. Экстремальные волонтеры отталкиваются в выборе субъектной активности на доминирующих просоциальных ценностях, обуславливающих уровень и характер личной ответственности за поступки. Альтруистическая направленность личности «экстремального волонтера» также специфично модулируется пониманием экстремальности: необходимо помогать каждому нуждающемуся, даже если это идет добровольцу во вред, что во многом и определяется повышенной развитой ответственностью как системным качеством личности (по В.П. Прядеину, 2013). Волонтерство в иных сферах деятельности детерминируется также коммуникативно-деятельностными и социально-психологическими особенностями личности.

Выводы

В заключение отметим, что качества личности, установленные нами, могут быть объединены в так называемую «карту личностного профиля экстремального волонтера» [1; 8 и др.] — основной инструмент, позволяющий оценивать уровень способностей и степень выраженности личностных характеристик успешного волонтера. При этом результаты исследования показали, что опросник оценки склонности к волонтерской деятельности позволяет комплексно изучить феноменологию добровольчества, компактно и надежно прогнозировать степень выраженности личностных предикторов волонтеров.

Дальнейшая разработка психологической проблематики феномена успешного волонтерства в экстремальных условиях деятельности позволит выяснять и расширять круг лиц, которые могут быть привлечены к новым видам добровольческого движения. Превентивная оценка склонности людей к волонтерской деятельности позволит проводить их индивидуально-ориентированную профессиональную подготовку и психологическое сопровождение. В конечном счете этим будет достигаться реальный вклад психологов в патриотическое воспитание граждан и гармонизацию отношений в обществе.

Литература

1. *Артамонова В.В.* Модели волонтерской деятельности в современном обществе [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5 (85). С. 57–61. doi:10.24158/spp.2021.5.8
2. *Басов Е.Н., Питкин В.А., Хворостова Т.Р.* Особенности личности волонтера // Становление психологии и педагогики как междисциплинарных наук: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 апреля 2018 г, г. Новосибирск). Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 22–26.
3. *Воробьева А.Е., Скипор С.И.* Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 205–218. doi:10.17759/sps.2021120313
4. *Звездина Е.Ю.* Особенности ментальной репрезентации образа волонтера в представлениях студенческой молодежи: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 24 с.
5. *Корнеева Е.Л.* Основные направления исследования волонтерской деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 1. С. 131–141. doi:10.17759/psyedu.2015070113
6. *Кртова У.П.* Психологические особенности мотивационно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (25). С. 44–54.
7. *Леви М.В., Свободный Ф.К.* Апробация новой методики изучения правового сознания для сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 110–124. doi:10.17759/psylaw.2022120409
8. *Лужсков Ю.В.* Подготовка будущих педагогов к организации добровольческой деятельности подростков с делинквентным поведением // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 139–145.
9. *Мазниченко М.А.* Событийное волонтерство: Учебник. М.: Юрайт, 2021. 155 с.
10. *Певная М.В., Кузьминчук А.А.* Потенциал развития корпоративного волонтерства в современной России // Социальные исследования. 2017. № 1. С. 1–18.
11. *Петров В.Е.* Оценка склонности к волонтерству у сотрудников силовых ведомств // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: V Международная конференция: сборник научных трудов, Москва, 10 июня 2021 года / Сост. А.В. Кравченко. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 268–271.
12. *Полякова О.О., Ведяшкина С.А.* К проблеме психологического исследования волонтерской деятельности // Е-SCIO. 2017. № 6 (9). С. 168–176.

13. Потенциал и пути развития филантропии в России: Монография / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 419 с.
14. Разумова Е.М., Клюкина А.А. Психологические особенности личности волонтеров и аспекты их деятельности // Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / отв. ред. С.А. Водяха. Екатеринбург, 2019. С. 595–599.
15. Ратникова О.Д., Перегудова Н.В., Кононко П.П., Илларионова Н.М. Разработка новых научно-практических подходов к организации добровольческой (волонтерской) деятельности в области пожарной безопасности [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2021. № 2 (8). С. 47–53. doi:10.37657/vniipr.avpb.2021.68.34.007
16. Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102
17. Тутова Д.В. Проблемы исследования волонтерской деятельности в психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Том 8. № 2А. С. 90–98.
18. Шуваева Е.И., Петрова Н.В. Мотивация и вовлеченность студентов в благотворительную деятельность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Том 6. № 3. С. 88–100.
19. Шермазян Л.Г. Мотивация помогающего поведения в контексте житейской и профессиональной помощи [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 5. С. 257–289. doi:10.17759/cpp.2015230512
20. Akhtar H. Predicting Participation in Volunteering Based on Personality Characteristics // Journal of Educational, Health and Community Psychology. 2019. Vol. 8(2). P. 32–44. doi:10.12928/jehcp.v8i2.12617
21. Smith D.H. Altruism, volunteers, and volunteerism // Journal of Voluntary Action Research. 1981. Vol. 10(1). P. 21–36. doi:10.1177/089976408101000105

References

1. Artamonova V.V. Modeli volonterskoi deyatel'nosti v sovremennom obshchestve [Models of volunteering in modern society] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2021, no. 5 (85), pp. 57–61. doi:10.24158/spp.2021.5.8 (In Russ.).
2. Basov E.N., Pitkin V.A., Khvorostova T.R. Osobennosti lichnosti volontera. *Stanovlenie psikhologii i pedagogiki kak mezhdistsiplinarnykh nauk: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (15 aprelya 2018 g, g. Novosibirsk)*. Ufa: AETERNA, 2018, pp. 22–26. (In Russ.).
3. Vorobieva A.E., Skipor S.I. Psikhologicheskie kharakteristiki volonterov razlichnykh napravlennoy aktivnosti [Psychological Characteristics of Volunteers of Different Types of Activity] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 205–218. doi:10.17759/sps.2021120313 (In Russ.).
4. Zvezdina E.Yu. Osobennosti mental'noi reprezentatsii obraza volontera v predstavleniyakh studencheskoi molodezhi: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2017. 24 p. (In Russ.).

5. Korneeva E.L. Osnovnye napravleniya issledovaniya volonterskoi deyatelnosti [The main directions of research volunteer activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 131–141. doi:10.17759/psyedu.2015070113 (In Russ.).
6. Kretova U.P. Psikhologicheskie osobennosti motivatsionno-smyslovoi sfery lits, vklyuchennykh v volonterskuyu deyatelnost' [Psychological specifics of motivational and semantic sphere of persons involved into volunteers' activities]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki = Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities*, 2015, no. 1 (25), pp. 44–54. (In Russ.).
7. Levi M.V., Svobodny F.K. Aprobatsiya novoi metodiki izucheniya pravovogo soznaniya dlya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [New Method Approbation for the Study of Legal Consciousness for Law Enforcement Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 110–124. doi:10.17759/psylaw.2022120409 (In Russ.).
8. Luzhkov Yu.V. Podgotovka budushchikh pedagogov k organizatsii dobrovol'cheskoi deyatelnosti podrostkov s delinkventnym povedeniem [Training of teachers to the voluntary activity organization of teenagers with delinquent behaviour]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2016, no. 11, pp. 139–145. (In Russ.).
9. Maznichenko M.A. Sobytiinoe volonterstvo: Uchebnik. Moscow: Yurait, 2021. 155 p. (In Russ.).
10. Pevnaya M.V., Kuzminchuk A.A. Potentsial razvitiya korporativnogo volonterstva v sovremennoi Rossii [The capacity of corporate volunteering development in modern Russia]. *Sotsial'nye issledovaniya = Social Research*, 2017, no. 1, pp. 1–18. (In Russ.).
11. Petrov V.E. Otsenka sklonnosti k volonterstvu u sotrudnikov silovykh vedomstv. In Kravchenko A.V. (ed.). *Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoi deyatelnosti: sostoyanie i perspektivy: V Mezhdunarodnaya konferentsiya: sbornik nauchnykh trudov, Moskva, 10 iyunya 2021 goda*. Moscow: Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.Ya. Kikotya Publ., 2021, pp. 268–271. (In Russ.).
12. Polyakova O.O., Vedyashkina S.A. K probleme psikhologicheskogo issledovaniya volonterskoi deyatelnosti. *E-SCIO*, 2017, no. 6 (9), pp. 168–176. (In Russ.).
13. In Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (eds.). Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii: Monografiya. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 419 p. (In Russ.).
14. Razumova E.M., Klyukina A.A. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti volonterov i aspekty ikh deyatelnosti [Psychological characteristics of volunteers and their activities]. In Vodyakha S.A. (ed.). *Psikhologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka: materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20 marta 2019 g.)*. / otv. red. Ekaterinburg, 2019. S. 595–599.
15. Ratnikova O.D., Peregudova N.V., Kononko P.P., Illarionova N.M. Razrabotka novykh nauchno-prakticheskikh podkhodov k organizatsii dobrovol'cheskoi (volonterskoi) deyatelnosti v oblasti pozharnoi bezopasnosti [Development of new scientific and practical approaches to the organization of voluntary activities in the field of fire safety] [Elektronnyi resurs]. *Aktual'nye voprosy pozharnoi bezopasnosti = Current Fire Safety Issues*, 2021, no. 2 (8), pp. 47–53. doi:10.37657/vniipo.avpb.2021.68.34.007 (In Russ.).
16. Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A. Psikhologicheskie osobennosti professional'noi vostrebovannosti i motivatsii sotrudnikov politzii [Psychological Features of Professional Demand and

Motivation of Law-Enforcement Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102 (In Russ.).

17. Titova D.V. Problemy issledovaniya volonterskoi deyatel'nosti v psikhologii [The issues of the research on volunteering in psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2019. Vol. 8, no. 2A, pp. 90–98. (In Russ.).

18. Shuvaeva E.I., Petrova N.V. Motivatsiya i вовлеченность студентов в благотворительную деятельность [Students' motivation and their engagement in charity]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2015. Vol. 6, no. 3, pp. 88–100. (In Russ.).

19. Shermazanyan L.G. Motivatsiya pomagayushchego povedeniya v kontekste zhiteiskoi i professional'noi pomoshchi [The Helping Behavior Motivation in the Context of Everyday and Professional Help] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 5, pp. 257–289. doi:10.17759/cpp.2015230512 (In Russ.).

20. Akhtar H. Predicting Participation in Volunteering Based on Personality Characteristics. *Journal of Educational, Health and Community Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 2, pp. 32–44. doi:10.12928/jehcp.v8i2.12617

21. Smith D.H. Altruism, volunteers, and volunteerism. *Journal of Voluntary Action Research*, 1981. Vol. 10, no. 1, pp. 21–36. doi:10.1177/089976408101000105

Информация об авторах

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Information about the authors

Vladislav E. Petrov, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology

Петров В.Е., Кокурин А.В., Поздняков В.М.
Личностные предикторы волонтерства
в повседневных и экстремальных условиях
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 164–174

Petrov V.E., Kokurin A.V., Pozdnyakov V.M.
Personal Predictors of Volunteering
in Everyday and Extreme Conditions
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 164–174

& Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Получена 14.11.2023
Принята в печать 29.11.2023

Received 14.11.2022
Accepted 29.11.2023

Психоэндокринные характеристики курсантов ОВД

Дубинский А.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Костина Е.В.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Ивашкевич Н.Т.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Изучены особенности 79 курсантов ОВД (средний возраст — $20,3 \pm 2,3$ года): 26,6% мужского и 73,4% женского пола. Исследовались признаки стресса, копинги, уровень тревоги и депрессии. Предъявлялись стрессовые стимулы, посредством демонстрации изображений опасных ситуаций и происшествий, а также громких, негативно социально окрашенных звуков. Определялись уровни кортизола и дегидроэпиандростерона (ДГЭА) в слюне до и после предъявления стрессовых стимулов. Выявлено, что для курсантов мужского пола характерны высокие показатели кортизола и ДГЭА до стресса, со снижением после стресса. Группу курсантов женского пола отличали нормативные показатели гормонов. Сформированы профили реагирования на стресс. В группе курсантов мужчин выделено два профиля. Первому соответствовали деструктивные способы борьбы со стрессом, выраженность депрессии и тревоги, нормативная динамика показателей гормонов после стресса; второму — низкий уровень тревоги и депрессии, высокий уровень копинга «Планирование решения проблем», снижение уровня кортизола и ДГЭА после стресса. Для курсантов женщин выделено 3 профиля. Первый характеризовался отсутствием признаков стресса, положительной переоценкой стресса, нормативной динамикой гормонов; второй — низким уровнем стрес-

Дубинский А.А., Костина Е.В.,
Ивашкевич Н.Т., Булыгина В.Г.
Психоэндокринные характеристики курсантов ОВД

Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 175–194

Dubinsky A.A., Kostina E.V.,
Ivashkevich N.T., Bulygina V.G.
Psychoendocrine Characteristics

of Cadets of the Ministry of Internal Affairs
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 175–194

са, невыраженностью копинга «Бегство» и увеличением гормонов после стресса; третий — выраженностью признаков стресса, копинга «Самоконтроль», снижением гормонов после стресса.

Ключевые слова: курсанты ОВД, психоэндокринные особенности, гормоны стресса, стресс-реагирование, копинг-стратегии, гендер.

Для цитаты: Дубинский А.А., Костина Е.В., Ивашкевич Н.Т., Булыгина В.Г. Психоэндокринные характеристики курсантов ОВД [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 175–194. DOI:10.17759/psylaw.2023130413

Psychoendocrine Characteristics of Cadets of the Ministry of Internal Affairs

Alexander A. Dubinsky

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Elena V. Kostina

The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Nadezhda T. Ivashkevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Vera G. Bulygina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

The characteristics of 79 cadets of the Ministry of Internal Affairs (mean age — 20.3±2.3 years) were studied: 26.6% male and 73.4% female. Signs of stress, coping, level of anxiety and depression were studied. Stressful stimuli were presented by showing images of dangerous situations and incidents, as well as loud, negatively socially colored sounds. The levels of cortisol and dehydroepiandrosterone (DHEA) in saliva before and after presentation of stressful stimuli were determined. It was revealed that male cadets are characterized by high levels of cortisol and DHEA before stress, with a decrease after presentation. The group of female cadets was characterized by normal hormone indices. Profiles of reaction to stress were formed. Two pro-files were identified in the group of male cadets. The first one corresponded to destructive ways of coping with stress, depression and anxiety expression, normal dynamics of hormone indices after stress; the second one — low level of anxiety and depression, high level of coping planning-solving problems, decrease of cortisol and DHEA

level after stress. For female cadets, 3 profiles were distinguished. The first was characterized by the absence of signs of stress, positive reassessment of stress, normal dynamics of hormones; the second — low level of stress, non-expressiveness of coping escape and increase of hormones after stress; the third — expression of signs of stress, coping self-control, and decrease of hormones after stress.

Keywords: cadets of the Ministry of Internal Affairs, psychoendocrine features, stress hormones, stress-response, coping strategies, gender.

For citation: Dubinsky A.A., Kostina E.V., Ivashkevich N.T., Bulygina V.G. Psychoendocrine Characteristics of Cadets of the Ministry of Internal Affairs. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 175–194. DOI:10.17759/psylaw.2023130413 (In Russ.).

Введение

В соответствии с приоритетными задачами здравоохранения в РФ, особое значение имеет исследование механизмов стресс-реагирования, связанного со спецификой требований, предъявляемых к представителям опасных профессий [10]. Показано, что среднегодовой уровень заболеваемости психическими расстройствами у личного состава Вооруженных Сил РФ составляет 0,9%. При этом у военнослужащих женщин количество связанных со стрессом невротических, соматоформных расстройств и поведенческих синдромов достигает 63% [3]. Установлено, что в повседневных условиях дезадаптивные нервно-психические состояния наблюдаются у 23% сотрудников МЧС России, а после ликвидации сложных пожаров — у 33% [19]. Выявлено, что уровень заболеваемости психическими расстройствами среди сотрудников ОВД превышает заболеваемость населения РФ в 1,3 раза, при этом 75% нарушений психического здоровья составляют невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства, которые при своевременной диагностике и комплексном лечении могут быть полностью компенсированы [18]. Показано, что профессиональный стресс у представителей опасных профессий оказывает негативное влияние на процессы саморегуляции [4; 12; 13; 15; 21], приводит к снижению эффективности труда, потере продуктивности и принятию ошибочных и рискованных решений [2; 14; 20].

В большинстве исследований, связанных с изучением влияния профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов на состояние психического здоровья, внимание ученых сосредоточивалось преимущественно на выборке, состоящей из мужчин. Однако количество женщин сотрудников правоохранительных органов МВД России и за рубежом в последнее время неуклонно растет. По данным EUROSTAT на 2022 г., женщины-полицейские в среднем составляют 21,28% от общего состава системы европейских ОВД [29]. В России во всех подразделениях полиции несут службу сотрудники женского пола, их общее количество достигает 30—50% от общей численности сотрудников: наибольшее число находится в подразделениях предварительного расследования (76,2%), наименьшая же численность отмечается в уголовном розыске (9,5%) [1; 7]. Кроме того, прогнозируется, что количество женщин в структурах правоохранительных органов России с каждым годом будет только увеличиваться. Об этом свидетельствует увеличение численности девушек-курсантов ведомственных вузов и еще более — девушек-абитуриентов [11].

Результаты исследований сотрудников полиции предоставляют убедительные доказательства того, что служебные стрессовые факторы сопряжены с краткосрочными нарушениями работоспособности и долгосрочными последствиями для здоровья, возникновением кон-

фликтов между работой и семьей, неадаптивными стратегиями поведения, эмоциональным выгоранием [8: 24; 27]. Влияние стресса на организацию в целом заключается в снижении производительности у сотрудников [9; 26; 32], контрпродуктивном поведении на работе [38] и ненадлежащем взаимодействии с гражданами посредством применения чрезмерной силы [28; 31]. Кроме того, положение профессии полицейского в обществе, повышенная социальная ответственность за результаты деятельности, подчинение определенным требованиям и развитие совокупности личностных качеств и правосознания ограничивают возможное обсуждение проблем психического здоровья и поддержки в данной организационной среде [5; 6; 23; 25].

В стрессогенных ситуациях, к которым относятся нестандартные и сложные условия профессиональной деятельности представителей опасных профессий, многие исследователи отмечают наличие взаимосвязи между рискованным поведением, психофизиологическими особенностями эмоционального реагирования и эндокринными показателями [22; 30]. Так, например, глюкокортикоиды, секретируемые во время стресса, оказывают дезорганизующее действие на префронтальную кору головного мозга, снижая произвольную регуляцию поведения [37], приводят к дезинтеграции лимбической системы, отвечающей за эмоциональное возбуждение [16]. Отдельные варианты пограничных личностных расстройств, связанных с проявлением социальной агрессии, имеют высокие показатели взаимосвязи кортизола и дегидроэпиандростерона [33; 34]. Дисбаланс между уровнями тестостерона и кортизола повышает вероятность рискованного и агрессивного поведения [39].

Подчеркивается гендерная специфичность в развитии и регулировании уровня стресса на гормональном уровне [40]. Между мужчинами и женщинами обнаружена разница в отношении активации миндалин, эмоциональной памяти и норадреналина [37]. Показано, что уровни кортизола в слюне обнаруживали высокую положительную корреляцию с принятием риска у мужчин [35], а у женщин — с уровнем альфа-амилазы в слюне [36]. Установлена зависимость нарушений саморегуляции от психоэндокринных и психофизиологических характеристик у лиц, совершивших агрессивно-насильственные деликты в ситуациях острого межличностного конфликта [17].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в современных исследованиях отсутствуют данные о гендерных различиях психоэндокринных механизмов адаптации в жизнеугрожающих ситуациях. Не используются методы моделирования стрессовых ситуаций для изучения механизмов дезадаптации. Необходимо добавить, что если стресс-реакция, развивающаяся на физическом уровне, имеет универсальный характер, то проявления дезадаптации в эмоциональной и психической сферах по своей форме и силе выраженности отличаются широкой вариабельностью. Это предъявляет особые требования к методологии и методикам диагностики. Существенным недостатком большинства предлагаемых диагностических комплексов является то, что они, как правило, не учитывают метаболические изменения, развивающиеся в тканях и органах в условиях адаптационного синдрома. В связи с этим целью исследования являлось выделение психоэндокринных характеристик курсантов ОВД при реагировании на стресс с учетом гендерной принадлежности.

Материал и методы

Всего в исследовании приняли участие 79 курсантов ОВД (средний возраст — $20,3 \pm 2,3$ года): 21 курсант мужского (26,6%) и 58 — женского (73,4%) пола. Семейный статус курсантов: 73,4% — воспитывались в полной семье; 16,5% — воспитывались одним из родителей;

6,3% — воспитывались в полной семье непродолжительное время; 1,3% — воспитывались родственниками; 2,5% — другое. По порядку рождения в семье курсанты распределились следующим образом: 74,7% — родились первым ребенком в семье; 17,7% — вторым ребенком; 7,6% — третьим ребенком. Маритальный статус курсантов характеризовался следующим: 69,6% — были холосты; 27,8% — состояли в отношениях; 2,5% — в браке.

Применялся диагностический комплекс, включающий анкету, представляющую собой две шкалы теста «Оценка выраженности учебного стресса» Ю.В. Щербатых (2008); опросник «Комплексная оценка проявлений стресса» Ю.В. Щербатых (2008); опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман (1988), адаптация Л.И. Вассерман с соавт., 2010); опросник «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS) А. Zigmond, R. Snaith (1983) (адаптация А.В. Андрющенко с соавт., 2003).

Для оценки психоэндокринных особенностей курсантов проводилось биохимическое исследование слюны (уровни кортизола и дегидроэпандростерона (ДГЭА)). Сбор слюны проводился дважды — до и после окончания предъявления стрессовых стимулов.

Обследуемым также предъявлялись стимулы, провоцирующие стрессовую нагрузку посредством демонстрации на экране монитора изображений опасных ситуаций и происшествий (авария, больница, зубной врач), а также громких, внезапных, негативно социально окрашенных звуков через динамики (звуки сирены, аварии, криков).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM Statistics SPSS v. 20 и Microsoft Excel-2019 посредством дескриптивного анализа, непараметрического метода сравнения групп с помощью критерия U Манна—Уитни, процедур кластерного (метод k-средних) и дискриминантного анализа.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ психоэндокринных особенностей курсантов ОВД до и после предъявления стрессовых ситуаций с учетом половой принадлежности.

Частотный анализ уровня кортизола *на выборке курсантов ОВД мужского пола* показал, что у 76,2% курсантов выявлен высокий и у 23,8% — низкий уровень кортизола до предъявления стрессовых стимулов. После предъявления стрессовых стимулов у 66,7% курсантов мужского пола обнаружен высокий и у 33,3% — низкий уровень кортизола. Анализ уровня ДГЭА на выборке курсантов мужского пола показал, что у 66,7% курсантов выявлен высокий и у 33,3% — низкий уровень ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов. После предъявления стрессовых стимулов у 52,4% курсантов обнаружен высокий и у 47,6% — низкий уровень ДГЭА. Из полученных данных можно сделать вывод, что уровень кортизола и ДГЭА в группе курсантов ОВД мужского пола характеризуется высокими показателями, как до, так и после предъявления стрессовых стимулов.

Для изучения значимых различий показателей кортизола и ДГЭА между курсантами ОВД мужского пола до и после предъявления стрессовых стимулов был проведен сравнительный анализ (критерий U Манна—Уитни) (табл. 1).

Выявлено, что в группе курсантов ОВД мужского пола значимых различий между показателями гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов не обнаружено. При этом после предъявления стрессовых стимулов на уровне статистической тенденции для них было характерно снижение уровня кортизола. Уровень ДГЭА снижался незначительно.

Таблица 1

Значимые различия показателей гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов в группе мужчин (критерий U Манна—Уитни)

Параметр	Средний ранг		p
	До стресса	После стресса	
Кортизол	25,17	17,83	0,053
ДГЭА	21,81	21,19	0,870

Частотный анализ уровня кортизола на *выборке курсантов ОВД женского пола* показал, что у 46,6% курсантов выявлен высокий и у 53,4% — низкий уровень кортизола до предъявления стрессовых стимулов. После предъявления стрессовых стимулов у курсантов женского пола низкий и высокий уровни кортизола наблюдались в 50% случаев. Анализ уровня ДГЭА на выборке курсантов ОВД женского пола показал, что у 43,1% курсантов выявлен высокий и у 56,9% — низкий уровень ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов. После предъявления стрессовых стимулов у 63,8% курсантов обнаружен высокий и у 36,2% — низкий уровень ДГЭА.

В группе курсантов ОВД женского пола выявлены следующие различия в показателях уровня кортизола и ДГЭА до и после предъявления стрессовых стимулов (табл. 2). Так, для курсантов женского пола было характерно значимое снижение уровня кортизола и незначительное увеличение уровня ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов.

Таблица 2

Значимые различия показателей гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов в группе женщин (критерий U Манна—Уитни)

Параметр	Средний ранг		p
	До стресса	После стресса	
Кортизол	65,49	51,51	0,025
ДГЭА	58,07	58,93	0,890

Специфические характеристики реагирования на стрессовые стимулы курсантов ОВД с учетом фактора пола.

Было выявлено, что курсанты ОВД мужского пола имели низкий уровень напряженности копинг-стратегии «принятие ответственности». Уровень остальных копинг-стратегий находился в пограничном состоянии адаптационного потенциала. При этом курсантов мужского пола отличала низкая выраженность таких качеств, как самокритика и неудовлетворенность собой.

Группу курсантов ОВД женского пола характеризовал адаптивный уровень копинг-стратегии «Принятие ответственности» и дезадаптивный уровень применения копинг-стратегии «Положительная переоценка», что заключается в обесценивании серьезности ситуации и возможных вариантов решения проблемы. Копинг-стратегии «Конфронтация», «Дистанцирование», «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Бегство» и «Планирование решения проблемы» у них имели пограничный уровень адаптации.

Далее были изучены различия в применяемых копинг-стратегиях между курсантами ОВД мужского и женского пола. В результате были выявлены значимые различия между курсантами ОВД мужского и женского пола по применению копинг-стратегии «Положительная переоценка» ($p < 0,05$) (критерий U Манна—Уитни). Обнаружено, что курсанты ОВД женского

пола значимо чаще прибегали к преодолению негативных переживаний через их эмоциональное переосмысление.

На следующем этапе для выделения профилей гормонального стресс-реагирования была проведена квартилизация значений уровня кортизола и ДГЭА до и после предъявления стрессовых стимулов отдельно в группе курсантов ОВД мужского и женского пола. Значение медианы разделило показатели кортизола и ДГЭА до и после предъявления стрессовых стимулов в группах курсантов мужского и женского пола на две группы: высокие и низкие.

Обнаружено, что среди курсантов ОВД мужского пола не было выявлено значимых различий между группами с низкими и высокими показателями кортизола и ДГЭА до и после предъявления стрессовых стимулов по параметрам копинг-стратегий.

Курсантов ОВД женского пола, у которых до предъявления стрессовых стимулов изначально выявлялся низкий уровень кортизола, по сравнению с курсантами женского пола с изначально высоким уровнем кортизола, отличали высокие показатели интеллектуальных, эмоциональных, физиологических симптомов стресса и общего уровня стресса. Физиологический стресс заключается в неспецифической реакции организма на стрессовую ситуацию. Эмоциональный стресс выражается отрицательным эмоциональным напряжением. При интеллектуальном стрессе осложняется интеллектуальная деятельность с нарушением практически всех высших психических функций. Поведенческий стресс проявляется особенностями поведенческих реакций на стимулы. После предъявления стрессовых стимулов группу курсантов женского пола с низким уровнем кортизола, по сравнению с курсантами женского пола с высоким уровнем кортизола, значимо отличали высокие показатели применения такой копинг-стратегии, как «Дистанцирование» (табл. 3).

Таблица 3

Значимые различия психологических показателей с учетом значений гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов в группе курсантов ОВД женского пола (критерий U Манна—Уитни)

Курсанты ОВД женского пола	Параметр	Средний ранг		p
		Низкие показатели гормонов	Высокие показатели гормонов	
Кортизол до стресса (ср. знач. 0,695)	Интеллектуальные признаки стресса	35,00	23,19	0,006
	Эмоциональные признаки стресса	33,37	25,06	0,048
	Физиологические признаки стресса	33,50	24,91	0,043
	Общий уровень стресса	34,69	23,54	0,012
Кортизол после стресса (ср.знач.0,6)	Дистанцирование	30,34	28,72	0,032

Профайлинг на основании особенностей реагирования на стресс курсантов ОВД с учетом гендерной принадлежности.

Для составления профилей на основании показателей выраженности симптомов стресса был проведен кластерный анализ методом k-средних с выделением двух кластеров на основе методики Ю.В. Щербатых «Комплексная оценка проявлений стресса» (2008). Выборка курсантов ОВД мужского пола была разделена на две группы, первая из которых характеризова-

лась высокой выраженностью признаков стресса, а вторая — низкой выраженностью симптомов стресса (рис. 1, 2).

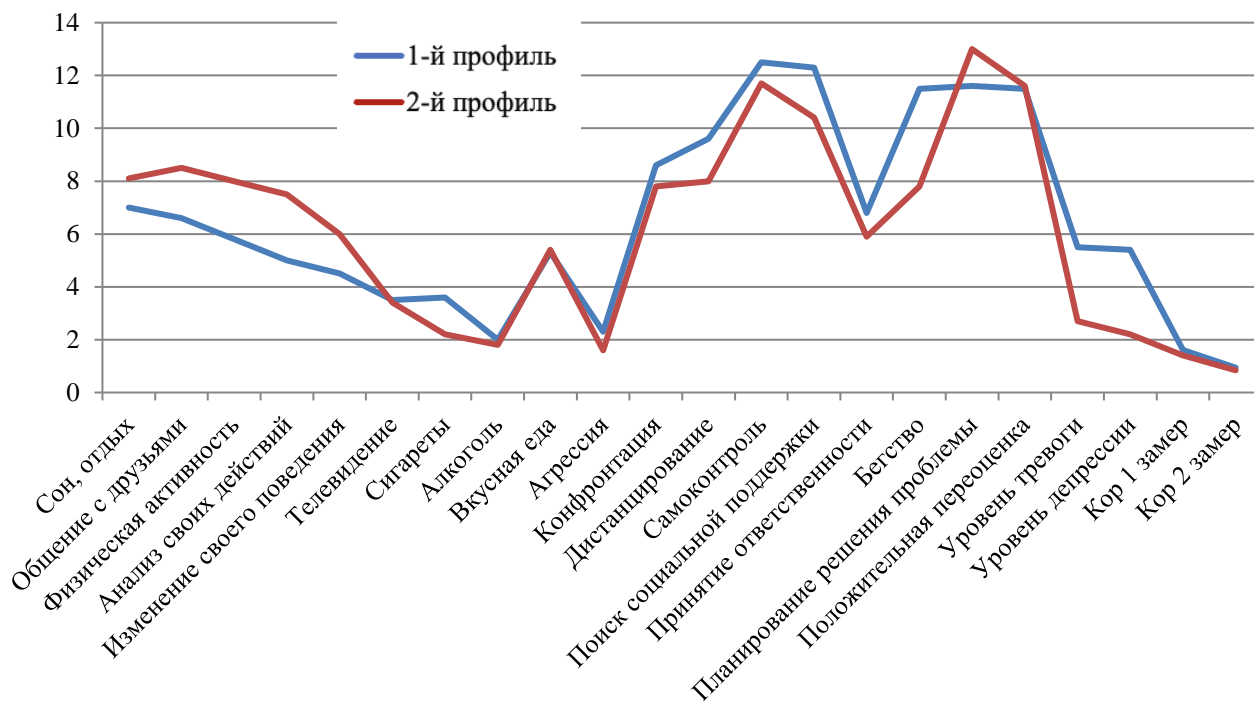

Рис. 1. График профилей реагирования на стресс в группе курсантов ОВД мужского пола

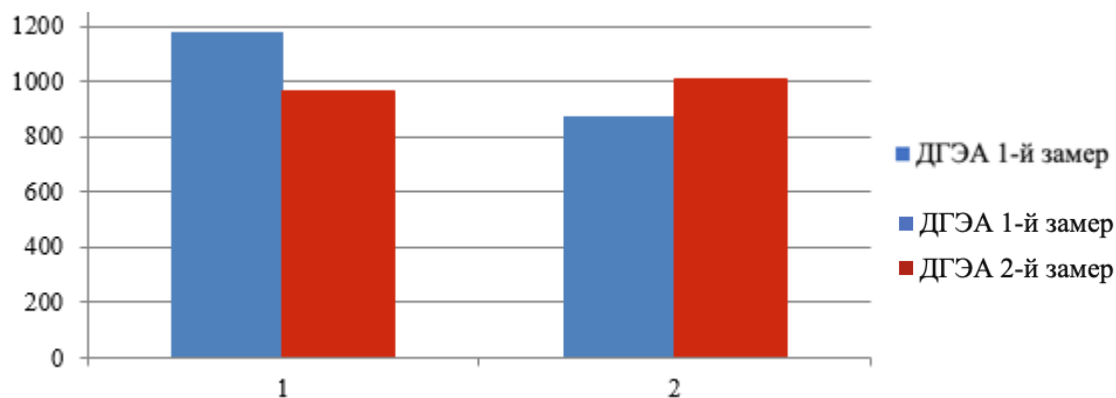

Рис. 2. Диаграмма показателей ДГЭА в профилях реагирования на стресс у курсантов ОВД мужского пола

Первый профиль курсантов ОВД мужского пола, по сравнению с курсантами мужского пола второго профиля, характеризовался высокими показателями признаков стресса. Курсантов мужского пола первого профиля отличал повышенный уровень как тревожных, так и депрессивных проявлений. Значения копинг-стратегии «Принятие ответственности» находились на адаптивном уровне, что говорит о высоком понимании влияния собственной роли на происходящие вокруг события. Адаптационный потенциал остальных копинг-стратегий находился на среднем уровне. Кроме того, у курсантов мужского пола первого профиля от-

мечалось повышение уровня ДГЭА и снижение уровня кортизола после предъявления стрессовых стимулов.

Второй профиль курсантов ОВД мужского пола характеризовался активным использованием таких адаптивных приемов борьбы со стрессом, как сон, физическая активность, общение с друзьями, анализ действий и изменение своего поведения. По сравнению с первым профилем эта группа курсантов в меньшей степени была склонна к выбору таких способов совладания со стрессовой ситуацией, как проявление агрессии, употребление алкоголя и никотина. Выявлена выраженность копинг-стратегии «Планирование решения проблем», заключающаяся в выраженной рациональности, недостаточном проявлении спонтанности, интуитивной деятельности и эмоциональности. Применение остальных копингов имело средний уровень напряженности, что свидетельствует о пограничном адаптационном потенциале. Выявлено, что курсантов данного профиля отличал низкий уровень тревоги и депрессии. Также у них был выше уровень ДГЭА перед предъявлением стрессовых стимулов, чем у представителей первого профиля, что говорит об их изначальной большей стрессоустойчивости и адаптации к стрессу. Однако, в отличие от курсантов первого профиля, для курсантов второго профиля характерно снижение уровня ДГЭА и кортизола после предъявления стрессовых стимулов.

В группе курсантов ОВД женского пола посредством кластерного анализа (метод k-средних) было выделено три профиля проявления признаков стресса на основе методики Ю.В. Щербатых «Комплексная оценка проявлений стресса» (2008). Каждый из профилей отличался низким, средним и высоким уровнем стресса (рис. 3, 4).

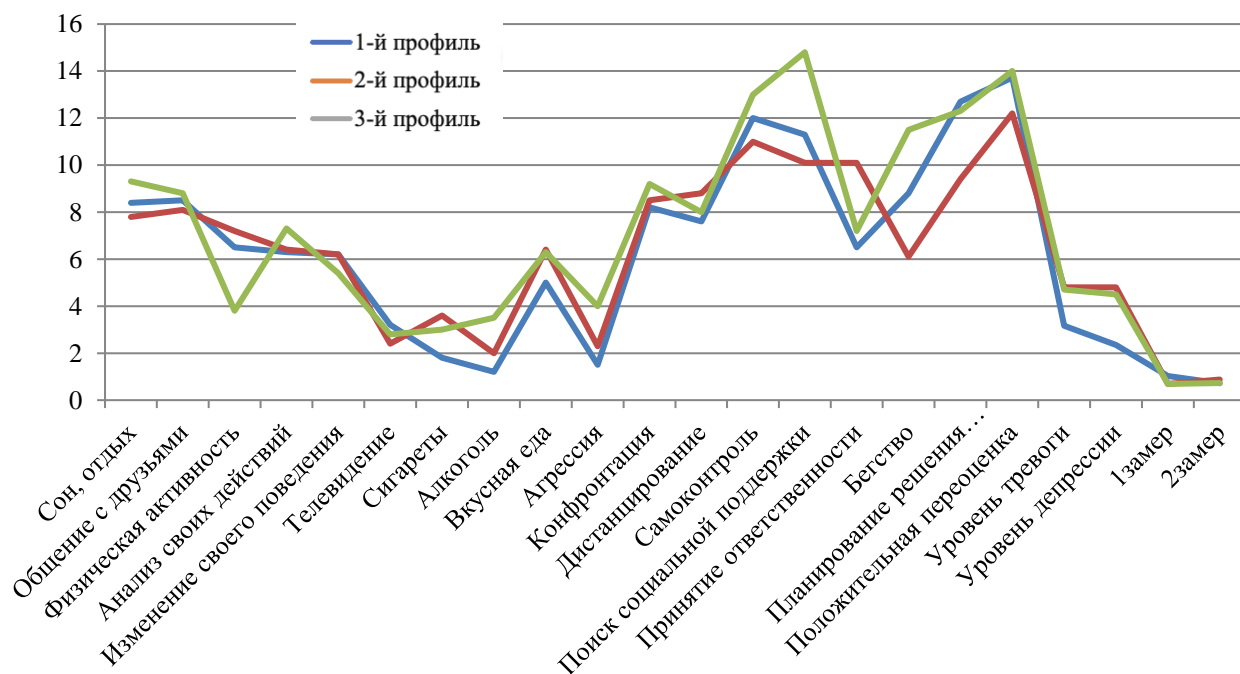

Рис. 3. График профилей реагирования на стресс в группе курсантов ОВД женского пола

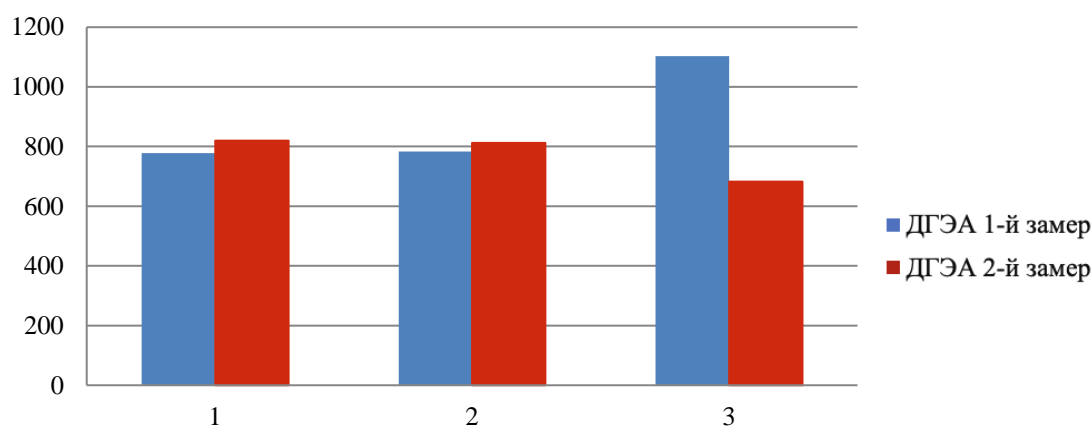

Рис. 4. Диаграмма показателей ДГЭА в профилях реагирования на стресс у курсантов ОВД женского пола

Первый профиль курсантов женского пола характеризовали самые низкие показатели по применению деструктивных способов совладания со стрессом. Были выявлены минимальные показатели тревожных и депрессивных проявлений. Копинг-стратегия «Принятие ответственности» имела низкий уровень напряженности, что сочеталось с напряженностью копинг-стратегии «Положительная переоценка», проявляющаяся в виде преуменьшения значимости проблем, которые могут иметь негативные последствия для жизни человека. Курсанты женского пола представленного профиля отличались пониманием важности собственной роли в происходящих вокруг событиях и готовностью брать ответственность при решении трудностей. Полученные результаты демонстрируют повышение уровня ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов и вместе с этим снижение уровня кортизола, что говорит о достаточной стрессоустойчивости.

Второй профиль курсантов женского пола отличали низкий уровень напряженности копинг-стратегии «Бегство». Курсанты женского пола данного профиля способны быстро снизить уровень эмоционального напряжения за счет уклонения и отрицания проблемы. Применение остальных копинг-стратегий в данном профиле находится на пограничном состоянии адаптационного потенциала. Для курсантов женского пола данного профиля характерно повышение уровня кортизола и ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов.

Третий профиль курсантов женского пола характеризует высокий уровень напряженности копинга «Самоконтроль», что свидетельствует о повышенном сверхконтроле, трудностях в выражении собственных переживаний и преодолении проблем за счет подавления эмоций. Данный профиль отличают наиболее высокий уровень ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов, а также самые низкие показатели ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов. Для курсантов данного профиля также характерно повышение уровня кортизола после предъявления стрессовых стимулов.

Информативные психологические показатели для прогноза типа гормонального реагирования на стресс.

На заключительном этапе для выявления наиболее информативных психологических показателей для прогноза уровня гормонов стресса до и после предъявления стрессовых стимулов был проведен дискриминантный анализ. Целевыми переменными являлись группы кур-

сантов с низкими и высокими показателями гормонов кортизола и ДГЭА с учетом пола. В качестве независимых переменных выступали параметры комплекса методик.

Выявлено, что применение копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» вносит наибольший вклад в отнесение в группу курсантов мужского пола с высокими значениями ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов (табл. 4). Из этого следует, что значимым предиктором изначально высокого показателя уровня ДГЭА среди курсантов мужского пола служит использование не только внутренних, но и внешних ресурсов поддержки, таких как социум при решении проблем. Прогностическая ценность данного способа борьбы со стрессом составила 76,2%.

Таблица 4

Дискриминантный анализ влияния гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов на психологические параметры в группе курсантов ОВД мужского пола

Целевые переменные	Коэффициенты стандартизованной канонической функции	Функция
ДГЭА до стресса	Поиск социальной поддержки	0,459
76,2% исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно		

В группе курсантов ОВД женского пола были определены следующие информативные переменные для отнесения в группы в зависимости от уровня выраженности гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов (табл. 5). Так, наибольший вклад в отнесение в группу с высоким уровнем кортизола до предъявления стрессовых стимулов вносят низкие показатели копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» и выраженность интеллектуальных признаков стресса. Прогностическая ценность данных параметров составила 69,3%. Наибольший вклад в отнесение в группу курсантов женского пола с высоким уровнем ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов вносят высокие значения показателя «Эмоциональные признаки стресса» при прогностической ценности — 77,2%. Наибольший вклад в отнесение в группу с высоким уровнем ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов вносят высокие показатели копинг-стратегии «Принятие ответственности» и «Эмоциональные признаки стресса», а также низкие значения поведенческих признаков стресса. Прогностическая ценность составила 81%.

Таблица 5

Дискриминантный анализ влияния гормонов до и после предъявления стрессовых стимулов на психологические параметры курсантов ОВД женского пола

Целевые переменные	Коэффициенты стандартизованной канонической функции	Функция
Кортизол до стресса	Поиск социальной поддержки	-0,213
	Интеллектуальные признаки стресса	0,502
69,3% исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно		
ДГЭА до стресса	Эмоциональные признаки стресса	0,349
77,2% исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно		
ДГЭА после стресса	Принятие ответственности	0,238
	Поведенческие признаки стресса	-0,462
	Эмоциональные признаки стресса	0,715
81% исходных сгруппированных наблюдений классифицировано правильно		

Выводы

1. В группе курсантов ОВД мужского пола копинг-стратегии находятся в пограничном состоянии: адаптивные копинги имеют высокий уровень напряженности, но не доходят до уровня дезадаптивности применения стратегии. В группе курсантов ОВД женского пола преобладает копинг-стратегия «Положительная переоценка» и находится в дезадаптивном состоянии.

2. Для курсантов мужского пола характерны высокие показатели кортизола и ДГЭА до предъявления стрессовых стимулов, снижение кортизола и незначительное снижение ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов, что отличает их от нормативных показателей группы курсантов женского пола.

3. Было выявлено два профиля проявления признаков стресса в группе курсантов ОВД мужского пола. Первому профилю курсантов мужского пола соответствует высокие значения депрессии и тревоги по сравнению с другими испытуемыми, пограничный уровень копинг-стратегий и нормативная динамика показателей гормонов после предъявления стрессовых стимулов. Для второго профиля характерен низкий уровень тревоги и депрессии, но выраженная напряженность копинг-стратегии «Планирование решения проблем», снижение уровня кортизола и ДГЭА после предъявления стрессовых стимулов.

4. В группе курсантов ОВД женского пола было выявлено 3 профиля проявления признаков стресса. Первый профиль курсантов женского пола характеризовался практическим отсутствием признаков стресса, низким уровнем тревоги и депрессии, средним уровнем напряженности копинг-стратегий, дезадаптивным уровнем выраженности копинг-стратегии «Положительная переоценка», нормативной динамикой показателей гормонов. Особенность курсантов женского пола второго профиля заключалась в низком уровне стресса, тревоги и депрессии, адаптивном использовании копинг-стратегии «Бегство» при увеличении показателей гормонов после предъявления стрессовых стимулов. Для третьего профиля была характерна выраженность признаков стресса, дезадаптивность копинга «Самоконтроль» и снижение показателей гормонов после предъявления стрессовых стимулов.

5. Наиболее информативным показателем при классификации курсантов ОВД по гормонам стресса в группе адаптивных курсантов мужского пола являлся такой показатель, как применение копинга «Поиск социальной поддержки». Для адаптивного профиля группы курсантов ОВД женского пола информативными являлись такие показатели, как эмоциональные признаки стресса, применение копинг-стратегии «Принятие ответственности»; для дезадаптивного — интеллектуальные и психологические признаки стресса.

Для более полного объяснения выявленных у курсантов ОВД гормональных особенностей реагирования на стресс, в частности снижения показателей уровня кортизола и ДГЭА после ситуации моделирования стресса, необходимо увеличение выборки исследования, уравнивание групп курсантов по гендерной принадлежности, введение групп сравнения с другим профилем профессиональной деятельности, расширение психодиагностического комплекса, а также включение в анализ комплекса психофизиологических переменных. В качестве задач дальнейших исследований предполагается проведение качественной оценки гормональных показателей в условиях моделирования стресса у сотрудников и курсантов ОВД с выделением психонейроэндокринных коррелятов стресс-реагирования.

Литература

1. Андрианов А.С., Медведев И.В., Семенов В.В. Проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов // Мир науки, культуры, образования. 2019. Том 77. № 4. С. 71–73.
2. Аникеева Н.В., Паришутин И.А. Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 142–154. doi:10.17759/psylaw.2018080413
3. Булыгина В.Г., Носс И.Н., Васильченко А.С., Кабанова Т.Н., Макурина А.П., Лысенко Н.Е., Дубинский А.А., Проничева М.М. Профессиональный стресс и психическая адаптация у сотрудников силовых структур. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021. 284 с.
4. Буслаева Е.Л., Власова Н.В. Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2023130201
5. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2019090201
6. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения в образовательных организациях системы МВД России (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 245–260. doi:10.17759/psylaw.2019090318
7. Галиева Г.И. Психологические проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. С. 322–326.
8. Глухова В.А., Мальцева А.С. Специфика личностных конструктов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201
9. Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л. Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17–25. doi:10.17759/psylaw.2021110202
10. Евтушенко Е.А. Особенности психологического здоровья сотрудников полиции в зависимости от условий прохождения службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 207–218. doi:10.17759/psylaw.2019090315
11. Корабельникова Ю.Л. Гендерный баланс в органах полиции России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование // Труды Академии управления МВД России. 2020. Том 56. № 4. С. 232–237.
12. Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А. Особенности регуляции негативных эмоций и стресса, сопутствующие выбору профессии следователя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26. doi:10.17759/psylaw.2023130101
13. Новосельская С.Р. Факторы, влияющие на формирование образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России [Электронный ресурс] // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4. С. 94–97. doi:10.24412/2658-638X-2021-4-94-97

14. Носс И.Н., Кабанова Т.Н., Бородина Т.И. Клинический анализ как инструмент личностно-профессиональной диагностики сотрудников силовых структур с различным профилем деятельности [Электронный ресурс] // Психическое здоровье. 2020. № 5. С. 35–44. doi:10.25557/2074-014X.2020.05.35-43
15. Проскуракова Л.А. Анализ уровня саморегуляции и компонентов эмоционального состояния у сотрудников полиции: результаты практической работы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407
16. Рахимкулова А.С. Кластеризация рискового поведения подростков: анализ результатов исследования // Суицидология. 2018. Том 9. № 2. С. 60–72.
17. Сандомирский М.Е. Защита от стресса. Физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). М.: Институт Психотерапии, 2001. 336 с.
18. Соловьев А.Г., Богдасаров Ю.В., Ичитовкина Е.Г. Структура и уровни заболеваемости психическими расстройствами сотрудников органов внутренних дел // Практическая медицина. 2019. Том 17. № 3. С. 73–78.
19. Стрельникова Ю.Ю. Типы психологических и соматических последствий, возникающих у сотрудников МЧС России в процессе профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Том 9. № 1. С. 55–63. doi:10.14529/psy160106
20. Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102
21. Эбзеева Е.Ю., Полякова О.А. Стресс и стресс-индуцированные расстройства [Электронный ресурс] // Медицинский совет. 2022. № 2. С. 127–133. doi:10.21518/2079-701X-2022-16-2-127-133
22. Alink L.R., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Mesman J. Cortisol and externalizing behavior in children and adolescents: Mixed meta-analytic evidence for the inverse relation of basal cortisol and cortisol reactivity with externalizing behavior // Developmental Psychobiology. 2008. Vol. 50(5). P. 427–450. doi:10.1002/dev.20300
23. Anders R., Willemin-Petignat L., Rolli Salathé C., Samson A.C., Putois B. Profiling Police Forces against Stress: Risk and Protective Factors for Post-Traumatic Stress Disorder and Burnout in Police Officers // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19(15). doi:10.3390/ijerph19159218
24. Baldwin S., Bennell C., Andersen J.P., Semple T., Jenkins B. Stress-Activity Mapping: Physiological Responses During General Duty Police Encounters // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.02216
25. Bell S., Eski Y. ‘Break a Leg-It’s all in the mind’: Police Officers’ attitudes towards colleagues with mental health issues // Policing — a Journal of Policy and Practice. 2016. Vol. 10(2). P. 95–101. doi:10.1093/police/pav041
26. Bertilsson J., Niehorster D.C., Fredriksson P.J., Dahl M. Stress Levels Escalate When Repeatedly Performing Tasks Involving Threats // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01562
27. Castro M.C., Rocha R., Cruz R. Mental health of the Brazilian police policy: theoretical-methodological trends // Psicologia Saúde & Doença. 2019. Vol. 20(2). P. 525–541. doi:10.15309/19psd200220

28. *Costa T., Passos F., Queirós C.* Suicides of male Portuguese police officers — 10 years of national data // *Crisis*. 2019. Vol. 40(5). P. 360–364. doi:10.1027/0227-5910/a000570
29. EUROSTAT. Personnel in the Criminal Justice System by Sex — Number And Rate For The Relevant Sex Group. Luxembourg: EUROSTAT, 2022.
30. *Fanti K.A.* Understanding heterogeneity in conduct disorder: A review of psychophysiological studies // *Neuroscience Biobehavioral Reviews*. 2018. Vol. 91. P. 4–20. doi:10.1016/j.neubiorev.2016.09.022
31. *Grassi C. et al.* How do recruits and superintendents perceive the problem of suicide in the Italian State Police? // *Annali dell’Istituto Superiore di Sanita*. 2018. Vol. 54(2). P. 82–89. doi:10.4415/ANN_18_02_02
32. *Kelley D.C., Siegel E., Wormwood J.B.* Understanding Police Performance under Stress: Insights from the Biopsychosocial Model of Challenge and Threat // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01800
33. *Kimonis E.R., Fanti K.A., Anastassiou-Hadjicharalambous X., Mertan B., Goulter N., Katsimicha E.* Can Callous-Unemotional Traits be Reliably Measured in Preschoolers? // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2016. Vol. 44(4). P. 625–638. doi:10.1007/s10802-015-0075-y
34. *Markopoulou M., Georgiadou O., Dini I., Tsiftoglou K., Bobotas K.* Psychosocial interventions in a forensic department // *Annals of General Psychiatry*. 2010. Vol. 9(1). doi:10.1186/1744-859X-9-S1-S184
35. *Mather M., Lighthall N.R.* Risk and reward are processed differently in decisions made under stress // *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21(1). P. 36–41. doi:10.1177/0963721411429452
36. *Nater U.M., Rohleder N.* Salivary alpha-amylase as a non-invasive biomarker for the sympathetic nervous system: current state of research // *Psychoneuroendocrinology*. 2009. Vol. 34(4). P. 486–496. doi:10.1016/j.psyneuen.2009.01.014
37. *Schwabe L., Tegenthoff M., Höffken O., Wolf O.T.* Mineralocorticoid receptor blockade prevents stress-induced modulation of multiple memory systems in the human brain // *Biological Psychiatry*. 2013. Vol. 74(11). P. 801–808. doi:10.1016/j.biopsych.2013.06.001
38. *Smoktunowicz E., Baka L., Cieslak R., Nichols C.F., Benight C.C., Luszczynska A.* Explaining Counterproductive Work Behaviors Among Police Officers: The Indirect Effects of Job Demands Are Mediated by Job Burnout and Moderated by Job Control and Social Support // *Human Performance*. 2015. Vol. 28(4). P. 332–350. doi:10.1080/08959285.2015.1021045
39. *Terburg D., Morgan B., van Honk J.* The testosterone—cortisol ratio: A hormonal marker for proneness to social aggression // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2009. Vol. 32(4). P. 216–223. doi:10.1016/j.ijlp.2009.04.008.
40. *van den Bos W., Rodriguez C.A., Schweitzer J. McClure S.M.* Connectivity strength of dissociable striatal tracts predict individual differences in temporal discounting // *Journal of Neuroscience*. 2014. Vol. 34(31). P. 10298—10310. doi:10.1523/jneurosci.4105-13.2014

References

1. Andrianov A.S., Medvedev I.V., Semenov V.V. Problemy zhenshchin-sotrudnikov pravookhranitel’nykh organov [Problems of women law enforcement officers]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, 2019. Vol. 77, no. 4, pp. 71–73. (In Russ.).

2. Anikeeva N.V., Parshutin I.A. Issledovanie volevoi sfery lichnosti kursantov, obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii otkrytogo i zakrytogo tipov [The study of volitional sphere of the personality of cadets, students in the educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia open and closed types] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 142–154.. doi:10.17759/psylaw.2018080413 (In Russ.).
3. Bulygina V.G., Noss I.N., Vasilchenko A.S., Kabanova T.N., Makurina A.P., Lysenko N.E., Dubinsky A.A., Pronicheva M.M. Professional'nyi stress i psikhicheskaya adaptatsiya u sotrudnikov silovykh struktur. Moscow: FGBU "NMITs PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2021. 284 p. (In Russ.).
4. Buslaeva E.L., Vlasova N.V. Osobennosti motivatsii i samokontrolya kursantov vuzov MVD Rossii na raznykh etapakh obucheniya [Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2023130201 (In Russ.).
5. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, vperve prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya, v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (Chast' 1) [The Main Directions of Psychological Work with Cadets and First Recruited Officers in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Part 1)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2019090201 (In Russ.).
6. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, vperve prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (Chast' 2) [Main directions of psychological work with cadets, listeners and first recruited officers in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Part 2)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 245–260. doi:10.17759/psylaw.2019090318 (In Russ.).
7. Galieva G.I. Psikhologicheskie problemy zhenshchin-sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Psychological problems of women - law enforcement officers]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities Scientific Researches*, 2017, no. 4, pp. 322–326. (In Russ.).
8. Glukhova V.A., Maltseva A.S. Spetsifika lichnostnykh konstruktov spetsialistov ekstremal'nykh sfer deyatel'nosti (na primere sotrudnikov MChS i MVD Rossii) [Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of Extreme Spheres of Activity (with Officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an Example)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201 (In Russ.).
9. Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L. Sravnitel'nyi analiz vyrazhennosti svoistv, limitiruyushchikh professional'nuyu psikhologicheskuyu prigodnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del [Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17–25. doi:10.17759/psylaw.2021110202 (In Russ.).
10. Evtushenko E.A. Osobennosti psikhologicheskogo zdorov'ya sotrudnikov politsii v zavisimosti ot uslovii prokhozheniya sluzhby [Specificity of the State of Psychological Health of Police Offic-

ers, Depending on the Conditions of Service] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 207–218. doi:10.17759/psylaw.2019090315 (In Russ.).

11. Korabel'nikova Yu.L. Gendernyi balans v organakh politsii Rossii i zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Gender Balance in the Police Forces of Russia and Foreign Countries: a Comparative Legal Study]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2020. Vol. 56, no. 4, pp. 232–237. (In Russ.).

12. Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A. Osobennosti regulyatsii negativnykh emotsii i stressa, soputstvuyushchie vyboru professii sledovatelya [Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress of People Choosing the Profession of an Investigator] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26. doi:10.17759/psylaw.2023130101 (In Russ.).

13. Novoselskaya S.R. Faktory, vliyayushchie na formirovanie obraza professii u kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii [Factors influencing the formation of the profession image of trainers of educational organizations of the mia of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2021, no. 4, pp. 94–97. doi:10.24412/2658-638X-2021-4-94-97 (In Russ.).

14. Noss I.N., Kabanova T.N., Borodina T.I. Klinicheskii analiz kak instrument lichnostno-professional'noi diagnostiki sotrudnikov silovykh struktur s razlichnym profitem deyatel'nosti [Clinical analysis as a tool for personal and professional diagnosis of employees of power structures with a different profile of activity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2020, no. 5, pp. 35–44. doi:10.25557/2074-014X.2020.05.35-43 (In Russ.).

15. Proskuryakova L.A. Analiz urovnya samoregulyatsii i komponentov emotsional'nogo sostoyaniya u sotrudnikov politsii: rezul'taty prakticheskoi raboty [Analysis of the Level of Self-Regulation and Components of the Emotional State of Police Officers: Results of Practical Work] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407 (In Russ.).

16. Rakhimkulova A.S. Klasterizatsiya riskovogo povedeniya podrostkov: analiz rezul'tatov issledovaniya [Clustering pattern of adolescent risky behavior: research results analysis]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 60–72. (In Russ.).

17. Sandomirsky M.E. Zashchita ot stressa. Fiziologicheskii-orientirovannyi podkhod k resheniyu psikhologicheskikh problem (Metod RETRI). Moscow: Institut Psikhoterapii Publ., 2001. 336 p. (In Russ.).

18. Soloviev A.G., Bogdasarov Yu.V., Ichtovkina E.G. Struktura i urovni zaboлеваemosti psikhicheskimi rasstroistvami sotrudnikov organov vnutrennikh del [Structure and levels of mental disorders morbidity of the employees of the internal affairs bodies]. *Prakticheskaya meditsina = Practical Medicine*, 2019. Vol. 17, no. 3, pp. 73–78. (In Russ.).

19. Strel'nikova Yu.Yu. Tipy psikhologicheskikh i somaticheskikh posledstviy, vznikayushchikh u sotrudnikov MChS Rossii v protsesse professional'noi deyatel'nosti [The Types of Psychological and Somatic Consequences Arising at the Employees' of EMERCOM of Russia in Process Professional Activity] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 55–63. doi:10.14529/psy160106 (In Russ.).

20. Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A. Psikhologicheskie osobennosti professional'noi vstrebovannosti i motivatsii sotrudnikov politsii [Psychological Features of Professional Demand and

Motivation of Law-Enforcement Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102 (In Russ.).

21. Ebzeeva E.Yu., Polyakova O.A. Stress i stress-indutsirovannye rasstroistva [Stress and stress-induced disorders] [Elektronnyi resurs]. *Meditinskii sovet = Medical Council (Meditinskiy Sovet)*, 2022, no. 2, pp. 127–133. doi:10.21518/2079-701X-2022-16-2-127-133 (In Russ.).

22. Alink L.R., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Mesman J. Cortisol and externalizing behavior in children and adolescents: Mixed meta-analytic evidence for the inverse relation of basal cortisol and cortisol reactivity with externalizing behavior. *Developmental Psychobiology*, 2008. Vol. 50, no. 5, pp. 427–450. doi:10.1002/dev.20300

23. Anders R., Willemin-Petignat L., Rolli Salathé C., Samson A.C., Putois B. Profiling Police Forces against Stress: Risk and Protective Factors for Post-Traumatic Stress Disorder and Burnout in Police Officers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 15. doi:10.3390/ijerph19159218

24. Baldwin S., Bennell C., Andersen J.P., Semple T., Jenkins B. Stress-Activity Mapping: Physiological Responses During General Duty Police Encounters. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.02216

25. Bell S., Eski Y. ‘Break a Leg-It’s all in the mind’: Police Officers’ attitudes towards colleagues with mental health issues. *Policing — a Journal of Policy and Practice*, 2016. Vol. 10, no. 2, pp. 95–101. doi:10.1093/polic/pav041

26. Bertilsson J., Niehorster D.C., Fredriksson P.J., Dahl M. Stress Levels Escalate When Repeatedly Performing Tasks Involving Threats. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01562

27. Castro M.C., Rocha R., Cruz R. Mental health of the Brazilian police policy: theoretical-methodological trends. *Psicologia Saúde & Doença*, 2019. Vol. 20, no. 2, pp. 525–541. doi:10.15309/19psd200220

28. Costa T., Passos F., Queirós C. Suicides of male Portuguese police officers — 10 years of national data. *Crisis*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 360–364. doi:10.1027/0227-5910/a000570

29. EUROSTAT. Personnel in the Criminal Justice System by Sex — Number And Rate For The Relevant Sex Group. Luxembourg: EUROSTAT, 2022.

30. Fanti K.A. Understanding heterogeneity in conduct disorder: A review of psychophysiological studies. *Neuroscience Biobehavioral Reviews*, 2018. Vol. 91, no. 4–20. doi:10.1016/j.neubiorev.2016.09.022

31. Grassi C. et al. How do recruits and superintendents perceive the problem of suicide in the Italian State Police? *Annali dell’Istituto Superiore di Sanita*, 2018. Vol. 54, no. 2, pp. 82–89. doi:10.4415/ANN_18_02_02

32. Kelley D.C., Siegel E., Wormwood J.B. Understanding Police Performance under Stress: Insights from the Biopsychosocial Model of Challenge and Threat. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01800

33. Kimonis E.R., Fanti K.A., Anastassiou-Hadjicharalambous X., Mertan B., Goulter N., Katsimicha E. Can Callous-Unemotional Traits be Reliably Measured in Preschoolers? *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2016. Vol. 44, no. 4, pp. 625–638. doi:10.1007/s10802-015-0075-y

34. Markopoulou M., Georgiadou O., Dini I., Tsiftoglou K., Bobotas K. Psychosocial interventions in a forensic department. *Annals of General Psychiatry*, 2010. Vol. 9, no. 1. doi:10.1186/1744-859X-9-S1-S184

35. Mather M., Lighthall N.R. Risk and reward are processed differently in decisions made under stress. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, no. 1, pp. 36–41. doi:10.1177/0963721411429452
36. Nater U.M., Rohleder N. Salivary alpha-amylase as a non-invasive biomarker for the sympathetic nervous system: current state of research. *Psychoneuroendocrinology*, 2009. Vol. 34, no. 4, pp. 486–496. doi:10.1016/j.psyneuen.2009.01.014
37. Schwabe L., Tegenthoff M., Höffken O., Wolf O.T. Mineralocorticoid receptor blockade prevents stress-induced modulation of multiple memory systems in the human brain. *Biological Psychiatry*, 2013. Vol. 74, no. 11, pp. 801–808. doi:10.1016/j.biopsych.2013.06.001
38. Smoktunowicz E., Baka L., Cieslak R., Nichols C.F., Benight C.C., Luszczynska A. Explaining Counterproductive Work Behaviors Among Police Officers: The Indirect Effects of Job Demands Are Mediated by Job Burnout and Moderated by Job Control and Social Support. *Human Performance*, 2015. Vol. 28, no. 4, pp. 332–350. doi:10.1080/08959285.2015.1021045
39. Terburg D., Morgan B., van Honk J. The testosterone—cortisol ratio: A hormonal marker for proneness to social aggression. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2009. Vol. 32, no. 4, pp. 216–223. doi:10.1016/j.ijlp.2009.04.008.
40. van den Bos W., Rodriguez C.A., Schweitzer J. McClure S.M. Connectivity strength of dissociable striatal tracts predict individual differences in temporal discounting. *Journal of Neuroscience*, 2014. Vol. 34, no. 31, pp. 10298—10310. doi:10.1523/jneurosci.4105-13.2014

Информация об авторах

Дубинский Александр Александрович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Костина Елена Викторовна, начальник, отдел психологической работы, управление по работе с личным составом, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Ивашкевич Надежда Тарасовна, студент, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ) г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Дубинский А.А., Костина Е.В.,
Ивашкевич Н.Т., Булыгина В.Г.
Психоэндокринные характеристики курсантов ОВД

Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 175–194

Dubinsky A.A., Kostina E.V.,
Ivashkevich N.T., Bulygina V.G.
Psychoendocrine Characteristics

of Cadets of the Ministry of Internal Affairs
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 175–194

Information about the authors

Alexander A. Dubinsky, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Elena V. Kostina, Head, Department of Psychological Work, Department for Work with Personnel, The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Nadezhda T. Ivashkevich, Student, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Получена 15.10.2023

Принята в печать 15.11.2023

Received 15.10.2023

Accepted 15.11.2023

Развитие потенциала посттравматического роста как психологическая мишень подготовки кандидатов в замещающие родители

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова У.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

В последние годы российское государство активно занимается защитой прав детей, лишенных родительского попечения. В рамках поправок к Конституции (Статья 67) государство приняло на себя обязанности родителей в отношении данной категории детей. Эти обязанности реализуются через развитие семейного жизнеустройства, важнейшим инструментом которого являются программы подготовки лиц, желающих принять детей-сирот на воспитание. Их необходимость законодательно закреплена в 2012 году, а в Плане мероприятий Десятилетия детства (от 23 января 2021 г. № 122-р) была поставлена задача их совершенствования, реализацию которой Минпросвещения России в части разработки программ подготовки граждан к приему детей-сирот поручил МГППУ. В новой программе в качестве такой мишени рассматривается развитие потенциала посттравматического роста личности (ПТРЛ). Представлены результаты исследования (N = 188 кандидатов в замещающие родители). Доказано, что к психологическим ресурсам кандидатов можно отнести жизнеспособность семьи, жизнестойкость, эмоциональный интеллект, потенциал сострадания, способность к саморегуляции и мотивы приема, ориентированные на ребенка.

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

Ключевые слова: кандидаты в замещающие родители, потенциал, посттравматический рост, программа подготовки, индивидуальные и семейные риски и ресурсы, механизмы развития.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-01 от 08.02.2023 г. «Научно-обоснованные требования к содержанию программ и организации подготовки кандидатов в замещающие родителей, системе подготовки специалистов для школ приемных родителей».

Для цитаты: Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Развитие потенциала посттравматического роста как психологическая мишень подготовки кандидатов в замещающие родители [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215. DOI:10.17759/psylaw.2023130414

Developing the Potential of Post-traumatic Growth as a Psychological Target for Training Candidates for Substitute Parents

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

In recent years, the Russian state has been actively engaged in protecting the rights of children deprived of parental care. As part of the amendments to the Constitution (Article 67), the State assumed the responsibilities of parents in relation to this category of children. These responsibilities are realized through the development of family life, the most important tool of which is the training programs for persons wishing to adopt orphaned children. Their necessity was legislated in 2012, and in the Action Plan for the Decade of Childhood (dated January 23, 2021 No. 122-r) the task of improving them was set, the implementation of which the Ministry of Education of the Russian Federation in terms of developing programs for preparing citizens for the reception of orphaned children was entrusted to the MSUPE. The new program considers the development of the potential for post-traumatic personality growth (PPTPG) as such a target. The results of the study (N=188 candidates for

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

substitute parents) are presented. It is proved that the psychological resources of candidates include family viability, resilience, emotional intelligence, potential for compassion, the ability to self-regulate and child-oriented reception motives.

Keywords: candidates for substitute parents, potential, post-traumatic growth, training program, individual and family risks and resources, development mechanisms.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023, "Scientifically based requirements for the content of programs and organization of training of candidates for substitute parents, the system of training specialists for schools of foster parents".

For citation: Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Developing the Potential of Post-traumatic Growth as a Psychological Target for Training Candidates for Substitute Parents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215. DOI:10.17759/psylaw.2023130414 (In Russ.).

Введение

Защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на протяжении последних десятилетий является приоритетной задачей социальной политики государства. В рамках поправок к Конституции Российской Федерации (Статья 67) государство приняло на себя родительские обязанности в отношении данной категории детей. Эти обязанности реализуются через развитие семейного жизнеустройства: 99% детей, лишенных родительского попечения, воспитываются в замещающих семьях [23]. Активно развивается законодательство в данной сфере. В государственной думе находится Проект федерального закона № 232772-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав детей», направленный на повышение качества замещающей семейной заботы о детях через законодательное закрепление социально-психологического обследования граждан, желающих принять их в свою семью, а также максимальный охват лиц, проходящих подготовку к приему детей в семью [6]: близких родственников ребенка, посторонних граждан, членов семьи кандидатов, включая детей старше 10 лет. В Плане основных мероприятий Десятилетия детства на период до 2027 года [22] совершенствование программ подготовки граждан, выразивших желание стать усыновителями, опекунами (попечителями), представлено как приоритетная задача [22], результатом реализации которой должно стать сокращение численности детей, возвращенных после неудачной замещающей семейной заботы в институциональные условия. С этой целью была расширена инфраструктура подготовки потенциальных замещающих родителей: с 2019 по 2022 год количество Школ приемных родителей выросло с 906 до 1 037. Несмотря на это, с каждым годом численность таких детей не снижается. Если в 2020 году их было 4800, то в 2021 году — 5210, а в 2022 году уже 5 334 [23].

Важнейшим инструментом, который может позволить решить данную задачу, являются программы подготовки будущих замещающих родителей. Их необходимость была законодательно закреплена в 2012 году, но за 10 лет в Федеральном банке данных о детях-сиротах категория детей, нуждающихся в семейном жизнеустройстве, стала трудно устраиваемой [23]: 80% подростков с поведенческими нарушениями, 51% сиблингов и 48% детей с инвалидностью, большинство из которых ментальные. Вследствие этого изменились требования к их

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

личностным качествам, появились новые эмпирические данные, которые позволили составить психограмму успешного замещающего родителя в новых условиях [18], а также уточнить психологические потребности самих детей [8; 19; 27; 32].

В результате в 2023 году в рамках Государственного задания Минпросвещения РФ МГППУ была поставлена задача разработки научно обоснованных требований к содержанию программ и организации подготовки кандидатов в замещающие родители, а также механизмов их реализации в виде правовых актов, регулирующих порядок организации и осуществления деятельности по подготовке в том числе новых по содержанию программ.

В связи с этим остро встал вопрос о новых мишенях подготовки кандидатов в замещающие родители, направленных на профилактику десоциализации детей-сирот, преодоление ими психотравматического опыта.

Данные мишени были определены на основании результатов международных и отечественных эмпирических исследований последних лет. Было показано, что в основе нарушений социализации детей-сирот находятся незавершенные психологические травмы, полученные в результате жестокого обращения с детьми и пренебрежения к их личности в условиях социально неблагополучной семьи, в процессе изъятия ребенка из семьи, воспитания в институциональных условиях [8; 19; 28]

В рамках авторского исследования выявлено, что большинство подростков в семьях близкородственной опеки (около 60%) страдают ПТСР [17]. В международных исследованиях показано, что у приемных и подопечных детей симптомы ПТСР выражены более чем в два раза чаще, чем у ветеранов боевых действий. Тип травмы, которую переживают дети, оставшиеся без попечения родителей, относят к «комплексной травме», которая описывается как «множественные, хронические и продолжительные, неблагоприятные для развития травматические события, чаще всего межличностного характера...» [29].

Развитие ребенка в условиях кумулятивной травмы формирует «...триггерный паттерн повторяющихся нарушений регуляции в ответ на сигналы травмы, которые проявляются в эмоциональной дисрегуляции аффективных состояний, склонности к навязчивым воспоминаниям, зависимостям, нарушениям поведения и т. д., и как следствие — неизбежность будущей виктимизации, функциональные нарушения во всех сферах жизнедеятельности уже взрослого человека» [19; 30].

В исследованиях были выделены психологические дефициты подростков-сирот: склонность к дилектентному поведению, преимущественное использование избегающих стратегий совладания со стрессом, а также ресурсы или «защитные факторы», позволяющие им преодолеть нарушения социализации, обусловленные психотравматическим опытом, и чувствовать себя благополучными в самостоятельной жизни. К ним были отнесены: жизнестойкость, оптимизм, позитивные взгляды на себя, использование конструктивных стратегий совладания со стрессом, использование сильных сторон характера [19; 31], т. е., все те ресурсы, которые могли бы позволить им выйти на уровень посттравматического роста. Формирование этих «защитных факторов» у приемных детей можно рассматривать в качестве мишеней профилактики их десоциализации. В рамках эмпирического исследования доказано, что приемные дети воспроизводят стратегии совладания со стрессом своих приемных матерей, а также их позитивные или негативные ожидания от жизни, уровень жизнестойкости и ее компонентов, оценки субъективного благополучия [2].

Воспитание в семье психотравмированного приемного ребенка сопряжено с системными нормативными и не нормативными семейными кризисами [1; 16]. Все это усугубляется их собственными травматическими переживаниями утраты родных и близких, горя по поводу их неизлечимых болезней. При этом замещающие матери данные переживания приравнивают по интенсивности к переживаниям, связанными с проблемами воспитания приемных детей [18], поэтому необходимо развитие ПТЛР у кандидатов в замещающие родители в процессе их подготовки к приему.

Термин ПТЛР был предложен Р. Тедески и Л. Калхоун в 1995 году [7] и рассматривается как результат разрешения кризисного состояния (Tedeschi, Calhoun, 2004); «...мера преодоления личностью психотравмирующих обстоятельств своей жизни и результат внутренней работы личности» [13] или работы переживания [4]. В рамках обзора иностранных и российских источников установлено, что «ПТЛР — это не конечный результат, к которому должен прийти индивид, а своеобразный адаптационный процесс» [7].

Во многих исследованиях делается попытка выделить личностные ресурсы, которые могут способствовать тому, что люди справляются с травмой и выходят в ПТЛР. Позитивные связи с ПТЛР были найдены с открытостью и экстраверсией, способностью соглашаться и добросовестностью, выносливостью, оптимизмом, самоэффективностью и др. [3].

В диссертационном исследовании А.И. Сергеенко в качестве факторов ПТЛР у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья были выделены: «...базисные убеждения в благосклонности окружающего мира и людей по отношению к ним и их детям, осмысленность мира, а также копинг-стратегии, направленные на активное осознание своей позиции в преодолении» [24].

Безусловно, «...направить или стимулировать посттравматический рост личности» достаточно сложно, но в рамках программ подготовки «...можно способствовать организации социально-психологического пространства для реализации потенциалов роста (аналог зоны ближайшего развития Л.С. Выготского), которые в дальнейшем будут продолжены самой развивающейся личностью» [26].

Выделение в качестве актуальной и новой мишени программ подготовки потенциальных замещающих родителей развитие ПТЛР позволит повысить эффективность самой подготовки, а также личностную и семейную готовность к воспитанию травмированного ребенка в своей семье.

Организация исследования и методики

Программа исследования

В статье представлены результаты исследования «потенциала посттравматического роста» у кандидатов в замещающие родители с разным стилем реагирования на травматическое событие, теоретическим основанием которого являются теории посттравматического роста, подчеркивающие парадоксальное сплетение понимания своей уязвимости (слабости) и осознания силы своей личности (М.Ш. Магомед-Эминов) [10; 14].

Цель исследования — выявить особенности потенциала посттравматического роста как психологической мишени подготовки кандидатов в замещающие родители.

Задачи:

- выделить группы кандидатов в замещающие родители с разными стилями реагирования на травматическое событие;

- проанализировать сходство и различия в структуре психологических ресурсов и рисков у кандидатов в замещающие родители с разными стилями реагирования на травматическое событие.

Гипотеза: ожидается, что выделение групп кандидатов в замещающие родители с разными стилями реагирования на травматическое событие позволит определить характеристики потенциала ПТРЛ для подготовки к приему и воспитанию детей.

Исследование кандидатов в замещающие родители проводилось в 2022 году психологами Школ приемных родителей 39 регионов РФ в процессе прохождения программы подготовки к воспитанию детей-сирот. Процедура занимала от 60 до 90 минут и соответствовала этическим стандартам декларации Хельсинки 1964 года. Респонденты были ознакомлены с целями и задачами исследования и дали информированное согласие на участие.

Методики

В исследовании были использованы следующие методики: Шкала оценки травматического события [25]; Тест жизнестойкости [15]; методика «Усталость от сострадания» [11]; «Опросник эмоциональной дисрегуляции» [21]; Шкала жизнеспособности семьи [5]; методика «Типы мотивации приема ребенка-сироты в семью» [20]; Опросник эмоционального интеллекта [12]; Опросник «Большой пятерки» [9].

Выборка

В исследовании приняли участие 188 кандидатов в приемные родители в процессе подготовки к приему ребенка в семью. Средний возраст составил 39,26 + 8,3. Подавляющее большинство респондентов состояли в браке (80,9%) и не имели приемных детей (84,6%). Значительная часть кандидатов были бездетными (44,7%). Практически все кандидаты (91,5%) заявили, что за последние 2 года пережили различные психотравматические события от смерти и тяжелой болезни близких до неудачного ЭКО, постановки диагноза «бесплодие» и выкидышей. При этом каждый третий респондент (34,3%) указал на травматические переживания, связанные с невозможностью родить ребенка.

Методы обработки данных

Проверка на нормальность распределения данных проводилась с использованием критерия Колмогорова—Смирнова, рассчитывались медианы для сравнения полученных средних значений по всем шкалам используемых опросников; использовались метод k-средних для выделения кластеров при предварительной нормализации данных через z-значения; однофакторный дисперсионный анализ ANOVA для анализа различий между кластерами по количественным показателям; t-критерий Стьюдента для попарного сравнения групп; χ^2 для анализа различий по качественным характеристикам. Расчеты производились в программе SPSS-21.

Результаты

Для выделения групп кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на травматическое событие был проведен кластерный анализ методом k-средних по всей выборке (N = 188). При кластеризации в одну исследовательскую модель были введены альтернативные показатели степени психологической травматизации (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость как реакции на травматическое событие) и жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска как характеристики устойчивости к негативным событиям). Это деление обосновано теориями посттравматического роста, в которых подчер-

кивается парадоксальное сплетение понимания своей уязвимости (слабости) и осознания силы своей личности (М.Ш. Магомед-Эминов, Д.А. Леонтьев и др.). Предварительно полученные данные были нормированы через z-значения, так как шкалы используемых методик — разные по диапазону. В результате кластеризации, их содержательного анализа и статистики ANOVA было выделено три кластера (рис. 1). Выделение трех групп с отчетливыми многомерными характеристиками стилей реагирования на психологическую травму соответствуют теоретическим изысканиям проблематики посттравматического роста и позволили решить задачи нашего исследования.

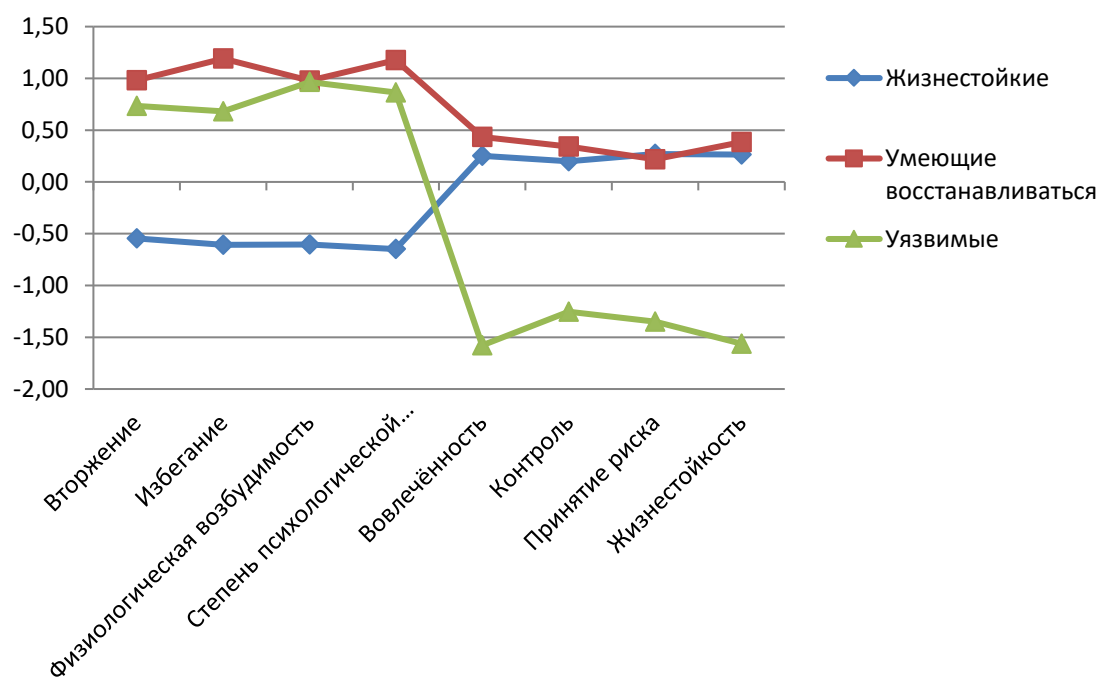

Рис. 1. Результаты кластерного анализа (метод k-средних) по всей выборке кандидатов в приемные родители (данные нормированы)

В первый кластер ($N = 116$) вошли кандидаты в приемные родители с высокими показателями по всем шкалам жизнестойкости и низкими — по реакциям на травматическое событие («жизнестойкие»). Во второй кластер ($N = 42$) попали кандидаты в приемные родители с высокими баллами по шкалам психологической травматизации и схожими с первым кластером характеристиками жизнестойкости «умеющие восстанавливаться»). Третий кластер ($N = 30$) пополнили кандидаты в приемные родители с низкими значениями по всем характеристикам жизнестойкости и высокими — по степени психологической травматизации («уязвимые»).

Кластеры не различались по полу ($\chi^2 = 4,813$; $p = 0,090$), по количеству кровных детей ($\chi^2 = 4,745$; $p = 0,577$), количеству приемных детей ($\chi^2 = 5,551$; $p = 0,475$), в распределении тех, кому был поставлен диагноз «бесплодие» ($\chi^2 = 3,422$; $p = 0,181$), тех, кто делал попытки Эко ($\chi^2 = 0,612$; $p = 0,737$), тех, у кого был выкидыш ($\chi^2 = 4,658$; $p = 0,097$), но различались по супружескому статусу ($\chi^2 = 22,330$; $p = 0,001$). Так, среди жизнестойких и умеющих восстанавливаться большинство состояли в браке (64,5% и 25% соответственно). Среди одиноких было только 46,2% жизнестойких и 38,5% уязвимых. Они также различались по указанию на

травматическое событие, связанное с горем и утратой близких ($\chi^2 = 6,235$; $p = 0,044$): в группе жизнестойких их доля самая высокая — 45%, среди умеющих восстанавливаться — 30%, среди уязвимых — 25% (см. Табл).

Таблица

Описательная статистика по группам

Индикатор	Группа	N	Среднее	Станд. откл.	F	Уровень значимости различий p
<i>Риски</i>						
Риск усталости от сострадания	1	116	27,224	12,537	25,198	0,000
	2	42	31,000	9,509		
	3	30	44,233	11,047		
Риск выгорания	1	116	12,103	7,096	17,346	0,000
	2	42	14,619	7,748		
	3	30	21,166	8,832		
Руминация	1	116	12,155	2,953	10,890	0,000
	2	42	13,571	3,443		
	3	30	15,133	4,091		
Избегание	1	116	9,034	2,206	15,177	0,000
	2	42	8,619	2,059		
	3	30	11,333	2,564		
Трудности ментализации	1	116	17,637	3,437	33,657	0,000
	2	42	17,238	4,011		
	3	30	23,633	4,452		
<i>Возможности/ресурсы</i>						
<i>Инструментальные ресурсы/Мотивация приема ребенка-сироты в семью</i>						
Альтруизм	1	116	15,655	4,872	9,239	0,000
	2	42	12,238	4,514		
	3	30	13,933	2,664		
Самореализация себя в детях	1	116	16,327	5,371	6,445	0,002
	2	42	13,285	5,902		
	3	30	14,000	2,518		
Удовлетворение экзистенциальных потребностей	1	116	12,620	4,680	3,189	0,044
	2	42	10,666	4,229		
	3	30	11,733	3,004		
<i>Семейные ресурсы</i>						
Семейная коммуникация и связность	1	116	44,379	5,086	30,922	0,000
	2	42	43,571	3,858		
	3	30	36,866	4,116		
Позитивный прогноз и решение проблем	1	116	26,431	3,143	35,629	0,000
	2	42	25,952	3,581		
	3	30	20,800	3,418		

Принятие и гибкость	1	116	16,569	2,199	22,501	0,000
	2	42	16,047	1,962		
	3	30	13,366	3,178		
Социальные ресурсы семьи	1	116	19,689	2,375	7,013	0,001
	2	42	19,285	2,634		
	3	30	17,833	2,275		
Жизнеспособность семьи	1	116	107,069	10,726	35,845	0,000
	2	42	104,857	9,739		
	3	30	88,866	10,915		
<i>Индивидуальные ресурсы</i>						
Понимание чужих эмоций	1	116	25,396	4,281	3,907	0,022
	2	42	24,476	4,379		
	3	30	23,000	4,102		
Понимание своих эмоций	1	116	21,862	3,750	15,975	0,000
	2	42	20,476	4,824		
	3	30	17,066	4,667		
Управление своими эмоциями	1	116	16,017	3,078	13,533	0,000
	2	42	15,904	3,074		
	3	30	12,733	3,473		
Внутриличностный ЭИ	1	116	51,189	7,959	9,819	0,000
	2	42	49,047	8,803		
	3	30	43,933	7,167		
Понимание эмоций	1	116	47,258	8,653	11,361	0,000
	2	42	44,952	8,453		
	3	30	40,066	8,068		
Общий уровень ЭИ	1	116	97,051	13,003	7,428	0,001
	2	42	94,761	14,238		
	3	30	86,533	13,244		
Экстраверсия	1	116	70,224	12,209	4,284	0,015
	2	42	74,716	9,008		
	3	30	66,966	11,871		
Уступчивость	1	116	80,172	9,174	9,391	0,000
	2	42	82,285	6,886		
	3	30	73,2000	11,490		
Сознательность	1	116	80,982	8,984	11,675	0,000
	2	42	81,047	7,153		
	3	30	72,000	12,868		
Эмоциональная стабильность	1	116	71,137	10,042	7,659	0,001
	2	42	68,857	10,789		
	3	30	63,066	9,351		

Примечание: в таблице приведены только те данные, по которым получены значимые различия между тремя группами

Риски кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму

Среди рисков (рис. 2) выделяется риск усталости от сострадания, риск выгорания, руминация, избегание и трудности в ментализации.

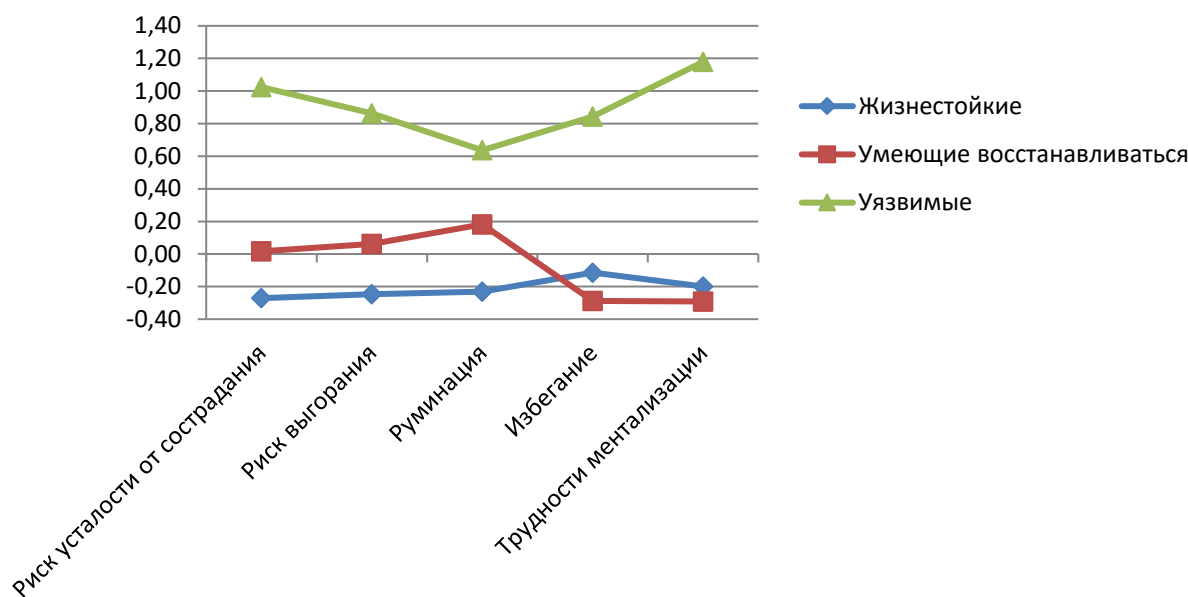

Рис. 2. Различия в рисках у кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму (z-значения)

Значимые различия между группами получены по всем рискам: риск усталости от сострадания ($F = 25,198$; $p = 0,000$), риск выгорания ($F = 17,346$; $p = 0,000$), руминация ($F = 10,890$; $p = 0,000$), избегание ($F = 15,177$; $p = 0,000$), трудности ментализации ($F = 33,657$; $p = 0,000$), что значительно выше у уязвимых. Попарное сравнение показало: группы «жизнестойких» и умеющих восстанавливаться различаются только в руминации ($t = -2,545$; $p = 0,012$), а жизнестойкие и уязвимые по всем характеристикам рисков ($p < 0,05$), умеющие восстанавливаться и уязвимые по всем характеристикам ($p < 0,05$), кроме руминации ($p > 0,05$).

Мотивация приема ребенка-сироты в семью у кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму

Среди девяти мотивов принятия ребенка-сироты в семью (рис. 3) значимые различия получены по трем типам мотивации: альтруизм ($F = 9,239$; $p = 0,000$); самореализация себя в детях ($F = 6,445$; $p = 0,002$); удовлетворение экзистенциальных потребностей ($F = 3,189$; $p = 0,044$), которые наиболее характерны для жизнестойких кандидатов в приемные родители. При этом значимые различия между жизнестойкими и умеющими восстанавливаться получены по мотивации альтруизма ($t = 4,114$; $p = 0,000$), мотивации самореализации себя в детях ($t = 3,062$; $p = 0,003$), в удовлетворении экзистенциальных потребностей ($t = 2,492$; $p = 0,015$); а между жизнестойкими и уязвимыми — по мотивации самореализации себя в детях ($t = 3,431$, $p = 0,001$), между уязвимыми и умеющими восстанавливаться — в мотивации альтруизма ($t = -1,995$, $p = 0,05$).

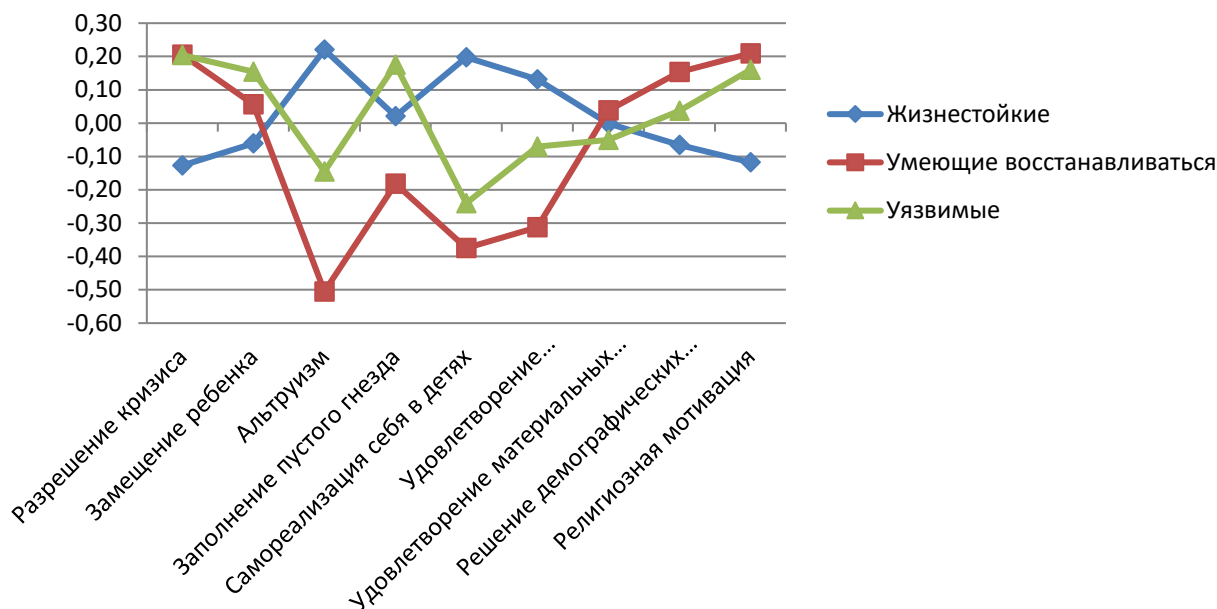

Рис. 3. Типы мотивации приема ребенка-сироты в семью кандидатами в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму (z-значения)

Семейные ресурсы кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму

Среди семейных ресурсов выделяют жизнеспособность семьи как возможность восстанавливаться после неблагоприятного события. Значимые различия между группами получены по всем характеристикам жизнеспособности семьи: семейная коммуникация и связность ($F = 30,92$; $p = 0,000$), позитивный прогноз и решение проблем ($F = 35,62$; $p = 0,000$), принятие и гибкость ($F = 22,50$; $p = 0,000$), социальные ресурсы семьи ($F = 7,013$; $p = 0,001$), общий уровень жизнеспособности семьи ($F = 35,84$; $p = 0,000$), что наиболее выражено у жизнестойких и умеющих восстанавливаться, в отличие от уязвимых. Парное сравнение показало, что значимых различий между жизнестойкими и умеющими восстанавливаться нет ($p > 0,05$). Но обнаружены значимые различия по всем характеристикам жизнеспособности семьи между жизнестойкими и уязвимыми и между умеющими восстанавливаться и уязвимыми ($p < 0,05$) (рис. 4).

Индивидуальные ресурсы кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму

Кандидаты в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму различаются и по некоторым характеристикам эмоционального интеллекта (рис. 5), таком, как понимание чужих эмоций ($F = 3,907$; $p = 0,022$); понимание своих эмоций ($F = 15,975$; $p = 0,000$); управление своими эмоциями ($F = 13,533$; $p = 0,000$); внутриличностный ЭИ ($F = 9,819$; $p = 0,000$); понимание эмоций ($F = 11,361$; $p = 0,000$), общий уровень ЭИ ($F = 6,950$; $p = 0,001$), которые значительно выше у жизнестойких и умеющих восстанавливаться. Парное сравнение к указанному выше между группой жизнестойких и уязвимых показало различие еще и в такой характеристике, как управление эмоциями ($t = 2,441$; $p = 0,018$), которая выше у жизнестойких. А между группой умеющих восстанавливаться и уязвимых — в

такой характеристике, как управление чужими эмоциями ($t = 2,443$; $p = 0,017$), которая выше у умеющих восстанавливаться. Между группами жизнестойких и умеющих восстанавливаться значимых различий в характеристиках ЭИ не обнаружено ($p > 0,05$).

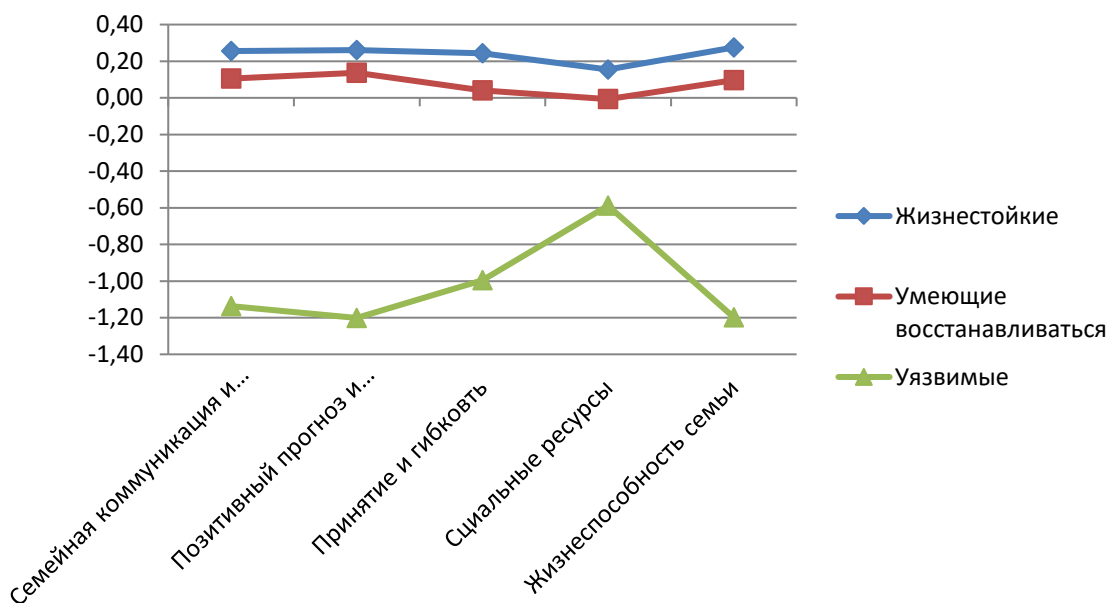

Рис. 4. Характеристики жизнеспособности семьи у кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму (z-значения)

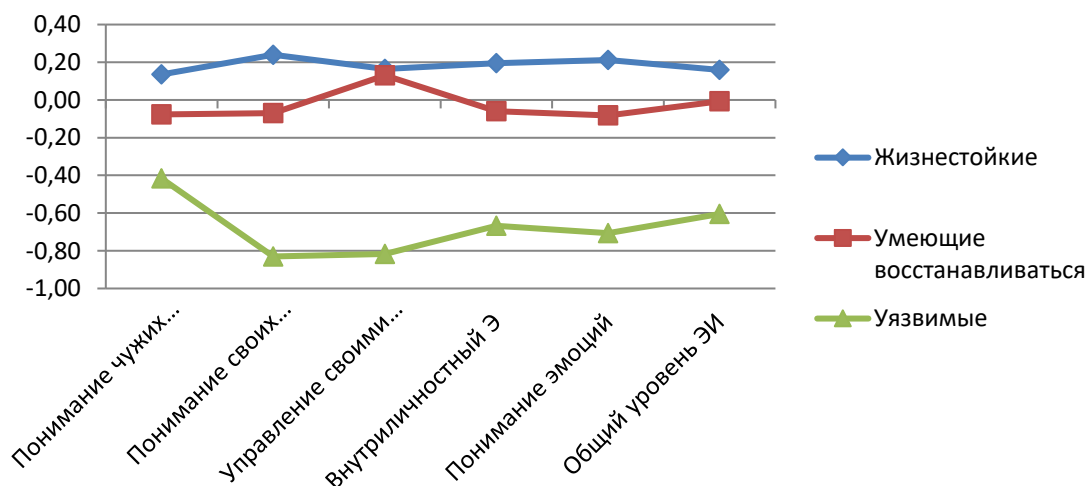

Рис. 5. Значимые различия в характеристиках эмоционального интеллекта у кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму (z-значения)

Группы различаются и по личностным чертам: экстраверсии ($F = 4,284$; $p = 0,015$); уступчивости ($F = 9,391$; $p = 0,000$); сознательности ($F = 11,675$; $p = 0,000$); эмоциональной стабильности ($F = 7,659$; $p = 0,000$), которые в большей степени выражены у умеющих восста-

навливаться. Не обнаружено различий между группами только в открытости опыту ($F = 0,355$; $p = 0,702$).

Попарное сравнение позволило обнаружить дополнительные различия между группами (рис. 6). Жизнестойкие и умеющие восстанавливаться после травмы различаются только в характеристике экстраверсии ($t = -2,530$; $p = 0,013$). Жизнестойкие и уязвимые различаются по всем характеристикам ($p < 0,05$), кроме экстраверсии и открытости опыту ($p > 0,05$), а умеющие восстанавливаться и уязвимые — по всем характеристикам ($p < 0,05$), кроме открытости опыту ($p > 0,05$).

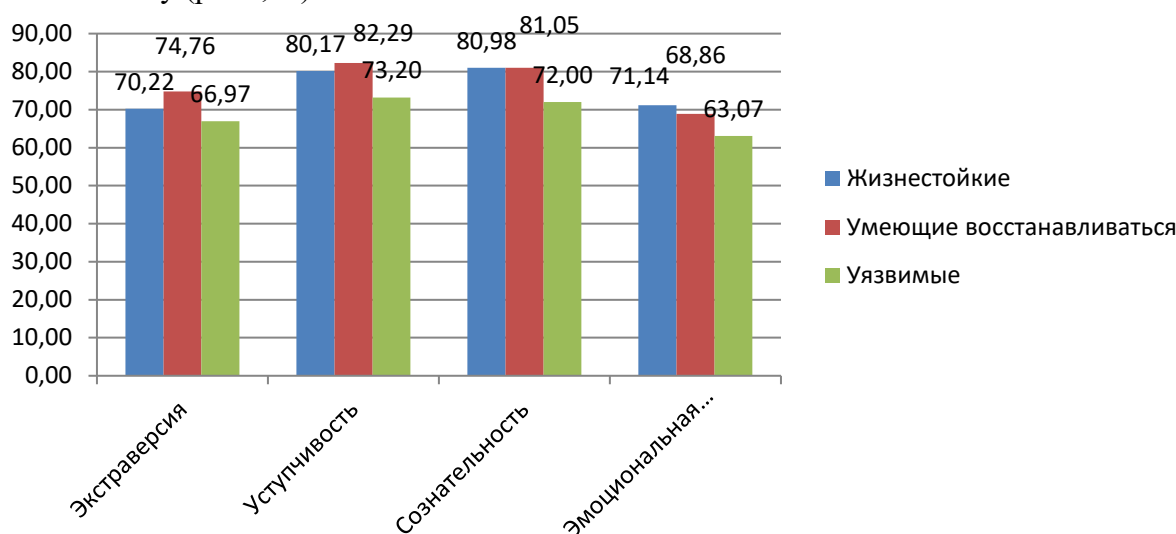

Рис. 6. Значимые различия в личностных чертах у кандидатов в приемные родители с разными стилями реагирования на психологическую травму

Обсуждение

Примененная исследовательская модель посттравматического роста, объединившая альтернативные показатели степени психологической травматизации и жизнестойкости, находит подтверждение в концепциях М.Ш. Магомед-Эминова, Д.А. Леонтьева и др. о дуальности данного феномена, о том, что «...травматическое событие является источником и страдания (расстройства), и стойкости, и роста; о том, что совладание — это «...рост личности, который выводит человека в новые горизонты развития» [10; 14]. В соответствии с этим сам факт прохождения подготовки к приему ребенка в семью можно рассматривать как попытку выхода личности на «новые горизонты», как стремление к развитию потенциала ПТЛР. Тем более что практически все кандидаты указали на травматические события, которые они пережили за последние два года, а разрешение кризиса стало одним из наиболее выбираемых мотивов приема ребенка в семью независимо от группы.

Как показали результаты исследования, уровень развития потенциала зависит от стиля реагирования на травму. Выделенные на основе стилей реагирования на психотравму группы кандидатов позволили определить уровни потенциала развития посттравматического роста: высокий уровень — «жизнестойкие», средний — «умеющие восстанавливаться», низкий — уязвимые.

Данный уровень связан с соотношением индивидуальных и семейных ресурсов и рисков для эффективного воспитания приемных детей. Для высокого уровня характерно следующее соотношение: более низкий уровень рисков, обусловленных сниженным потенциалом сострадания, склонность к эмоциональному, умственному и физическому истощению, нарушениям эмоциональной регуляции, эмоциональным и когнитивным искажениям, и более высокие показатели жизнеспособности семьи, эмоционального интеллекта и выраженности такой личностной черты, как эмоциональная стабильность. Представители группы жизнестойких чаще ориентируются при приеме ребенка на такие типы мотивации, как альтруизм, самореализация в детях, а также удовлетворение экзистенциальных потребностей.

В группе со сниженным потенциалом ПТРЛ (уязвимые) в качестве механизмов роста можно выделить достаточно высокий уровень мотивации к приему ребенка в семью и мотивы, ориентированные на потребности ребенка [20].

В группе со средним уровнем развития потенциала ПТРЛ (умеющие восстанавливаться) к механизмам развития потенциала ПТЛР можно отнести готовность приходить к согласию, ориентацию на сотрудничество, склонность к сочувствию и доверию, способность к социальной адаптации, общительность и активность, потребности новой внешней стимуляции и др.

Развитие потенциала ПТЛР становится важнейшей мишенью, разработанной в рамках Госзадания программ подготовки кандидатов в замещающие родители. В качестве основы его развития стали выделенные в рамках исследования психологические ресурсы, мобилизация которых является важнейшей задачей. Программа имеет два уровня: общий для всех кандидатов и углубленный по выбору. На занятиях общей программы ресурсы прорабатываются снизу-вверх: телесный уровень, направленный на повышение энергетических ресурсов, коррекцию телесных границ и др.; когнитивный — на осознание и рост своего потенциала, включая мотивацию приема ребенка в семью, развитие позитивного мышления, эмоциональный интеллект, копинг-стратегии, жизнестойкость; эмоциональный — на повышение эмоциональной регуляции; социальный — на отработку нового, более эффективного поведения. Прохождение этой программы позволит выйти кандидатам в замещающие родители на «новые горизонты развития». Особое внимание обращается на активизацию межпоколенческих ресурсов, силу рода, коррекцию негативных семейных сценариев. На уровне углубленных модулей занятия направлены на коррекцию стиля реагирования на травму, а также на погружение в темы, направленные на развитие ресурсов устойчивости.

Выводы

1. Результаты международных и отечественных эмпирических исследований психологических рисков и ресурсов кандидатов и действующих замещающих родителей указали на необходимость развития у них потенциала ПТРЛ как условия профилактики десоциализации у приемных детей.

2. Признание в качестве важнейшей мишени программы подготовки развитие потенциала ПТРЛ позволит вывести кандидатов в замещающие родители на новый уровень личностного функционирования и будет способствовать эффективной замещающей семейной заботе, формированию психологических ресурсов у приемных детей с последствиями кумулятивной психологической травмы.

3. Уровень развития потенциала ПТРЛ связан с соотношением психологических рисков и ресурсов у замещающих родителей. В группе с высоким уровнем развития потенциала степень выраженности ресурсов самая высокая по сравнению с другими;

4. Доказано, что к психологическим ресурсам кандидатов можно отнести жизнеспособность семьи, их жизнестойкость, эмоциональный интеллект, а также высокий потенциал страдания, способность к саморегуляции и мотивы приема, ориентированные на ребенка.

5. В группах с разным уровнем развития потенциала ПТРЛ выделяются специфические ресурсы, позволяющие запустить его рост в процессе прохождения подготовки. Так, в группе «уязвимых» к ним относится мотивация приема детей в семью, в группе «умеющих восстанавливаться» — личностные черты.

6. Учет уровней и характеристик потенциала ПТРЛ при подготовке кандидатов в замещающие родители позволит индивидуализировать процесс подготовки, сделать его более адресным и эффективным.

7. Сам факт принятия решения о приеме детей-сирот в семью на воспитание можно рассматривать как важный шаг к ПТРЛ.

8. Разработанная Программа, направленная на мобилизацию личностных, межпоколенческих, межличностных ресурсов, предполагающая общий и углубленный уровни подготовки в соответствии с потребностями кандидатов в замещающие родители, позволяет гражданам выйти на новый уровень функционирования и эффективно осуществлять замещающую семейную заботу о детях, оставшихся без попечения родителей.

В качестве перспективы исследования можно выделить расширение выборки, привлечение кандидатов в замещающие отцы к исследованию, а также изучение динамики и изменений потенциала посттравматического роста у ее участников.

Литература

1. Асламазова Л.А. Хаджимова Д.М. Проблема эмоционального выгорания у приемных родителей // Перспективы развития науки в области педагогики и психологии: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (6 июля 2015 г.). Выпуск II. Челябинск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 83–85.
2. Болгова Л.В. Связь психологических ресурсов в диаде приемная мать — приемный ребенок подросткового возраста: Автореф. выпускной квалификационной работы (магистерская диссертация). М., 2022. 5 с.
3. Быховец Ю.В. Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 214–226.
4. Василюк Ф.Е. Работа переживания. М.: Издательство МГУ, 1984. 240 с.
5. Гусарова Е.С., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Том 14. № 77. doi:10.54359/ps.v14i77.130
6. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав детей» № 232772-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (дата обращения: 05.10.2023).
7. Зеянина А.Н., Падун М.А. К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Том 10. № 53. doi:10.54359/ps.v10i53.380

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

8. Капилина (Пичугина) М.В., Панюшева Т.Д. Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка. 2-е изд. М.: Никая, 2015. 425 с.
9. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 5. С. 100–110.
10. Леонтьев Д.А. Удары судьбы как стимул личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. Махнач А.В., Дикая Л.Г. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 144–158.
11. Лобанов А.П., Орлова Д.А. Усталость от сострадания: адаптация теста Ч. Фигли. Минск: РИВШ, 2021. 36 с.
12. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИН // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
13. Магомед-Эминов М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 79–91.
14. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (71). С. 111–117.
15. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
16. Ослон В.Н. Модельные программы сопровождения семей, воспитывающих детей-сирот сложных категорий [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 3. С. 82–92. doi:10.17759/pse.2017220309
17. Ослон В.Н., Косьянова Е.В. Влияние травмы сиротства на аффективно-личностную сферу подростка в условиях родственной и неродственной опеки [Электронный ресурс] // На пороге взросления: Сборник научных статей / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. М.: Издательство МГППУ, 2011. С. 227–238. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/na_poroge_vzrosleniya/contents/48353 (дата обращения: 05.10.2023).
18. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Зинченко Е.А. Инвариантные и варианты социальные психологические характеристики успешных замещающих матерей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 149–163. doi:10.17759/pse.2021260612
19. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205
20. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Структура методики «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью» [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 3–21. doi:10.17759/psyedu.2021130401
21. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Том 25. № 4. С. 71–93. doi:10.17759/cpp.2017250406
22. Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.»

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

[Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400150053/>
(дата обращения: 05.10.2023).

23. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2022 год [Электронный ресурс] // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. 2023. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cf2e493bcd6bf43ba790f5b5d1170f1> (дата обращения: 05.10.2023).

24. Сергиенко А.И. Психологические факторы посттравматического роста у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2021. 26 с.

25. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. М.: Когито-Центр, 2007. 207 с.

26. Толкачева О.Н. Социально-психологические факторы посттравматического роста личности: Дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2017. 244 с.

27. Ben-Ezra M. et al. Posttraumatic stress disorder (PTSD) and Complex PTSD (CPTSD) as per ICD-11 proposals: A population study in Israel // *Depression and Anxiety*. 2018. Vol. 35(3). P. 264–274. doi:10.1002/da.22723

28. Lavine P.A. In *Unspoken Voice: How the Body Releases Trauma and Restores Goodness*. California: North Atlantic Books, 2012. 384 p.

29. Razuri E.B. et al. Decrease in Behavioral Problems and Trauma Symptoms Among At-Risk Adopted Children Following Web-Based Trauma-Informed Parent Training Intervention // *Journal of Evidence-Informed Social Work*. 2016. Vol. 13(2). P. 165–178. doi:10.1080/23761407.2015.1014123

30. Spinazzola J., Van der Kolk B. When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder // *Journal of Traumatic Stress*. 2018. Vol. 31(5). P. 631–642. doi:10.1002/jts.22320

31. Sulimani-Aidan Y., Benbenishty R., Dinisman T., Zeira A., Francis T. Care leavers in Israel: what contributes to better adaptation to life after leaving? // *Journal of Social Service Research*. 2013. Vol. 39(5). P. 704–718. doi:10.1080/01488376.2013.834283

32. Wisco B.E. et al. A comparison of ICD-11 and DSM criteria for posttraumatic stress disorder in two national samples of U.S. military veterans // *Journal of Affective Disorders*. 2017. Vol. 223. P. 17–19. doi:10.1016/j.jad.2017.07.006

References

1. Aslamazova L.A. Khadzhimova D.M. Problema emotsional'nogo vygoraniya u priemnykh roditelei. *Perspektivy razvitiya nauki v oblasti pedagogiki i psikhologii: Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (6 iyulya 2015 g.)*. Vypusk II. Chel'yabinsk: Innovatsionnyi tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki Publ., 2015, pp. 83–85. (In Russ.).

2. Bolgova L.V. Svyaz' psikhologicheskikh resursov v diade priemnaya mat' — priemnyi rebenok podrostkovogo vozrasta [Connection of psychological resources in the dyad foster mother — foster child of adolescence]: Avtoref. vypusknói kvalifikatsionnoi raboty (magisterskaya dissertatsiya). Moscow, 2022. 5 p. (In Russ.).

3. Bykhovets Yu.V. Fenomen posttравматического роста. In M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova (eds.). *Psikhologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2016, pp. 214–226. (In Russ.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

4. Vasilyuk F.E. Rabota perezhivaniya. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984. 240 p. (In Russ.).
5. Gusarova E.S., Odintsova M.A., Sorokova M.G. Shkala otsenki zhiznesposobnosti sem'i: adaptatsiya na rossiiskoi vyborke [Family resilience assessment scale: adaptation in Russian sample] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2021. Vol. 14, no. 77. doi:10.54359/ps.v14i77.130 (In Russ.).
6. Zakonoproekt "O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam zashchity prav detei" No. 232772-8 [Elektronnyi resurs]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti*. 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (Accessed 05.10.2023). (In Russ.).
7. Zelyanina A.N., Padun M.A. K probleme posttravmaticheskogo lichnostnogo rosta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [About the problem of posttraumatic growth: current state of subject and research perspectives] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 53. doi:10.54359/ps.v10i53.380 (In Russ.).
8. Kapilina (Pichugina) M.V., Panyusheva T.D. Priemnyi rebenok: zhiznennyi put', pomoshch' i podderzhka. 2nd ed. Moscow: Nikeya, 2015. 425 p. (In Russ.).
9. Knyazev G.G., Mitrofanova L.G., Bocharov V.A. Validizatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika L. Goldberga "Markery faktorov "Bol'shoi pyaterki"" [Validization of Russian Version of Goldberg's "Big-Five Factor Markers" Inventory]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2010. Vol. 31, no. 5, pp. 100–110. (In Russ.).
10. Leontiev D.A. Udry sud'by kak stimul lichnostnogo razvitiya: fenomen posttravmaticheskogo rosta. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2016, pp. 144–158. (In Russ.).
11. Lobanov A.P., Orlova D.A. Uсталost' ot sostradaniya: adaptatsiya testa Ch. Figli. Minsk: RIVSh Publ., 2021. 36 p. (In Russ.).
12. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2006, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.).
13. Magomed-Eminov M.Sh. Ontologicheskaya kontseptualizatsiya fenomena ekstremal'nosti [Ontological conceptualization of the phenomenon of extremity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2014, no. 3, pp. 79–91. (In Russ.).
14. Magomed-Eminov M.Sh. Fenomen posttravmaticheskogo rosta [Phenomenon of posttraumatic growth]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 3 (71), pp. 111–117. (In Russ.).
15. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznестоикости: psikhometricheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2013, no. 2, pp. 147–165. (In Russ.).
16. Oslon V.N. Model'nye programmy soprovozhdeniya semei, vospityvayushchikh detei-sirot slozhnykh kategorii [Model programmes of support for families raising 'difficult' orphan children] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 3, pp. 82–92. doi:10.17759/pse.2017220309 (In Russ.).
17. Oslon V.N., Kosyanova E.V. Vliyanie travmy sirotstva na affektivno-lichnostnyuyu sferu podrostka v usloviyakh rodstvennoi i nerodstvennoi opeki [Elektronnyi resurs]. In Obukhova L.F.,

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

Korepanova I.A. (eds.). *Na poroge vzrosleniya: Sbornik nauchnykh statei*. Moscow: Izdatel'stvo MGPPU, 2011, pp. 227–238. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/na_poroge_vzrosleniya/contents/48353 (Accessed 05.10.2023). (In Russ.).

18. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Zinchenko E.A. Invariantnye i variantnye sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki uspekhnykh zameshchayushchikh materei [Invariant and Variant Sociopsychological Characteristics of Successful Foster Mothers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 149–163. doi:10.17759/pse.2021260612 (In Russ.).

19. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Psikhologicheskie resursy i lichnostnye defitsity u vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot [Psychological Resources and Personal Deficits of Graduates of Organizations for Orphans] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205 (In Russ.).

20. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Struktura metodiki “Motivatsiya priema rebenka-sirot v zameshchayushchuyu sem'yu” [The Structure of the Methodology “Motivation for the Adoption of an Orphan Child by a Foster Family”] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologopedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 3–21. doi:10.17759/psyedu.2021130401 (In Russ.).

21. Polskaya N.A., Razvaliaeva A.Yu. Razrabotka oprosnika emotsional'noi disregulyatsii [The Development Of The “Emotion Dysregulation” Questionnaire] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25, no. 4, pp. 71–93. doi:10.17759/cpp.2017250406 (In Russ.).

22. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23 yanvarya 2021 g. No. 122-r “Ob utverzhdenii plana osnovnykh meropriyatii, provodimykh v ramkakh Desyatiletia detstva, na period do 2027 g.” [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400150053/> (Accessed 05.10.2023). (In Russ.).

23. Svedeniya po forme federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya No. 103-RIK “Svedeniya o vyyavlenii i ustroistve detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei” za 2022 god [Elektronnyi resurs]. *Bank dokumentov Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii*. 2023. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cf2e493bcd6bf43ba790f5b5d1170f1> (Accessed 05.10.2023). (In Russ.).

24. Sergienko A.I. Psikhologicheskie faktory posttravmaticheskogo rosta u roditelei detei s ograni-chennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2021. 26 p. (In Russ.).

25. Tarabrina N.V. Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. Moscow: Kogito-Tsentr, 2007. 207 p. (In Russ.).

26. Tolkacheva O.N. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory posttravmaticheskogo rosta lichnosti: Diss. kand. psikhol. nauk. Saratov, 2017. 244 p. (In Russ.).

27. Ben-Ezra M. et al. Posttraumatic stress disorder (PTSD) and Complex PTSD (CPTSD) as per ICD-11 proposals: A population study in Israel. *Depression and Anxiety*, 2018. Vol. 35, no. 3, pp. 264–274. doi:10.1002/da.22723

28. Lavine P.A. In Unspoken Voice: How the Body Releases Trauma and Restores Goodness. California: North Atlantic Books, 2012. 384 p.

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

29. Razuri E.B. et al. Decrease in Behavioral Problems and Trauma Symptoms Among At-Risk Adopted Children Following Web-Based Trauma-Informed Parent Training Intervention. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 2016. Vol. 13, no. 2, pp. 165–178. doi:10.1080/23761407.2015.1014123
30. Spinazzola J., Van der Kolk B. When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder. *Journal of Traumatic Stress*, 2018. Vol. 31, no. 5, pp. 631–642. doi:10.1002/jts.22320
31. Sulimani-Aidan Y., Benbenishty R., Dinisman T., Zeira A., Francis T. Care leavers in Israel: what contributes to better adaptation to life after leaving? *Journal of Social Service Research*, 2013. Vol. 39, no. 5, pp. 704–718. doi:10.1080/01488376.2013.834283
32. Wisco B.E. et al. A comparison of ICD-11 and DSM criteria for posttraumatic stress disorder in two national samples of U.S. military veterans. *Journal of Affective Disorders*, 2017. Vol. 223, pp. 17–19. doi:10.1016/j.jad.2017.07.006

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvseмия@yandex.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник, Центр прикладных психолого-педагогических исследований, Московский государственный психолого-педагогический университет, (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and

*Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.*
Развитие потенциала посттравматического роста
как психологическая мишень подготовки
кандидатов в замещающие родители
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 195–215

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Developing the Potential of Post-traumatic Growth
as a Psychological Target for Training Candidates
for Substitute Parents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 195–215

Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: ma-ri505@mail.ru

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Получена 11.10.2023
Принята в печать 11.11.2023

Received 11.10.2023
Accepted 11.11.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности

Ильина О.Ю.

Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Туманова Л.В.

Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Статья посвящена проблеме обеспечения справедливости судебной защиты в аспекте единства правовых и психологических факторов. Судебная деятельность, являясь строго урегулированной процессуальными нормами, во многом обусловлена личностью судьи как носителя судебной власти. Обращено внимание на то, что при назначении судей мало внимания уделяется их психологическим особенностям; но практика показывает, что выявленные впоследствии недостатки в работе судьи обусловлены не только пробелами в знании правовых вопросов, но и отсутствием необходимых чисто психологических навыков либо особенностей личности судьи. Беспристрастность судьи не может быть обеспечена только правовыми нормами, это должна быть внутренняя готовность судьи противостоять пристрастиям и предубеждениям. Обращено внимание на необходимость разработки дополнительных программ по психологической подготовке судей. «Принцип ореола» и ложь в ходе судебного разбирательства могут существенно повлиять на законность и обоснованность судебного решения, а, следовательно, оно будет несправедливым. Психологическая наука разработала множество методик, которые могут помочь в распознавании лжи, в разрешении конфликтов, а также выработать способность противостоять попыткам влияния участников процесса на принятие судьей решений. Эти методики необходимо изучать в ходе профессиональной подготовки и переподготовки судей, ведь участники процесса довольно часто используют особенности личности судьи и приемы влияния, чтобы добиться благоприятного для себя результата. Положения и выводы статьи могут послужить основой для дальнейших научных исследований по психологии судебной деятельности.

Ключевые слова: судья, справедливость, беспристрастность, психологические особенности личности, ложь, предубеждения.

Для цитаты: Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 216–226. DOI:10.17759/psylaw.2023130415

Legal and Psychological Aspects of Judicial Fairness

Olga Yu. Ilyina

Tver State University, Tver, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Lidia V. Tumanova

Tver State University, Tver, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

The article is devoted to the problem of ensuring the fairness of judicial protection in the aspect of the unity of legal and psychological factors. Judicial activity, being strictly regulated by procedural norms, is largely determined by the personality of the judge as the bearer of judicial power. Attention is drawn to the fact that when appointing judges, little attention is paid to their psychological characteristics, but practice shows that the subsequently identified shortcomings in the work of a judge are due not only to gaps in knowledge of legal issues, but also to the lack of necessary purely psychological skills or personality traits of a judge. The impartiality of a judge cannot be ensured only by legal norms, it must be the inner readiness of a judge to resist bias and prejudice. Attention is drawn to the need to develop additional programs for the psychological training of judges. The "halo principle" and lying during a trial can significantly affect the legality and validity of a court decision, and therefore it will be unfair. Psychological science has developed many techniques that can help in recognizing lies, in resolving conflicts, and also develop the ability to resist attempts to influence the participants in the process to make decisions by the judge. These methods should be studied in the course of professional training and retraining of judges, because participants in the process quite often use the features of the personality of a judge and methods of influence in order to achieve a favorable result for themselves. The provisions and conclusions of the article can serve as a basis for further scientific research on the psychology of judicial activity.

Keywords: judge, justice, impartiality, psychological characteristics of personality, lie, prejudice.

For citation: Ilyina O.Yu., Tumanova L.V. Legal and Psychological Aspects of Judicial Fairness. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 216–226. DOI:10.17759/psylaw.2023130415 (In Russ.).

Введение

Справедливость является многогранным понятием и имеет толкование в самых различных аспектах, а в праве справедливость выступает общеправовым принципом. Но при этом нет четко сформулированной дефиниции, которая бы отражала сущность и признаки принципа справедливости. В зависимости от отрасли права и предмета исследования выделяют конкретные признаки. Так, в уголовном праве основное проявление принципа справедливости предполагает соразмерность наказания совершенному деянию и учет всех отягчающих и смягчающих обстоятельств. В административном судопроизводстве справедливость обусловливает принцип распределения обязанности по доказыванию в пользу «слабой» стороны, что предполагает возложение основного бремени доказывания на представителей власт-

ных структур, действия которых обжалует гражданин, а также активность суда. В гражданском и арбитражном процессе, напротив, справедливость предполагает состязательный характер процесса с равенством обязанностей сторон по доказыванию. При этом независимо от вида судопроизводства главным гарантом обеспечения принципа справедливости выступает суд, который должен принять законное и справедливое решение, используя свои полномочия и право на судебское усмотрение. Именно судья должен определить, какое наказание будет справедливым, с кем будет проживать несовершеннолетний ребенок, будет ли родитель лишен родительских прав, какое конкретно имущество получит каждый наследник, какие меры административного надзора следует применить, нуждается ли человек в принудительном лечении в психоневрологическом стационаре и многое другое.

Судья определяет справедливость на основе норм права, что может не всегда совпадать с субъективным пониманием справедливости конкретного человека. Можно привести самый простой пример такого несоответствия: по закону, если сделка должна быть заключена в простой письменной форме, в суде нельзя ссылаться на свидетельские показания (ч. 1 ст. 162 ГК РФ) [3]. А ведь в нашей жизни очень многие считают, что неловко попросить расписку у родственника или знакомого, но если такой должник не вернет деньги, то подтвердить в суде сделку будет невозможно. И суд вынесет решение, которое будет законным, но истец и многие другие сочтут его несправедливым.

Этот пример показывает, что справедливость — очень сложное понятие, имеющее субъективное восприятие, которое очень часто не совпадает со справедливостью, основанной на законе.

Надо учитывать, что справедливость содержит в себе и некоторый элемент несправедливости, что обусловлено правом, моралью, экономическими и другими факторами [4, с. 148—151]. Поступки людей в большинстве случаев бывают обусловлены именно субъективным пониманием справедливости, которое может для человека служить оправданием даже его противоправного поведения. Таким крайним проявлением субъективной справедливости являются поступки, продиктованные чувством мести, которое человек считает восстановлением справедливости.

Перефразируя определенным образом известную латинскую поговорку, можно сказать: что позволено простому человеку, не позволено судье. Действительно, мы часто не задумываемся о том, какое тяжкое бремя несет на своей мантии судья; его высокий статус дает ему право вершить правосудие и вменяет в обязанность обеспечивать справедливость каждого судебного решения. Идеальная ситуация — когда, покидая зал судебного заседания, потерпевший и подсудимый, истец и ответчик признают вынесенный судебный акт справедливым.

Но так бывает далеко не всегда в силу уже отмеченного субъективного восприятия справедливости. Гораздо опаснее, когда судебное решение является объективно несправедливым. Тому может быть много причин: недостаточная квалификация судьи, умелая фальсификация доказательств или, еще хуже, — наличие конфликта интересов или коррупционная составляющая.

Таким образом, для обеспечения справедливости судебного решения ключевым являются личность самого судьи, его независимость и беспристрастность и умение распознавать как умышленную, так и неумышленную ложь в процессе. Каждый из названных факторов имеет как правовую, так и психологическую составляющие.

Личность судьи как основной фактор справедливости судебного разбирательства

Назначение на должность судьи предполагает достаточно сложную процедуру отбора кандидатов, в том числе обязательность получения рекомендации соответствующей квалификационной коллегии судей. Участие органов судейского сообщества в процессе подбора кадров в той или иной степени имеет место во всех государствах, что отличает судебную власть от законодательной и исполнительной. Процесс получения рекомендации предполагает всестороннее изучение соответствия кандидата установленным в законе требованиям с учетом особенностей его личности. Но на практике основное внимание обращается на формальные требования, установленные в статье 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [5]. Эти требования условно можно подразделить на положительные и отрицательные. К положительным (тем, которые должны быть) относятся: возраст (не моложе 25 лет), высшее юридическое образование, стаж по юридической профессии не менее 5 лет, полная дееспособность, гражданство Российской Федерации и владение государственным языком. При этом у кандидата не должно быть другого гражданства или вида на жительство, счетов в зарубежных банках, заболеваний, препятствующих исполнению полномочий судьи, в том числе алкоголизма, наркомании и токсикомании, и, разумеется, судимости. Впервые назначаемые на должность судьи должны сдать квалификационный экзамен и пройти психологическую диагностику. Обобщающим все названные требования и отражающим смысл профессии судьи является требование безупречной репутации.

На первый взгляд, закон предусматривает все, но ведь личность человека гораздо многограннее, чем любые формальные показатели. Ученые-психологи выделяют различные классификации типов личности, с помощью которых можно прогнозировать поведение человека. Конечно, никто не может дать точного ответа сразу, подходит ли соответствующий психотип личности для судебной работы или нет, но определенные риски могут быть выявлены. То минимальное психологическое тестирование, которое проходит кандидат в судьи, не может дать полной картины его личности. Еще очень важно, что при дальнейших карьерных продвижениях судьи эти вопросы вообще остаются вне зоны контроля.

Безусловно важно определить результаты качества и оперативности рассматриваемых дел, но не менее важно подумать и о том, насколько даже очень хороший судья способен стать председателем суда, ведь для этого требуются совершенно другие личностные качества. Нельзя забывать и о таком явлении, как «профессиональное выгорание», которое на начальном этапе может заметить только специалист. Судья в своей деятельности испытывает колоссальные психологические нагрузки, почти постоянный стресс. Минимальны риски профессионального выгорания у тех судей, которым присущи оптимизм, вера в свои силы (а не самоуверенность), умение распределять свое время, что сейчас принято именовать «тайм-менеджментом», и многие другие качества, известные специалистам-психологам.

Для того чтобы выявить необходимые психологические качества личности судьи, недостаточно одного тестирования. Необходимо более длительное наблюдение. Условно необходимые психологические качества судьи можно классифицировать следующим образом: познавательные, коммуникативные, организационные, лингвистические, социально-гуманитарные. Каждая группа предполагает набор качеств, имеющих специфическое содержание именно для судебной деятельности [10]. Так, к познавательным в первую очередь следует отнести: наблюдательность, концентрацию внимания; память, аналитическое мышление. К основным коммуникативным качествам следует отнести: умение поддерживать психологический контакт; умение не просто слушать, а слышать; преодоление своего эмоционального

состояния. Судья — всегда организатор процесса, что предполагает умение не только эффективно распределять время, но и управлять ходом судебного заседания, преодолевать возможные конфликты между участниками процесса. На первый взгляд, лингвистические свойства судьи не являются определяющими, но на практике именно отличное владение устной и письменной речью является залогом того, что все участники процесса правильно поймут суть того, что происходило в ходе судебного заседания, а также содержание судебного решения не потребует последующего толкования и не вызовет сомнений в проверочных инстанциях. Но, как представляется, главными качествами, определяющими статус судьи, являются социально-гуманитарные, поскольку они объединяют такие понятия, как долг, совесть, гуманизм, справедливость, честь и достоинство.

Таким образом, чтобы судья мог осуществлять правосудие по буквальному смыслу этого слова, психологическая структура его личности, т. е. «совокупность социально-значимых свойств, качеств, позиций, алгоритмов действий и поступков, сложившаяся в течение жизни и определяющая его поведение и деятельность» [8, с. 145], должна соответствовать избранной профессии. Помимо этого, необходимо определить и мотивационную составляющую, причем не так формально, как сейчас — когда, завершая автобиографию, каждый кандидат пишет, почему он хочет стать судьей или занять соответствующую судебскую должность. Для этого нужны научно-обоснованные методики. Важно, чтобы на начальном этапе и сам кандидат осознал, насколько его личностные качества соответствуют судебной деятельности, чтобы потом не было разочарований.

Судебный процесс — это всегда определенный конфликт, поэтому способность к урегулированию конфликтов между участниками процесса выступает очень важным показателем профессионализма судьи [1], для чего недостаточно только правовых знаний, а нужны знания по конфликтологии и общей психологии. Однако эти знания не входят в обязательную часть обучения юристов и не проверяются в ходе квалификационного экзамена на должность судьи. Но именно это является более важным, поскольку изменить свойства своего характера, привычки не получится по «щелчку клавиши компьютера», как можно изменить взгляд на существо спора в случае новелл законодательства.

Личность судьи определяет, будет ли процесс по делу законным, а решение обоснованным и справедливым. Ю.А. Цветков, основываясь на своем судебском опыте, предложил интересную классификацию, выделив пять типов судей [12, с. 260—271]: судья режиссерского типа, судья менторского типа, судья статусного типа, судья конвейерного типа, судья следственного типа. Причем по каждому типу выявлены сильные и слабые стороны. Судья режиссерского типа тяготеет к театральным эффектам, что не всегда дает положительный результат, но при этом он способен в ходе судебного разбирательства поменять свою позицию. У судьи менторского типа преобладает воспитательный момент, при этом из его наставлений и напутствий можно сделать вывод об уже сформированной позиции по делу. Судья статусного типа демонстрирует свое особое положение; не снисходит до пояснений и документов, осознавая свою исключительность; может принять нестандартное решение. Судья конвейерного типа заботится о количестве рассмотренных дел, плохо переносит нестандартные ситуации. Судья следственного типа старается в буквальном смысле вести судебное следствие; у такого судьи есть шанс для обеих сторон быть услышанными, но при этом он допускает процессуальные нарушения. Приведенную классификацию, как и любую типологию, нельзя принимать как неоспоримую аксиому, но ценность определения типов личности судьи состоит в том, чтобы во время повышения квалификации, конференций и совещаний обращать внимание на эти особенности, чтобы судья мог «включить режим самоконтроля» и избежать

негативных последствий. Для этого необходим анализ личностных качеств всех судей, особенно в первые годы работы, когда формируется тот или иной стиль работы.

Правовая и психологическая характеристика беспристрастности судьи

Независимость и беспристрастность судьи являются важнейшими условиями справедливости судебной защиты, поэтому обеспечиваются многими законодательными гарантиями, но никакой закон не даст результата, если судья не обладает соответствующими качествами. Вот почему вызывает опасения наметившаяся в последние десятилетия тенденция назначения на должности судей работников аппаратов судов. Бесспорно, они обладают тем преимуществом, что знают судебное делопроизводство, сам процесс, внутреннюю организацию суда, но вот научились ли они принимать самостоятельные решения и действовать без оглядки на «старших», могут ли противостоять своим внутренним предубеждениям, большой вопрос. Независимость в большей степени формализована, и тем самым меньше заметно отсутствие у судьи этого внутреннего качества, поскольку он непосредственно сам совершает процессуальные действия и руководит процессом. Поэтому даже если какой-то судья все согласовал заранее, допустим, с председателем суда, это не будет очевидно для участников процесса. Сложнее обстоит с беспристрастностью. Можно утверждать, абсолютной беспристрастности не существует, поскольку это противоречит человеческой природе. Судья, как и любой человек, имеет свои убеждения и предпочтения, поэтому, хотя закон и требует беспристрастности (причем этот принцип присущ всем судебным системам), на самом деле судья должен «обеспечивать внешнее проявление беспристрастности при исполнении своих судебных функций» [9, с. 16]. И здесь уже не правовая, а чисто психологическая проблема. Лучшего совета, чем выразил А.С. Пушкин: «Учитесь властвовать собой...», дать трудно.

Вот только, как и где судье учиться, сказать трудно, поскольку специальных тренингов на эту тему практически нет. Хотя достаточно много исследований и специальных пособий о том, как манипулировать людьми, правда, в них есть и советы по приемам защиты. Со всевозможными манипуляциями и попытками воздействия на принятие решений каждый человек сталкивается многократно, но это приобретает особую опасность, если умелый манипулятор является участником судебного процесса и судья должен выдержать этот «бой».

Надо учитывать, что даже если нет умышленных манипуляций, подсознание часто само создает угрозу беспристрастности. В связи с этим можно упомянуть о двух таких психологических явлениях, как «эффект ореола» и «эффект красоты» [7, с. 209]. Эти эффекты основаны на чисто визуальном восприятии человека, причем это могут быть самые разные признаки, по которым судья либо начинает невольно испытывать симпатию к участнику процесса и доверие к его словам, либо наоборот. А красота всегда является мощным отвлекающим фактором. Вот от этих факторов и нужны приемы самозащиты для судей, которые может дать только психология.

Судья должен оценить все доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, поэтому очень важно, чтобы это убеждение формировалось свободно. Разумеется, внутреннее убеждение судьи должно основываться на законе, но закон является общим для всех, а применить его надо к каждому конкретному случаю [2, с. 241]. Поэтому следующий аспект, для которого беспристрастность имеет решающее значение, — это судейское усмотрение. Значительное число правовых норм уже непосредственно в тексте предполагает судейское усмотрение. Так, законодатель использует оценочные категории, например «тяжелое материальное положение», «жестокое обращение с ребенком» и многое другое. Очень важно судье не ожесточиться и в то же время не поддаться исключительно чувству жалости. Это очень сложно,

но если человек не способен преодолевать это или хотя бы минимизировать свои эмоции, то вряд ли он может быть беспристрастным судьей без дополнительной специальной подготовки.

Что касается правового аспекта беспристрастности, то это, скорее, меры, которые направлены на то, чтобы не вызывать сомнений у участников процесса, поэтому все процессуальные кодексы содержат основания к отводу судьи, связанные с той или иной возможной заинтересованностью судьи или опасностью того, что он уже сформировал свое мнение. Особое внимание уделяется возможному конфликту интересов, хотя чаще всего никакой реальной основы для такого конфликта нет. А относительно коррупционной составляющей, к сожалению, становится известно только при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении судьи.

Очень важно обратить основное внимание при назначении на должность судьи именно на психологическую сторону беспристрастности, а не на формально-правовую, когда судье может быть отказано в рекомендации на должность судьи только по тому основанию, что в этом регионе его родственник работает в прокуратуре или является адвокатом.

Особенности характера и поведения судьи нередко являются причиной того, что он не только может получить отвод по основанию нарушения беспристрастности, но и быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Современная тенденция фиксации всех моментов своей жизни и размещение этого в соцсетях, равно как и участие в каких-либо обсуждениях, даже просто отправленный «лайк» могут дать повод предполагать предвзятое отношение судьи к чему-то или кому-то или даже стать фактом умаления авторитета судебной власти. Характер человека трудно изменить, но контролировать свое поведение судья обязан, и для этого также существуют психологические тренинги, надо только самому осознать эту проблему.

Решение, которое вынесено судьей на основе его предубеждения или заблуждения относительно оценки сведений, полученных от участников процесса, является незаконным, необоснованным и несправедливым.

Проблема распознавания неискренности в ходе судебного разбирательства

Решение суда не может быть основано на личных знаниях и ощущениях самого судьи, выводы суда являются результатом исследования и оценки доказательств, которые предусмотрены в законе и должны быть получены в точном соответствии с ним. Но, как уже было отмечено, восприятие и оценка доказательств связаны непосредственно с особенностями личности судьи и его способности проявлять беспристрастность, т. е. преодолевать свои предубеждения — как отрицательные, так и позитивные. Не менее значимо для судьи умение распознавать ложь и противодействовать этому в ходе судебного разбирательства.

Казалось бы, все воспринимают ложь как негативное явление, при этом психологи во всем мире утверждают, что каждый человек ежедневно в той или иной ситуации говорит неправду. По степени, характеру и причинам ложную информацию можно подразделить на множество категорий и видов, есть даже такое устойчивое выражение — «ложь во спасение». Но применительно к судебной деятельности любая ложь способна привести к судебной ошибке, и хотя кто-то может искажать факты, полагая, что так будет восстановлена справедливость, на самом деле справедливость всегда только там, где установлена истина.

С опытом большинство судей приобретают способность распознавать ложь, тем более, что никогда все доказательства не могут быть ложными или сфальсифицированными, следовательно, выявляются определенные противоречия в показаниях одного участника процесса

объяснениям другого или каким-либо письменным материалам. Для судьи важно распознать ложь, но при этом не поддаваться необоснованным сомнениям в правдивости информации.

Американский психолог Пол Экман в своих работах предостерегает от ошибок «неверия правде» и «веры лжи» и от того, чтобы, заподозрив в обмане кого-либо, начать считать все слова и действия ложными [14, с. 229—237]. Такое предостережение особенно важно для судьи, ведь для многих участников процесса ложные показания могут послужить основой для привлечения их к уголовной ответственности. Конечно, самым негативным последствием того, что судья не сумел разобраться, где правда, а где ложь, является вынесение незаконного и необоснованного решения.

Очень важно понять характер и причины лжи в ходе разбирательства дела. Прежде всего судья должен учитывать особенности человеческой памяти, которая способна сохранять события в искаженной форме, а также «стирать» определенные факты. Да и само восприятие информации человеком во многом определяется его эмоциональным состоянием и способностью не просто смотреть, а видеть. (Это очень хорошо показано в рассказах о Шерлоке Холмсе на примере восприятия его и доктора Ватсона.) Поэтому ложные по сути показания свидетеля будут ничем иным, как его добросовестным заблуждением, в основе которого способность, а вернее, неспособность, наблюдать и запоминать.

Особые свойства восприятия были наглядно подтверждены психологическими экспериментами: «Нападение», когда все участники эксперимента совершенно по-разному описали как само нападение, так и число нападавших; «Ученый и убийца», где участникам были даны различные указания о том, кто изображен на фотографии, и в соответствии с этим получили совершенно различные описания одного и того же лица; «Обе белые», когда под влиянием ошибочного утверждения «подставных» участников, что черная пирамидка тоже белая, испытуемые тоже начали называть ее белой [13, с. 224—229]. Способом преодолеть «эффект белой пирамидки» в суде является правило о том, что свидетелей удаляют из зала судебного заседания и вызывают строго по одному. Однако нет гарантий, что они не обсуждали проблему, по которой вызваны в суд ранее, например в коридоре суда до приглашения в зал судебного заседания. Все это должен учитывать судья.

Сложнее, когда ложь является хорошо подготовленной, в этом случае судье необходимы специальные навыки распознавания лжи. Необходимо помнить, что слова обычно являются наиболее контролируемыми лжецом, в меньшей степени поддаются контролю жесты, позы, и чаще всего человека выдает его мимика. Поэтому судью необходимо обучить расшифровке скрытого смысла жестов, поз и мимики [6]. Особенность судебного процесса в том, что судья не может, как это происходит на уровне бытового общения, сказать участнику процесса: «Не верю!», — а тем более: «Это ложь». Необходимо подтвердить эту ложь, что достигается умело заданными вопросами, как относительно показаний самого участника процесса, так и в связи с другими доказательствами по делу. Когда судья не демонстрирует, что считает показания ложными, а напротив, как будто выражает доверие и спокойно задает уточняющие вопросы, лжец скорее допустит ошибку.

Оценивая степень правдивости показаний, судья должен проявлять особую беспристрастность, не поддаваться искушению делать выводы только по внешнему виду и приемам «поведения», ведь психологию поведения и методы управления людьми [11] изучают не только судьи, но и адвокаты, которые на этом основывают свою позицию по делу и стратегию защиты своего доверителя.

Невозможно искоренить ложь из человеческого общения, однако судья должен уметь ее распознавать и минимизировать негативные последствия всех ее проявлений, в том числе

неумышленной, и добросовестного заблуждения. Но, к сожалению, это то, чему не учат на юрфаках.

Выводы

Предлагаемое исследование имеет целью показать неразрывную связь психологии и права в сфере судебной деятельности. Судья как носитель судебной власти является человеком, и его личность уникальна, но при этом может быть определенными образом классифицирована с учетом особенностей темперамента, характера, познавательных и мыслительных способностей, памяти, коммуникативности и много другого. Все эти психологические черты личности иногда в большей степени, чем уровень его правовой подготовки, влияют на возможность в принципе осуществлять правосудие и качество работы в статусе судьи.

Справедливость, являясь процессуальным принципом, объективно основана на законности и обоснованности судебного решения, но в субъективном восприятии она связана с представлением каждого конкретного человека о добре и зле и соотношении деяния и возмездия или вознаграждения за него. От такого восприятия справедливости не свободен и судья, равно как и от возникающих предубеждений и невольных симпатий, поэтому беспристрастность судьи — это умение противостоять собственным личностным оценкам.

Все это обуславливает необходимость осуществлять отбор кандидатов на должность судьи с учетом его личности и психологической готовности к преодолению предвзятости. Разумеется, очень важна безупречная репутация, но сведения о ней зачастую носят формальный характер: справки о доходах, имуществе, характеристики с мест работы, что не дает никаких гарантий того, что судья окажется склонным к коррупционным поступкам, безразличным к тем, чьи судьбы решает, неспособным преодолевать свои пристрастия и антипатии.

Необходимы научно обоснованная программа психолого-юридической подготовки кандидатов на должности судей и изучение их личности. В программу квалификационного экзамена на должность судьи должны быть включены ролевые игры, которые бы позволяли выявить не только знание процессуальных норм, но и способность руководить ходом судебного заседания, разрешать конфликты, противостоять провокационному поведению участников процесса, проявлять навыки распознавания лжи.

Заслуживает внимания и содержание подготовки юридических кадров, нужна более серьезная психологическая составляющая, причем именно практической направленности.

Судья обладает очень широкими полномочиями, каждое решение, по сути, является итогом не просто применения норм права, а результатом мыслительного и психологического процесса. Несмотря на то, что все судьи руководствуются едиными процессуальными правилами, в зависимости от личности судьи процесс протекает по-разному, и во многом от судьи зависит, поверят ли участники процесса в справедливость судебного решения.

Опытные адвокаты стремятся изучить стиль работы и особенности личности судьи с тем, чтобы максимально обеспечить защиту прав и интересов своих клиентов. Судья должен помнить о «принципе ореола», поскольку его умело могут формировать опытные участники процесса.

Данное исследование имеет целью обозначить основные аспекты проблемы достижения справедливого и беспристрастного суда в единстве правовых и психологических проблем.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии: Учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 454 с.

2. *Большаков Е.В., Назаров И.Д.* Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): Монография. Иваново: Ивановский издательский дом, 2021. 172 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.04.2023).
4. *Зайцев С.А.* К вопросу о понятии справедливости // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 148–151.
5. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 18.03.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 15.04.2023).
6. *Мессинджер Ж.* Как читать людей. Расшифровка скрытого смысла 1000 жестов, поз и мимики. М.: РИПОЛ классик, 2022. 720 с.
7. *Пелехатый М., Спирица Е.* Боевое НЛП: техники и модели скрытых манипуляций и защиты от них. СПб: Питер, 2022. 256 с.
8. Психология оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. 391 с.
9. *Соловьев А.А.* Судейская этика: зарубежные модели правового регулирования: Монография. М.: Буки Веди, 2023. 240 с.
10. Судейская этика: Учебник / И.И. Аминов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 225 с.
11. *Темплар Р.* Правила управления людьми: Как раскрыть потенциал каждого сотрудника. М.: Альпина Паблишер, 2019. 236 с.
12. *Цветков Ю.А.* Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.
13. *Шавырина А.А.* Психологические эксперименты. Реальные истории. М.: АСТ, 2023. 320 с.
14. *Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб: Питер, 2018. 384 с.

References

1. Akhmedshin R.L. *Lektsii po pravovoi psikhologii: Uchebnoe posobie.* Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. 454 p. (In Russ.).
2. Bolshakov E.V., Nazarov I.D. *Eticheskie aspekty pravosudiya (filosofsko-pravovoe issledovanie): Monografiya.* Ivanovo: Ivanovskii izdatel'skii dom, 2021. 172 p. (In Russ.).
3. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya)* ot 30.11.1994 No. 51-FZ (red. ot 16.04.2022) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Accessed 15.04.2023). (In Russ.).
4. *Zaitsev S.A.* K voprosu o ponyatii spravedlivosti. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 1999, no. 4, pp. 148–151. (In Russ.).
5. *Zakon RF "O statuse sudei v Rossiiskoi Federatsii"* ot 26.06.1992 No. 3132-1 (red. ot 18.03.2023) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (Accessed 15.04.2023). (In Russ.).
6. *Messenger J.* *Kak chitat' lyudei. Rasshifrovka skrytogo smysla 1000 zhestov, poz i mimiki [Le dico illustré des gestes].* Moscow: RIPOL klassik, 2022. 720 p. (In Russ.).
7. *Pelekhaty M., Spiritsa E.* *Boevoe NLP: tekhniki i modeli skrytykh manipulyatsii i zashchity ot nikh.* Saint Petersburg: Piter, 2022. 256 p. (In Russ.).

8. Psikhologiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti: Uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2023. 391 p. (In Russ.).
9. Solovyev A.A. Sudeiskaya etika: zarubezhnye modeli pravovogo regulirovaniya: Monografiya. Moscow: Buki Vedi, 2023. 240 p. (In Russ.).
10. Aminov I.I. et al. Sudeiskaya etika: Uchebnik. 3rd ed. Moscow: YuNITI-DANA, 2023. 225 p. (In Russ.).
11. Templar R. Pravila upravleniya lyud'mi: Kak raskryt' potentsial kazhdogo sotrudnika [The Rules of People: A personal code for getting the best from everyone]. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 236 p. (In Russ.).
12. Tsvetkov Yu.A. Iгры, v kotorye igrayut sud'i. Dekonstruksiya pravosudiya i sudebnoi deyatel'nosti v paradigme pravovogo realizma: Monografiya. Moscow: YuNITI-DANA, 2023. 383 p. (In Russ.).
13. Shavyrina A.A. Psikhologicheskie eksperimenty. Real'nye istorii. Moscow: AST, 2023. 320 p. (In Russ.).
14. Ekman P. Psikhologiya lzhi. Obmani menya, esli smozhesh' [Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage]. Saint Petersburg: Piter, 2018. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ильина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан, юридический факультет, заведующий, кафедра гражданского права, Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Туманова Лидия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедра судебной власти и правоохранительной деятельности, юридический факультет, Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Information about the authors

Olga Yu. Ilyina, Doctor of Law, Professor, Dean, Faculty of Law, Head, Department of Civil Law, Tver State University, Tver, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-9712>, e-mail: ilina.oy@tversu.ru

Lidia V. Tumanova, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Judiciary and Law Enforcement, Faculty of Law, Tver State University, Tver, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2438-7428>, e-mail: tumanova.lv@tversu.ru

Получена 02.05.2023
Принята в печать 11.09.2023

Received 02.05.2023
Accepted 11.09.2023

Конформизм, социальные нормы и налоговый комплайенс

Демин А.В.

Сибирский федеральный государственный университет (ФГАОУ ВО СФУ), г. Красноярск,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2535-2016>, e-mail: demin2002@mail.ru

В статье анализируется влияние социальных норм на налоговый комплайенс. Социальные нормы автор определяет как сложившиеся в обществе и усвоенные индивидом стандарты поведения неправового характера, которым люди следуют вследствие того, что они получают либо большее внутреннее удовлетворение от поступков, которые считают правильными, либо из-за одобрения со стороны окружающих. Автор приходит к выводу, что конформизм и оценка со стороны социума выступают мощным драйвером решений, которые принимаются налогоплательщиками. Социальная идентичность человека — важный фактор налогового комплайенса. В этом контексте налоговые обязательства не существуют в социальном вакууме. Социальная, культурная и институциональная среда, в которой налогоплательщик живет и работает, его взаимодействие с другими людьми и организациями оказывают существенное влияние на налоговый комплайенс. Поэтому, если налогоплательщик убежден, что все (или большинство) людей считают нормой не платить налоги, он с большей вероятностью будет поступать таким же образом. И, напротив, если налогоплательщик уверен, что окружающие, как правило, добросовестно выполняют свои налоговые обязательства, он с большей вероятности будет соблюдать налоговый комплайенс.

Ключевые слова: налог, налогообложение, налоговое право, налоговый комплайенс, психология, социальные нормы, конформизм.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00080 «Налоговый комплайенс и правовые средства его обеспечения».

Для цитаты: *Демин А.В.* Конформизм, социальные нормы и налоговый комплайенс [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 227–236. DOI:10.17759/psylaw.2023130416

Conformity, Social Norms and Tax Compliance

Alexander V. Demin

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2535-22016>, e-mail: demin2002@mail.ru

The article analyzes the impact of social norms on tax compliance. The author defines social norms as standards of non-legal behavior that have been established in society and assimilated by an individual, which people follow due to the fact that they receive either greater inner satisfaction from actions that they consider correct, or because of approval from others. The author comes to the conclusion that conformity and evaluation by society are a powerful driver of decisions made by taxpayers. A person's social identity is an important factor of tax compliance. In this context, tax liabilities do not exist in a social vacuum. The social, cultural and institutional environment in which a taxpayer lives and works, his interactions with other people and organizations have a significant impact on tax compliance. Therefore, if a taxpayer is convinced that all (or most) people consider it the norm not to pay taxes, he is more likely to do the same. And, on the contrary, if a taxpayer is confident that others, as a rule, faithfully fulfill their tax obligations, they are more likely to comply with tax compliance.

Keywords: tax, taxation, tax law, tax compliance, psychology, social norms, conformism.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-011-00080 “Tax Compliance and Legal Ways for Its Maintaining”.

For citation: Demin A.V. Conformity, Social Norms and Tax Compliance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 227–236. DOI:10.17759/psylaw.2023130416 (In Russ.).

Введение

Каждая налоговая система сталкивается с угрозой девиаций. Поэтому вопросы надлежащего исполнения налоговых обязательств актуальны для любой страны — независимо от исторических традиций, политической и правовой организации, уровня национальной экономики, культурной и религиозной специфики, и т. д. В этом контексте *максимизация налогового комплаенса* относится к фундаментальным задачам любой налоговой системы, не исключая Россию.

Обеспечить налоговый комплаенс — первоочередная функция каждой налоговой системы. На этом пути трудно найти простые и очевидные решения. «Налоговый комплаенс является одним из самых больших препятствий, с которыми сталкиваются налоговые администрации при мобилизации доходов, — констатирует Джулия Масканьи. — Это связано с тем, насколько массово граждане соблюдают налоговое законодательство или, наоборот, насколько массово они уклоняются от уплаты налогов. Налоговый комплаенс оказывает очевидное влияние на уровень сбора налогов: чем ниже уровень комплаенса, тем меньше доходы, собираемые правительством. Тем не менее, комплаенс также важен в контексте налогового администрирования. Когда его уровень невысок, правительство вынуждено прибегать к принуждению и агрессивному правоприменению для увеличения доходов. Эти методы сбора налогов весьма затратны для налоговых администраций, особенно в странах с низким уровнем доходов. Кроме того, они продуцируют отношения между гражданами и государством, основанные на страхе и силе, игнорируя присутствующий в социуме фискальный контракт, лежащий в основе уплаты налогов» [15, p. 273].

Вопросы, которые возникают перед исследователем налогового комплаенса, весьма сложны и неоднородны. Почему одни лица платят налоги, а другие нет? Какие факторы провоцируют налогоплательщиков нарушать закон в ситуации альтернативного выбора? Как по-

высить уровень налогового комплаенса и сократить налоговый разрыв? Какие методы и стратегии наиболее выигрышны в противодействии налоговым девиациям? Каково влияние глобализации, цифровой, информационной и технологической революций на налоговый комплаенс? Действительно ли обязанность платить налоги нужно рассматривать как чисто правовой вопрос, лишенный всякого морально-этического, психологического или социального контекста? Возможен ли отход от традиционно иерархического, административно-командного стиля управления налогами в сторону партнерских отношений между налоговыми органами и налогоплательщиками, и если возможен — то в какой степени? Какие инструменты способны помочь регуляторам в решении этой задачи?

Это лишь часть вопросов, возникающих перед исследователем налогового комплаенса. Они относятся к разряду «извечных», на протяжении десятилетий составляя мейнстрим зарубежных наук, так или иначе связанных с налогообложением. Для поиска ответов важно распознать и проанализировать те драйверы в человеческом поведении, которые заставляют налогоплательщиков — на индивидуальном уровне или на уровне групповом — делать выбор, добросовестно уплатить налоги или намеренно уклониться от их уплаты. В числе таких факторов в последние годы пристальное внимание привлекают социальные нормы, оказывающие воздействие на принятие заинтересованными лицами налоговозначимых решений.

Основная часть

Налоговый комплаенс — концептуальное понятие, наиболее часто встречающееся в зарубежной литературе по налоговому праву и налогообложению. В самом общем виде, англоязычный термин «tax compliance» можно перевести как надлежащее выполнение налогоплательщиками и иными участниками налоговых отношений, за исключением представителей государства, своих налоговых обязательств. «Налоговый комплаенс, — заключают Амина Ахмед и Саня Кедир, — суть готовность налогоплательщика соблюдать налоговые нормы для достижения экономической устойчивости своей страны» [1, р. 7].

Налоги — *источник жизненной силы* государства, они позволяют реализовать его функционально-целевое предназначение. Налоги имеют огромное значение для всей нашей жизни, — от «... влияния на индивидуальные решения отдельных лиц до формирования экономических явлений, политических сил и институциональной структуры общества в целом» [14, р. 638].

При этом уклонение от уплаты налогов — извечная проблема любого правопорядка, которая всегда была, есть и будет. «Любая система налогообложения сталкивается с налоговыми правонарушениями, учитывая финансовые и другие стимулы к некомплаенсу, — констатирует Леандра Лидерман. — Ведь услуги, предоставляемые государством, как правило, настолько отдалены от уплаты налогов, что отдельным гражданам трудно увидеть выгоды, которые они получают. Кроме того, поскольку большинство налогов выполняет функцию перераспределения, многие граждане получают меньше публичных благ, чем платят в виде налогов. Даже те, кто получает чистую выгоду от уплаты налогов, могут предпочесть уменьшенные или менее дорогостоящие выплаты в обмен на более низкие налоги. Более того, учитывая огромное количество налогоплательщиков, любой человек может разумно сделать вывод, что его выгоды не уменьшатся, если он вовсе не будет вносить свою долю в бюджет — классическая проблема “безбилетника”» [12, р. 1454—1455]. Поэтому каждая страна вынуждена искать ответ на вопрос о том, как повысить налоговый комплаенс?

В традиционных подходах исходят из постулата, что человек платит налоги лишь из-за страха перед вероятными материальными потерями, связанными с обнаружением правона-

рушения и наказанием. Отсюда логично вытекает, что улучшить налоговый комплаенс можно лишь наращиванием налогового контроля и ответственности, чтобы убедить потенциальных нарушителей в том, что некомплаенс — нерациональная стратегия с точки зрения последствий.

Вместе с тем, налоговый комплаенс требуется рассматривать в более широком контексте, учитывая не только чисто юридические переменные, но также социальные и психологические факторы. «Здравый смысл и повседневные наблюдения говорят нам о том, что люди воздерживаются от совершения налоговых правонарушений ... не только из-за страха перед возможными санкциями, но и по причинам, связанным с социальными и моральными соображениями» [16, р. 649—650].

С точки зрения рационального *homo economicus*, риск неблагоприятных последствий из-за махинаций с налогами маловероятен. Однако во всех юрисдикциях, даже наименее благополучных с точки зрения сбора налогов, налоговый некомплаенс не поднимается до уровней, прогнозируемых чисто экономическим анализом. Весьма значительное число налогоплательщиков — и граждан, и организаций, — систематически и в полном объеме исполняют свои налоговые обязательства вне зависимости от негативных организационных и правовых стимулов, применяемых регуляторами. «Подавляющее большинство граждан готовы платить налоги, — обоснованно утверждают Эрик Кирхлер, Эрик Хельцль и Ингрид Валь. — Они считают законность налоговой системы само собой разумеющимся фактом. Они верят в общие цели правительства и платят свою справедливую долю, не рассматривая возможности избежать или уклониться от уплаты налогов» [9, р. 211]. В свою очередь, Хэнк Эльферс весьма образно замечает, что «... мрачная картина массового уклонения от уплаты налогов — это фантом», так как большая часть доходов собирается без драконовской системы принуждения [7, р. 185].

В целом же, на отношение налогоплательщиков к налоговому комплаенсу влияет множество факторов, которые в конечном итоге и определяют налоговозначимое поведение субъектов. В этом контексте Сагит Левинер подчеркивает: «Человеческое поведение многогранно, и на него влияет множество факторов, включая желание соблюдать социальные нормы, быть честными гражданами, избегать психологического стресса, вызванного общением с налоговыми органами, исправить предполагаемую несправедливость налоговой системы. В контексте налогообложения отношение налогоплательщиков к государственным учреждениям, этике, морали и социальным нормам, а также воспринимаемая справедливость налоговой системы — все это в значительной степени способствует формированию [налоговозначимого] поведения. Более того, практика правоприменения как таковая всегда более сложна, чем просто комбинации возможных проверок и санкций» [13, р. 405, 425].

Почему комплаенсное поведение в сфере налогообложения превалирует над некомплаенсным? Эмпирические данные свидетельствуют об ограниченном потенциале принудительного воздействия на налогоплательщика, а также о наличии иных, причём весьма многочисленных мотиваций и драйверов, обеспечивающих налоговый комплаенс. Последние принято подразделять на экономические (монетарные) и неэкономические (немонетарные). Последние рассматриваются в рамках такого научного направления, как «поведенческая экономика» (*behavioural economics*), которая характеризуется применением к экономике методов других социальных наук, таких как социология, антропология и особенно психология [4, р. 2]. Разумеется, степень выраженности таких факторов и их влияние могут различаться от страны к стране и от одной категории налогоплательщиков к другой.

Одним из драйверов, оказывающих влияние на выбор налоговозначимого поведения, выступают *социальные нормы*, т. е. сложившиеся в обществе и усвоенные индивидом стандарты поведения неправового характера.

В гуманитарных науках социальные нормы традиционно определяются как неформальные правила или обязательства, которым люди чувствуют себя обязанными следовать, несмотря на отсутствие формальных юридических санкций, но из-за того, что неповиновение может подвергнуть их санкциям со стороны окружающих (обычно в форме неодобрения, неуважения или даже остракизма), или потому, что они будут чувствовать вину за некомплаенс (так называемая *интернализованная норма*).

По мнению Рассела Коробкина и Томаса Улена, социальные нормы суть социальные установки, которые определяют, какое поведение является надлежащим для каждого участника социальных взаимодействий [10, p. 1127].

«Социальные нормы, — констатируют Ван Дейк и Мартен Сигле, — можно рассматривать как моральные стандарты, присущие референтной группе, например, на уровне семьи, друзей, рода занятий, этнической принадлежности или страны в целом. Социальные нормы влияют на налоговый комплаенс сложным образом, и их влияние может быть относительно велико» [20, p. 764].

Иными словами, социальные нормы — это правила, которым люди следуют вследствие того, что они получают либо большее внутреннее удовлетворение от поступков, которые считают правильными, либо из-за одобрения со стороны окружающих.

Социальная идентичность человека — важный фактор налогового комплаенса. На каждого из нас влияет поведение других лиц, нам важно видеть и оценивать себя глазами окружающих. В этом контексте налоговые обязательства не существуют в социальном вакууме. Человек — существо социальное. Поэтому конформизм и оценка со стороны социума выступают мощным драйвером налоговозначимого поведения. «Поведение при уплате налогов — это коллективный процесс, при котором информация, опыт, отношения и модели поведения распространяются среди налогоплательщиков, влияя на ... соблюдение ими налоговых норм» [13, p. 407].

Социальная, культурная и институциональная среда, в которой налогоплательщик живет и работает, его взаимодействие с другим людьми и организациями оказывают существенное влияние на налоговый комплаенс, что последовательно подтверждается эмпирическими данными о различиях в поведении стран с похожими налоговыми системами (например, налоговые ставки, ставки аудита и штрафные ставки), но с разной социальной и институциональной средой [3, p. 295].

Соблюдение социальных норм обычно предполагает желание ответить взаимностью на хорошее поведение других лиц или послать позитивный сигнал окружающим. При этом социальные нормы принято классифицировать на индивидуальные, групповые и общенациональные.

Индивидуальные нормы для человека имеют «внутреннюю» природу и определяются моральными соображениями, личными качествами, воспитанием, ценностной ориентацией индивида и т. п. «Личные нормы включают в себя индивидуальное чувство правильного и неправильного» [18, p. 627]. Здесь важны личные убеждения отдельного налогоплательщика в отношении долга, честности и гражданства [6, p. 1479].

Групповое поведение, рассматриваемое, в том числе в рамках «social interactions theory», основано на конформизме: если большинство членов социальной группы (родственной, дружеской, профессиональной, конфессиональной и проч.), с которой идентифицирует себя

налогоплательщик, уклоняются от уплаты налогов и не осуждают (а зачастую — одобряют) такую девиацию, то и он, с большей долей вероятности, будет следовать общей тенденции. И наоборот.

На *национальном уровне*, нормы становятся культурными стандартами, которые при определенных условиях находят отражение в действующем законодательстве. Многие авторы утверждают, что доверие к политическому руководству и налоговой администрации стимулирует добровольный комплаенс при установлении благоприятных национальных норм [9, р. 218].

Итак, нормы определенной социальной группы влияют на поведение людей, которые идентифицируют себя с этой группой. Для каждого из нас важно выглядеть в глазах окружающих добропорядочным членом социума, мы так или иначе стремимся избежать *социального ostracизма*. Поэтому мы не хотим отличаться в своем поведении от большинства людей, даже если не разделяем всеобщий консенсус в оценке некоторых поступков.

В контексте налогового комплаенса весьма значима метафора «социальной нормы налогового комплаенса», понятие которой было разработано в результате научных изысканий в области психологии налогообложения. Вот как описывает ее Джон Элстер: «Социальная норма представляет собой модель поведения, которая единообразно оценивается другими людьми и которая частично поддерживается социальным одобрением или неодобрением. Иными словами, социальная норма — это неформальное правило поведения, которому люди следуют по причинам, отличным от страха перед юридическими санкциями. Следовательно, если другие ведут себя в соответствии с какой-то социально принятой нормой поведения, то индивидуум будет вести себя надлежаще; если другие так себя не ведут, то индивидуум ответит тем же» [8, р. 49].

В некоторых социальных группах (и даже на уровне национального менталитета) может преобладать убежденность, что не платить налоги — это круто, что платят налоги только лгуны и идиоты. Если такая позиция становится «доминирующей социальной нормой», она способна самым существенным образом провоцировать налоговый некомплаенс.

Поэтому, если налогоплательщик убежден, что все (или большинство) людей считают нормой не платить налоги, он с большей вероятностью будет поступать таким же образом. И, напротив, если налогоплательщик уверен, что окружающие, как правило, добросовестно выполняют свои налоговые обязательства, он с большей вероятности будет соблюдать налоговый комплаенс. Поэтому государство должно, с одной стороны, всемерно поддерживать налогоплательщиков, которые добросовестно исполняют свои налоговые обязательства, а с другой — неотвратимо преследовать «безбилетников», стремящихся получить свою часть публичных услуг от государства, не оплачивая их в виде налогов. В идеале, налоговые и социальные нормы должны быть скоординированы и взаимно дополнять друг друга.

Люди, подчеркивает Джеймс Альм, всегда находятся под влиянием социального контекста, в котором — и в процессе которого — они принимают решения [2, р. 359]. Для налогоплательщика как социального существа важно не чувствовать себя «белой вороной» среди окружающих. Оценка и самооценка безусловно важны в этом контексте. Каждый из нас в большей степени готов платить налоги, будучи уверен, что и все остальные также их уплачивают. И, напротив, безнаказанность «безбилетников» подрывает у добросовестных налогоплательщиков веру в справедливость налоговой системы. «Никто не хочет быть болваном, который платит налоги в то время, когда все остальные вокруг ездят бесплатно» [11, р. 50].

В конце концов налогообложение опирается на принцип этической взаимности (*ethical reciprocity*): люди охотнее исполняют свои публичные обязательства, если они уверены, что

и остальные поступают так же. «Глядя на социальные взаимодействия, можно утверждать, что поведение других налогоплательщиков имеет большое значение для понимания налогового комплаенса, — констатирует Бруно Торглер. — Люди платят свои налоги во многом в зависимости от просоциального поведения других налогоплательщиков. Они более охотно платят налоги, если считают честными и других людей. Степень, в которой окружающие вносят свой вклад в виде налогов, вызывает большее или меньшее желание сотрудничать с налоговыми органами, а также безусловно влияет на готовность вносить свой вклад» [19].

Полевые эксперименты, проведенные Сесиль Базар и Орели Бонен наглядно продемонстрировали, что любой налогоплательщик будет менее склонен исполнять свои налоговые обязательства, если он считает, что другие не уплачивают справедливую долю налогов [5].

Эти тезисы справедливы для любой области права, связанной с наличием обязанностей перед обществом. Однако в сфере налогообложения их усиливает крайне легкомысленное отношение к налоговым обязательствам. Янг-дал Сонг и Тинсли Э. Ярбро замечают: «Типичный налогоплательщик, считает уклонение от уплаты налогов лишь немного более серьезным, чем “кража велосипеда”» [17, р. 445]. Люди не воспринимают неуплату налогов как грубое правонарушение, стоящее в одном ряду с кражей и мошенничеством. К налоговым преступлениям, особенно со стороны малообеспеченных категорий населения, весьма лояльно общественное мнение. Поэтому многие законопослушные в целом граждане, которые никогда не позарились бы на чужое имущество, могут с легкостью уклоняться от исполнения налоговых обязательств под предлогом, что «все так делают» или «это мои честно заработанные доходы, почему я должен (или должна) отдавать их государству».

В зарубежной литературе по фискальной социологии существует даже весьма любопытный концепт «эпидемия некомплаенса» (*non-compliance epidemic*). В рамках этого концепта презюмируется, что неуплата налогов, подобно любой другой социально-психологической девиации, если ее не пресекать негативными и позитивными стимулами, носит «заразный» характер, «передаваясь» от человека к человеку. Тем самым нарастающая тенденция налогового некомплаенса, подобно раковой опухоли, может прогрессировать, постепенно распространяясь на всё большую часть населения. В этом контексте можно предложить гипотезу о существовании особой налоговой субкультуры с ее собственным набором неписаных правил и положений.

Следует также заметить, что социальные нормы, как и налоговая мораль, не являются статичной величиной, но постоянно эволюционируют и не всегда прогрессивно. Поэтому налоговый комплаенс способен то повышаться за счет позитивного социального давления со стороны окружающих, принимающего облик «социальной стигматизации» (*social stigmatisation*), то, наоборот, ухудшаться из-за широко распространяющейся позиции о том, что не платить налоги — это вполне нормально и одобряемо.

Заключение

Выявление факторов, побуждающих налогоплательщиков соблюдать налоговые нормы, весьма непростая задача. Вместе с тем, разработка успешной налоговой политики во многом определяется пониманием объективных и субъективных предпосылок, причин и драйверов поведения налогоплательщиков. Лишь выяснив *побудительные мотивации* всех участников налоговых взаимодействий, можно сформировать и внедрить в практику действительно эффективные модели налогового администрирования. Чем лучше мы будем понимать поведение налогоплательщиков, тем легче будет на это поведение влиять.

В этом контексте психологические и социальные факторы, обуславливающие выбор налоговозначимого поведения со стороны частных лиц, важно учитывать при формировании налоговой политики и оптимизации текущих моделей налогового администрирования.

Расширение стандартной модели сдерживания путем включения в нее неэкономических (социальных, психологических) факторов и переменных позволяет существенно расширить набор средств, методов и инструментов для эффективной налоговой политики. Поэтому налоговое принуждение всегда следует дополнять средствами позитивного стимулирования к налоговому комплаенсу. Лишь такие *регуляторные комбинации* способны продуцировать долгосрочные кумулятивные эффекты в части повышения уровня налогового комплаенса на индивидуальном, групповом и национальном уровнях.

Несмотря на то, что у современных налоговых систем много общих аспектов, не существует некоей универсальной и унифицированной системы управления налогами и налоговым комплаенсом, которая применялась бы повсеместно. В любом случае государственным регуляторам нужно искать разумный баланс между применением контрольных инструментов и принудительного воздействия, с одной стороны, и доверительными коммуникациями с налогоплательщиками — с другой.

Литература

1. Ahmed A., Kedir S. Tax Compliance and Its Determinant the Case of Jimma Zone, Ethiopia // International Journal of Research in Social Sciences. 2015. Vol. 6(2). P. 7–21.
2. Alm J. What Motivates Tax Compliance? // Journal of Economic Surveys. 2019. Vol. 33(2). P. 353–388. doi:10.1111/joes.12272
3. Alm J. et al. New Technologies and the Evolution of Tax Compliance // Virginia Tax Review. 2020. Vol. 39(3). P. 287–356.
4. Alm J. et al. Can Behavioral «Nudges» Improve Compliance? The Case of Colombia Social Protection Contributions // Games. 2019. Vol. 10(4). P. 43–65. doi:10.3390/g10040043
5. Bazart C., Bonein A. Reciprocal Relationships in Tax Compliance Decisions // Journal of Economic Psychology. 2014. Vol. 40(1). P. 83–102. doi:10.1016/j.joep.2012.10.002
6. Doran M. Tax Penalties and Tax Compliance // Harvard Journal on Legislation. 2009. Vol. 46(1). P. 111–161.
7. Elffers H. But Taxpayers do Cooperate! // Cooperation in Modern Society: Promoting the Welfare of Communities, States and Organizations / M. Van Vught, M. Snyder, T.R. Tyler, A. Biel (eds). London, UK: Routledge, 2000. P. 184–194.
8. Elster J. The Cement of Society: A Study of Social Order. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989. 311 p.
9. Kirchler E. et al. Enforced versus Voluntary Tax Compliance: The “Slippery Slope” Framework // Journal of Economic Psychology. 2008. Vol. 29(2). P. 210–225. doi:10.1016/j.joep.2007.05.004
10. Korobkin R.B., Ulen T.S. Law and Behavioral Science: Removing the Rationality Assumption from Law and Economics // California Law Review. 2000. Vol. 88(4). P. 1051–1144. doi:10.2307/3481255
11. Lavoie R. Patriotism and Taxation: The Tax Compliance Implications of the Tea Party Movement // Loyola Law Review. 2011. Vol. 45(1). P. 39–86.
12. Lederman L. The Interplay Between Norms and Enforcement in Tax Compliance // Ohio State Law Journal. 2003. Vol. 64(6). P. 1454–1455. doi:10.2139/ssrn.391133

13. *Leviner S.* A New Era of Tax Enforcement: From “Big Stick” to Responsive Regulation // *University of Michigan Journal of Law Reform*. 2009. Vol. 42(2). P. 381–429. doi:10.1111/j.1748-5991.2008.00039.x
14. *Long S.B., Swingen J.A.* Taxpayer Compliance: Setting New Agendas for Research // *Law and Society Review*. 1991. Vol. 25(3). P. 637–683. doi:10.2307/3053731
15. *Mascagni G.* From the Lab to the Field: A Review of Tax Experiments // *Journal of Economic Surveys*. 2018. Vol. 32(2). P. 273–301. doi:10.1111/joes.12201
16. *Sandmo A.* The Theory of Tax Evasion: A Retrospective View // *National Tax Journal*. 2005. Vol. 58(4). P. 649–650. doi:10.17310/ntj.2005.4.02
17. *Song Y.D., Yarbrough T.E.* Tax Ethics and Taxpayer Attitudes: A Survey // *Public Administration Review*. 1978. Vol. 38(5). P. 442–452. doi:10.2307/975503
18. *Thomas K.D.* The Psychic Cost of Tax Evasion // *Boston College Law Review*. 2015. Vol. 56(2). P. 617–670.
19. *Torgler B.* Tax Morale and Compliance: Review of Evidence and Case Studies for Europe. The World Bank, 2011. 82 p. doi:10.1596/1813-9450-5922
20. *van der Hel - van Dijk L., Siglé M.* Managing Compliance Risks of Large Businesses: A Review of the Underlying Assumptions of Co-operative Compliance Strategies // *eJournal of Tax Research*. 2015. Vol. 13(3). P. 760–783.

References

1. Ahmed A., Kedir S. Tax Compliance and Its Determinant the Case of Jimma Zone, Ethiopia. *International Journal of Research in Social Sciences*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. P. 7–21.
2. Alm J. What Motivates Tax Compliance? *Journal of Economic Surveys*, 2019. Vol. 33, no. 2, pp. 353–388. doi:10.1111/joes.12272
3. Alm J. et al. New Technologies and the Evolution of Tax Compliance. *Virginia Tax Review*, 2020. Vol. 39, no. 3, pp. 287–356.
4. Alm J. et al. Can Behavioral «Nudges» Improve Compliance? The Case of Colombia Social Protection Contributions. *Games*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 43–65. doi:10.3390/g10040043
5. Bazart C., Bonein A. Reciprocal Relationships in Tax Compliance Decisions. *Journal of Economic Psychology*, 2014. Vol. 40, no. 1, pp. 83–102. doi:10.1016/j.joep.2012.10.002
6. Doran M. Tax Penalties and Tax Compliance. *Harvard Journal on Legislation*, 2009. Vol. 46, no. 1, pp. 111–161.
7. Elffers H. But Taxpayers do Cooperate! In M. Van Vught, M. Snyder, T.R. Tyler, A. Biel (eds). *Cooperation in Modern Society: Promoting the Welfare of Communities, States and Organizations*. London, UK: Routledge, 2000, pp. 184–194.
8. Elster J. *The Cement of Society: A Study of Social Order*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989. 311 p.
9. Kirchler E. et al. Enforced versus Voluntary Tax Compliance: The “Slippery Slope” Framework. *Journal of Economic Psychology*, 2008. Vol. 29, no. 2, pp. 210–225. doi:10.1016/j.joep.2007.05.004
10. Korobkin R.B., Ulen T.S. Law and Behavioral Science: Removing the Rationality Assumption from Law and Economics. *California Law Review*, 2000. Vol. 88, no. 4, pp. 1051–1144. doi:10.2307/3481255
11. Lavoie R. Patriotism and Taxation: The Tax Compliance Implications of the Tea Party Movement. *Loyola Law Review*, 2011. Vol. 45, no. 1, pp. 39–86.

12. Lederman L. The Interplay Between Norms and Enforcement in Tax Compliance. *Ohio State Law Journal*, 2003. Vol. 64, no. 6, pp. 1454–1455. doi:10.2139/ssrn.391133
13. Leviner S. A New Era of Tax Enforcement: From “Big Stick” to Responsive Regulation. *University of Michigan Journal of Law Reform*, 2009. Vol. 42, no. 2, pp. 381–429. doi:10.1111/j.1748-5991.2008.00039.x
14. Long S.B., Swingen J.A. Taxpayer Compliance: Setting New Agendas for Research. *Law and Society Review*, 1991. Vol. 25, no. 3, pp. 637–683. doi:10.2307/3053731
15. Mascagni G. From the Lab to the Field: A Review of Tax Experiments. *Journal of Economic Surveys*, 2018. Vol. 32, no. 2, pp. 273–301. doi:10.1111/joes.12201
16. Sandmo A. The Theory of Tax Evasion: A Retrospective View. *National Tax Journal*, 2005. Vol. 58, no. 4, pp. 649–650. doi:10.17310/ntj.2005.4.02
17. Song Y.D., Yarbrough T.E. Tax Ethics and Taxpayer Attitudes: A Survey. *Public Administration Review*, 1978. Vol. 38, no. 5, pp. 442–452. doi:10.2307/975503
18. Thomas K.D. The Psychic Cost of Tax Evasion. *Boston College Law Review*, 2015. Vol. 56, no. 2, pp. 617–670.
19. Torgler B. Tax Morale and Compliance: Review of Evidence and Case Studies for Europe. The World Bank, 2011. 82 p. doi:10.1596/1813-9450-5922
20. van der Hel - van Dijk L., Siglé M. Managing Compliance Risks of Large Businesses: A Review of the Underlying Assumptions of Co-operative Compliance Strategies. *eJournal of Tax Research*, 2015. Vol. 13, no. 3, pp. 760–783.

Информация об авторах

Демин Александр Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор, кафедра предпринимательского, конкурентного и финансового права, Юридический институт, Сибирский федеральный университет (ФГАОУ ВО СФУ), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2535-2016>, e-mail: demin2002@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Demin, Doctor of Law, Docent, Professor, Department of Business, Competition and Financial Law, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2535-2016>, e-mail: demin2002@mail.ru

Получена 30.01.2022
Принята в печать 30.01.2023

Received 30.01.2022
Accepted 30.01.2023

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

Безопасность и благополучие детей социально уязвимых категорий

Уважаемые читатели! Вашему вниманию представляется специальный выпуск журнала «Психология и право» на тему «Безопасность и благополучие детей социально уязвимых категорий», который содержит результаты выполнения Московским государственным психолого-педагогическим университетом государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации.

В фокусе внимания — психологические и правовые аспекты благополучия и безопасности детей, относящихся к категории социально уязвимых, к числу которых относятся: дети — жертвы насилия и жестокого обращения; дети, разлученные с родителями вследствие лишения последних родительских прав; молодые люди — выпускники организаций для детей-сирот и замещающих семей; дети, проживающие на территории военных конфликтов.

В одних статьях рассматриваются личностные ресурсы и особенности, связанные с условиями жизни, опыт работы, в других — анализируются законодательные, инфраструктурные, организационные аспекты нормализации жизни детей.

Проблема насилия и жестокого обращения с детьми актуальна для всех стран, которые создают свои модели профилактики и помощи несовершеннолетним жертвам насилия и свидетелям этих противоправных действий, основанные на межведомственной и полипрофессиональной деятельности. Признанной с доказанной эффективностью является организационная модель Барнахус (Barnahus), реализуемая в Скандинавских странах. Анализ этого международного опыта сегодня может дать продуктивные идеи при выстраивании в России системной модели помощи несовершеннолетним жертвам.

Одна из болезненных тем сегодня — это отображение ребенка у родителей, неясность оснований ограничения и лишения родителей родительских прав (в 2022 г. 25452 родителей лишены родительских прав, 11094 — ограничены в родительских правах, число детей, отобранных при непосредственной угрозе их жизни и здоровью — 1626 человек). Специалисты органов опеки работают сегодня в новых условиях (последствия пандемии, СВО, принятие законов о запрете на смену пола, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, предпочтений и педофилии). Перед специалистами поставлена задача сократить число неправомерных решений органов опеки и попечительства через ясные и четкие критерии и процедуры работы органов опеки. Ребенок должен жить в кровной семье — этому праву ребенка способствует рассмотрение дел о сепарации ребенка через призму традиционных семейных, духовно-нравственных ценностей.

Выпуск из организации для детей-сирот и приемной семьи, переход в совершенно новую социальную ситуацию развития, в рамках которой они впервые начинают выступать в качестве субъекта своей самостоятельной жизни, — это поворотное стрессовое событие в биографии молодых людей. Ежегодно начинают новую жизнь около 6 тысяч выпускников из институциональной системы и 40 тысяч из замещающих семей. Социально-уязвимой категории молодых людей, переходу их в самостоятельную жизнь посвящены две статьи. Проблемы

успешности в новой жизни раскрываются через оценку субъективного благополучия молодых людей, через ресурсы, связанные с эмоциональным интеллектом.

На протяжении последних 30 лет количество детей, живущих в зонах военных конфликтов, увеличилось почти вдвое и составляет 1,7 млрд детей (68% от всего детского населения Земли). Военные действия имеют тяжелые последствия для ментального здоровья граждан всех возрастов, но дети особенно уязвимы, ведь им не обязательно даже находиться на территории военных конфликтов, достаточно, чтобы их отцы принимали участие в военных действиях и получили посттравматическое стрессовое расстройство, которое оказывает влияние и на их детей.

Исследование, проведенное на выборке более 13 тысяч выпускников, привело к ожидаемым результатам — особенностям переживаемых стрессов, так и к предположению о том, что нормализация жизни подростков с позиции восстановления детской инфраструктуры, повышения квалификации специалистов, работающих с детьми, наличия перспектив в будущей жизни (льготы на образование) могут снижать степень психологической травматизации.

Все темы специального выпуска предназначены для большой аудитории специалистов в области защиты детства, исследователей детства, и мы надеемся, что они будут полезны и сподвигнут некоторых из них к публикации материалов, основанных на собственном опыте или исследованиях.

Журнал выходит перед Новым годом, хочется пожелать всем здоровья, интереса к научным исследованиям, творческой работы и оставаться читателями, а, возможно, и авторами, журнала в следующем году.

С уважением,

Семья Галина Владимировна,

доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВО МГППУ,

член Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства, член Экспертного совета Комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства;

член Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;

член Экспертного совета Министерства просвещения Российской Федерации по вопросам опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних;

Почетный работник сферы воспитания детей и молодежи Министерства просвещения Российской Федерации.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

Модели организации помощи детям, пострадавшим от насилия (зарубежный опыт)

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Борисенко Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Число детей — жертв криминального насилия и злоупотребления в России с каждым годом увеличивается. Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, а также оказание помощи таким детям — жертвам криминального насилия требует участия разных ведомств и специалистов разных профессий. Организация их эффективного взаимодействия требует управления и координации. В статье представлен опыт зарубежных стран, демонстрирующий позитивные результаты работы центров, осуществляющих координацию межведомственной и полипрофессиональной деятельности. Одной из успешных организационных форм является модель Barnahus. Сравнительный анализ внедрения этой модели в странах Скандинавии и Финляндии показывает, что ведущую роль в ней могут играть полиция, социальные или медицинские службы, финансирование может быть государственным или муниципальным, т.е. варианты реализации могут быть разными, однако они объединены идеей осуществления всех функций в одном учреждении, работающем по общим стандартам эффективности. Знакомство с такой практикой полезно для продуктивной организации межведомственного взаимодействия при работе с ребенком — жертвой насилия в России.

Ключевые слова: дети, жертвы насилия, следственные действия, помощь потерпевшим, Barnahus, модель оказания помощи.

Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В.
Модели организации помощи детям,
пострадавшим от насилия (зарубежный опыт)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 239–251

Dozortseva E.G., Borisenko E.V.
Models of Organization of Assistance
for Child Victim of Violence (Foreign Experience)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 239–251

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.02.2023 № 073-00038-23-01 «Анализ социально-психологических, психолого-педагогических технологий сопровождения несовершеннолетних, пострадавших от правонарушений, насилия либо жестокого обращения или ставших свидетелями таких противоправных действий, разработка и апробация комплексных методических материалов для специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Для цитаты: *Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В.* Модели организации помощи детям, пострадавшим от насилия (зарубежный опыт) [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 239–251. DOI:10.17759/psylaw.2023130417

Models of Organization of Assistance for Child Victim of Violence (Foreign Experience)

Elena G. Dozortseva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Elena V. Borisenko

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

The number of child victims of criminal violence and abuse in Russia is increasing every year. The investigation of crimes committed against minors, as well as the provision of assistance to such children, requires the participation of different departments and specialists of different professions. The organization of their effective interaction requires management and coordination. The article presents the experience of foreign countries, demonstrating the positive results of the work of centers that coordinate interdepartmental and multi-professional activities. One successful organizational form is the Barnahus model. A comparative analysis of the implementation of this model in the countries of Scandinavia and Finland shows that the leading role in it can be played by the police, social or medical services. Funding can be state or municipal, i.e. implementation options may vary, but they are united by the idea of performing all functions in one institution operating to common standards of performance. Familiarity with this practice is useful for the productive organization of interdepartmental interaction when working with a child who is a victim of violence in Russia.

Keywords: children, victims of violence, investigative actions, assistance to victims, Barnahus, model of assistance.

Funding. The reported study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 08.02.2023 No. 073-00038-23-01 “Analysis of socio-psychological, psychological and pedagogical technologies for the support of minors who have suffered from offenses, violence or abuse or who have witnessed such illegal actions, development and testing of comprehensive methodological materials for specialists of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency”.

For citation: Dozortseva E.G., Borisenko E.V. Models of Organization of Assistance for Child Victim of Violence (Foreign Experience). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 239–251. DOI:10.17759/psylaw.2023130417 (In Russ.).

Введение

Проблема насилия и злоупотребления в отношении детей в России становится все более острой. Статистика свидетельствует о росте количества преступлений, потерпевшими от которых были признаны несовершеннолетние с 90,4 тысяч в 2020 г. до 103,2 тысяч в 2022 г. (+14,2%) [14]. На 44% увеличилось с 2010 по 2021 г. число сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних [13]. Соответственно увеличивается число самих несовершеннолетних, пострадавших от криминальных действий. В 2022 г. оно составило 113,3 тысяч человек [14]. Изменяются и расширяются формы преступных действий. Так, преступления сексуального характера в отношении детей в последние годы все чаще совершаются с использованием сети Интернет.

В нашей стране обнаружение случая криминального насилия, физического и/или сексуального, совершенного в отношении ребенка, запускает цепь действий, которые осуществляются разными государственными ведомствами и службами местного самоуправления. Их деятельность представляет собой параллельные процессы, идущие в двух направлениях и решающие разные задачи: расследование преступления и оказание помощи пострадавшему ребенку. Эти процессы не являются изолированными и в целом ориентированы на защиту ребенка от преступных посягательств [5; 10; 11]. Так, первым ведомством, получающим информацию о совершении противоправных действий, является МВД и местный отдел полиции. В дальнейшем расследованием преступления занимается, как правило, соответствующее территориальное управление Следственного комитета. Одновременно решается вопрос о защите ребенка и оказании помощи ему и, при необходимости, его семье. Эту задачу решают органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), службы социальной защиты и здравоохранения, а также в ряде случаев некоммерческие общественные организации (НКО) [4; 6; 9; 12]. Несколько лет назад законодательно была усилена роль педагогов и, в особенности, психологов в следственном процессе с участием несовершеннолетних потерпевших [3]. Силами общественных организаций формулируются протоколы межведомственного взаимодействия [8]. Однако единого алгоритма организации и координации процесса работы с пострадавшим ребенком в стране нет. В некоторых регионах ведущую роль берут на себя социальные службы, в других описанные процессы не имеют конкретных организаторов. Необходимость унификации алгоритма работы с пострадавшим ребенком становится все более актуальной [1; 2]. В связи с этим полезно обратиться к международному опыту и прежде, чем строить собственную модель, используя имеющийся российский потенциал, рассмотреть уже реализованные в мире возможности.

Методология и методы исследования

В качестве методов исследования были использованы следующие.

- Система поиска публикаций релевантных заданному тексту. Поиск проводился по научным базам данных. Для подбора наиболее актуальных и объективных публикаций, посвященных моделям организации помощи детям, пострадавшим от насилия, были выделены ключевые слова на русском и английском языках:
 - 1) «жертвы насилия» («victims of violence»);
 - 2) «следственные действия» («investigative actions»);
 - 3) «помощь потерпевшим» («assistance to victims»);
 - 4) «Barnahus» («Barnahus»);
 - 5) «модель оказания помощи» («model of assistance»).
- Анализ и синтез названий, содержания аннотаций и текста статей.
Базой для исследования послужили 20 статей, посвященных зарубежному опыту организации помощи детям, пострадавшим от насилия.
Был изучен опыт европейских стран, подробно были проанализированы и описаны системы помощи детям в Исландии, Швеции, Норвегии и Дании.

Результаты анализа европейского опыта построения модели помощи детям — жертвам насилия

Впервые центры по защите детей от насилия возникли в конце 1970-х годов в США и с тех пор их сети функционируют в каждом штате страны. В сотрудничестве с научными организациями на основе проведенных исследований созданы стандарты эффективной практики помощи детям и следствию [3]. Однако в рамках данной статьи нас будут интересовать модели организации помощи детям, пострадавшим от насилия, реализованные в европейских странах с 2000-х годов, так как именно там мы можем наблюдать разнообразие вариантов в рамках общего подхода. Этот подход представлен в модели Barnahus (в переводе с исландского — «Дом детей»), разработанной в Исландии и в дальнейшем получившей распространение и развитие вначале в Скандинавии, а затем и в других европейских государствах. Основная идея и миссия этой структуры состоит в координации ответственности и функций служб, работающих с ребенком — жертвой насилия. Рассмотрим построение Barnahus в разных странах со свойственной каждой из них спецификой традиций и организации.

Исландия [16]. Первый Barnahus был организован в 1998 г. по инициативе Правительственного Агенства по защите Ребенка (GACR), председателем которого и основателем Barnahus является В. Guðbrandsson. В разработанной им и его коллегами модели учреждения для работы с детьми — жертвами насилия соединились разработки и опыт проведения следственного опроса несовершеннолетних в американских центрах по защите детей, с одной стороны, и традиции служб социальной защиты Исландии — с другой. Barnahus обеспечивает ребенку дружественную среду для следственных опросов, проводимых специалистами, получившими подготовку в этой области (включая написание заключения и представление показаний в суде без участия несовершеннолетних потерпевших), медицинское обследование и терапевтические услуги. Barnahus может быть также использован службами социального обеспечения (опеки) для проведения первичных опросов детей в случаях подозрения на насилие. Перед проведением следственного опроса организуется совещание представителей разных ведомств (опеки, полиции, специалиста, проводящего опрос, координаторов из Barnahus), ориентированных как на уголовное расследование, так и на исследование дела со стороны органов опеки. Затем они могут наблюдать за опросом ребенка по видеосвязи из расположенного рядом помещения. Для обеспечения прав обвиняемого его адвокат также может присоединиться к этому наблюдению и через специалиста по опросу задавать вопросы опрашиваемому ребенку.

Основной целевой группой исландской модели Barnahus стали дети младше 15 лет, подвергшиеся сексуальному или физическому насилию. Материалы их опроса передаются в суд, и сами они не должны повторно давать показания в суде. Полиция может также выбрать Barnahus для получения свидетельских показаний от несовершеннолетних потерпевших в возрасте от 15 до 18 лет, но эти подростки обязаны впоследствии представить свои показания повторно во время основного слушания в суде.

Специального законодательства, регулирующего деятельность Barnahus, в Исландии нет, однако Уголовно-процессуальным кодексом предписано проведение опроса детей в специально оборудованных для этих целей помещениях подготовленными профессионалами. Это предписание обычно трактуется судами как обязывающее проводить опрос детей до 15 лет в Барнахусе.

Работа Barnahus финансируется ГАСР. Служба опеки оплачивает небольшую часть расходов на терапевтические услуги. Все ведомства, связанные с Барнахусом, самостоятельно финансируют своих сотрудников, участвующих в конкретных делах о насилии в отношении детей.

Одна из важных функций, выполняемых Barnahus под эгидой ГАСР, заключается в создании стандартов и нормативов практики для служб опеки, а также в обучении специалистов, в том числе сотрудников полиции, проведению опросов детей в соответствии с методиками с доказанной эффективностью. Сотрудниками Barnahus проводятся тренинги для психологов и психотерапевтов по терапии, фокусированной на травме, для работы с детьми и их семьями.

Швеция [16; 19]. В отличие от Исландии, где функционирует один Barnahus, обслуживающий всю страну, в Швеции эта модель организации была внедрена по инициативе министерства юстиции в качестве пилотного проекта в 2006 г. одновременно в шести городах. Реализация проекта была поручена государственной межведомственной координационной группе с участием прокуратуры, полиции, национальному совету по здравоохранению и социальной защите и национальному совету по судебной медицине. Однако в настоящее время, после выполнения проекта, регуляция деятельности Barnahus на государственном уровне отсутствует. В то же время число региональных организаций значительно возросло, и в настоящее время более 20 центров, различающихся по размерам, характеру организации и финансированию, обслуживают 160 из 290 шведских муниципалитетов. Как и в других странах, в рамках шведского Barnahus координируются две параллельные линии расследования с разными целями: уголовное расследование предполагаемого преступления, проводимое прокурором и полицией, и расследование опеки для определения необходимости защиты и поддержки ребенка. Общая цель этой модели Barnahus — улучшить качество этих двух расследований, а также защиты и психосоциальной поддержки пострадавших детей. В соответствии со стандартами кооперация организуется между полицией, прокурором, службами социальной защиты детей (опека, социальные службы), педиатрами и детскими психиатрами. Сотрудники Barnahus, в первую очередь, играют роль координаторов, что включает в себя прием и сопровождение ребенка и сопровождающих его лиц, вызов соответствующих специалистов из разных ведомств на консультативную встречу и совместное заслушивание следственного опроса ребенка, проведение консультативных совещаний и обеспечение того, что координация параллельных расследований выполняется надлежащим образом. При этом персонал Barnahus не несет ответственности ни за одно из двух параллельных расследований, но может принимать в них участие в качестве консультантов для службы опеки. Основной целевой группой являются дети и подростки до 18 лет, подвергшиеся насилию, однако помимо нее работа ведется с несовершеннолетними, которые прямо или косвенно были свидетелями насилия, а также с детьми, которые совершили сексуальное злоупотребление в отношении других детей.

Использование Barnahus в Швеции с правовой точки зрения не является обязательным, однако нормативными документами устанавливается ответственность органов опеки (социальной защиты) за установление и поддержание сотрудничества между ведомствами. Местные отделения Barnahus финансируются по большей части муниципальными службами опеки, а их персонал состоит преимущественно из социальных работников и психологов. Сотрудничающие ведомства вносят свой вклад в ресурсы путем предоставления специалистов, технического оборудования и т. п., что часто регулируется соглашением о сотрудничестве или контрактом. Региональные отделения объединяются в национальную сеть Barnahus, координация деятельности которой осуществляется некоммерческой организацией Save the Children Sweden и сотрудничающим с ней Национальным центром компетенций в области работы с насилием в отношении детей (Barnafrid).

Норвегия [16]. Первый норвежский Barnahus был организован в 2007 г. в Бергене, в настоящее время 11 отделений Barnahus действуют во всех регионах страны. Процессом создания Barnahus руководили Министерство юстиции и общественной безопасности, а также Директорат полиции. Специфика норвежской модели заключается в большем акценте на следственном процессе, хотя обеспечение детей и их семей необходимой поддержкой и лечением также предусмотрено в самом Barnahus или в других ведомствах. В дополнение к персоналу Barnahus в работе участвуют такие ключевые ведомства, как полиция и прокуратура, а также юридические представители ребенка и подозреваемый. Службы опеки допускаются к процессу, но формально не являются частью коллаборативной модели. Они могут наблюдать за проведением следственного опроса как сторона в случае, касающемся благополучия ребенка, и могут быть вызваны в Barnahus для оценки риска и срочного помещения ребенка в учреждение защиты.

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Норвегии, Barnahus должен быть использован для проведения следственных опросов детей до 16 лет, а также с другими особенно уязвимыми потерпевшими и свидетелями в случаях сексуального насилия и злоупотребления, прямого или косвенного физического насилия. Законодательство регулирует и обязанности сотрудников Barnahus: специалисты должны принять ребенка, участвовать в консультативных совещаниях, наблюдать за проведением следственных опросов, консультировать полицейских, проводящих опросы, поддерживать несовершеннолетнего и предлагать необходимую терапию ребенку и его семье. Персонал Barnahus, который включает в себя социальных работников и терапевтов, обычно клинических психологов, должен быть компетентным в вопросах, касающихся особенностей детей, в том числе имеющих интеллектуальный дефицит и другие особые потребности.

Координацией деятельности Barnahus в Норвегии занимается Директорат полиции по поручению Министерства полиции и общественной безопасности. Кроме того, действует Национальный комитет Barnahus, члены которого представляют ведомства, включенные в реализацию модели: Директорат полиции, Директорат здравоохранения, Директорат по делам детей, молодежи и семьи, Национальная администрация судов и полицейские округа. Примечательно, что службы опеки в комитете не представлены.

Barnahus организован как отдельная единица в рамках полицейского округа, в котором он размещается, а его персонал составляют гражданские служащие полицейского ведомства. Финансирование региональных отделений также ведется через полицейские округа, а Barnahus в Осло — непосредственно из бюджета центрального правительства.

Дания [16]. Проведенная в стране в 2013 г. правовая реформа устанавливала, кроме прочего, обязанность датских муниципалитетов организовать Barnahus в каждом регионе для удовлетворения потребности всех детей и молодых людей в случаях подозрения или выявления

насилия либо сексуального злоупотребления. В настоящее время действуют 5 отделений, реализующих датскую модель Barnahus.

Правовое регулирование деятельности Barnahus осуществляется на основе положений нормативных документов, составляющих «Пакет помощи при злоупотреблении» (2013). Он ввел обязательное для муниципальных служб опеки использование Barnahus при расследовании случаев о подозрении или информации о злоупотреблении в отношении несовершеннолетнего до 18 лет, в которые также включался хотя бы один из двух секторов: полиция или медицинские службы. Barnahus также должен был использоваться тогда, когда требовалось соблюдение правил профессиональной конфиденциальности. В случаях привлечения Barnahus медикам, полиции и службам опеки было разрешено делиться между собой информацией без согласия родителей или опекунов. Часть названного выше пакета законов составляет специфический закон, определяющий правовое положение Barnahus, а также его задачи и обязанности. Этот закон постулирует, что в подобных делах Barnahus имеет право и обязан помогать местным службам опеки в их расследовании проблем благополучия ребенка.

Barnahus финансируется муниципалитетами, его персонал состоит из работающих на постоянной основе служащих муниципалитета, на территории которого он расположен. Персонал Барнахуса имеет опыт работы с проблемами насилия в отношении детей и состоит преимущественно из социальных работников и психологов. Над каждым случаем они работают как мультипрофессиональная команда.

Работу Barnahus курирует и супервизирует Национальный совет социальных служб Дании. Он обеспечивает административную поддержку, профессиональную помощь и равное качество услуг, предоставляемых разными муниципальными отделениями, реализующими модель Barnahus.

Обсуждение моделей организации служб

Сравнительный анализ описанных выше первых четырех вариантов модели Barnahus показывает, что при общем понимании целей этих центров, призванных координировать и оптимизировать юридическую и социальную стороны работы с ребенком, пострадавшим от криминального насилия, их организация и особенности функционирования могут существенно различаться. Так, инициаторами создания Barnahus во всех странах выступали правительственные органы, однако в зависимости от того, были ли это Министерства юстиции или полиции (Швеция, Норвегия) или правительственные структуры социальной защиты (Исландия, Дания), зависел больший или меньший акцент на следственных процедурах или на оказании помощи ребенку. Соответственно, среди ведомств — участников работы с ребенком — ведущие места занимали полиция и прокуратура либо опека и социальные службы. При этом сотрудники самого Barnahus во всех случаях представляли две профессиональные категории — социальных работников и психологов (в том числе клинических). Различались правовые основы создания Barnahus. Посвященные ему самостоятельные законодательные акты были приняты только в одном случае (Дания), тогда как в остальных деятельности Barnahus касались лишь отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса и актов социальных служб. Финансирование Barnahus осуществлялось либо центральными государственными структурами (Исландия, Норвегия), либо передавалось на уровень муниципалитетов (Швеция, Дания). Курацией и супервизией качества деятельности Barnahus занимаются либо правительственные органы (Исландия, Норвегия), либо неправительственные и общественные объединения (Швеция, Дания).

Следует отметить, что типичным для работы с ребенком — жертвой насилия является сочетание деятельности правоохранительных органов и социальных служб. При этом меньшее внимание уделяется медицинской составляющей этой работы. Несмотря на то, что стандартами оказания помощи ребенку в Швеции и Дании предписано привлечение представителей здравоохранения (в том числе, например, в Швеции — педиатров и детских психиатров), на практике оказание медицинских услуг, обследование и лечение, в рамках Barnahus, нередко сталкивается с трудностями, так как эти центры не являются медицинскими организациями и не располагают необходимыми условиями.

В плане сочетания медицинских, социальных услуг и проведения следственных действий интерес представляют особенности организации модели Barnahus в Финляндии [16]. Процесс ее создания, начавшийся в 2014 г., еще не завершен, но находится на этапе завершения проекта, запланированного на 2019—2025 гг. Пилотный проект под названием LASTA был начат в г. Турку на базе Университетского госпиталя при координации Национального института здоровья и благополучия с экспертной поддержкой судебно-психиатрического отделения для детей и подростков и отделения социальной педиатрии. На национальном уровне пилотный проект управлялся Министерством социальной защиты и здравоохранения, Министерством внутренних дел и Советом национальной полиции, а также Министерством юстиции и офисом Генерального прокурора. Пилотный проект был сходен с моделью Barnahus, но основывался не на создании нового физического отделения или центра, а на организации связей и использовании существующей профессиональной сети более интегрированным образом. Для этого была разработана и апробирована межведомственная форма оценки риска для сбора информации по случаям подозреваемого насилия в отношении ребенка, о которых было сообщено в полицию. Таким образом, в оригинальной финской модели междисциплинарного сотрудничества объединяются полиция, прокурор, судебные психологи, сотрудники опеки, врачи соматической практики и психиатры, работники школ и дошкольных образовательных учреждений, детских медицинских клиник. В перспективе будет создана оригинальная модель Barnahus с созданием региональных центров лучших практик и поддержки лиц, нуждающихся в специальном сопровождении и помощи, а также для детей и подростков с тяжелыми симптомами. Предполагается, что эти центры объединят службы в области психического здоровья и зависимостей для детей и подростков, специалистов служб опеки, а также детско-подростковой судебно-психиатрической экспертизы [17; 18].

В других странах модели координации подобного типа могут строиться на базе иных служб и общественных объединений.

Так, в ФРГ регулирующую и координирующую роль выполняет Управление по делам молодежи (Jugendamt), а функции сопровождения ребенка часто возлагаются на волонтеров некоммерческой общественной организации «Белое кольцо» [7].

В канадской провинции Квебек сообщения о подозрении на насилие в отношении ребенка вначале передается в круглосуточно функционирующую Дирекцию по защите молодежи (DPJ). Позже случаи, касающиеся сексуального насилия, поступают в некоммерческую организацию — Фонд и Центр поддержки Marie-Vincent, в котором осуществляются как полицейские мероприятия, так и оказание психосоциальной и психотерапевтической помощи. Особенность этого центра заключается в том, что он проводит обучение специалистов, а также научные изыскания на базе межуниверситетской кафедры исследования сексуальной агрессии [20].

Немаловажное значение имеют и международные объединения служб, поддерживающие распространение наиболее эффективных стандартов работы с детьми, пострадавшими от

насилия. Примером такого объединения может служить европейская сеть распространения модели Barnahus PROMISE, объединяющая организации из десятков стран [15].

Заключение

Проведенный выборочный анализ служб, работающих с жертвами насилия и злоупотребления, показывает, что возможны различные конфигурации и варианты координирующих такую деятельность структур, а также составы ее участников. Практика показывает, что оптимально действуют службы, способные объединить под одной крышей выполнение двух основных функций — расследование правоохранительными органами преступления в отношении ребенка и оказание ребенку и, при необходимости, его семье различных видов помощи и поддержки — социальной, психологической, медицинской. Взять на себя ведущую роль могут различные ведомства. С нашей точки зрения, более уместными в этом качестве выглядят социальные службы и службы опеки, однако не исключены и другие возможности.

Нам представляется, что знакомство с опытом организации центров поддержки детей, пострадавших от насилия, может дать импульс для анализа аналогичных проблем и возможностей в России, а в дальнейшем — развития собственных служб и методов работы подобного типа, что позволит улучшить помощь российским детям.

Литература

1. Волкова Е.Н., Исаева О.М. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: Монография. Н. Новгород, 2015. 290 с.
2. Григович И.Н. Синдром жестокого обращения с ребенком. Диагностика. Помощь. Предупреждение. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2012. 184 с.
3. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 23–31. doi:10.17759/chp.2017130304
4. Кучегашева П.П., Кубанцева А.П., Орешкина Н.В. Психолого-педагогическая реабилитация детей, подвергшихся насилию и жестокому обращению, в рамках реализации комплекса мер «Мир начинается с семьи» на территории Волгоградской области [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № 3. С. 78–86. doi:10.17759/bpre.2020170307
5. Луковцева З.В., Кулажина Д.Р. Актуальные проблемы профилактики жестокого обращения с детьми [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63794 (дата обращения: 16.11.2023).
6. Мирсагатова М.Н. Система межведомственного взаимодействия при выявлении детей «группы риска» и реабилитации детей, пострадавших от насилия // Межведомственное взаимодействие и социальное партнерство по защите детей, пострадавших от семейного насилия: Научно-методическое пособие / Под ред. Н.И. Абубикировой, А.А. Каревой, Е.А. Потаповой. М., 2003. С. 155–172.
7. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: Монография (пособие для электронного учебно-методического комплекса) / Под ред. Е.Г. Дозорцевой, Г.В. Семья М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 421 с.
8. Протокол межведомственного взаимодействия по оказанию помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения. СПб: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям», 2010. 108 с.

9. *Русакова М.М., Одинокова В.А., Изотова М.Х.* Актуальные вопросы защиты детства в Санкт-Петербурге: профилактика суицидального поведения и насилия, участие детей в принятии решений как условие эффективности профилактики: Методические рекомендации. СПб: Скифия-принт, 2019. 82 с.
10. Сексуальное насилие и эксплуатация детей: выявление, оказание помощи и профилактика: Научно-методическое пособие / Под ред. М.М. Русаковой, В.А. Одиноковой. СПб: Скифия-Принт, 2020. 293 с.
11. Социально-психологическая помощь детям — жертвам семейного насилия: Сборник научно-методических материалов / Под общ. ред. Н.Н. Ершовой. М.: Полиграф сервис, 2005. 124 с.
12. *Ткачева О.Ю.* Экстренная социально-психологическая помощь детям в ситуации суицидального поведения, жестокого обращения и чрезвычайных ситуаций в образовательном пространстве города Перми: опыт МБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2018. Том 15. № 1. С. 32–39. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2018_n1/Tkacheva_2 (дата обращения: 18.08.2023).
13. *Фролова М.* Почти вдвое в России выросло число сексуальных преступлений против детей [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1448672/mariia-frolova/pochti-vdvoe-v-rossii-vyroslo-chislo-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 18.08.2023).
14. *Штурма Я.* Опасность и возраст: в России увеличилось число преступлений против детей [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/opasnost-i-vozzrast-v-rossii-uvelichilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 18.08.2023).
15. Child-friendly centre for abuse victims [Электронный ресурс] // PROMISE. Barnahus Network. URL: <https://www.barnahus.eu/en/> (дата обращения: 18.08.2023).
16. Collaborating Against Child Abuse: Exploring the Nordic Barnahus Model / S. Johansson, K. Stefansen, E. Bakketeig, A. Kaldal (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 384 p. doi:10.1007/978-3-319-58388-4
17. Barnahus project [Электронный ресурс] // Finnish Institute for Health and Welfare. URL: <https://thl.fi/en/web/thlfi-en/research-and-development/research-and-projects/barnahus-project> (дата обращения: 18.08.2023).
18. Ensuring child-friendly justice through the effective operation of the Barnahus-units in Finland [Электронный ресурс] // Council of Europe. Int. URL: <https://www.coe.int/en/web/children/finland-barnahus> (дата обращения: 18.08.2023).
19. *Landberg A., Svedin C.G.* A Quality Review of 23 Swedish Barnahus [Электронный ресурс] // Childnub org. URL: <https://childhub.org/en/child-protection-online-library/quality-review-23-swedish-barnahus> (дата обращения: 18.08.2023).
20. Prevention for young children. Educate to protect [Электронный ресурс] // Marie-Vincent Foundation. URL: <https://marie-vincent.org/en/services/> (дата обращения: 18.08.2023).

References

1. Volkova E.N., Isaeva O.M. Rebenok i nasilie: diagnostika, predotvrashchenie i profilaktika: Monografiya. Nizhny. Novgorod, 2015. 290 p. (In Russ.).
2. Grigovich I.N. Sindrom zhestokogo obrashcheniya s rebenkom. Diagnostika. Pomoshch'. Preduprezhdenie. Moscow: Natsional'nyi fond zashchity detei ot zhestokogo obrashcheniya, 2012. 184 p. (In Russ.).

3. Dozortseva E.G., Krasavina A.G. Pravila provedeniya doprosov nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot prestuplenii: izmeneniya v sledstvennoi praktike [Interviewing Child Victims of Crime: Changes in Investigative Practices] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 23–31. doi:10.17759/chp.2017130304 (In Russ.).
4. Kuchegasheva P.P., Kubantseva A.P., Oreshkina N.V. Psikhologo-pedagogicheskaya reabilitatsiya detei, podvergnutyykh nasiliyu i zhestokomu obrashcheniyu, v ramkakh realizatsii kompleksa mer “Mir nachinaetsya s sem’I” na territorii Volgogradskoi oblasti [Psychological and Pedagogical Rehabilitation of Children Subjected to Violence and Abuse as Part of the Implementation of the Set of Measures “The World Begins with the Family” in the Volgograd Region] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 78–86. doi:10.17759/bppe.2020170307 (In Russ.).
5. Lukovtseva Z.V., Kulazhina D.R. Aktual’nye problemy profilaktiki zhestokogo obrashcheniya s det’mi [Actual problems of child abuse prevention] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63794 (Accessed 16.11.2023).
6. Mirsatatova M.N. Sistema mezhvedomstvennogo vzaimodeistviya pri vyyavlenii detei «gruppy riska» i reabilitatsii detei, postradavshikh ot nasiliya. In Abubikirova N.I., Kareva A.A., Potapova E.A. (eds.). *Mezhvedomstvennoe vzaimodeistvie i sotsial’noe partnerstvo po zashchite detei, postradavshikh ot semeinogo nasiliya: Nauchno-metodicheskoe posobie*. Moscow, 2003, pp. 155–172. (In Russ.).
7. Dozortseva E.G., Semya G.V. (eds.). Nasilie v otnoshenii detei. Rabota s sem’ei i rebenkom: Monografiya (posobie dlya elektronnoho uchebno-metodicheskogo kompleksa). Moscow: Izdatel’stvo FGBOU VO MGPPU, 2022. 421 p. (In Russ.).
8. Protokol mezhvedomstvennogo vzaimodeistviya po okazaniyu pomoshchi nesovershennoletnim, postradavshim ot zhestokogo obrashcheniya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya obshchestvennaya organizatsiya “Vrachi detyam”, 2010. 108 p. (In Russ.).
9. Rusakova M.M., Odinkova V.A., Izotova M.Kh. Aktual’nye voprosy zashchity detstva v Sankt-Peterburge: profilaktika suitsidal’nogo povedeniya i nasiliya, uchastie detei v prinyatii reshenii kak uslovie effektivnosti profilaktiki: Metodicheskie rekomendatsii. Saint Petersburg: Skifiya-print, 2019. 82 p. (In Russ.).
10. Rusakova M.M., Odinkova V.A. (eds.). Seksual’noe nasilie i ekspluatatsiya detei: vyyavlenie, okazanie pomoshchi i profilaktika: Nauchno-metodicheskoe posobie. Saint Petersburg: Skifiya-Print, 2020. 293 p. (In Russ.).
11. Ershova N.N. (ed.). Sotsial’no-psikhologicheskaya pomoshch’ detyam — zhertvam semeinogo nasiliya: Sbornik nauchno-metodicheskikh materialov. Moscow: Poligraf servis, 2005. 124 p. (In Russ.).
12. Tkacheva O.Yu. Ekstrennaya sotsial’no-psikhologicheskaya pomoshch’ detyam v situatsii suitsidal’nogo povedeniya, zhestokogo obrashcheniya i chrezvychaynykh situatsii v obrazovatel’nom prostranstve goroda Permi: opyt MBU “Tsentr psikhologo-pedagogicheskoi, meditsinskoi i sotsial’noi pomoshchi” [Emergency social and psychological assistance to children in the situation of sui n of suicidal behavior, abuse and emergencies in the educational space of the city of Perm: the experience of the MBU “The center for psychological, educational, medical and social assistance”] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2018. Vol. 15, no. 1, pp. 32–39. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2018_n1/Tkacheva_2 (Accessed 18.08.2023). (In Russ.).

13. Frolova M. Pochti vdvoe v Rossii vyroslo chislo seksual'nykh prestuplenii protiv detei [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya = Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/1448672/mariia-frolova/pochti-vdvoe-v-rossii-vyroslo-chislo-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei> (Accessed 18.08.2023). (In Russ.).
14. Shturma Ya. Opasnost' i vozrast: v Rossii uvelichilos' chislo prestuplenii protiv detei [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya = Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/opasnost-i-vozrast-v-rossii-uvelichilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (Accessed 18.08.2023). (In Russ.).
15. Child-friendly centre for abuse victims. *PROMISE. Barnahus Network*. URL: <https://www.barnahus.eu/en/> (Accessed 18.08.2023).
16. Johansson S., Stefansen K., Bakketeig E., Kaldal A. (eds.). *Collaborating Against Child Abuse: Exploring the Nordic Barnahus Model*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 384 p. doi:10.1007/978-3-319-58388-4
17. Barnahus project. *Finnish Institute for Health and Welfare*. URL: <https://thl.fi/en/web/thlfi-en/research-and-development/research-and-projects/barnahus-project> (Accessed 18.08.2023). (In Russ.).
18. Ensuring child-friendly justice through the effective operation of the Barnahus-units in Finland. *Council of Europe. Int*. URL: <https://www.coe.int/en/web/children/finland-barnahus> (Accessed 18.08.2023).
19. Landberg A., Svedin C.G. A Quality Review of 23 Swedish Barnahus. *Childnub.org*. URL: <https://childhub.org/en/child-protection-online-library/quality-review-23-swedish-barnahus> (Accessed 18.08.2023).
20. Prevention for young children. Educate to protect. *Marie-Vincent Foundation*. URL: <https://marie-vincent.org/en/services/> (Accessed 18.08.2023).

Информация об авторах

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); профессор, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Борисенко Елена Владимировна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); старший научный сотрудник, отдел научно-методического обеспечения, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Information about the authors

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Head, Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Legal Psychology and Law,

Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В.
Модели организации помощи детям,
пострадавшим от насилия (зарубежный опыт)
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 239–251

Dozortseva E.G., Borisenko E.V.
Models of Organization of Assistance
for Child Victim of Violence (Foreign Experience)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 239–251

Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru *Elena V. Borisenko*, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Department of Scientific and Methodological Support, Federal Resource Center for Psychological Service in the Education System, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Получена 17.11.2023
Принята в печать 06.12.2023

Received 17.11.2023
Accepted 06.12.2023

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

Ресурсы устойчивости у выпускников организаций для детей-сирот и замещающих семей с разными профилями эмоционального интеллекта

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова У.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

В статье представлены результаты исследования ресурсов устойчивости выпускников различных форм жизнеустройства детей-сирот (детский дом и приемная семья) с разными профилями эмоционального интеллекта (далее ЭИ): «ЭИ, направленный на себя», «ЭИ, направленный на других», «сбалансированный ЭИ». Доказано, что профили ЭИ, уровни межличностного (далее МЭИ) и внутриличностного (ВЭИ) интеллекта не зависят от условий воспитания до выпуска, но зависят от пола респондента. У девушек чаще, чем у юношей, снижен уровень ЭИ и профили ЭИ чаще направлены на себя или других и реже является сбалансированным. Показано, что наиболее уязвимой является группа с профилем ЭИ, направленным на других, чьи ресурсы устойчивости выражены слабо или амбивалентны; менее уязвимой — группа с профилем ЭИ, направленным на себя, чьи ресурсы находятся на среднем уровне, и группа со сбалансированным профилем ЭИ, у которой ресурсы устойчивости близки к высокому уровню. Выделены мишени помощи по развитию психологических ресурсов устойчивости выпускников, мобилизация которых может обеспечить успешную интеграцию в обществе. Применение полученных данных при разработке маршрутов сопровождения выпускников будет способствовать реализации задач государственной политики.

*Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.*
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

Ключевые слова: выпускники, организации для детей-сирот, замещающие семьи, самостоятельная жизнь, ресурсы устойчивости, профиль эмоционального интеллекта.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-01 от 08.02.2023 г. «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях».

Для цитаты: *Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.* Ресурсы устойчивости у выпускников организаций для детей-сирот и замещающих семей с разными профилями эмоционального интеллекта [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271. DOI:10.17759/psylaw.2023130418

Sustainability Resources of Graduates of Organizations for Orphans and Foster Families with Different Profiles of Emotional Intelligence

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

The article presents the results of a study of the sustainability resources of graduates of various forms of life arrangements of orphaned children (orphanage and foster family) with different profiles of emotional intelligence (EI): “self-directed EI”, “self-directed EI”, “balanced EI”. It is proved that the profiles of EI, the levels of interpersonal and intrapersonal intelligence do not depend on the conditions of upbringing before graduation, but depend on the gender of the respondent. In girls, the level of EI is reduced more often than in boys, and EI profiles are more often directed at themselves or others, and is less often balanced. It is shown that the most vulnerable is a group with an EI profile directed at others whose sustainability resources are weakly expressed or ambivalent; less vulnerable is a group with an EI profile directed at themselves, whose resources are at an average level; and a group with

a balanced EI profile, whose sustainability resources are close to a high level. The targets of assistance for the development of psychological resources of graduates' resilience, the mobilization of which can ensure successful integration in society, are highlighted. The use of the obtained data in the development of graduate support routes will contribute to the implementation of state policy objectives.

Keywords: graduates, organizations for orphans, foster families, independent life, sustainability resources, emotional intelligence profile.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023, “Scientific and methodological development of a system for assessing the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, graduates of substitute families to live independently and the success of social adaptation after graduation from organizations and completion of stay in substitute families”.

For citation: Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Sustainability Resources of Graduates of Organizations for Orphans and Foster Families with Different Profiles of Emotional Intelligence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271. DOI:10.17759/psylaw.2023130418 (In Russ.).

Введение

В Плате основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на период до 2027 года, поставлена задача «...совершенствования системы постинтернатного сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», которая включает разработку индивидуальных траекторий для различных категорий выпускников [27]. Законодательно закрепленные требования Постановления Правительства № 481 к обязательной подготовке воспитанников к самостоятельной жизни увязывают ее с проведением реабилитационной и развивающей работы [24].

В связи с этим крайне важно выделять научно обоснованные мишени помощи воспитанникам, способствующие повышению психологической ресурсности выпускников, работа с которыми может обеспечить успешную социализацию молодых людей в обществе.

Ежегодно в самостоятельную жизнь выходят более 50 тысяч выпускников, имеющих статус детей-сирот и лиц из их числа (в 2022 г. соответственно: 6943 — выпускники организаций для детей-сирот и 46977 — выходцы из замещающих семей). Их вхождение в самостоятельную жизнь, независимо от условий воспитания, осложнено личностными дефицитами вследствие раннего психотравматического опыта, что, как правило, проявляется в эмоциональной дисрегуляции аффективных состояний, «триггерном паттерне» повторяющихся нарушений регуляции в ответ на сигналы травмы, в выборе роли жертвы в сложных жизненных ситуациях [21; 23; 21; 34].

По данным исследования¹, проведенного в 2022 г., после выпуска молодые люди постоянно сталкиваются с психотравматическими ситуациями. Было выделено 5 типов стрессовых

¹ Исследование было проведено и передано заказчику в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00110-22-02 от 08.04.2022 «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для де-

событий, которые они пережили за последние два года: стресс жизненных катастроф (не смог получить аттестат; нежелательная беременность; аборт, выкидыш, смерть ребенка; служба в армии; стихийное бедствие); стрессы, связанные с разрывом отношений (разрыв с другом/подругой; разрыв с партнером; неучастие в том, в чем хочется; смерть одного из родителей; мобилизация; ухудшение финансового положения); исключение из общества (исключение из образовательной организации; проблемы с законом; употребление наркотиков или алкоголя; увольнение с работы; провал на экзаменах); изменения условий жизни (отсутствие жилья; смерть бабушки; материнство/отцовство; смерть близкого друга); стресс переходов (переход из школы в СПО, ВУЗ; выпуск из детского дома; переезд на другое место жительства; уход из приемной семьи).

В связи с этим особое значение для прогнозирования успешности в самостоятельной жизни и организации сопровождения выпускников приобретает диагностика ресурсов устойчивости личности.

Данные ресурсы рассматриваются исследователями как:

- некоторый функциональный потенциал, обеспечивающий высокий уровень достижений, самодвижения, системной детерминации личности;
- особая организация существования личности как системы, которая обеспечивает максимально эффективное ее функционирование [7];
- актуализированные потенциальные возможности человека в виде способов или действий, инструменты психической саморегуляции, направленные на совладание со стрессорами прошлых, настоящих или будущих жизненных ситуаций [6; 7].

Д.А. Леонтьев относит ресурсы устойчивости к психологическим «...универсальным метаресурсам, обладание которыми дает выигрыш в самых разнообразных ситуациях», а их «переменные», «оптимизм или жизнестойкость» одновременно как к ресурсам устойчивости, так и саморегуляции [15]. В отечественных исследованиях такой ресурс, как жизнестойкость, рассматривается в качестве «стержневого компонента личностных качеств и интегрального показателя готовности выпускника к жизни в социуме [2; 21]. В международных исследованиях оптимизм и жизнестойкость выделяются в качестве основных защитных факторов, позволяющих выпускникам чувствовать себя благополучными в самостоятельной жизни [21; 35]. По данным метаанализа (Gallagher et al., 2020), оптимизм обладает защитным эффектом в отношении развития посттравматических расстройств (ПТСД), способствует развитию посттравматической резистентности, и эта связь не изменяется в зависимости от пола или возраста [8]. Исследователи (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин) не обнаружили связи диспозиционного оптимизма с академическими достижениями российских школьников и студентов, но обнаружили связь с показателями «саморегуляции, вносящими позитивный вклад в достижения». Для оптимистов характерен «...более низкий уровень воспринимаемого стресса на работе и меньший конфликт между работой и личной жизнью» [8].

К ресурсам устойчивости относят позитивные взгляды на себя, самоуважение (D. Cicchetti, J. Coleman, A. Nagell, B. Daniel, S. Wassell, R. Gilligan, D.M. Fergusson) [8]. В

тей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях» (не опубликовано).

исследованиях доказывается положительное влияние подготовки к самостоятельной жизни на благополучие молодых людей, вышедших из-под опеки [31]

Кроме этого, эмоциональный интеллект назван ЮНЕСКО одним из навыков, определяющих успешность человека в мире будущего [18]. В авторских исследованиях было доказано, что эмоциональный интеллект является ключевым психологическим ресурсом у всех, кто имеет отношение к детям-сиротам: у самих воспитанников и выпускников организаций [21], воспитателей детей-сирот [22], замещающих родителей [20]. Выявлена положительная связь между показателями эмоционального интеллекта и адаптивностью жизненных сценариев [30]. В исследованиях показана положительная связь между уровнем эмоционального интеллекта и личностным адаптационным потенциалом, которая выражается в коммуникативных особенностях и нервнопсихической устойчивости. Эмоциональный интеллект назван предиктором психологического благополучия студентов [4; 9]. В исследованиях Д.В. Люсина [16] ЭИ рассматривается как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Выявление групп выпускников с разным профилем ЭИ и соотнесение их с ресурсами устойчивости позволит проранжировать их по степени уязвимости в отношении дезадаптации в самостоятельной жизни, а также определить интенсивность сопровождения и конкретные мишени помощи и на их основе разработать программы постинтернатного сопровождения.

В данном исследовании психологические ресурсы устойчивости вслед за Д.А. Леонтьевым понимаются как ценностно-смысловые ресурсы, придающие человеку уверенность, утверждающие его в праве на активность в принятии решений, раскрывающиеся в таких характеристиках, как самоуважение, жизнестойкость, субъективное благополучие, ясность Я-концепции [15]. А в качестве ключевого ресурса рассматривается жизнестойкость.

Организация, методы и методики эмпирического исследования

Программа исследования

Цель исследования — проанализировать особенности психологических ресурсов устойчивости в зависимости от профиля ЭИ выпускников.

Задачи исследования:

- выделить профили ЭИ и провести анализ распределения выпускников — выходцев из разных условий воспитания — в соответствии с их полом, временем, проведенным в организации для детей-сирот или приемной семье, местом проживания после выпуска;
- провести сравнительный анализ психологических ресурсов устойчивости выпускников с различными профилями ЭИ.

Гипотеза: существуют различия в психологических ресурсах устойчивости у выпускников с разными профилями ЭИ.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 201 человек (из которых 100 юношей (средний возраст — 18,7+1,6) и 101 девушка (средний возраст — 19,1+1,7)). Группы формировались на основе условий проживания до выпуска: детский дом или приемная семья. При анализе результатов выделилась еще одна группа — молодые люди «смешанной идентификации», которые одновременно относили себя к выпускникам как организации, так и семьи (соответственно: организации — 102 (51,3%) выпускника, со «смешанной идентификацией» — 69 (34,7%), приемной семьи — 28 (14,1%)).

В среднем опыт воспитания составил:

- у юношей: в организациях для детей-сирот ($5,08 \pm 4,8$), в приемной семье ($3,02 \pm 4,3$);
- у девушек: в организациях для детей-сирот ($4,7 \pm 4,8$), в приемной семье ($4,6 \pm 5,7$).

Выпускники организаций проживают в различных условиях:

- большинство в общежитиях образовательных организаций — 34,3% (69 чел.);
- в государственном жилье — 26,9% (54 чел.);
- вернулось в закрепленное жилье — 10,4% (21 чел.);
- в съемной квартире — 8% (16 чел.);
- остались в бывших приемных семьях — 8% (16 чел.);
- у родственников — 5% (10 чел.);
- в центре постинтернатного сопровождения — 3,5% (7 чел.);
- в социальной гостинице — 1% (2 чел.).

Абсолютное большинство выпускников продолжают учиться (в основном в колледжах) — 151 выпускник (75,1%), каждый 10-й уже работает, а каждый 3-й стоит на учете в центре занятости. Практически каждый 5-й (37/18,4%) проживает в незарегистрированном браке, 10 девушек официально замужем.

Схема проведения исследования

Исследование проводилось в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-01 от 08.02.2023 г. «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях» в 2023 году. Опрос осуществлялся анонимно, с помощью авторской анкеты, включившей социально-демографические сведения о выпускнике, вопросы, связанные с его оценкой готовности к самостоятельной жизни и доверием к другим, а также ряд психодиагностических методик. Опрос был организован службами сопровождения выпускников. Процедура занимала от 60 до 90 минут и соответствовала этическим стандартам декларации Хельсинки 1964 года. Респонденты были ознакомлены с целями и задачами исследования и дали информированное согласие на участие.

Методы

Распределение измеряемых переменных удовлетворяет проверке на нормальность по критерию Колмогорова—Смирнова ($p > 0,05$); применен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, критерий χ^2 Пирсона, кластерный анализ по методу k-средних.

Методики

В исследовании были использованы следующие методики.

- Методика ЭМИн Д.В. Люсина [16] для выделения профилей эмоционального интеллекта.
- Краткая версия теста «Жизнестойкость» [19].
- Шкала ясности Я-концепции [5], направленная на измерение степени отчетливости, уверенности, внутренней согласованности, хронологической устойчивости и определенности (ясность).
- Опросник диспозиционного оптимизма (Life Orientation Test — LOT) [8].
- Шкала самооценки М. Розенберга [10].
- Шкала психического благополучия Варвик—Эдинбург (WEMWBS) (авт. С. Стюарт-Браун, адапт. С.К. Нартова-Бочавер). В рамках данной методики психологическое благо-

получие понимается как позитивное мировосприятие, способность к положительным переживаниям и эффективному функционированию личности. Методика включает целостную оценку всех аспектов жизни человека, таких как позитивное отношение к жизни, уверенность в своих возможностях, чувство принадлежности к социуму, социальная поддержка и т. д. [17; 33].

Дополнительно в анкету были введены вопросы, касающиеся такой фундаментальной ценности, как доверие, которое, как правило, является дефицитным у детей-сирот (Л.С. Выготский, Э. Эриксон, Т.П. Скрипкина, Е.П. Ильин, В.П. Зинченко, Д. Винникотт, Ж. Пиаже, Л.А. Венгер, К. Коффка, Г. Гетцер, С.Л. Рубинштейн, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых) [26]. Выпускникам необходимо было оценить, доверяют ли они тем, с кем живут, могли бы они положиться на своих друзей.

Для оценки использована пятибалльная шкала Лайкерта (от «никогда» до «всегда»). А также был предложен вопрос об удовлетворенности их готовностью к самостоятельной жизни. Для данной категории молодых людей данный вопрос крайне важен, так как после выпуска их оценка готовности проверяется на практике.

Результаты

Для выделения групп выпускников с разными профилями ЭИ был проведен кластерный анализ по методу k-средних, в котором учитывались результаты опросника ЭМИН. Кластерный анализ проводился по всей выборке (N = 201), данные нормировались (рис. 1).

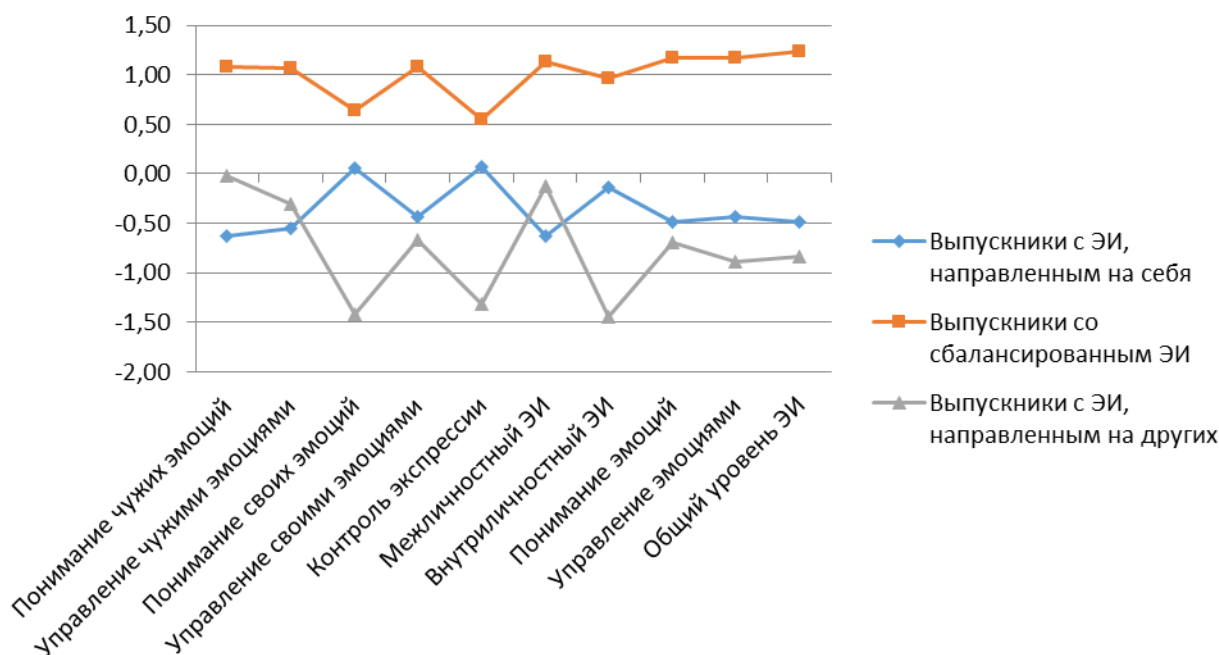

Рис. 1. Результаты кластерного анализа (метод k-средних) по всей выборке (данные нормированы)

В первый кластер (N=106) вошли выпускники со сниженными показателями по большинству характеристик ЭИ, направленных на постижение чужих эмоций, но со средними показателями по характеристикам, направленным на понимание себя («ЭИ, направленный на се-

бя»). Для них характерны низкие значения (нормы по тесту ЭМИН Д.В. Люсина) по пониманию (13,36., std — 5,05), управлению чужими эмоциями (13,856., std — 2,83), межличностному ЭИ (далее — МЭИ) (27,16 б., std — 7,22) и средние значения по пониманию своих эмоций (19,36., std — 2,96) и уровню внутриличностного интеллекта (далее — ВЭИ) (41,98 б., std — 2,67).

Во второй кластер (N = 63) попали выпускники с высоким уровнем всех характеристик ЭИ (сбалансированный профиль ЭИ). У выпускников со сбалансированным профилем ЭИ результаты по всем показателям распределились между высокими и средними значениями (по нормам Д.Н. Люсина). В целом, общий уровень ЭИ, ВЭИ и МЭИ — высокий (соответственно: общий ЭИ — 99,33 б.; std — 11,415; ВЭИ — 51,95 б.; std — 7,8; МЭИ — 47,38 б.; std — 6,777). То есть каждый третий респондент из числа выпускников, независимо от условий воспитания до выпуска, имеет высокий уровень ЭИ. У выпускников со сбалансированным профилем ЭИ к средним отнесены значения по таким показателям, как понимание чужих (21,95 б.; std — 4,02) и своих эмоций (26,496.; std — 4,87). При этом, как оказалось, они лучше управляют своими эмоциями (16,616.; std — 2,80), чем чужими (20,936 б.; std — 2,804). Возможно, способность управлять своими эмоциями, целесообразно рассматривать в качестве психологического механизма, позволяющего компенсировать у выпускников-сирот недостаточность понимания эмоций.

Третий кластер (N=32) «ЭИ, направленный на других» пополнили выпускники с очень низкими значениями всех характеристик, касающихся понимания своего внутреннего мира (соответственно: понимание своих эмоций — 12,59 б.; std — 3,27; ВЭИ — 30,153 б.; std — 6,37) и низкими значениями ЭИ, направленными на других (например: МЭИ — 32,93 б.; std — 7,41).

Группы с разными профилями ЭИ практически не имели значимых различий по социально-демографическим показателям: условия воспитания до выпуска — детский дом или приемная семья ($\chi^2 = 5,468$ при $p = 0,243$); проживание в том или ином типе жилья ($\chi^2 = 21,757$ при $p = 0,243$); наличие/отсутствие занятости (трудовая, обучение) ($\chi^2 = 12,219$ при $p = 0,271$); уровень получаемого образования (колледж, вуз) ($\chi^2 = 7,577$ при $p = 0,271$). Группы различались по составу только в зависимости от пола ($\chi^2 = 8,074$ при $p = 0,018$) (рис. 2).

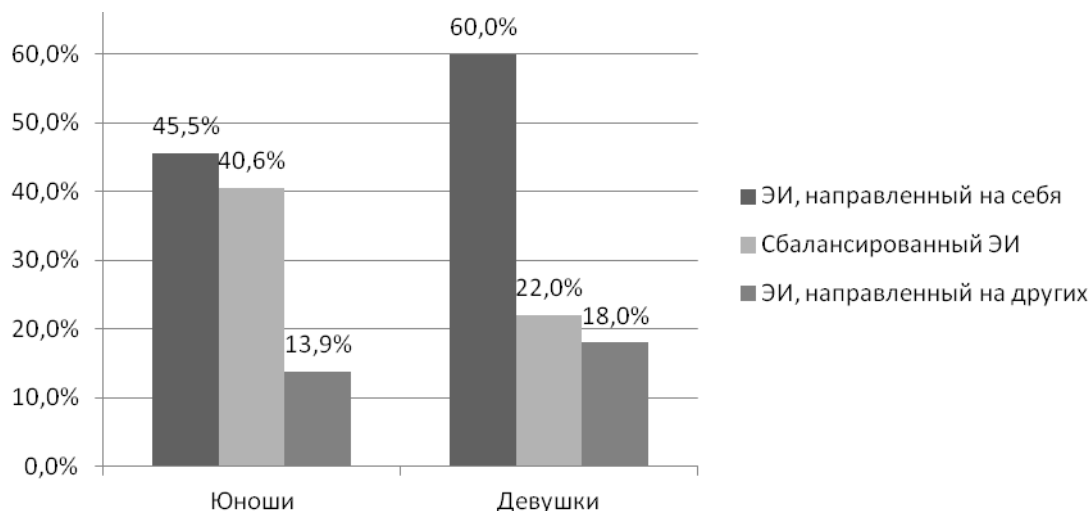

Рис. 2. Соотношение девушек и юношей с разным профилем ЭИ

Как показано на рис. 2, у большинства девушек (60%) и более 45% юношей (45,5%) ведущим профилем ЭИ является «ЭИ, направленный на себя». Это говорит о том, что у девушек чаще, чем у юношей, более развиты способности к распознаванию собственных эмоций, а также к контролю их внешних проявлений. Они более сензитивны к собственным потребностям и чувствам, склонны к спонтанному и непосредственному выражению своих переживаний. В группе девушек также чаще по сравнению с юношами встречается профиль ЭИ, направленный на других, что свидетельствует о преимущественном развитии способности к пониманию и управлению чужими эмоциями, чем своими, а также потребности манипулировать другими людьми и соответствующей способности.

Для юношей чаще характерен сбалансированный профиль ЭИ (практически в 2 раза чаще, чем для девушек), который соотносится с высоким уровнем как ВЭИ, так и МЭИ. Это противоречит результатам ранее проведенных исследований, в рамках которых доказывалось, что у женщин ЭИ выше, чем у мужчин.

Сравнительный анализ ресурсов устойчивости выпускников в зависимости от различных профилей ЭИ (табл. 1) показал значимые различия в психическом благополучии, общем уровне жизнестойкости, вовлеченности, контроле, принятии риска, оптимизме, ясности Я-концепции.

Таблица 1

**Сравнительный анализ ресурсов устойчивости выпускников
с различными профилями ЭИ**

Показатель		N	Среднее	Стд. отклонение	Значение F	Уровень значимости различий p
Самоуважение	1	106	15,830	2,516	2,963	0,054*
	2	63	16,777	2,113		
	3	32	15,937	3,099		
Самоуничижение	1	106	11,490	2,170	17,482	0,000**
	2	63	9,746	2,147		
	3	32	12,312	2,729		
Психическое благополучие	1	106	38,877	12,883	52,670	0,000**
	2	63	57,127	8,633		
	3	32	47,375	9,560		
Вовлеченность	1	106	19,283	4,786	27,792	0,000**
	2	63	24,285	4,404		
	3	32	17,531	6,138		
Контроль	1	106	13,839	3,719	43,042	0,000**
	2	63	18,809	3,383		
	3	32	12,468	4,839		
Принятие риска	1	106	14,292	4,390	24,107	0,000**
	2	63	14,444	3,817		
	3	32	8,656	4,604		

Жизнестойкость	1	106	47,415	9,772	37,360	0,000**
	2	63	57,539	9,656		
	3	32	38,656	14,054		
Оптимизм	1	106	21,132	5,482	27,312	0000**
	2	63	27,047	4,777		
	3	32	20,343	6,513		
Ясность Я-концепции	1	106	41,735	6,278	14,072	0,000**
	2	63	46,095	9,484		
	3	32	36,968	10,319		
Доверие	1	106	3,817	,844	7,716	0,001**
	2	63	4,293	,689		
	3	32	3,696	,879		
Удовлетворенность готовностью к самостоятельной жизни	1	106	3,853	,607	20,768	0,000**
	2	63	4,365	,557		
	3	32	3,625	,667		

Примечание: «*» — уровень значимости различий $p < 0,05$; «**» — уровень значимости различий $p < 0,001$; 1 — с профилем ЭИ, направленным на себя, 2 — со сбалансированным профилем ЭИ; 3 — с профилем, направленным на других.

Также значимые различия обнаружены и по оценке своего доверия к другим, и по подготовленности к самостоятельной жизни. Исключение составляет показатель самоуважения (тест Розенберга «Самоуважение»), где между группами выявлена только тенденция к значимости различий. Уровень самоуважения у выпускников вне зависимости от профиля ЭИ примерно на одном уровне и не превышает средний. Хотя уровень самоуничижения не является ресурсом, но он четко соотносит профили ЭИ: у респондентов, чей профиль ЭИ направлен на других, его уровень выше по сравнению с другими группами. К этим значениям приближаются и результаты группы с ЭИ, направленным на себя. В группе со сбалансированным ЭИ он значительно ниже.

Также было обнаружено, что высокий уровень психического благополучия характерен для выпускников со «сбалансированным» профилем ЭИ. Выявлено, что у выпускников с данным профилем ЭИ наиболее высокие показатели по всем характеристикам жизнестойкости, что способствует успешному совладанию со стрессом. У выпускников с профилем ЭИ, направленным на себя, наблюдается средний уровень жизнестойкости. Выпускники со сбалансированным профилем более оптимистичны по сравнению с другими, что также можно рассматривать как ресурс устойчивости. Согласно М. Шейер (Scheier et al., 1994), оптимизм является предиктором использования конструктивных копинг-стратегий [8].

Для выпускников с профилем ЭИ, направленным на других, все показатели жизнестойкости низкие, что затрудняет использование данного ресурса для совладания со стрессом.

У выпускников со сбалансированным профилем ЭИ, уровень благополучия выше, чем у выпускников с профилем ЭИ, направленным на себя. Структура распределения показателей Шкалы ясности Я-концепции соответствует выделенной тенденции. У выпускников со сбалансированным профилем ЭИ значения выше среднего, что свидетельствует о достаточно высокой внутренней согласованности и устойчивости содержания Я-концепции. У респон-

дентов с профилем ЭИ, направленным на себя, уровень ясности Я-концепции средний. Возможно, это объясняется особенностями их Я-концепции, для которой характерны малая дифференцированность, структурированность, недостаточная устойчивость, ясность и точность [5].

Дополнительно изучалось соотношение эмоциональных профилей с оценкой собственного доверия выпускников к взрослым и сверстникам, а также оценкой подготовленности к самостоятельной жизни. Во многочисленных классических и современных исследованиях, независимо от страны, доказывалась высокая значимость проблемы доверия для детей, чье взросление проходило в условиях психической депривации. Соотношение такой переменной, как доверие, с эмоциональными профилями выпускников показало, что у выпускников со сбалансированным ЭИ выше оценки доверия по сравнению с другими, а у выпускников с ЭИ, направленным на себя, выше, чем у группы с ЭИ, направленным на других. Данное соотношение сохраняется и при оценке удовлетворенности своей готовностью к самостоятельной жизни.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что у выпускников можно выделить разные профили ЭИ, которые различаются в зависимости от пола. При этом для девушек, по сравнению с юношами, чаще характерны профили ЭИ, направленные либо на себя, либо на других, а уровень показателей ЭИ колеблется от очень низких до средних. Для юношей чаще характерен высокий уровень ЭИ и его сбалансированный профиль. Возможно, это особенность бывших детей-сирот, так как в исследованиях о гендерных различиях, как правило, доказывалось, что у женщин, независимо от возраста, уровень ЭИ выше по сравнению с мужчинами и они лучше понимают как свои, так и чужие эмоции [1; 12; 29]. В исследовании по подросткам-не сиротам выявлено, что понимание и управление своими эмоциями в большей степени характерно для мальчиков, а для девочек — понимание и управление эмоциями других [11]. У выпускников-сирот данной тенденции не выявлено.

Показано, что выпускники с профилем ЭИ, направленным на других, имеют самый низкий уровень большинства ресурсов устойчивости, доверия к другим и удовлетворенности готовностью к самостоятельной жизни, что может свидетельствовать о риске десоциализации. У них низкие показатели жизнестойкости, что говорит о том, что им труднее вовлечься в какую-либо деятельность, сложнее контролировать свою жизнь и принимать свои ошибки. Для них характерна амбивалентность восприятия себя: с одной стороны, у них довольно высокий уровень самоуничижения, «запутанная», внутренне несогласованная, хронологически неустойчивая Я-концепция; с другой стороны, у них отмечается средний уровень психического благополучия, превышающий аналогичный уровень у выпускников с профилем ЭИ, направленным на других. Как правило, в исследованиях, связанных с Я-концепцией подростков-сирот — воспитанников организаций, независимо от года проведения, она описывается как менее позитивная по сравнению с домашними детьми (2020 г.) [28], имеющая качественные отличия в развитии всех аспектов Я (представление о себе, отношение к себе, образ Я, самооценка) (2007 г.), характеризующаяся неприятием себя как личности [25]. В 2023 г. мы также сталкиваемся с проблемой недостаточной дифференцированности Я-концепции у выпускников. Но эта группа немногочисленна и составляет 15,9% от всех респондентов. Несмотря на сниженный уровень ресурсов устойчивости в данной группе, можно выделить ресурсы, позволяющие вывести их на более высокий уровень функционирования при психоло-

гическом сопровождении. К ним относится диспозиционный оптимизм и достаточно позитивная оценка своего психического благополучия. Это группа с высоким уровнем уязвимости в отношении дезадаптации в самостоятельной жизни, и ее представители нуждаются в интенсивном психологическом сопровождении, программах по развитию эмоционального интеллекта, повышение уровня которого будет оказывать позитивное влияние на рост ресурсов устойчивости.

Выпускники с профилем ЭИ, направленным на себя, имеют более высокие показатели ресурсов устойчивости по сравнению с теми, чей профиль ЭИ направлен на других. У них снижена убежденность в том, что они могут контролировать свою жизнь и что от них что-то зависит. По исследованиям российских ученых, это характерно как для воспитанников, так и для выпускников организаций для детей-сирот [2; 3; 13].

У выпускников с профилем ЭИ, направленным на себя, оценки уровня своего психического благополучия ниже по сравнению с другими. По всей вероятности, это связано с незавершенной психотравмой, которая препятствует выходу на уровень позитивного мировосприятия, а также эффективному функционированию личности. Таких выпускников большинство (52,7%). Уровень уязвимости данной группы был отнесен к среднему, и ее представители нуждаются в сопровождении среднего уровня интенсивности, при этом мишенью программ является повышение уровня контроля над жизнью и позитивного мировосприятия.

Группа со сбалансированным профилем ЭИ отнесена к низкому уровню уязвимости. Она была названа «неуязвимые». Подобная группа была выявлена в рамках лонгитюдного исследования жизнеспособности, которое проводили в течение 40 лет на острове Кауаи на Гавайском архипелаге Э. Вернер и Р. Смит [14]. Их респонденты с самого начала жизни сталкивались с большим количеством трудностей: дородовые или родовые осложнения, страшная бедность, необразованность, алкоголизм, психические расстройства родителей, жестокое обращение и т. д.; но в результате они вполне социализировались и были названными учеными «непобедимыми», а свойство психики, которое помогло им преодолевать трудности, было определено как «эластичность психики». Таких было примерно 30% от всех испытуемых. В нашем исследовании доля «неуязвимых» также соответствует 30%. Показано, что выпускники со «сбалансированным» профилем ЭИ хуже понимают как свои, так и чужие эмоции, при этом лучше управляют своими эмоциями, чем чужими. Сделано предположение, что способность управлять своими эмоциями можно рассматривать в качестве психологического механизма, позволяющего компенсировать у выпускников-сирот недостаточность понимания эмоций.

Выводы

1. Выделены три профиля ЭИ: ЭИ, направленный на других, ЭИ, направленный на себя, ЭИ сбалансированный. Наиболее многочисленной является группа выпускников с ЭИ, направленным на себя (52,7%). Профиль ЭИ, направленный на других, характерен для 15,9% выпускников; каждый третий выпускник — со сбалансированным профилем ЭИ.

2. У девушек и юношей уровень ЭИ и структура профилей ЭИ различна. Для девушек характерен сниженный уровень ЭИ и профили ЭИ, направленные либо на себя, либо на других. Для молодых людей характерен более высокий уровень ЭИ и сбалансированный профиль, что противоречит общепринятым представлениям об особенностях женского и мужского ЭИ.

3. Степень выраженности ресурсов устойчивости в большинстве случаев соответствует профилю ЭИ: более низкий уровень — у группы с ЭИ, направленным на других, средний —

у группы с ЭИ, направленным на себя, более высокий — у группы со сбалансированным профилем ЭИ. Данные основания позволили проранжировать группы по степени уязвимости выпускников в отношении адаптации в самостоятельной жизни.

4. В группе выпускников с высокой степенью уязвимости с профилем ЭИ, направленным на других, особой проблемой является сниженная жизнестойкость со всеми ее компонентами (вовлеченность, контроль, принятие риска), амбивалентность в восприятии себя: высокий уровень самоуничтожения, «запутанная», мало дифференцированная Я-концепция, сочетающаяся со средним уровнем психического благополучия, превышающим данный уровень у менее уязвимой группы с профилем, направленным на себя;

5. В группе выпускников со средним уровнем уязвимости, с профилем ЭИ, направленным на себя, уязвимость связана с убежденностью в том, что они не могут контролировать свою жизнь и что от них ничего не зависит, а также с низкими оценками уровня своего психического благополучия. Фактически, они считают себя самыми неблагополучными среди других выпускников;

6. Для группы с низким уровнем уязвимости, со сбалансированным профилем ЭИ, названной «неуязвимые», характерны самые высокие показатели ресурсов устойчивости, уровня доверия и готовности к самостоятельной жизни. Несмотря на это, они недостаточно хорошо понимают свои и чужие эмоции, хуже управляют эмоциями других, но, по всей вероятности, компенсируют это за счет хороших способностей по управлению своими эмоциями.

Все выпускники нуждаются в постинтернатном сопровождении различной интенсивности и с разными мишенями помощи. Для группы с высоким уровнем уязвимости, профилем ЭИ, направленным на других, необходимо сопровождение высокой интенсивности с постоянно действующим индивидуальным куратором — постинтернатным воспитателем. Мишенями сопровождения должны стать повышение уровня эмоционального интеллекта и жизнестойкости, психологическим ресурсом — диспозиционный оптимизм.

Для группы со средним уровнем уязвимости, профилем ЭИ, направленным на себя, сопровождение может быть менее интенсивным и осуществляться групповым куратором, но более экзистенциально ориентированным, предполагающим работу по завершению психических травм с выходом на психотерапевтическую помощь. Основными мишенями должны стать убежденность в способности контролировать свою жизнь, а также пролонгированная психотравма; ресурсами — убежденность, что можно найти что-то интересное в жизни для себя, готовность вовлечься в деятельность, возможности совладания со стрессом.

Для группы с низким уровнем уязвимости, со сбалансированным профилем в рамках сопровождения должны быть представлены программы психологической поддержки, которая может стать более интенсивной в трудных случаях, а также включение в программы методик по совершенствованию эмоционального интеллекта, в частности по пониманию своих и чужих эмоций. В качестве ключевого психологического ресурса выступает у них жизнестойкость.

Оценка ЭИ воспитанников в организациях для детей-сирот позволит скорректировать индивидуально-групповые реабилитационные программы на основе выявленных мишеней, построить прогноз успешности выпускников в постинтернатный период с учетом их психологических ресурсов и помочь наставнику или куратору выстроить позитивные отношения в процессе сопровождения молодых людей.

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

Литература

1. Антропова Л.К., Куликов В.Ю., Осинцева А.А. Гендерные особенности эмоционального интеллекта у индивидов с разным латеральным профилем // Journal of Siberian Medical Sciences. 2015. № 5.
2. Байер Е.А. Педагогическая система формирования жизнестойкости детей-сирот средствами физической культуры и спорта: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М., 2013. 40 с.
3. Байер Е.А., Павлов И.Б. Жизнестойкость как необходимое качество выпускника детского дома // Социальная педагогика. 2010. № 5. С. 75–82.
4. Бердникова И.А. Эмоциональный интеллект как предиктор психологического благополучия студентов: Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 2022. 24 с.
5. Вдовенко В.В., Щебетенко С.А., Старовойтенко Е.Б. Я в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Том 14. № 77. doi:10.54359/ps.v14i77.157
6. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 160 с.
7. Вольвич Ю.К. Психологические ресурсы устойчивости личности к стрессу в организациях разных сфер и видов деятельности: Автореф. дисс. канд. психол. наук. Краснодар, 2018. 25 с.
8. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Том 18. № 1. С. 34–55. doi:10.17323/1813-8918-2021-1-34-55
9. Деревянко С.П., Скорик Я.С. Роль эмоционального интеллекта в психологическом благополучии молодых людей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2018. № 7. С. 91–95.
10. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2020. № 2. С. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
11. Каргина А.Е., Морозова И.С. Гендерные различия параметров эмоционального интеллекта подростков // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9.
12. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Гендерные различия в эмоциональном интеллекте у старших подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 4. С. 65–74. doi:10.17759/psyedu.2017090407
13. Крючкова Л.Л. Жизнестойкость выпускников детских домов [Электронный ресурс] // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: Материалы I Международной научно-практической конференции (г. Москва, 14–15 ноября 2013 года.). М.: МГППУ, 2013. С. 149–154. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/69146?ysclid=lohlnrg2jx952080478> (дата обращения: 02.11.2023).
14. Куфтяк Е.В. Жизнеспособность семьи: теория и практика // Медицинская психология в России. 2014. № 5 (28).
15. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. doi:10.17223/17267080/62/3

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

16. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
17. Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 01.11.2023).
18. Никулина И.В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: Учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 82 с.
19. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
20. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Зинченко Е.А. Инвариантные и варианты социальные-психологические характеристики успешных замещающих матерей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 149–163. doi:10.17759/pse.2021260612
21. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205
22. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В., Зайцев Г.О. Психологические ресурсы работников организаций для детей-сирот с разным уровнем эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 6. С. 155–169. doi:10.17759/pse.2022270612
23. Ослон В.Н., Семья Г.В., Колесникова У.В., Яровикова О.А. Субъективное благополучие выпускников организаций для детей-сирот в различных условиях проживания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 211–224. doi:10.17759/pse.2021260617
24. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 02.11.2023).
25. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. 3-е изд. СПб: Питер, 2007. 416 с.
26. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2009. Том 14. № 3. С. 5–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2009_n3/22734 (дата обращения: 02.11.2023).
27. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 года № 22-р «Об утверждении Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на период до 2027 года» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400150053/> (дата обращения: 09.11.2023).
28. Рукавишников Н.Г. Я-концепция подростков — воспитанников детского дома [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 171–178. doi:10.20323/1813-145X-2020-1-112-171-178

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

29. Салогуб Е.В. Проблема развития эмоционального интеллекта подростков в современных исследованиях // СМАЛЬТА. 2014. № 6. С. 42–48.
30. Сергеева М.А., Сериков П.С., Кубекова А.С. Особенности эмоционального интеллекта воспитанников интернатных учреждений [Электронный ресурс] // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6 (143). С. 274–279. doi:10.51379/KPJ.2020.63.67.037
31. Greeno E.J, Fedina L., Lee B.R., Farrell J., Harburger D. Psychological well-being, risk, and resilience of youth in out-of-home care and former foster youth // *Journal of Child & Adolescent Trauma*. 2018. Vol. 12(2). P. 175–185. doi:10.1007/s40653-018-0204-1
32. Lavine P.A. In unspoken voice: how the body releases trauma and restores goodness. Berkeley: North Atlantic Books, 2010. 370 p.
33. Marmara J., Zarate D., Vassallo J., Patten R., Stavropoulos V. The Warwick-Edinburgh mental well-being scale (WEMWBS): measurement invariance across genders and item response theory examination // *BMC Psychology*. 2022. Vol. 10(31). doi:10.1186/s40359-022-00720-z
34. Spinazzola J., van der Kolk B.A., Ford J.D. When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder // *Journal of Traumatic Stress*. 2018. Vol. 31(5). P. 631–642. doi:10.1002/jts.22320
35. Teodorczuk K., Guse T., du Plessis G.A. The impact of positive psychological interventions on the hope and wellbeing of adolescents living in a child and youth care center // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2019. Vol. 47(2). P. 234–245. doi:10.1080/03069885.2018.1504880

References

1. Antropova L.K., Kulikov V.Yu., Osintseva A.A. Gendernye osobennosti emotsional'nogo intellekta u individov s raznym lateral'nym profilem [Gender features of emotional intelligence at individuals with different lateral profile]. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 2015, no. 5. (In Russ.).
2. Bayer E.A. Pedagogicheskaya sistema formirovaniya zhiznestoikosti detei-sirot sredstvami fizicheskoi kul'tury i sporta: Avtoref. diss. dokt. ped. nauk. Moscow, 2013. 40 p. (In Russ.).
3. Bayer E.A., Pavlov I.B. Zhiznestoikost' kak neobkhodimoe kachestvo vypusknika detskogo doma [Viability as a necessary quality of the graduate's home]. *Sotsial'naya pedagogika = Social Pedagogy*, 2010, no. 5, pp. 75–82. (In Russ.).
4. Berdnikova I.A. Emotsional'nyi intellekt kak prediktor psikhologicheskogo blagopoluchiya studentov: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2022. 24 p. (In Russ.).
5. Vdovenko V.V., Shchebetenko S.A., Starovoitenko E.B. Ya v samopoznanii: russkoyazychnaya versiya Shkaly yasnosti Ya-kontseptsii [Self in Self-Knowledge: The Russian Version of The Self-Concept Clarity Scale] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2021. Vol. 14, no. 77. doi:10.54359/ps.v14i77.157 (In Russ.).
6. Vodopyanova N.E. Profilaktika i korrektsiya sindroma vygoraniya: metodologiya, teoriya, praktika. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. 160 s.
7. Volvich Yu.K. Psikhologicheskie resursy ustoichivosti lichnosti k stressu v organizatsiyakh raznykh sfer i vidov deyatel'nosti: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Krasnodar, 2018. 25 s.
8. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Diagnostika dispozitsionnogo optimizma, validnost' i nadezhnost' oprosnika TDO-P [Diagnostics of Dispositional Optimism: Validity and Reliability of Russian Version of LOT-R] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 1, pp. 34–55. doi:10.17323/1813-8918-2021-1-34-55 (In Russ.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

9. Derevyanko S.P., Skorik Ya.S. Rol' emotsional'nogo intellekta v psikhologicheskom blagopoluchii molodykh lyudei [Role of emotional intelligence in psychological well-being of young adults]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part E. Pedagogic Sciences*, 2018, no. 7, pp. 91–95. (In Russ.).
10. Zolotareva A.A. Validnost' i nadezhnost' russkoyazychnoi versii shkaly samoootsenki M. Rozenberga [Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 2, pp. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57 (In Russ.).
11. Kargina A.E., Morozova I.S. Gendernye razlichiya parametrov emotsional'nogo intellekta podrostkov [Gender differences in parameters of emotional intelligence of adolescents]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2020, no. 9. (In Russ.).
12. Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Gendernye razlichiya v emotsional'nom intellekte u starshikh podrostkov [Gender Differences in Emotional Intelligence in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2017. Vol. 9, no. 4, pp. 65–74. doi:10.17759/psyedu.2017090407 (In Russ.).
13. Kryuchkova L.L. Zhiznestoikost' vypusknikov detskikh domov [Elektronnyi resurs]. *Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznenoj situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, rehabilitatsii, soprovozhdeniya: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 14–15 noyabrya 2013 goda.)*. Moscow: MGPPU Publ., 2013, pp. 149–154. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/69146?ysclid=lohlnrg2jx952080478> (Accessed 02.11.2023). (In Russ.).
14. Kuftyak E.V. Zhiznesposobnost' sem'i: teoriya i praktika. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 2014, no. 5 (28). (In Russ.).
15. Leontiev D.A. Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Autoregulation, resources, and personality potential] [Elektronnyi resurs]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2016, no. 62, pp. 18–37. doi:10.17223/17267080/62/3 (In Russ.).
16. Lyusin D.V. Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye. In D.V. Lyusin, D.V. Ushakov (eds.). *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniyam*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2009, pp. 264–278. (In Russ.).
17. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2013, no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (Accessed 01.11.2023). (In Russ.).
18. Nikulina I.V. Emotsional'nyi intellekt: instrumenty razvitiya: Uchebnoe posobie. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022. 82 p. (In Russ.).
19. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste [A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2013, no. 2, pp. 147–165. (In Russ.).
20. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Zinchenko E.A. Invariantnye i variantnye sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki uspekhnykh zameshchayushchikh materei [Invariant and

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

Variant Sociopsychological Characteristics of Successful Foster Mothers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 149–163. doi:10.17759/pse.2021260612 (In Russ.).

21. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Psikhologicheskie resursy i lichnostnye defitsity u vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot [Psychological Resources and Personal Deficits of Graduates of Organizations for Orphans] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205 (In Russ.).

22. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V., Zaitsev G.O. Psikhologicheskie resursy rabotnikov organizatsii dlya detei-sirot s raznym urovnem emotsional'nogo intellekta [Psychological Resources of Employees of Organizations for Orphans with Different Levels of Emotional Intelligence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 6, pp. 155–169. doi:10.17759/pse.2022270612 (In Russ.).

23. Oslon V.N., Semya G.V., Kolesnikova U.V., Yarovikova O.A. Sub'ektivnoe blagopoluchie vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot v razlichnykh usloviyakh prozhivaniya [Subjective Well-Being of Graduates of Orphan Organizations Living in Various Settings] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 211–224. doi:10.17759/pse.2021260617 (In Russ.).

24. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 maya 2014 g. No. 481 "O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei" [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (Accessed 02.11.2023). (In Russ.).

25. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva. 3rd ed. Saint Petersburg: Piter, 2007. 416 p. (In Russ.).

26. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Osobennosti razvitiya lichnosti detei, vospityvayushchikhsya v usloviyakh materinskoj deprivatsii [Personality Development Features of Children Raised under Conditions of Maternal Deprivation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2009. Vol. 14, no. 3, pp. 5–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2009_n3/22734 (Accessed 02.11.2023). (In Russ.).

27. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23 yanvarya 2021 goda No. 22-r "Ob utverzhdenii Plana osnovnykh meropriyatii, provodimykh v ramkakh Desyatilet'iya detstva na period do 2027 goda" [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400150053/> (Accessed 09.11.2023). (In Russ.).

28. Rukavishnikova N.G. Ya-kontsepsiya podrostkov — vospitannikov detskogo doma [Self-concept of adolescents being brought up in an orphanage] [Elektronnyi resurs]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, no. 1 (112), pp. 171–178. doi:10.20323/1813-145X-2020-1-112-171-178 (In Russ.).

29. Salogub E.V. Problema razvitiya emotsional'nogo intellekta podrostkov v sovremennykh issledovaniyakh [Emotional intelligence of adolescents. Current status of the problem]. *SMAL'TA = SMALTA*, 2014, no. 6, pp. 42–48. (In Russ.).

30. Sergeeva M.A., Serikov R.S., Kubekova A.S. Osobennosti emotsional'nogo intellekta vospitannikov internatnykh uchrezhdenii [Features of emotional intelligence at inmates of boarding

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

schools] [Elektronnyi resurs]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2020, no. 6 (143), pp. 274–279. doi:10.51379/KPJ.2020.63.67.037 (In Russ.).

31. Greeno E.J., Fedina L., Lee B.R., Farrell J., Harburger D. Psychological well-being, risk, and resilience of youth in out-of-home care and former foster youth. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2018. Vol. 12, no. 2, pp. 175–185. doi:10.1007/s40653-018-0204-1

32. Lavine P.A. In unspoken voice: how the body releases trauma and restores goodness. Berkeley: North Atlantic Books, 2010. 370 p.

33. Marmara J., Zarate D., Vassallo J., Patten R., Stavropoulos V. The Warwick-Edinburgh mental well-being scale (WEMWBS): measurement invariance across genders and item response theory examination. *BMC Psychology*, 2022. Vol. 10, no. 31. doi:10.1186/s40359-022-00720-z

34. Spinazzola J., van der Kolk B.A., Ford J.D. When Nowhere Is Safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as Antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder. *Journal of Traumatic Stress*, 2018. Vol. 31, no. 5, pp. 631–642. doi:10.1002/jts.22320

35. Teodorczuk K., Guse T., du Plessis G.A. The impact of positive psychological interventions on the hope and wellbeing of adolescents living in a child and youth care center. *British Journal of Guidance & Counselling*, 2019. Vol. 47, no. 2, pp. 234–245. doi:10.1080/03069885.2018.1504880

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник, Центр прикладных психолого-педагогических исследований, Московский государственный психолого-педагогический университет, (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

*Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.*
Ресурсы устойчивости у выпускников организаций
для детей-сирот и замещающих семей с разными
профилями эмоционального интеллекта
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 252–271

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Sustainability Resources of Graduates of Organizations
for Orphans and Foster Families with Different
Profiles of Emotional Intelligence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 252–271

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: ma-ri505@mail.ru

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsema@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Получена 17.11.2023
Принята в печать 27.11.2023

Received 17.11.2023
Accepted 27.11.2023

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

**Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь**

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская
Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Зайцев Г.О.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Колесникова У.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская
Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

В статье представлены результаты сравнительного исследования субъективного благополучия (далее — СБ) воспитанников и выпускников различных форм жизнеустройства детей-сирот: организаций для детей-сирот (далее — д/д), замещающей семьи, — а также тех, кто был возвращен после неудачного семейного устройства в организацию для детей-сирот. Показано, что у выпускников независимо от группы в условиях перехода в самостоятельную жизнь уровень СБ снижается, а число фиксируемых стрессов увеличивается. Наиболее фрустрированной группой становятся выпускники замещающих семей. Они, по терминологии А. Адлера, переживают «травму свержения с трона». Наиболее удовлетворенные жизнью, по сравнению с другими, до выпуска в самостоятельной жизни не справляются с трудностями, особенно юноши. Выпускники детских домов оказываются наиболее подготовленными к самостоятельной жизни. Если до выпуска они значительно ниже оценивали свое СБ по сравнению с приемными детьми, то в постинтернатный период заняли лидирующие позиции среди других. В условиях д/д

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

*Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.*
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

воспитанники из группы возвращенных из семьи чувствовали себя значительно менее благополучными по сравнению с другими. В самостоятельной жизни у них появляются новые возможности, повышается уровень самоуважения, удовлетворенности безопасностью и отношениями с родными и близкими. В статье даются рекомендации по постинтернатному сопровождению выпускников.

Ключевые слова: субъективное благополучие, субдомены, воспитанники, выпускники, организация для детей-сирот, замещающая семья, возвращенные после неудачного семейного жизнеустройства.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-01 от 08.02.2023 г. «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях».

Для цитаты: Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Зайцев Г.О., Колесникова У.В. Субъективное благополучие молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293. DOI:10.17759/psylaw.2023130419

Subjective Well-Being of Young People from Among Orphans in the Conditions of Transition to Independent Life

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev

Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

The article presents the results of a comparative study of the subjective well-being (hereinafter — SB) of students and graduates of various forms of life arrangement of orphans: an

organization for orphans (hereinafter — o\o), a substitute family. As well as those who were returned after an unsuccessful family arrangement to an organization for orphans. It is shown that graduates, regardless of the group, in the conditions of transition to an independent life, the level of SB decreases, and the number of recorded stresses increases. The most frustrated group are graduates of substitute families. They are, in the terminology of A. Adler, are experiencing the “trauma of overthrow from the throne”. The most satisfied with life compared to others before graduation in independent life do not cope with difficulties, especially young men. Graduates of orphanages are the most prepared for independent life. If before graduation they rated their SB significantly lower compared to foster children, then in the post-international period they took leading positions among others. In the conditions of o\o, the students from the group of those returned from the family felt significantly less prosperous compared to others. In independent life, they have new opportunities, the level of self-esteem, satisfaction with security and relationships with relatives and friends increases. The article provides recommendations for post-international support of graduates.

Keywords: subjective well-being, subdomains, students of institution, graduates, organization for orphaned children, foster families, returned after unsuccessful family life.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023, “Scientific and methodological development of a system for assessing the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, graduates of substitute families to live independently and the success of social adaptation after graduation from organizations and completion of stay in substitute families”.

For citation: Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V. Subjective Well-Being of Young People from Among Orphans in the Conditions of Transition to Independent Life. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293. DOI:10.17759/psylaw.2023130419 (In Russ.).

Введение

Отправной точкой в истории сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является 2010 год, когда в рамках реализации положений Послания Президента Федеральному Собранию дано поручение Правительству России обеспечить разработку и реализацию программ социальной адаптации и сопровождения выпускников детских домов.

Сопровождение не может быть эффективным, если выпускники не подготовлены к самостоятельной жизни, а обязательной такая подготовка стала в связи с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» с 2016 года [17].

Многие регионы принимают нормативный акт, в котором сопровождение выпускников институционального воспитания, возлагается на организацию, где воспитывался выпускник, начиная с момента выпуска (в среднем около 16 лет). При этом дети-сироты, переданные на воспитание в замещающую семью, с подготовкой к самостоятельной жизни не вошли ни в один нормативный правовой документ, поскольку подразумевается естественная подготовка

в семье. После совершеннолетия выпускники, вышедшие из-под попечительства, редко прибегают к услугам сопровождения.

Выпуск из организации для детей-сирот и приемной семьи — это поворотное стрессовое событие в биографии молодых людей, переход в совершенно новую социальную ситуацию развития, в рамках которой они впервые начинают выступать в качестве субъекта своей самостоятельной жизни. По А.К. Осницкому, «самостоятельная жизнь — это полная интеграция в общество, внутреннее осознание жизненных целей и задач, способствующих выработке механизмов взаимодействия с окружающим миром, включающих способность дать адекватную оценку возникающим проблемам, а также поиск правильных решений для их устранения, также обеспеченность жильем и социальная устроенность» [15]. Это переход из привычного в неизведанное, нередко провоцирующий и без того высокую сепарационную тревогу у сирот, страх изменений, которые нередко препятствует социальному функционированию [8; 31].

Это время также связано с получением профессионального образования или уже социально-трудовой адаптацией на рабочем месте. Выпускник должен принять основные компоненты профессиональной деятельности: ее задачи, предмет, средства, способы и ценностные ориентации, а характеристики работы должны войти у него «в круг основных факторов удовлетворенности жизнью» [24].

В силу личностных дефицитов, сформированных под влиянием травмы сиротства [12], их социально-трудовая адаптация в большей степени, чем у других категорий опантов, зависит от субъективного благополучия. Чем благополучнее они себя чувствуют, тем их трудовая активность более продуктивна; положительные изменения наблюдаются и в их социальных отношениях [26; 27].

Условия работы, напряженность труда, зарплата, психологическая и физическая безопасность зачастую оцениваются выпускниками с позиции удовлетворенности отношениями с акторами внешней социальной сети (преподавателями, непосредственным начальником, наставником). Выпускники крайне болезненно реагируют на любые замечания, легко дестабилизируются и не удерживаются на рабочем месте. Начинается «кочевание» по местам работы, которое нередко заканчивается снижением адаптационного потенциала и переходом в статус «вечного безработного» [13]. В связи с этим отслеживание уровня субъективного благополучия выпускников в рамках подготовки к самостоятельной жизни и постинтернатного сопровождения можно рассматривать в качестве инструмента их социально-трудовой адаптации.

СБ рассматривается как глобальная оценка удовлетворенности жизнью в тесной связи с такими конструктами, как «счастье», «качество жизни», «удовлетворенность жизнью», «позитивный аффект»; как то, что способствует «процветанию» молодых людей, т. е. чувство хорошего и эффективного функционирования на индивидуальном и межличностном уровнях [25; 29]. По концепции Э. Динера (E. Diener), субъективное благополучие складывается из когнитивного и аффективного компонентов, где когнитивный включает в себя удовлетворенность жизнью в целом и ее конкретными сферами, а аффективный — сумму пережитого положительного и отрицательного аффекта [28].

По мнению Р.М. Шамянова и коллег, СБ включает в себя 5 компонентов эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное благополучие, эго-благополучие, гедонистическое благополучие и социально-нормативное благополучие [22; 23].

СБ связано с осознанной саморегуляцией как системой своих универсальных и специальных ресурсов (когнитивных, личностных) [1].

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

В рамках авторской концепции, основанной на идеях Е. Динера, теории отношений личности В.Н. Мясищева, субъективное благополучие выпускников организаций для детей-сирот и приемных семей рассматривается как удовлетворенность молодых людей системой своих отношений: к себе — считает себя привлекательным внешне и по характеру, считает, что другие его положительно оценивают; с другими — имеет положительную поддерживающую сеть, включающую взрослых (педагогов, наставников и т. д.), сверстников с нормативным поведением, с которыми можно построить доверительные отношения, имеет возможность вести такую же жизнь, как и другие молодые люди, его мнение учитывается при решении важных вопросов, связанных с его жизнью; со средой — живет (учится, работает) в условиях физической и психологической безопасности, считает свое психологическое пространство суверенным; а также «хронотопом» (удовлетворен своим прошлым, настоящим и перспективами на будущее. Субъективное благополучие является одним из условий психологической готовности выпускника к самостоятельной жизни, которая понимается как высший уровень сформированности всех психологических качеств личности, таких как активная жизненная позиция, адекватная самооценка, стремление реализовать себя, сознательное принятие идеалов общества и превращение их в личные для человека убеждения и ценности, социальная адаптация, готовность к созданию семьи [6].

Организация, методы и методики эмпирического исследования

Программа исследования

Цель исследования — проанализировать особенности субъективного благополучия у молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода к самостоятельной жизни.

Задачи исследования.

1. Провести сравнительный анализ показателей СБ у воспитанников и выпускников различных форм устройства детей-сирот.
2. Разработать предложения по организации постинтернатного сопровождения выпускников замещающих семей и детских домов для стандартов деятельности по подготовке выпускников организаций для детей-сирот к самостоятельному проживанию, а также по сопровождению выпускников в постинтернатный период и по завершении пребывания в замещающей семье после 18 лет, разрабатываемые в 2023 году.

Гипотеза: существуют различия в удовлетворенности отдельными субдоменами СБ у выпускников различных форм жизнеустройства.

Описание полученных результатов по СБ структурировано относительно форм жизнеустройства детей-сирот (организация для детей-сирот/приемная семья).

Выборка исследования.

В исследовании приняли участие 1225 человек из числа детей-сирот и лиц из их числа, среди них 201 выпускник (101 юноша и 100 девушек), 1024 подростка (561 мальчик и 462 девочки) разных типов жизнеустройства. Группы не различались по полу ($\chi^2 = 1,425$, $p = 0,132$). Среди них: из детского дома (474 подростка и 107 выпускников); из приемной семьи (396 подростков и 41 выпускник). Выделилась группа, в которую вошли воспитанники и выпускники после неудачного семейного жизнеустройства, т. е. пережившие возвраты из приемных семей (далее — «пережившие возвраты») — 154 старших подростков и 53 выпускника. Средний возраст выпускников — $19,1 \pm 1,7$; средний возраст воспитанников — $14,9 \pm 1,36$.

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

Подавляющее большинство выпускников (89%) в условиях самостоятельности проживают в среднем около двух лет.

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-01 от 08.02.2023 г. «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешной социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях» в 2023 году. Опрос осуществлялся анонимно, с помощью авторской анкеты, включившей социально-демографические сведения о выпускнике, вопросы, связанные с оценкой его готовности к самостоятельной жизни и доверием к «другим», а также ряда психодиагностических методик. Опрос был организован службами сопровождения выпускников. Процедура занимала от 60 до 90 минут и соответствовала этическим стандартам декларации Хельсинки 1964 года. Респонденты были ознакомлены с целями и задачами исследования и дали информированное согласие на участие.

Методы и методики.

Исследование проводилось с помощью опросника «Субъективное благополучие выпускников», разработанного на основе авторской операциональной модели СБ [14] и включившего 11 субдоменов СБ, критерием оценки которых стала удовлетворенность:

3. здоровьем и самочувствием (глобальная оценка своего здоровья и самочувствия);
4. активным образом жизни (физическая активность, спорт, энергичность);
5. безопасностью (психологическая и физическая в разных социальных контекстах: д/д, образовательная организация, работа, место проживания);
6. внутренней поддерживающей сетью (отношения с родными и близкими);
7. внешней поддерживающей сетью (отношения со сверстниками, наставником, педагогами, соучениками, начальниками и коллегами по работе);
8. возможностью доверять другим (сверстникам и взрослым);
9. нормализацией жизни (не хуже в сравнении с другими молодыми людьми): жизнью в целом, здоровьем, едой, одеждой, собственными вещами, индивидуальным вниманием, медицинской помощью, гаджетами и др.);
10. суверенностью психологического пространства (понимается в соответствии с определением С.К. Нартовой-Бочавер), как «...наиболее значимая характеристика прочности границ, переживаемой человеком как суверенность собственного Я, которая дает чувство уверенности, доверия к миру, безопасности, позволяет человеку ощущать свою жизнь как аутентичную» [9; 10];
11. удовлетворенностью материальным положением;
12. своим «хронотопом» (интерпретируется как субъективное время личности, временная перспектива) [2; 4; 11; 16; 20];
13. учетом мнения (насколько учитывается мнение респондентов при решении жизненно важных для них вопросов).

Измерение проводилось с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта (от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен» или «от никогда» до «всегда»).

Анализ внутренней согласованности опросника СБ с помощью коэффициента альфа Кронбаха указал на высокую внутреннюю согласованность: α Кронбаха СБ = 0,858.

Для оценки удовлетворенности собой использовалась Шкала самооценки Розенберга (α Кронбаха — 0,98). [5], а также модифицированная под цели исследования «Методика определения стрессоустойчивости Т. Холмса и Р. Раге». Опросник также содержал вопросы, направленные на оценку готовности к самостоятельной жизни и признание себя равным тем, у кого не было опыта сиротства.

Статистическая обработка материалов исследования проводилась с использованием статистического пакета программ SPSS-21. Проверка на нормальность распределения данных проводилась с использованием критерия Колмогорова—Смирнова, рассчитывались медианы для сравнения полученных средних значений по всем шкалам используемых опросников. Для сравнения по качественным показателям использовался критерий χ^2 Пирсона.

Результаты

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, воспитывавшиеся в разных формах жизнеустройства, по-разному оценивают удовлетворенность своей готовностью к самостоятельной жизни ($\chi^2 = 19,294$; $p = 0,013$).

Значительная часть молодых людей, независимо от форм жизнеустройства, затруднились с оценками своей удовлетворенности готовностью к самостоятельной жизни (рис. 1). Из них большинство воспитывались в приемных семьях, чаще, чем каждый второй респондент. Выпускники организаций для детей-сирот чаще других оценивали свою готовность как удовлетворительную, а «пережившие возвраты» значительно чаще сомневались в своей готовности, при этом их оказалось большинство среди положительно ответивших на этот вопрос.

Чувствуют себя адаптированными в самостоятельной жизни — 45% юношей и 55% девушек.

Таблица 1

СБ сирот в зависимости от пола, статуса, типа семейного жизнеустройства

Статус	СБ	Среднее значение \pm стандартное отклонение: для сирот в зависимости от пола, статуса, типа семейного жизнеустройства				Значение F и уровень значимости различий p (df = 2,1212)		
		Тип семейного жизнеустройства				Тип жизнеустройства* Статус	Тип жизнеустройства* Пол	Тип жизнеустройства* Статус* Пол
		Пол	Детский дом	Приемная семья	Смешанный			
1	Самоуважение	М	15,7 \pm 2,4	15,7 \pm 2,2	14,4 \pm 4,1	F = 4,890 p = 0,008	F = 1,622 p = 0,198	F = 0,854 p = 0,426
		Ж	15,6 \pm 2,4	15,6 \pm 2,1	13,1 \pm 4,8			
2		М	15,9 \pm 2,4	16,4 \pm 2,4	15,8 \pm 2,9			
		Ж	16,6 \pm 2,9	16,2 \pm 2,5	15,9 \pm 3,5			
1	Здоровье и самочувствие	М	3,6 \pm 0,8	3,7 \pm 0,7	3,2 \pm 1,1	F = 0,893 p = 0,410	F = 0,921 p = 0,398	F = 0,609 p = 0,544
		Ж	3,4 \pm 0,7	3,4 \pm 0,7	2,9 \pm 1,1			
2		М	4,1 \pm 0,6	3,9 \pm 0,5	3,9 \pm 0,8			
		Ж	4,0 \pm 0,5	4,1 \pm 0,4	3,7 \pm 0,8			

1	Активный образ жизни	М	3,4 \pm 1,2	3,5 \pm 1,2	3,1 \pm 1,5	F = 0,943 p = 0,390	F = 1,876 p = 0,154	F = 1,073 p = 0,342
		Ж	2,9 \pm 1,2	3,1 \pm 1,1	2,9 \pm 1,4			
2		М	3,7 \pm 0,9	3,2 \pm 1,0	3,6 \pm 1,1			
		Ж	3,0 \pm 0,8	3,3 \pm 1,1	3,2 \pm 0,9			
1	Безопасность	М	3,8 \pm 0,7	4,0 \pm 0,6	3,1 \pm 1,3	F = 9,634 p = 0,000	F = 0,072 p = 0,930	F = 0,379 p = 0,684
		Ж	3,7 \pm 0,6	3,9 \pm 0,6	3,2 \pm 1,2			
2		М	3,9 \pm 0,9	3,8 \pm 0,5	3,9 \pm 1,1			
		Ж	3,8 \pm 0,7	3,8 \pm 0,5	3,7 \pm 0,9			
1	Удовлетворенность внутренней поддерживающей сетью	М	3,4 \pm 0,7	3,6 \pm 0,7	3,0 \pm 1,2	F = 3,276 p = 0,038	F = 1,671 p = 0,188	F = 1,028 p = 0,183
		Ж	3,3 \pm 0,6	3,6 \pm 0,7	3,0 \pm 1,2			
2		М	3,7 \pm 0,7	3,2 \pm 0,7	3,4 \pm 0,9			
		Ж	3,4 \pm 0,7	3,5 \pm 0,8	3,3 \pm 0,8			
1	Удовлетворенность внешней поддерживающей сетью	М	3,4 \pm 0,9	3,2 \pm 0,9	2,9 \pm 1,2	F = 2,736 p = 0,065	F = 0,044 p = 0,957	F = 1,535 p = 0,216
		Ж	3,5 \pm 1,0	3,0 \pm 0,9	3,2 \pm 1,2			
2		М	3,9 \pm 0,6	3,8 \pm 0,6	3,5 \pm 1,0			
		Ж	3,8 \pm 0,5	3,9 \pm 0,7	3,1 \pm 1,2			
1	Нормализация жизни	М	3,9 \pm 0,9	4,2 \pm 0,8	3,2 \pm 1,4	F = 10,021 p = 0,000	F = 0,137 p = 0,872	F = 0,319 p = 0,727
		Ж	3,9 \pm 0,8	4,3 \pm 0,6	3,5 \pm 1,3			
2		М	3,0 \pm 0,3	2,96 \pm 0,4	2,97 \pm 0,4			
		Ж	2,98 \pm 0,4	2,98 \pm 0,3	2,96 \pm 0,4			
1	Суверенность пространства	М	3,8 \pm 0,8	4,1 \pm 0,7	3,2 \pm 1,3	F = 18,358 p = 0,000	F = 0,043 p = 0,3 90	F = 1,518 p = 0,220
		Ж	3,8 \pm 0,7	4,2 \pm 0,7	3,4 \pm 1,3			
2		М	2,1 \pm 0,7	2,2 \pm 0,8	2,3 \pm 0,6			
		Ж	2,2 \pm 0,5	1,8 \pm 0,7	2,3 \pm 0,6			
1	Удовлетворенность материальным положением	М	3,5 \pm 0,8	3,9 \pm 0,7	2,99 \pm 1,0	F = 19,962 p = 0,000	F = 0,723 p = 0,485	F = 0,023 p = 0,977
		Ж	3,5 \pm 0,8	3,97 \pm 0,7	3,1 \pm 0,9			
2		М	2,4 \pm 0,8	2,2 \pm 0,9	2,5 \pm 0,9			
		Ж	2,2 \pm 0,7	2,2 \pm 0,7	2,5 \pm 1,0			
1	Наставник	М	3,2 \pm 1,7	2,6 \pm 1,8	3,3 \pm 1,7	F = 0,395 p = 0,674	F = 4,435 p = 0,012	F = 7,491 p = 0,001
		Ж	3,3 \pm 1,8	2,3 \pm 1,7	3,2 \pm 1,7			
2		М	3,8 \pm 1,7	2,1 \pm 1,6	3,7 \pm 1,8			
		Ж	3,5 \pm 1,9	4,1 \pm 1,6	3,7 \pm 1,7			
1	Доверие	М	3,9 \pm 0,8	4,0 \pm 0,8	3,2 \pm 1,4	F = 7,411 p = 0,001	F = 4,758 p = 0,009	F = 2,909 p = 0,055
		Ж	3,7 \pm 0,8	3,9 \pm 0,8	3,6 \pm 1,2			
2		М	4,1 \pm 0,8	3,4 \pm 1,0	3,9 \pm 1,1			
		Ж	3,9 \pm 0,8	4,0 \pm 0,7	4,0 \pm 0,5			
1	Удовлетворенность прошлым	М	3,1 \pm 1,0	3,3 \pm 1,1	3,1 \pm 1,5	F = 2,014 p = 0,134	F = 1,643 p = 0,194	F = 0,937 p = 0,392
		Ж	2,9 \pm 1,0	3,0 \pm 1,0	3,1 \pm 1,4			
2		М	3,2 \pm 1,1	2,7 \pm 1,3	2,5 \pm 1,0			
		Ж	2,8 \pm 1,2	2,8 \pm 1,1	2,7 \pm 1,1			

1	Удовлетворенность настоящим	М	3,8 \pm 0,9	4,0 \pm 0,9	3,3 \pm 1,5	F = 4,400 p = 0,012	F = 3,787 p = 0,023	F = 1,135 p = 0,322
		Ж	3,6 \pm 0,9	4,1 \pm 0,8	3,2 \pm 1,5			
2		М	4,0 \pm 0,8	3,4 \pm 1,1	3,3 \pm 1,3			
		Ж	3,9 \pm 0,9	4,1 \pm 0,6	3,5 \pm 1,3			
1	Удовлетворенность перспективами будущего	М	3,7 \pm 0,7	3,8 \pm 0,6	3,1 \pm 1,2	F = 0,315 p = 0,730	F = 0,709 p = 0,493	F = 0,109 p = 0,896
		Ж	3,7 \pm 0,6	3,8 \pm 0,6	3,4 \pm 1,3			
2		М	3,6 \pm 0,9	3,8 \pm 1,0	3,1 \pm 1,2			
		Ж	3,5 \pm 0,7	3,7 \pm 0,7	3,2 \pm 1,1			
1	Хронотоп	М	3,5 \pm 0,7	3,7 \pm 0,6	3,2 \pm 1,1	F = 1,915 p = 0,148	F = 0,909 p = 0,149	F = 1,383 p = 0,251
		Ж	3,4 \pm 0,6	3,6 \pm 0,6	3,2 \pm 1,1			
2		М	3,6 \pm 0,8	3,3 \pm 1,0	3,0 \pm 0,9			
		Ж	3,4 \pm 0,8	3,5 \pm 0,6	3,2 \pm 1,0			
1	Учет мнения	М	3,8 \pm 0,9	3,9 \pm 0,9	3,1 \pm 1,4	F = 2,496 p = 0,084	F = 0,392 p = 0,682	F = 0,263 p = 0,768
		Ж	3,8 \pm 0,9	3,9 \pm 0,9	3,4 \pm 1,2			
2		М	4,2 \pm 0,9	3,9 \pm 0,9	3,7 \pm 0,9			
		Ж	4,1 \pm 1,0	3,9 \pm 1,1	3,6 \pm 1,1			
1	Общий уровень СБ	М	3,6 \pm 0,5	3,8 \pm 0,5	3,1 \pm 0,9	F = 6,019 p = 0,003	F = 1,109 p = 0,330	F = 0,830 p = 0,436
		Ж	3,5 \pm 0,6	3,7 \pm 0,4	3,2 \pm 0,9			
2		М	3,5 \pm 0,3	3,2 \pm 0,3	3,2 \pm 0,5			
		Ж	3,3 \pm 0,3	3,3 \pm 0,3	3,1 \pm 0,5			
1	Стрессы	М	3,9 \pm 4,7	2,9 \pm 4,2	7,3 \pm 8,1	F = 16,393 p = 0,000	F = 3,132 p = 0,044	F = 2,031 p = 0,132
		Ж	3,7 \pm 3,6	2,2 \pm 2,9	6,6 \pm 7,3			
2		М	8,1 \pm 6,3	14,3 \pm 16,2	10,1 \pm 10,6			
		Ж	7,6 \pm 4,9	9,2 \pm 5,7	8,5 \pm 4,8			

Оценки удовлетворенности большей части субдоменов зависят от двух факторов: статус (воспитанник—выпускник) и пол респондента. Единственным субдоменом, имеющим зависимость от трех факторов (статус, пол и форма жизнеустройства), является удовлетворенность отношениями с наставником.

Сравнительный анализ общего уровня СБ (рис. 1) по выделенным группам позволил обнаружить наличие значимых различий по статусу и форме жизнеустройства. У всех выпускников его значения ниже по сравнению с воспитанниками. До выпуска по уровню СБ группы воспитанников распределились следующим образом: самые удовлетворенные своим благополучием — подростки из замещающих семей; самые неудовлетворенные дети, которые пережили возвраты из семьи в д/д — «пережившие возвраты» или «смешанная группа»; по середине — воспитанники д/д. В самостоятельной жизни лидерство переходит к выпускникам д/д, респонденты из замещающих семей и «пережившие возвраты» стали очень близки по уровню СБ.

Значимые различия между группами обнаружены и по уровню удовлетворенности собой (методика Розенберга «Самоуважение») в зависимости от формы жизнеустройства и статуса респондента. У респондентов, независимо от выделенных факторов, общий балл соответствует низким показателям (от 10 до 18 баллов), что свидетельствует о чувстве недостаточной компетентности, адекватности и трудностях при решении жизненных задач [5]. В самостоятельной жизни выпускники чувствуют себя более достойными самоуважения по сравнению с воспитанниками, включая респондентов из групп «переживших возвраты». Последние обращают на себя внимание тем, что уровень самоуважения у них стал значимо выше.

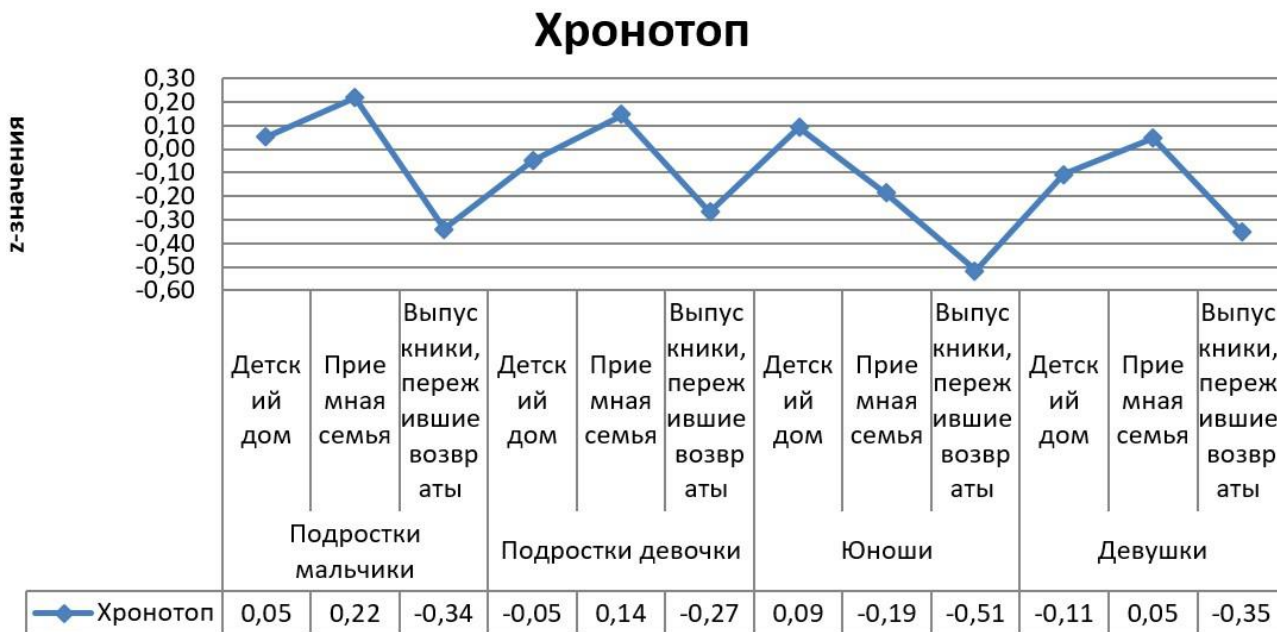

Рис. 1. Соотношение уровня СБ у воспитанников и выпускников различных групп (z-значения)

Уровень своей физической и психологической безопасности воспитанники и выпускники различных форм жизнеустройства оценивают по-разному. Приемные дети чувствуют себя в значительно большей психологической и физической безопасности, чем другие. После выпуска они чувствуют себя самыми незащищенными. Дети из группы «переживших возвраты» оценивали свою безопасность значительно ниже других, после выпуска их удовлетворенность значительно повысилась и практически сравнялась с лидерами по данному показателю — выпускниками д/д.

Оценки удовлетворенности внутренней поддерживающей сетью (родные и близкие) у воспитанников и выпускников разных форм жизнеустройства также различаются. До выпуска в самостоятельную жизнь приемные дети выше других групп оценивали свою удовлетворенность отношениями во внутренней сети (с приемными родителями, сиблингами, родственниками). Наименее удовлетворенными были воспитанники из группы «переживших возвраты». У бывших приемных детей удовлетворенность внутренней поддерживающей сетью значимо снизилось, у остальных повысилось. Выше других оценивают внутреннюю поддержку выпускники детских домов.

Уровень удовлетворенности внешней поддерживающей сетью (учителя, воспитателя, наставник, сверстники) не зависит у респондентов ни от статуса, ни от пола, ни от формы жизнеустройства. В целом, уровень удовлетворенности ближе к среднему. При этом выявлены значимые различия по оценке отношений с наставником у респондентов в зависимости от статуса, пола, формы жизнеустройства. Наставник для ребенка-сироты выполняет роль значимого взрослого. У приемных детей удовлетворенность отношениями с наставником объективно ниже по сравнению с детьми из д/д, так как они либо его не имеют, либо он не является для них столь значимым, поскольку эту роль выполняют приемные родители. После выпуска

наставник появляется в рамках сопровождения после подписания соответствующего договора. Девушки, воспитывавшиеся в приемных семьях, вполне успешно используют этот ресурс. У юношей уровень удовлетворенности отношениями с наставником довольно низкий. Фактически, юноши оказываются без поддержки взрослого. По сравнению с воспитанниками выпускники д/д и «пережившие возвраты» в большей степени довольны отношениями с наставником. Хотя у девушек из д/д удовлетворенность ниже, чем у юношей.

Оценки «нормализации жизни» (жизнь не хуже, чем у других) зависят от статуса респондентов. В самостоятельной жизни все молодые люди начинают считать свою жизнь хуже, чем у других. В семье приемные дети чаще других оценивали свою жизнь как вполне нормальную. У выпускников уровень удовлетворенности нормализацией жизни ниже практически в два раза. В группе «переживших возвраты» оценка подростками нормализации своей жизни самая низкая, после выпуска она фактически сравнялась с представителями других групп.

Еще одно разочарование, которое испытывают молодые люди после выпуска независимо от формы жизнеустройства — это нарушения «суверенности личностного пространства». Выпускники значительно чаще, чем воспитанники, считают свое пространство депривированным и небезопасным, значительно чаще указывают на вторжение «других» и нарушение границ со стороны окружающих. Если приемные дети достаточно высоко оценивали суверенность, значительно выше по сравнению с другими, то в самостоятельной жизни по данному показателю группы выпускников сблизилась.

Независимо от формы жизнеустройства все выпускники чувствуют себя значительно менее удовлетворенными своим материальным положением. Приемные дети, по сравнению с «другими», оценивали свое материальное положение как удовлетворяющее их потребности. После выпуска наиболее неудовлетворенными своим материальным положением стали «переживших возвраты» и выпускники приемных семей.

Довольно высокие значения получил субдомен «доверие в межличностных отношениях». Сравнительный анализ показал, что оценки по данному субдомену различны в зависимости от формы жизнеустройства, статуса и пола. В д/д и приемной семье мальчики в большей степени удовлетворены доверием в межличностных отношениях. У возвращенных детей имеет место обратная тенденция. У девочек значение по субдомену выше по сравнению с мальчиками. Приемные девочки заняли лидирующие позиции в своей гендерной группе. Выпуск из приемной семьи больше всего «ударил» по приемным мальчикам: уровень доверия у них значительно ниже в сравнении с девочками. Метаморфоза наблюдается в группах «переживших возвраты» из выпускников: их удовлетворенность возможностью доверять в межличностных отношениях значительно выше, как у девушек, так и у юношей.

Уровень удовлетворенности «хронотопом» (прошлым, настоящим и будущим) не получил значимых различий по всей выборке, у подростков и выпускников его уровень ближе к среднему. Среди временных периодов хронотопа (рис. 2) удовлетворенность будущими перспективами, как и положено молодым людям, выше, чем другими периодами. Удовлетворенность прошлым — сиротским детством — значительно ниже. Во временном пространстве имеются различия только по субдомену «удовлетворенность настоящим». Сравнительный анализ выделил значимые различия в уровне оценки своей жизни в настоящем у воспитанников и выпускников различных форм жизнеустройства и разного пола. Удовлетворенность настоящим была наиболее высокой у приемных детей и наиболее низкой у сирот, имеющих опыт неудачного жизнеустройства: в замещающих семьях выше у приемных девочек; в д/д ниже всех у

«переживших возвраты» мальчиков. После выпуска наиболее неудовлетворенной группой оказались юноши, воспитывавшиеся в приемных семьях. При этом у девушек субъективное ощущение удовлетворенности настоящим практически не изменилось. У «переживших возвраты» уровень удовлетворенности после выпуска практически имеет те же значения, что и до него.

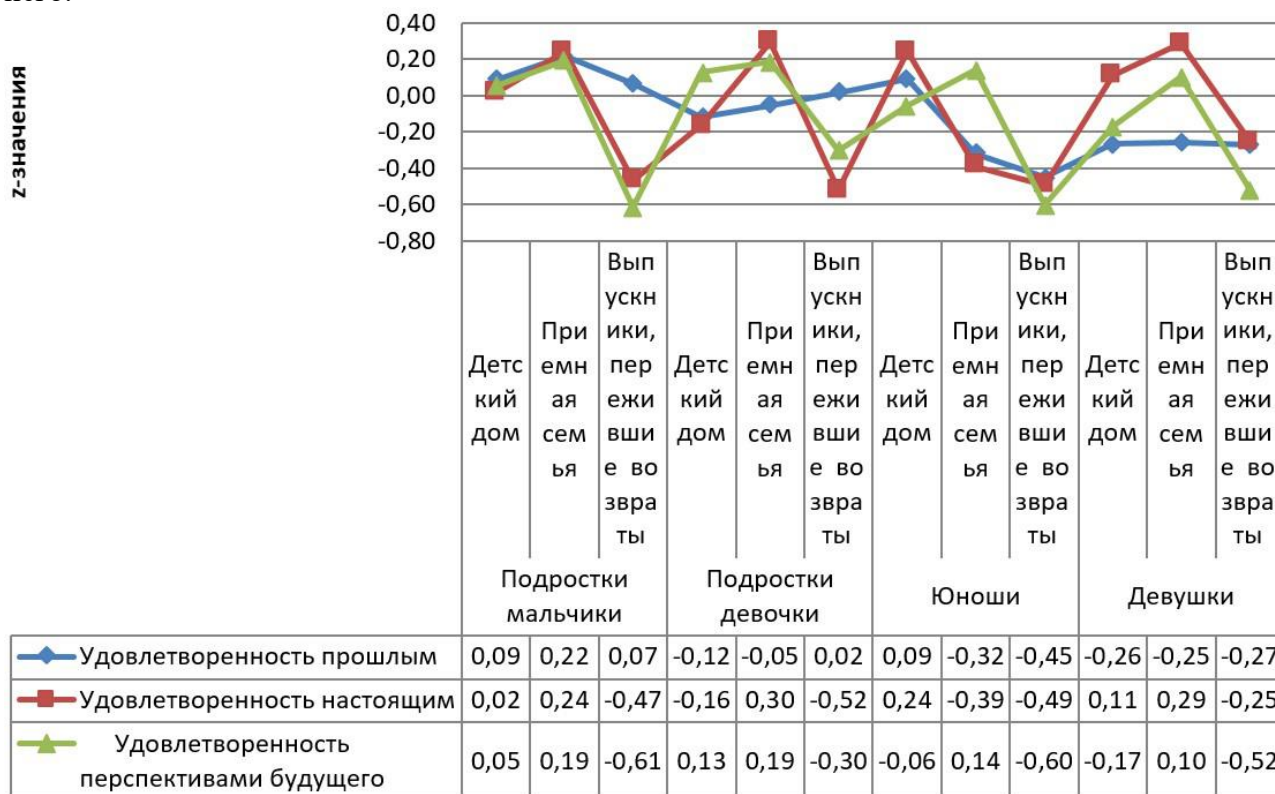

Рис. 2. Соотношение удовлетворенности различными временными периодами жизни у воспитанников и выпускников (z-значения)

Обращает на себя внимание то, что значения субдоменов «Здоровье и самочувствие» и «Активность образа жизни» не получили значимых различий, хотя оценки субъективного здоровья выше, чем активности жизни. Т.е. все респонденты считают себя достаточно здоровыми, при этом физической активности им явно не хватает. Также не получили значимых различий и оценки, которые выше средних по субдомену «Учет мнения».

Уровень жизненных стрессов не входит в оценку СБ, но оказывает значительное влияние на адаптацию молодых людей в самостоятельной жизни как до, так и после выпуска.

Сравнительный анализ по выделенным группам позволил обнаружить значимые различия по статусу респондентов, форме жизнеустройства и полу. Мальчики независимо от статуса отмечали большее количество стрессовых событий, которые с ними произошли за последние два года, чем девочки. Самое низкое количество стрессовых событий наблюдается у приемных детей и самое высокое — у группы «переживших возвраты». После выхода в самостоятельную жизнь независимо от формы жизнеустройства и пола уровень воспринимаемого стресса значительно повысился у всех. Выделяется группа приемных детей, где он вырос почти в 5 раз.

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

*Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.*
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

Значительно выше (практически в два раза) он повысился у бывших воспитанников детского дома.

Обсуждение результатов

Вступление в самостоятельную жизнь молодых людей из числа детей-сирот — сложный этап личностного и социального развития в условиях неопределенности, новых требований, событие, которое, с одной стороны, для многих является кризисным, а с другой — несет с собой потенциал новых возможностей.

Полученные результаты сравнительной оценки уровня готовности к самостоятельной жизни выпускников организаций и приемных семей коррелируют с выводами другого исследования (N = 3162), которое показало, что «в самостоятельной жизни готовность и ресурсность выпускников из замещающих семей к решению проблем адаптации не оказались значимо выше, чем у молодых людей из организаций». [18]

После выпуска молодые люди независимо от формы устройства открыли для себя, что живут хуже своих сверстников по всем параметрам (здоровье, жилье, одежда, гаджеты, материальное обеспечение, отношения и др., т.е. все то, что необходимо молодому человеку для «нормальной» жизни). Особенно пострадали границы личностного пространства. В исследовании Н.Е. Харламенковой показано, что способность контролировать свое психологическое пространство позволяет успешно разрешать жизненные задачи, расширять потенциал возможностей личности в совладании с жизненными трудностями конструктивным способом, реорганизовать их в потенциал личностного роста и развития, а при снижении оценки суверенности ЛП повышается уровень переживаний, связанных с угрозой и опасностью [21]. Значение этих показателей самые низкие в профиле СБ выпускников. У бывших приемных детей эти потребности наиболее фрустрированы.

В исследованиях хронотопа как субъективного времени личности, ее временной перспективы у воспитанников д/д (К.А. Абульханова - Славская, Н.Л. Белопольская И.В. Дубровина, Л.А. Запорожец, М.И. Лисина, В.С. Мухина, В.Н. Ослон, А.М. Прихожан, Н.К. Радина, А.Г. Рузская, Н.Н. Толстых и др.) описываются «нарушения», «сокращения», неадекватность временной перспективы, отсутствие четких представлений о своем прошлом, ориентация на настоящее время, выраженная в преобладании в их жизни сиюминутных потребностей, фрустрация будущих перспектив как последствие психических травм. [20]. Исследование временной трансперспективы у подростков, оставшихся без попечения, выявило высокую эмоциональность прошлого, которое преобладает над эмоциональной окраской будущего и настоящего; большую эмоциональную заряженность модуса настоящего, чем модуса будущего, высокую оценку его активности [19]. В нашем исследовании сравнительный анализ удовлетворенности временной трансперспективой показал, что у воспитанников и выпускников, девочек и мальчиков, представителей различных форм жизнеустройства, она не имеет значимых различий, как в целом по хронотопу, так и по удовлетворенности прошлым и перспективами на будущее. Различия получены исключительно по удовлетворенности настоящим. Удовлетворенность прошлым одна из самых низких, как в структуре хронотопа, так и СБ в целом. Это подтверждают результаты других исследований, выполненных на детях и подростках организаций для детей-сирот. При этом оказалось, что временная трансперспектива у выпускников в период ранней зрелости, различных форм устройства по эмоциональным оценкам прошлого и будущего не отличается от подростков-сирот, воспитывающихся в организации, переживания настоящего действительно более эмоционально заряжено у всех.

По результатам отечественных и зарубежных исследований, для подростков-сирот характерна депривация доверия [7]; доверие имеет связь с удовлетворенностью жизнью [3]. По данным исследований, мальчики и юноши демонстрируют большее базовое доверие к незнакомым другим, чем женщины [30]. В нашем исследовании депривация доверия в межличностных отношениях характерна для группы воспитанников, возвращенных после неудачного семейного жизнеустройства в д/д, преимущественно для мальчиков, и юношей — выпускников замещающих семей. У последних это отражает кризис перехода. У воспитанников и выпускников д/д удовлетворенность доверием зависит от пола: у мальчиков она выше, чем у девочек. Тема доверия у подростков-сирот и лиц из их числа — краеугольная для психологии сиротства и нуждается в дальнейших исследованиях.

Результаты сравнительного анализа уровня СБ по группам позволили выявить особенности вступления в самостоятельную жизнь воспитанников и выпускников из различных форм жизнеустройства.

Бывшие приемные дети, по терминологии А. Адлера, переживают «травму свержения с трона». Судя по значительному числу субдоменов, по которым резко снизилась удовлетворенность (внутренняя поддерживающая сеть, суверенность психологического пространства, материальное положение), а также по большому числу стрессов по сравнению с другими; уход из семьи стал для них поворотным кризисным событием. В субъективных оценках они лишились многого из того, что у них было в «нормальной» жизни: нормального жилья, материального обеспечения, возможности жить в условиях психологической и физической безопасности и т. д, а также тех, кто мог бы их поддержать. Наиболее неудовлетворенными оказались юноши, хотя до выпуска они значительно выше оценивали свое СБ.

Молодые люди, пережившие отказ приемных родителей от их воспитания, до выпуска были самой неудовлетворенной и незащищенной группой. После выпуска они ощутили новые возможности. Их показатели по отдельным субдоменам значительно повысились и стали достигать уровня других групп. Это относится к удовлетворенности настоящим, отношениями с акторами внутренней сети, оценкам своей физической и психологической безопасности. Судя по сниженным оценкам удовлетворенности всеми показателями СБ до выпуска, они не могли адаптироваться ни в одной из систем (ни в д/д, ни в семье), но после выпуска почувствовали себя более свободными и защищенными.

Подростки, воспитывавшиеся в условиях д/д, занимали срединное место по сравнению с другими группами, но после выпуска стали превосходить по уровню СБ, ряду субдоменов (удовлетворенность внутренней поддерживающей сетью, удовлетворенность настоящим) и количеству переживаемых стрессов другие группы. Они действительно оказались лучше подготовленными к самостоятельной жизни, чем другие.

Соотношение оценок у девочек и мальчиков СБ и его субдоменов до и после выпуска показало, что девушки, воспитывавшиеся в приемных семьях, чувствуют себя более адаптированными в самостоятельной жизни, чем юноши. Возможно, это связано с тем, что они меньше привязываются к своим замещающим семьям, чем мальчики, и уровень их сепарационной тревоги ниже. Девушки-выпускницы независимо от группы фиксируют меньшее количество стрессов, чем юноши, и выше оценивают свою адаптированность. При этом девушки чаще не чувствуют себя равными другим, не имеющим опыта сиротства.

Выводы

1. Выпуск детей-сирот из любой формы жизнеустройства является поворотным кризисным событием для молодых людей. У них значительно ниже оценки «нормальности» своей жизни, они чувствуют себя менее здоровыми, менее удовлетворены своим материальным положением; суверенностью своего психологического пространства, у них значительно чаще фиксируются стрессовые события. Наиболее фрустрированной группой являются выпускники замещающих семей. Они, по терминологии А. Адлера, переживают «травму свержения с трона». Все оценки СБ у них значительно ниже по сравнению с выпускниками детского дома. Особенно страдают юноши, у которых, по всей вероятности, значительно выше сепарационная тревога в силу большей привязанности к семье. Выпускники детских домов занимают лидирующие позиции в отношении своего СБ. Они действительно оказались лучше подготовленными к самостоятельной жизни и чувствуют себя в ней более адаптированными и менее фрустрированными по сравнению с другими группами. Выпускники группы, представители которой пережили отказ замещающей семьи от их воспитания и были возвращены в д/д, до выхода из организации были в значительно большей степени не удовлетворены своей жизнью по сравнению с другими. После выпуска они почувствовали себя более состоятельными и достойными уважения, их оценки удовлетворенности физической и психологической безопасностью значительно повысились, они стали выше оценивать удовлетворенность отношениями с родственниками и близкими.

2. У выпускников, независимо от формы жизнеустройства, повышается уровень самоуважения, они чувствуют себя более компетентными. Девушки, независимо от формы жизнеустройства, считают себя более адаптированными, чем юноши, хотя чаще ощущают себя в неравной позиции по сравнению с теми, кто не имел опыта сиротства. В работе подтвердились результаты исследований восприятия временной трансперспективы, выполненных на детях и подростках организаций для детей-сирот, в отношении большей эмоциональной заряженности настоящего, но не подтвердились в отношении депривации доверия у воспитанников и выпускников. Это требует дальнейшего изучения;

3. Необходимо выделить в отдельную целевую группу выпускников замещающих семей и активно вовлекать их в постинтернатное сопровождение. Долгое время считалось, что они в нем нуждаются в меньшей степени по сравнению с выпускниками детского дома, так как семейное жизнеустройство дает гарантии успешной адаптации в самостоятельной жизни, что не подтверждается данными исследования. Процесс перехода в самостоятельную жизнь, занимающий не менее двух лет, независимо от формы жизнеустройства детей-сирот, необходимо рассматривать в качестве кризисного периода постинтернатного сопровождения, когда выпускник нуждается в индивидуальном кураторе и интенсивной психологической помощи.

Таким образом, мониторинг субъективного благополучия выпускников в рамках подготовки к самостоятельной жизни и постинтернатного сопровождения можно рассматривать в качестве инструмента диагностики уровня адаптированности выпускников в самостоятельной жизни, а также их социально-трудовой адаптации.

В качестве перспективы исследования можно выделить расширение выборки выпускников, более углубленное изучение проблемы доверия и временной трансперспективы у воспитанников и выпускников различных форм жизнеустройства.

Полученные результаты указывают на необходимость полноценной подготовки к самостоятельной жизни выпускников приемных семей и разработки мер поддержки и контроля до и

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

*Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.*
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

после выпуска. Возможными вариантами могут стать новые услуги специалистов служб сопровождения замещающих семей, включение в договор о приемной семье требования такой подготовки; добровольное согласие приемных родителей на проведение оценки готовности подопечных к самостоятельному проживанию, выявление уровня субъективного благополучия и т. д. Часть этих предложений можно включить в стандарты деятельности по подготовке выпускников организаций для детей-сирот к самостоятельному проживанию, а также по сопровождению выпускников в постинтернатный период и по завершении пребывания в замещающей семье после 18 лет, разрабатываемые в 2023 году.

Литература

1. Банищикова Л.Ф. Субъективное благополучие молодых людей с разной степенью выраженности регуляторно-личностных ресурсов // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума (Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года): В 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 66–70.
2. Василевская К.Н. Функции автобиографической памяти личности [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1-3 (43). С. 80–86. doi:10.18454/IRJ.2016.43.006
3. Данилова Ю.Ю., Данилова М.В. Доверие и удовлетворенность жизнью у подростков в условиях материнской депривации // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-4. С. 320–323.
4. Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Издательство УРАО, 2000. 208 с.
5. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
6. Киселева Д.Е., Кацера А.А. Формирование психологической готовности старшеклассников к самостоятельной жизни [Электронный ресурс] // Colloquium-Journal. 2020. № 10 (62). С. 140–142. doi:10.24411/2520-6990-2020-11657
7. Короткевич О.А., Зикеева А.Д. Психологические особенности доверия к себе и к миру подростков-сирот // Физиологические, педагогические и экологические проблемы здоровья и здорового образа жизни: Сборник научных трудов X Всероссийской научно-практической конференции, 29–30 марта 2017 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: РГППУ, 2017. С. 166–173.
8. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Зарубежные исследования сепарационной тревоги [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 39–47. doi:10.17759/jmfp.2022110104
9. Крымгужина Р.Р., Заводчиков Д.П. Суверенность психологического пространства // Прикладная психология. Безопасность среды взаимодействия: материалы II Региональной научно-практической конференции для практикующих психологов, молодых ученых и студентов, 23–24 октября 2008 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: РГППУ, 2008. С. 108–110.
10. Нартова-Бочавер С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 6. С. 18–29.

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

11. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 79–90.
12. *Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.* Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205
13. *Ослон В.Н., Селенина Е.В.* Модельная программа постинтернатного сопровождения и адаптации выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в субъектах Российской Федерации в процессе получения ими профессионального образования и при первичном трудоустройстве и технология сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с учетом состояния их здоровья (с учетом корректировок по итогам апробации). М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Центр развития социальных проектов, 2017. 280 с.
14. *Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.* Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604
15. *Осницкий А.К.* Психологические механизмы самостоятельности. М.: Психологический институт, 2010. 230 с.
16. *Остапенко А.А.* Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2010. Том 6. № 1. С. 2–6. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2010_n1/29138 (дата обращения: 02.11.2023).
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 02.11.2023).
18. *Семья Г.В.* Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41. doi:10.17759/psylaw.2021110403
19. *Смирнова Я.К.* Суверенность как предиктор временной транспективы подростков, оставшихся без попечения родителей: Автореф. дисс. ... канд. психол. Наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. 23 с.
20. *Федотова Н.И.* Проблемы формирования временной перспективы детей-сирот подросткового возраста (библиографический обзор) [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 254–261. doi:10.17805/zpu.2016.3.20
21. *Харламенкова Н.Е.* Суверенность психологического пространства личности при разных типах переживаемых угроз // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2015. Том 21. № 1. С. 38–41.
22. *Шамионов Р.М.* Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия.

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

Акмеология образования. Психология развития. 2015. Том 4. № 3 (15). С. 213–218.
doi:10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218

23. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. Том 14. № 1. С. 80–86.

24. Яковлева Е.А., Крячко В.И. Профессиональная продуктивность и субъективное благополучие [Электронный ресурс] // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. Том 12. № 4. С. 110–120. doi:10.17835/2078-5429.2021.12.4.110-120

25. Diener E. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being // Applied Research in Quality of Life. 2006. Vol. 1. P. 151–152. doi:10.1007/s11482-006-9007-x

26. Diener E. et al. Towards a greater global understanding of wellbeing: A proposal for a more inclusive measure // International Journal of Wellbeing. 2020. Vol. 10(2). doi:10.5502/ijw.v10i2.1037

27. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in Subjective Well-Being Research // Nature Human Behavior. 2018. Vol. 29(4). P. 253–260. doi:10.1038/s41562-018-0307-6

28. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125(2). P. 276–302. doi:10.1037/0033-2909.125.2.276

29. Kashdan T.B., Biswas-Diener R., King L.A. Reconsidering happiness: the costs of distinguishing between hedonics and eudaimonia // Journal of Positive Psychology. 2008. Vol. 3(4). P. 219–233. doi:10.1080/17439760802303044

30. Lemmers-Jansen I.L.J., Fett A-K.J., Shergill S.S., van Kesteren M.T.R., Krabbendam L. Girls-Boys: An Investigation of Gender Differences in the Behavioral and Neural Mechanisms of Trust and Reciprocity in Adolescence // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13. doi:10.3389/fnhum.2019.00257

31. Shear K., Jin R., Ruscio A.M., Walters E.E., Kessler R.C. Prevalence and correlates of estimated DSM-IV child and adult separation anxiety disorder in the National Comorbidity Survey Replication // American Journal of Psychiatry. 2006. Vol. 163(6). P. 1074–1083. doi:10.1176/ajp.2006.163.6.1074

References

1. Banshchikova L.F. Sub"ektivnoe blagopoluchie molodykh lyudei s raznoi stepen'yu vyrazhenosti regulatorno-lichnostnykh resursov [Subjective well-being of young people with varying degrees of expression of regulatory and personal resources]. *Psikhologiya segodnya: aktual'nye issledovaniya i perspektivy: materialy Vserossiiskogo psikhologicheskogo foruma (Ekaterinburg, 28–30 sentyabrya 2022 goda)*: V 2 t. T. 1. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022, pp. 66–70. (In Russ.).
2. Vasilevskaya K.N. Funktsii avtobiograficheskoi pamyati lichnosti [Functions of the autobiographical memory] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2016, no. 1-3 (43), pp. 80–86. doi:10.18454/IRJ.2016.43.006 (In Russ.).
3. Danilova Yu.Yu., Danilova M.V. Doverie i udovletvorennost' zhizn'yu u podrostkov v usloviyakh materinskoi deprivatsii [Confidence and satisfaction with life in teenagers under conditions of mother's deprivation]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 66-4, pp. 320–323. (In Russ.).
4. Zinchenko V.P. Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya). Moscow: Izdatel'stvo URAO, 2000. 208 p. (In Russ.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

5. Zolotareva A.A. Validnost' i nadezhnost' russkoyazychnoi versii shkaly samoootsenki M. Rozenberga [Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" = Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 2, pp. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57 (In Russ.).
6. Kiseleva D.E., Katsero A.A. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti starsheklassnikov k samostoyatel'noi zhizni [Formation of psychological readiness of high school students to independent life] [Elektronnyi resurs]. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 10 (62), pp. 140–142. doi:10.24411/2520-6990-2020-11657 (In Russ.).
7. Korotkevich O.A., Zikeeva A.D. Psikhologicheskie osobennosti doveriya k sebe i k miru podrostkov-sirot [The psychological characteristics of trust to the world of teenagers-orphans]. *Fiziologicheskie, pedagogicheskie i ekologicheskie problemy zdorov'ya i zdorovogo obraza zhizni: Sbornik nauchnykh trudov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 29–30 marta 2017 g., g. Ekaterinburg*. Yekaterinburg: RGPPU Publ., 2017, pp. 166–173. (In Russ.).
8. Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Zarubezhnye issledovaniya separatsionnoi trevogi [Foreign Studies of Separational Anxiety] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 39–47. doi:10.17759/jmfp.2022110104 (In Russ.).
9. Krymguzhina R.R., Zavodchikov D.P. Suverenost' psikhologicheskogo prostranstva. *Prikladnaya psikhologiya. Bezopasnost' sredi vzaimodeistviya: materialy II Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya praktikuyushchikh psikhologov, molodykh uchenykh i studentov, 23–24 oktyabrya 2008 g., g. Ekaterinburg*. Yekaterinburg: RGPPU Publ., 2008, pp. 108–110. (In Russ.).
10. Nartova-Bochaver S.K. Ponyatie autentichnosti v zarubezhnoi psikhologii lichnosti: istoriya, fenomenologiya, issledovaniya [Understanding of authenticity in foreign psychology of personality: history, phenomenology, researches]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2011. Vol. 32, no. 6, pp. 18–29. (In Russ.).
11. Nurkova V.V. Avtobiograficheskaya pamyat' s pozitsii kul'turno-deyatel'nostnoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy issledovaniya [Autobiographical memory from perspective of cultural-activity theory: Research highlights and future directions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 79–90. (In Russ.).
12. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Psikhologicheskie resursy i lichnostnye defitsity u vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot [Psychological Resources and Personal Deficits of Graduates of Organizations for Orphans] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 69–89. doi:10.17759/ssc.2022030205 (In Russ.).
13. Oslon V.N., Selenina E.V. Model'naya programma postinternatnogo soprovozhdeniya i adaptatsii vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii v protsesse polucheniya imi professional'nogo obrazovaniya i pri pervichnom trudoustroistve i tekhnologiya soprovozhdeniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, s uchetom sostoyaniya ikh zdorov'ya (s uchetom korrektyrovok po itogam aprobatsii). Moscow: Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii Publ., FGAOU VPO "Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet" Publ., Tsentrazvitiya sotsial'nykh proektov Publ., 2017. 280 p. (In Russ.).
14. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

popечeniya roditelei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604 (In Russ.).

15. Osnitsky A.K. Psikhologicheskie mekhanizmy samostoyatel'nosti. Moscow: Psikhologicheskii institute Publ., 2010. 230 p. (In Russ.).

16. Ostapenko A.A. Khronotop kak perekrestok proshlogo i budushchego, nastoyashchego i... “ponaroshechnogo” [Chronotopos as the Intersection of Past and Future, Present and ... “a Make-Beliefs”] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2010. Vol. 6, no. 1, pp. 2–6. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2010_n1/29138 (Accessed 02.11.2023). (In Russ.).

17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 maya 2014 g. No. 481 “O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei” [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (Accessed 02.11.2023). (In Russ.).

18. Semya G.V. Sravnitel'nyi analiz postinternatnoi adaptatsii vypusnikov iz chisla detei-sirot, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei: dvadtsat' let spustya [Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41. doi:10.17759/psylaw.2021110403 (In Russ.).

19. Smirnova Ya.K. Suverenost' kak prediktor vremennoi transspektivy podrostkov, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei: Avtoref. diss. kand. psikhol. Nauk. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2015. 23 p. (In Russ.).

20. Fedotova N.I. Problemy formirovaniya vremennoi perspektivy detei-sirot podrostkovogo vozrasta (bibliograficheskii obzor) [Shaping the time perspective in teenage orphans (a bibliographic survey)] [Elektronnyi resurs]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2016, no. 3, pp. 254–261. doi:10.17805/zpu.2016.3.20 (In Russ.).

21. Kharlamenkova N.E. Suverenost' psikhologicheskogo prostranstva lichnosti pri raznykh tipakh perezhivaemykh ugroz [Sovereignty of the psychological space of personality with different types of threats]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya Rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University n.a. N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 2015. Vol. 21, no. 1, pp. 38–41. (In Russ.).

22. Shamionov R.M. Kriterii sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti: sotsiokul'turnaya determinatsiya [Criteria of Subjective Personal Well-Being: Socio-Cultural Determinancy] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 3 (15), pp. 213–218. doi:10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218 (In Russ.).

23. Shamionov R.M. Sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti kak sub'ekta sotsial'nogo bytiya [Subjective Well-Being of Personality as a Subject of Social Existence]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014. Vol. 14, no. 1, pp. 80–86. (In Russ.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

24. Yakovleva E.A., Kryachko V.I. Professional'naya produktivnost' i sub'ektivnoe blagopoluchie [Professional productivity and subjective well-being] [Elektronnyi resurs]. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*. 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 110–120. doi:10.17835/2078-5429.2021.12.4.110-120 (In Russ.).
25. Diener E. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being. *Applied Research in Quality of Life*, 2006. Vol. 1, pp. 151–152. doi:10.1007/s11482-006-9007-x
26. Diener E. et al. Towards a greater global understanding of wellbeing: A proposal for a more inclusive measure. *International Journal of Wellbeing*, 2020. Vol. 10, no. 2. doi:10.5502/ijw.v10i2.1037
27. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in Subjective Well-Being Research. *Nature Human Behavior*, 2018. Vol. 29, no. 4, pp. 253–260. doi:10.1038/s41562-018-0307-6
28. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 1999. Vol. 125, no. 2, pp. 276–302. doi:10.1037/0033-2909.125.2.276
29. Kashdan T.B., Biswas-Diener R., King L.A. Reconsidering happiness: the costs of distinguishing between hedonics and eudaimonia. *Journal of Positive Psychology*, 2008. Vol. 3, no. 4, pp. 219–233. doi:10.1080/17439760802303044
30. Lemmers-Jansen I.L.J., Fett A-K.J., Shergill S.S., van Kesteren M.T.R., Krabbendam L. Girls-Boys: An Investigation of Gender Differences in the Behavioral and Neural Mechanisms of Trust and Reciprocity in Adolescence. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2019. Vol. 13. doi:10.3389/fnhum.2019.00257
31. Shear K., Jin R., Ruscio A.M., Walters E.E., Kessler R.C. Prevalence and correlates of estimated DSM-IV child and adult separation anxiety disorder in the National Comorbidity Survey Replication. *American Journal of Psychiatry*, 2006. Vol. 163, no. 6, pp. 1074–1083. doi:10.1176/ajp.2006.163.6.1074

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В.,
Зайцев Г.О., Колесникова У.В.
Субъективное благополучие молодых людей
из числа детей-сирот в условиях перехода
в самостоятельную жизнь
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 272–293

*Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V.,
Zaitsev G.O., Kolesnikova U.V.*
Subjective Well-Being of Young People
from Among Orphans in the Conditions
of Transition to Independent Life
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 272–293

Зайцев Георгий Олегович, кандидат физико-математических наук, доцент, независимый исследователь, программист-вычислитель, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник, Центр прикладных психолого-педагогических исследований, Московский государственный психолого-педагогический университет, (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvse-mia@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev, PhD in Physics and Mathematics, Docent, Independent Research, Programmer, Moscow, Russia, ORCID: [0000-0002-0325-2938](https://orcid.org/0000-0002-0325-2938), e-mail: gozai@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Получена 22.10.2023
Принята в печать 22.11.2023

Received 22.10.2023
Accepted 22.11.2023

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

Ограничение и лишение родительских прав в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей

Лаишул М.В.

Центр защиты прав и интересов детей (ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Тарасова А.Е.

независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению проблем реализации полномочий органов опеки и попечительства в сфере лишения и ограничения родительских прав, отобрания ребенка у родителей с учетом ориентации на сохранение ребенка в кровной семье, в условиях укрепления государственной политики по защите традиционных семейных ценностей, включение категории нравственности в систему нормативных регуляторов семейного права, введение в Российской Федерации запрета на смену пола, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, предпочтений и педофилии. Проведенный опрос специалистов органов опеки и попечительства (N = 851 чел.) показал, что эти вопросы вызывают трудности при применении их на практике и необходимость их включения в программы повышения квалификации органов опеки и попечительства, специалистов по работе с семьей. В статье приводятся результаты анализа законодательной практики, которые показали, что до настоящего времени не создан специальный процессуальный регламент рассмотрения такой категории дел. Авторы предлагают регламентировать специальный порядок рассмотрения судами таких дел, который должен опираться на междисциплинарный подход, сочетающий правовые средства, социальные механизмы, психологическую диагностику и экспертизу, способные обеспечивать социализацию и исправление самых сложных ситуаций, адаптировать все способы помощи семье, включая временное устройство ребенка в альтернативные семьи, к главной цели — сохранение и воссоединение кровной семьи.

Ключевые слова: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, восстановление родительских прав, законный представитель, право ребенка на защиту, орган опеки и попечительства, близкие родственники, принцип диспозитивности, ограничение родительской ответственности.

Лашкул М.В., Тарасова А.Е.
Ограничение и лишение родительских прав
в условиях повышения социальной роли
семьи и укрепления традиционных
духовно-нравственных ценностей
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307

Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Restriction and Deprivation of Parental Rights
in the Context of Enhancing the Social Role
of the Family and Strengthening
Traditional Spiritual and Moral Values
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.02.2023 № 073-00038-23-01 «Научно-методическое обоснование оснований и критериев ограничения, лишения родительских прав и отобрания ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, рисков для его безопасности и развития, межведомственного взаимодействия».

Для цитаты: *Лашкул М.В., Тарасова А.Е.* Ограничение и лишение родительских прав в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307. DOI:10.17759/psylaw.2023130420

Restriction and Deprivation of Parental Rights in the Context of Enhancing the Social Role of the Family and Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values

Marina V. Lashkul

Center for the Protection of the Rights and Interests of Children, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Anna E. Tarasova

Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

The article is devoted to the problems of implementing the powers of guardianship and guardianship authorities in the field of deprivation and restriction of parental rights, taking a child away from parents, taking into account the orientation towards preserving a child in a blood family, in conditions of strengthening state policy to protect traditional family values, including the category of morality in the system of regulatory regulators of family law, the introduction in the Russian Federation of a ban on changing gender, propaganda of non-traditional sexual relations, preferences and pedophilia. The conducted survey of specialists of guardianship and guardianship authorities (N= 851 people) showed that these issues cause difficulties in applying them in practice and the need to include them in professional development programs. The article presents the results of the analysis of legislative practice, which showed that to date no special procedural regulations have been created for the consideration of such a category of cases. The authors propose to regulate a special procedure for the consideration of such cases by the courts, which should be based on combining legal means, social mechanisms, psychological diagnosis and expertise capable of ensuring socialisation and correction of the most difficult situations, adapting all means of assistance to the family, including temporary placement of the child in alternative families, to the main goal of preserving and reuniting the birth family.

Keywords: deprivation of parental rights, restriction of parental rights, restoration of parental rights, legal representative, child's right to defence, guardianship and custody authority, close relatives, dispositive principle, restriction of parental responsibility, rights of custody.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023 “Scientific and methodological substantiation of the grounds and criteria for restriction, deprivation of parental rights and taking a child away from parents in case of an immediate threat to his life or health, risks to his safety and development, interdepartmental interaction”.

For citation: Lashkul M.V., Tarasova A.E. Restriction and Deprivation of Parental Rights in the Context of Enhancing the Social Role of the Family and Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307. DOI:10.17759/psylaw.2023130420 (In Russ.).

Введение

В 2024 г. состоится празднование 30-летнего юбилея Международного года семьи [26], работа государств по подготовке которого ведется в рамках универсальной международной Организации объединенных наций (далее — ООН) и на государственном уровне [5]. В России это Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [15].

Научные исследования в области проблем лишения и ограничения родительских прав, а также отмены ограничений и восстановления в родительских правах в отечественной доктрине относятся к периоду 10-летней давности и ранее. Среди диссертационных исследований тематики лишения и ограничения родительских прав, не утративших своей актуальности, можно выделить такие работы как: диссертационное исследование П.Н. Мардахасевой [4] и И.И. Ординарцева [12]. Отдельным проблемам защиты прав ребенка посредством института лишения родителей родительских прав посвящены научные работы Т.В. Шершень [16] и Л.А. Шигониной [17], А.В. Гришина [1]. Современные аспекты лишения и ограничения родительских прав находят отражение в исследовании Е.Е. Лекановой [3], на концептуальном уровне ряд ученых (Н.В. Тригубович, О.А. Хазова, С.Ю. Чашкова, Е.А. Чефранова) предлагают проработку законодательства, регулирующего отношения детей и родителей [13].

Следует отметить, что иностранный опыт исследований носит часто междисциплинарный, а не узкоправовой характер. Отличие регулирования в иностранных правовых порядках [20; 21; 23; 28] от российского прежде всего выражается в том, что, за исключением стран СНГ, не закрепляется как таковой механизм лишения или ограничения «родительских прав». Используются основания для отобрания (изъятия) ребенка у родителей, которые не справляются с родительскими обязанностями, устройства ребенка к временным или постоянным опекунам, родственникам, в социальные учреждения; регламентируется работа с семьями и родителями с целью оказания им необходимой помощи, содействия, восстановления детско-родительских отношений [19; 25]; исследуются проблемы, связанные с указанными отношениями. Для иностранного правового регулирования характерно более общее универсальное понятие «право опеки», которое применяется к родительской и замещающей (альтернативной) опеке; соответственно, дети изымаются от родителей и право опеки последних ограничивается или утрачивается.

В зарубежных исследованиях используются термины «ограниченное родительство» [18], лишение родительской опеки [24] и анализируются одни из основных причин этого явления — злоупотребление родителями запрещенными веществами или жестокое обращение с детьми; рассматриваются особые национальные меры государственной поддержки

родительства, такие как родительское представительство в судебных делах и междисциплинарные юридические бюро, способствующие воссоединению семей [6; 24]. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные регулированию родительских прав и анализу государственных мер противодействия насилию в семье в разрезе проблем индивидуального выбора родителями методов воспитания и защиты от непропорционального государственного контроля за родителями (на примере опыта Канады и Германии) [27].

В зарубежных исследованиях в настоящее время разрабатывается социально-экологический подход к проблеме изъятия, воссоединения детей и родителей, сохранения семьи [22]. Именно такой подход комплексно опирается на оценку психологических рисков, как для родителей, так и для детей при изъятии ребенка; учитывает стремление родителя воссоединиться с ребенком, переживания, связанные с устройством ребенка в новую семью. Социально-экологический взгляд на проблему сохранения семьи и учет всех психологических особенностей семейных отношений даже в самых сложных ситуациях, например, когда родитель (особенно мать) злоупотребляет психоактивными веществами, позволяет междисциплинарно (правовые средства, социальные механизмы, психологические технологии) социализировать и исправлять ситуацию, адаптировать все способы помощи семье, включая временное устройство ребенка в альтернативные семьи, к главной цели — сохранить/воссоединить кровную семью.

Организация и методы исследования

Актуальность исследования связана с влиянием на институт семьи целого ряда негативных факторов общецивилизационного ценностного характера (изменение ценностных ориентаций в условиях социальной действительности); последствий пандемии, цифровизации, миграционных и гуманитарных кризисов. Каждая страна регулирует национальную политику в области семьи, ориентируясь на эти общие кризисные явления, с учетом национальных особенностей и традиций. Сегодня в России проводится укрепление государственной политики по защите традиционных семейных ценностей, включение категории нравственности в систему нормативных регуляторов семейного права, введение в Российской Федерации запрета на смену пола, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, предпочтений и педофилии. Специалистам органов опеки и попечительства (далее — ООиП) приходится учитывать в своей работе все эти новые реалии.

Гипотеза исследования. Специалисты ООиП непосредственно работающие с детьми и их родителями по разрешению негативных ситуации, в части методической и правовой поддержки не готовы к работе в новых условиях «сохранения кровной семьи для ребенка» и принятия новых законов о запрете смены пола, нетрадиционных сексуальных отношений.

Цель исследования — выявление условий реализации полномочий ООиП в делах по ограничению и лишению родительских прав в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Задачи:

- выявление потребностей в методической, правовой поддержки специалистов ООиП в сфере реализации полномочий в делах по ограничению/отмене и лишению/восстановлению родительских прав;
- анализ законодательства и судебной практики по выявлению проблем законодательства и возможных путей их устранения в соответствии с потребностями практики специалистов ООиП.

Методы исследования:

- опрос специалистов ООиП по специально разработанной анкете. Выборку составил 851 специалист из 64 регионов, проходящие повышение квалификации в МГППУ;
- качественный анализ источников судебной практики межгосударственных органов и национальных судов РФ, отчеты уполномоченных по правам ребенка органов опеки и попечительства по вопросам ограничения/лишения или восстановления родительских прав.

Результаты и обсуждение

Результаты опроса специалистов ООиП.

Главным специалистом, занимающимся вопросами отобрания ребенка, подготовки исковых заявлений (заклучений) в суд по ограничению и лишению родительских прав (далее — РП), является специалист ООиП, и от его квалификации зависит судьба ребенка и родителей. В 2023 г. число детей, родители которых были лишены РП, составило 32677 человек, ограничены в РП — 11094 человек, а число детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни и здоровью, — 1626 человек.

Для выявления проблем, связанных с применением на практике существующих норм, был проведен мониторинг, включающий вопросы, связанные с практикой, а также предложениями специалистов по изменению процедур и законодательства.

Основной вопрос анкеты: «Укажите, что вызывает у Вас затруднения в ходе выполнения полномочия по отобранию ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью (статья 77 СК РФ), подготовке иска в суд (заклучения) об ограничении, лишении родительских прав (возможен выбор нескольких вариантов ответа)» — показал следующие результаты (табл. 1.)

Таблица 1

Затруднения в ходе выполнения полномочий

Вопросы респондентам	Количественные показатели
Критерии для немедленного отобрания ребенка	82%
Оценка ресурсности семьи для воспитания ребенка	73%
Общение с детьми разных возрастных групп, выявление их мнения по вопросам, затрагивающим их жизнь, в том числе при ограничении и лишении их родителей родительских прав	68%
Основания ограничения родителей в РП и снятие ограничения	68%
Причины, признаки, критерии детского и семейного неблагополучия	64%
Основания лишения родительских прав и восстановление в РП	61%
Обеспечивается ли общение с родителями (иными лицами, на попечении которых находится ребенок)?	34%
Встречались ли вы в своей работе со случаями смены пола родителями, в том числе приемными, нетрадиционными сексуальными отношениями, предпочтениями?	3%

Показано, что наибольшее затруднение у специалистов ООиП вызывают критерии немедленного отобрания и оценка ресурсности семьи, т. е. целесообразности ее сохранения исходя из интересов самого ребенка.

Далее был проведен анализ данных о необходимости:

- внесения изменений в законодательство в данной сфере (ответили утвердительно 82%, но предложить конкретные изменения смогли только 148 человек);
- включения в программы повышения квалификации обзора международного опыта (положительно ответили 547 человек, но привести примеры зарубежной практики смогли только 112 человек).

На вопрос о традиционных семейных ценностях, которые должен учитывать и поддерживать специалист ООиП в своей работе, самый распространенный ответ — право ребенка жить и воспитываться в семье, не допускать насилие в отношении ребенка в семье. На вопрос «Встречались ли вы в своей работе со случаями смены пола родителями, в том числе приемными, нетрадиционными сексуальными отношениями, предпочтениями» ответили положительно 3% респондентов. Но в комментариях они отметили, что очень сложно доказать наличие нетрадиционных отношений в замещающих семьях, когда после приема ребенка в семью одним родителем на законных основаниях впоследствии появляются тети, дяди, друзья, которые начинают жить в этой семье.

Таким образом, вопросы отобрания, ограничения в РП, лишения РП, снятия ограничения и восстановления в РП являются актуальными образовательными потребностями, удовлетворение которых способствует как профессиональному развитию, так и сокращению числа непроважно принятых решений, связанных с сепарацией ребенка и семьи. Это, в свою очередь, будет способствовать ориентации специалистов ООиП на сохранение кровной семьи для ребенка в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Результаты анализа законодательства и судебной практики.

Вопросы лишения/ограничения родителей в родительских правах, как и отмена ограничения и восстановление РП отнесены к компетенции судебных органов. При этом суд не определяет форму устройства для ребенка, чьи родители (родитель) ограничены/лишены родительских прав, оставляя вопрос выбора законного представителя в компетенции органа опеки и попечительства [7; 8; 9; 10].

Анализ полномочий органа опеки и попечительства в вопросах, связанных с ограничением и лишением родительских прав и защитой детей, оставшихся без попечения родителей, позволяет сделать вывод о том, что их функции по взаимодействию с семьей ребенка носят довольно узкий и строго регламентированный характер. Органы опеки и попечительства не являются теми инстанциями, на которые возложены функции восстановления детско-родительских отношений, исправления родителей с целью отмены ограничения или восстановления родительских прав.

В настоящее время при активном развитии семейных форм устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей (опека/попечительство, приемная, патронатная семья), обеспечивать баланс, с одной стороны, между защитой ребенка, чьи родители ограничены/лишены родительских прав, и, с другой стороны, устройством несовершеннолетнего на воспитание в семью, становится достаточно сложной задачей.

Вмешательство органа опеки и попечительства в отношении кровно-родственной семьи ограничено законом и в большинстве случаев подвергается общественной критике. Орган опеки реагирует по факту нарушения прав ребенка исключительно посредством тех механизмов и процедур, которые предусмотрены законодательством как таковым и отнесено, в частности, «ограничение или лишение родительских прав».

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об опеке и попечительстве» и СК, органы опеки и попечительства включены в юридический механизм привлечения родителей к семейно-правовой ответственности и не являются элементом технологий восстановления детско-родительских отношений и исправления родителей.

Специальных процедур (процессуального регламента) по рассмотрению дел об ограничении и лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах в ГПК не закреплено, что является, на наш взгляд, существенным упущением и не отвечает современным приоритетам государственной политики в сфере семьи и защиты традиционных семейных ценностей. К традиционным ценностям, в частности, относятся крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений [14].

Согласно п. 2 ст. 73 СК РФ, ограничение родительских прав допускается в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

Тенденцией правоприменительной практики является сокращение общего числа дел о лишении родительских прав и увеличение числа случаев ограничения родительских прав по основаниям виновного поведения родителей, при этом ограничение в родительских правах приобретает неопределенно длительный характер [11].

В полной правовой неопределенности остаются ситуации, когда после первичного ограничения родительских прав суд отказывает в иске органа опеки и попечительства о лишении родительских прав (заявленного по истечении 6-месячного периода), не отменяя при этом меру в виде ограничения родительских прав и не возвращая ребенка в кровную семью. Или случаи, когда сами родители не обращаются с требованиями об отмене ограничения родительских прав и органы опеки и попечительства не инициируют лишение таких родителей родительских прав [12], имея отрицательный опыт заявления подобных требований в суд. Представляется, что оставление указанных вопросов без соответствующих процессуальных решений и уточнения материальных норм будет и дальше способствовать латентному неблагополучию семей.

Закон не устанавливает какую-либо критическую продолжительность ограничения или лишения родительских прав, после которых восстановление или отмена ограничения родительских прав невозможны (естественным пределом будет достижение ребенком 18 лет).

Данный вопрос не только этически и морально-психологически сложный, но и юридически решен, на наш взгляд, не совершенно. Во-первых, во многих случаях ограничение родительских прав фактически заменяет статистику по лишению родительских прав. Во-вторых, когда же ограничение родительских прав носит действительно срочный, временный характер, активная государственная поддержка семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, приемных семей, опекунов/попечителей, формирует на практике конфликтные ситуации и борьбу за детей уже не между кровными родителями (споры о месте жительства, о порядке общения, о выезде за границу), а между кровными родителями (шансы которых

восстановиться в правах достаточно велики) и замещающими родителями (альтернативные семейные формы устройства детей — приемная, патронатная семья, опекуны/попечители).

ВС РФ дает, на наш взгляд, важные практические руководства для разрешения споров, затрагивающих психологические аспекты семейных отношений, без корректной квалификации и учета которых невозможно правильно рассмотреть дела, связанные с воспитанием несовершеннолетних. При установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические) [8]. В связи с новыми законами о запрете смены пола, запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (в РФ нет закона о нетрадиционных сексуальных отношениях!!!) эти вопросы следует включить в разные виды экспертиз.

С психологической точки зрения, влияющей на правовые решения, в вопросах разлучения и воссоединения детей и родителей выделяют следующие важные аспекты:

- важность связи между родителями и детьми для здоровья и благополучия детей;
- проблемы, с которыми сталкиваются родители перед изъятием ребенка;
- опыт родителей при изъятии ребенка (травмирующее воздействие опыта изъятия детей, как на родителей, так и на детей, а также глубокое чувство родительского/семейного горя и потери, которое оно порождает);
- опыт родителей в службах поддержки (комплексные услуги поддержки имеют решающее значение для обеспечения устойчивого воссоединения, учитывая травмирующие обстоятельства, которые обычно способствуют изъятию ребенка) [2; 22].

Осложняется решение вопроса воссоединения семей недостаточным регулированием процедуры восстановления и отмены ограничения родительских прав в современных условиях активного развития альтернативных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Выводы

Проведенный анализ практики позволяет сделать вывод о том, что назрела потребность внесения изменений в законодательство и разработки специальных процедур (процессуального регламента) рассмотрения судами категории дел по ограничению и лишению родительских прав, отмене ограничения и восстановлению родительских прав, возвращению ребенка родителям. Они нуждаются в четком правовом закреплении, включая особенности разрешения споров между законными представителями подопечного и воссоединяющимися родителями. Требуется разграничить правовое регулирование, материальные основания и процессуальный порядок для виновного и не виновного ограничения родительских прав, включая сроки установления ограничения, последствия окончания сроков, основания отмены ограничения. Споры о воспитании детей, включая лишение/ограничение родительских прав, воссоединении семьи, выборе реабилитационных мер необходимо разрешать на основе комплексного экспертного подхода с привлечением специальных познаний (заклучения органов опеки и попечительства

и мнение прокуратуры не являются достаточными), что также нуждается в процессуальном регламенте и отвечает тенденции развития правоприменительных подходов в практике Верховного Суда РФ.

Вместе с тем сегодня существуют единичные случаи лишения и ограничения РП в связи нетрадиционным поведением родителей, например, ограничение в родительских правах с учетом социальных и индивидуальных обстоятельств трансгендерного перехода. Поэтому необходима разработка критериев оценки ситуаций, связанных с новыми законами о запрете смены пола, запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Любые программы подготовки и повышения квалификации специалистов органов опеки и попечительства необходимо начинать, наряду с основами деятельности ООиП, с практических занятий по обсуждению традиционных семейных ценностей, и того, как они должны учитываться в работе специалистов.

В программы должны быть включены семинары дискуссионного характера о роли органов опеки в сохранении кровной семьи для ребенка, основанные на анализе существующего федерального и регионального законодательства, выявлении правовых лагун и разработке возможных путей совершенствования законодательства. Специалисты должны учитывать психологические аспекты при рассмотрении вопросов разлучения и воссоединения детей и родителей (важность связи между родителями и детьми для полноценного развития ребенка; травмирующие последствия для психики, как детей, так и родителей; понимание глубокого чувства родительского/семейного горя и потери, которое оно порождает).

В условиях сокращения числа детей, которые ежегодно выявляются как оставшиеся без попечения родителей, числа воспитанников в организациях для детей-сирот и, как следствие, сокращения числа приемных семей, фокус внимания специалистов ООиП смещается на работу с неблагополучными семьями с целью сохранения ребенка в семье. Такая практика существует сегодня в ряде субъектов Российской Федерации на основании региональных законов. Это новая деятельность для органов опеки и попечительства, которую необходимо однозначно закрепить в федеральном законодательстве, предусмотрев соответствующие изменения в полномочиях, структуре органов опеки и попечительства.

Литература

1. *Гришин А.В.* Защита прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних посредством иска о лишении родительских прав // *Защити меня.* 2019. № 2. С. 12–16.
2. *Зайцева Н.А.* Применение восстановительных технологий в спорах о лишении родительских прав (опыт Липецкой области) // *Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): Сборник научно-практических статей / Под общ. ред. А.Е. Тарасовой, О.Г. Зубаревой.* М.: ИНФРА-М, 2016. 232 с.
3. *Леканова Е.Е.* Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав [Электронный ресурс] // *Актуальные проблемы российского права.* 2022. Том 17. № 2 (135). С. 103–110. doi:10.17803/1994-1471.2022.135.2.103-110
4. *Мардахаева П.Н.* Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2005. 189 с.
5. *Михеева Л.Ю.* О реформах семейного законодательства: законотворчество и здравый смысл // *Семейное право на рубеже XX—XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах*

- ребенка: материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 18 декабря 2010 года / Отв. ред. О.Н. Низамиева. Казань: Статут, 2011. 446 с.
6. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 8 (2021) (подготовлен Верховным Судом РФ) — постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 68868/14 «Y.I. против Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/30380/ (дата обращения: 03.10.2023).
7. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/ (дата обращения: 03.10.2023).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71300324/> (дата обращения: 25.10.2023).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 78-КГ23-24-К3 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11790026> (дата обращения: 22.10.2023).
10. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 № 88-6685/2022 по делу № 2-1053/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=40022#C4OUHzTmygfK6FRu> (дата обращения: 22.10.2023).
11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2022 № 88-20376/2022 по делу № 2-1545/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=109473#5lqUNHzTuM41Zxcl> (дата обращения: 22.10.2023).
12. *Ординарцев И.И.* Ограничение родительских прав как институт семейного права РФ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2012. 24 с.
13. *Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А.* О концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.
14. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 03.10.2023).
15. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 29.11.2023).
16. *Шершень Т.В.* Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 76–83.
17. *Шигонина Л.А., Ноздрина Л.В.* Лишение родительских прав как один из способов защита прав несовершеннолетних в системе семейного права // Modern Science. 2019. № 12-1. С. 462–467.

Лашкул М.В., Тарасова А.Е.
Ограничение и лишение родительских прав
в условиях повышения социальной роли
семьи и укрепления традиционных
духовно-нравственных ценностей
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307

Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Restriction and Deprivation of Parental Rights
in the Context of Enhancing the Social Role
of the Family and Strengthening
Traditional Spiritual and Moral Values
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307

18. *Berrick J.D., Skivenes M., Roscoe J.N.* Public perceptions of child protection, children's rights, and personal values: An assessment of two states // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 150(3). doi:10.1016/j.chilyouth.2023.106960
19. *Brooks C.* Chapter Seven. Framing Theory, Welfare Attitudes, and the United States Case // *Contested Welfare States: Welfare Attitudes in Europe and Beyond* / S. Svallfors (ed.). Redwood City: Stanford University Press, 2012. P. 193–221. doi:10.1515/9780804783170-010
20. Convention on jurisdiction, applicable law, recognition, enforcement and co-operation in respect of parental responsibility and measures for the protection of children, Concluded 19 October 1996 [Электронный ресурс] // *HCCH*. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/child-protection> (дата обращения: 22.10.2023).
21. Convention on the Rights of the Child, Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49 [Электронный ресурс] // *UNICEF for every child*. URL: <https://www.unicef.org/child-rights-convention/convention-text> (дата обращения: 22.10.2023).
22. *Dare J., Wilkinson C., Karthigesu S.P., Coall D.A., Marquis R.* Keeping the family: A socio-ecological perspective on the challenges of child removal and reunification for mothers who have experienced substance-related harms // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 145(3). doi:10.1016/j.chilyouth.2022.106772
23. *Davies K., Ross N., Cocks J., Foote W.* Family inclusion in child protection: Knowledge, power and resistance // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 147(3). doi:10.1016/j.chilyouth.2023.106860
24. *Gerber L.A., Guggenheim M., Pang Y.C., Ross T., Mayevskaya Y., Jacobs S., Pecora P.J.* Understanding the effects of an interdisciplinary approach to parental representation in child welfare // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 116. doi:10.1016/j.chilyouth.2020.105163
25. *Luhamaa K., McEwan-Strand A., Ruiken B., Skivenes M., Wings F.* Services and support for mothers and newborn babies in vulnerable situations: A study of eight European jurisdictions // *Children and Youth Services Review*. 2021. Vol. 120. doi:10.1016/j.chilyouth.2020.105762
26. Resolution adopted by the Human Rights Council on 12 October 2023 54/17. Contribution of the implementation of the objectives of the International Year of the Family and its follow-up processes in the promotion and protection of human rights. A/HRC/RES/54/17 [Электронный ресурс] // *United Nations*. URL: <https://webtv.un.org/en/asset/k1f/k1fi7lz3rf> (дата обращения: 22.10.2023).
27. *Rönsch H.* Effectiveness of laws and policies governing permissive parenting in pursuit of the reduction of severe child abuse in Germany // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 119. doi:10.1016/j.chilyouth.2020.105510
28. Universal Declaration of Human Rights. 1948 [Электронный ресурс] // *United Nations*. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 21.10.2023).

References

1. Grishin A.V. Zashchita prokurorom prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh posredstvom iska o lishenii roditel'skikh prav [Protection by the Prosecutor of the Rights and Legitimate Interests of Minors through a Claim for the Deprivation of Parental Rights]. *Zashchiti menya = Protect Me*, 2019, no. 2, pp. 12–16. (In Russ.).

Лаукул М.В., Тарасова А.Е.
Ограничение и лишение родительских прав
в условиях повышения социальной роли
семьи и укрепления традиционных
духовно-нравственных ценностей
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307

Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Restriction and Deprivation of Parental Rights
in the Context of Enhancing the Social Role
of the Family and Strengthening
Traditional Spiritual and Moral Values
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307

2. Zaitseva N.A. Primenenie vosstanovitel'nykh tekhnologii v sporakh o lishenii roditel'skikh prav (opyt Lipetskoj oblasti). In Tarasova A.E., Zubareva O.G. (eds.). *Aktual'nye problemy zashchity neimushchestvennykh prav detei (material'nye i protsessual'nye aspekty): Sbornik nauchno-prakticheskikh statei*. Moscow: INFRA-M, 2016. 232 p. (In Russ.).
3. Lekanova E.E. Teoreticheskie i pravoprimeritel'nye aspekty lisheniya i ogranicheniya roditel'skikh prav [Theoretical and Law Enforcement Aspects of Deprivation and Restriction of Parental Rights] [Elektronnyi resurs]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2022. Vol. 17, no. 2 (135), pp. 103–110. doi:10.17803/1994-1471.2022.135.2.103-110 (In Russ.).
4. Mardakhaeva P.N. Lishenie roditel'skikh prav kak mera semeino-pravovoi otvetstvennosti: Diss. kand. jurid. nauk. Moscow: Rossiiskaya pravovaya akademiya Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2005. 189 p. (In Russ.).
5. Mikheeva L.Yu. O reformakh semeinogo zakonodatel'stva: zakonotvorchestvo i zdravyy smysl. In Nizamieva O.N. (ed.). *Semeinoe pravo na rubezhe XX—XXI vekov: k 20-letiyu Konventsii OON o pravakh rebenka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 18 dekabrya 2010 goda*. Kazan: Statut, 2011. 446 p. (In Russ.).
6. Obzor praktiki mezhgosudarstvennykh organov po zashchite prav i osnovnykh svobod cheloveka No. 8 (2021) (podgotovlen Verkhovnym Sudom RF) — postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka po zhalobe No. 68868/14 “Y.I. protiv Rossiiskoi Federatsii” [Elektronnyi resurs]. *Verkhovnyi sud Rossiiskoi Federatsii = Supreme Court of the Russian Federation*. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/30380/ (Accessed 03.10.2023). (In Russ.).
7. Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannykh s vospitaniem detei (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 20.07.2011) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/ (Accessed 03.10.2023). (In Russ.).
8. Obzor sudebnoj praktiki Verkhovnogo Suda RF No. 4 (2015) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 23 dekabrya 2015 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/71300324/> (Accessed 25.10.2023). (In Russ.).
9. Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po delu No. 78-KG23-24-K3 [Elektronnyi resurs]. *Verkhovnyi sud Rossiiskoi Federatsii = Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11790026> (Accessed 22.10.2023). (In Russ.).
10. Opredelenie Devyatogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 28.07.2022 No. 88-6685/2022 po delu No. 2-1053/2021 [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=40022#C4OUHzTmygfK6FRu> (Accessed 22.10.2023). (In Russ.).
11. Opredelenie Pervogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 01.09.2022 No. 88-20376/2022 po delu No. 2-1545/2021 [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=109473#5lqUHZTuM41Zxcnl> (Accessed 22.10.2023). (In Russ.).
12. Ordinartsev I.I. Ogranichenie roditel'skikh prav kak institut semeinogo prava RF: Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow: Moskovskaya akademiya ekonomiki i prava, 2012. 24 p. (In Russ.).
13. Trigubovich N.V., Khazova O.A., Chashkova S.Yu., Chefranova E.A. O kontseptsii sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya detei i roditelei [On the conception of improvement of legislation on child-parent relationship]. *Zakon = Statute*, 2022, no. 1, pp. 28–38. (In Russ.).

14. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.11.2022 No. 809 “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei” [Elektronnyi resurs]. *Ofitsial’noe opublikovanie pravovykh aktov*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Accessed 03.10.2023). (In Russ.).
15. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 22.11.2023 No. 875 “O provedenii v Rossiiskoi Federatsii Goda sem’I” [Elektronnyi resurs]. *Ofitsial’noe opublikovanie pravovykh aktov*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (Accessed 29.11.2023). (In Russ.).
16. Shershen T.V. Lishenie roditel’skikh prav kak mera zashchity prav i interesov rebenka i obespecheniya ego bezopasnosti [Termination of parental rights as a measure to protect the rights and interests of the child and ensure his safety]. *Vestnik Prikamskogo sotsial’nogo instituta = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2018, no. 2 (80), pp. 76–83. (In Russ.).
17. Shigonina L.A., Nozdrina L.V. Lishenie roditel’skikh prav kak odin iz sposobov zashchita prav nesovershennoletnikh v sisteme semeinogo prava. *Modern Science*, 2019, no. 12-1, pp. 462–467. (In Russ.).
18. Berrick J.D., Skivenes M., Roscoe J.N. Public perceptions of child protection, children’s rights, and personal values: An assessment of two states. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 150, no. 3. doi:10.1016/j.childyouth.2023.106960
19. Brooks C. Chapter Seven. Framing Theory, Welfare Attitudes, and the United States Case. In Svallfors S. (ed.). *Contested Welfare States: Welfare Attitudes in Europe and Beyond*. Redwood City: Stanford University Press, 2012, pp. 193–221. doi:10.1515/9780804783170-010
20. Convention on jurisdiction, applicable law, recognition, enforcement and cooperation in respect of parental responsibility and measures for the protection of children, Concluded 19 October 1996. *HCCH*. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/child-protection> (Accessed 22.10.2023).
21. Convention on the Rights of the Child, Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49. *UNICEF for every child*. URL: <https://www.unicef.org/child-rights-convention/convention-text> (Accessed 22.10.2023).
22. Dare J., Wilkinson C., Karthigesu S.P., Coall D.A., Marquis R. Keeping the family: A socio-ecological perspective on the challenges of child removal and reunification for mothers who have experienced substance-related harms. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 145, no. 3. doi:10.1016/j.childyouth.2022.106772
23. Davies K., Ross N., Cocks J., Foote W. Family inclusion in child protection: Knowledge, power and resistance. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 147, no. 3. doi:10.1016/j.childyouth.2023.106860
24. Gerber L.A., Guggenheim M., Pang Y.C., Ross T., Mayevskaya Y., Jacobs S., Pecora P.J. Understanding the effects of an interdisciplinary approach to parental representation in child welfare. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 116. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105163
25. Luhamaa K., McEwan-Strand A., Ruiken B., Skivenes M., Wogens F. Services and support for mothers and newborn babies in vulnerable situations: A study of eight European jurisdictions. *Children and Youth Services Review*, 2021. Vol. 120. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105762
26. Resolution adopted by the Human Rights Council on 12 October 2023 54/17. Contribution of the implementation of the objectives of the International Year of the Family and its follow-up processes

Лашкул М.В., Тарасова А.Е.
Ограничение и лишение родительских прав
в условиях повышения социальной роли
семьи и укрепления традиционных
духовно-нравственных ценностей
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307

Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Restriction and Deprivation of Parental Rights
in the Context of Enhancing the Social Role
of the Family and Strengthening
Traditional Spiritual and Moral Values
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307

in the promotion and protection of human rights. A/HRC/RES/54/17. *United Nations*. URL: <https://webtv.un.org/en/asset/k1f/k1fi7lz3rf> (Accessed 22.10.2023).

27. Rönsch H. Effectiveness of laws and policies governing permissive parenting in pursuit of the reduction of severe child abuse in Germany. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 119. doi:10.1016/j.chidyouth.2020.105510

28. Universal Declaration of Human Rights. 1948. *United Nations*. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (Accessed 21.10.2023).

Информация об авторах

Лашкул Марина Валерьевна, заместитель директора, Центр защиты прав и интересов детей (ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Тарасова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, независимый исследователь, эксперт, рабочая группа «Ребенок и его право на семью», Координационный совет при Правительстве РФ по реализации Десятилетия детства, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Information about the authors

Marina V. Lashkul, Deputy Director, Center for the Protection of the Rights and Interests of Children, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Anna E. Tarasova, PhD in Law, Docent, Expert, Working Group “The Child and His Right to a Family”, Coordination Council under the Government of the Russian Federation for the Implementation of the Decade of Childhood, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Получена 11.10.2023
Принята в печать 11.11.2023

Received 11.10.2023
Accepted 11.11.2023

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ» |
SAFETY AND WELL-BEING OF SOCIALLY VULNERABLE CHILDREN.
THEMATIC ATTACHMENT

Особенности оценки собственной безопасности и благополучия подростками на территориях военных конфликтов

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Зайцев Г.О.

независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Зайцева Н.Г.

независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Телицына А.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Исследование направлено на изучение оценки безопасности и благополучия подростков через их субъективную оценку. Проведен сравнительный анализ субъективного благополучия (СБ) в зонах военных конфликтов и регионах России с использованием «Опросника субъективного благополучия» (Ослон В.Н. и др.), который помимо субдоменов СБ включает ряд вопросов, позволяющих более качественно интерпретировать результаты. В общей сложности в опросе участвовали 13 342 подростка из ДНР, включая 54% девушек и 46% юношей в возрасте от 13 до 17 лет. Результаты исследования позволили оценить условия жизни, обучения, переживаемые стрессы и безопасность, взгляды подростков, стремящихся встроиться в нормальную жизнь. Детальный анализ ответов выявил, что большинство подростков, находящихся в зоне военных конфликтов, достаточно высоко оценивают свою удовлетворенность различными аспектами жизни. Однако сравнительный анализ субдоменов СБ показывает, что субъективная удовлетворенность у таких подростков ниже, чем в целом по российской выборке (151 тыс. человек). Исследование показало, что наряду с социально-психологической помощью детям квалифицированными специалистами на местах и при выезде в другие регионы не меньшее значение для благополучия имеет создание условий для нормализации жизни в своей республике, в том числе восстановление детской инфраструктуры.

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

Ключевые слова: подростки, безопасность, субъективное благополучие, зоны военных конфликтов, стрессы, нормализация жизни.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.02.2023 № 073-00038-23-01 «Научно-методическое обеспечение оценки эффективности мероприятий Десятилетия детства с позиции благополучия детей».

Для цитаты: Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю. Особенности оценки собственной безопасности и благополучия подростками на территориях военных конфликтов [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328. DOI:10.17759/psylaw.2023130421

Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID:0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev

Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Nadezhda G. Zaitseva

Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Alexandra Yu. Telitsyna

HSE University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

The study is aimed at examining the assessment of safety and well-being among adolescents through their subjective evaluation. A comparative analysis of subjective well-being (SWB) was conducted in areas of armed conflict and regions of Russia using the Subjective Well-Being Questionnaire (Oslo V.N. et al.), which, in addition to SWB subdomains, includes a set of questions allowing for a more qualitative interpretation of the results. In total, 13,342 adolescents from the Donetsk People's Republic (DPR) participated in the survey, including 54% girls and 46% boys aged 13 to 17. The research results allowed evaluating living conditions, education, experienced stress, and safety, as well as the perspectives of adolescents seeking integration into normal life. A detailed analysis of the responses revealed that the majority of adolescents rated their satisfaction with various aspects of life quite high. However, a comparative analysis of SWB subdomains indicates that subjective satisfaction is lower than the overall Russian sample (151,000 people). The study showed that, along with socio-psychological support for children by qualified specialists locally and during visits to

other regions, the creation of conditions for normalizing life in their republic, including the restoration of child infrastructure, is of no less importance for well-being.

Keywords: safety, subjective well-being, teenagers, zones of military conflicts, stress, normalization of life.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023 “Scientific and methodological support for evaluating the effectiveness of activities of the Decade of Childhood from the perspective of children’s well-being”.

For citation: Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu. Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328. DOI:10.17759/psylaw.2023130421 (In Russ.).

Введение

На протяжении последних 30 лет количество детей, живущих в зонах военных конфликтов, увеличилось почти вдвое и составляет 1,7 млрд детей (68% от всего детского населения Земли) [6; 23].

Военные действия имеют тяжелые последствия для ментального здоровья граждан всех возрастов [16], но дети особенно уязвимы, ведь им не обязательно даже находиться на территории военных конфликтов, достаточно, чтобы их отцы принимали участие в военных действиях и получили посттравматическое стрессовое расстройство, которое оказывает влияние и на их детей [15].

Психологическое благополучие детей, находившихся в зоне вооруженного конфликта, получает ментальный урон; исследования показывают, что такие дети страдают от тревоги, депрессии и посттравматического стрессового расстройства средней или тяжелой степени [1; 2; 26; 27; 31; 32].

Подростки, прибывшие из зон боевых действий, подвержены внутриличностному конфликту, они не находят себе места в новых реалиях и приходят к выводу, что для них нет места в социуме [36]. Они страдают от психосоматических нарушений: невозможность сразу заснуть, ночные просыпания с тревожными мыслями, ночные кошмары, расстройства аппетита, головные боли, нервные тики, иногда и заикания [34].

Эмоциональная неустойчивость, низкий самоконтроль, жесткость, конформность также относятся к одним из реакций, характерных для детей, страдающих посттравматическим синдромом [33].

Наиболее разрушительным последствием для детской психики исследователи считают потерю видения жизненной перспективы, что, в свою очередь, может повлечь остановку личностного развития [35; 40].

Для успешной адаптации детей, прибывших из зоны военных действий, отечественные исследователи рекомендуют концепцию психолого-педагогического сопровождения [34; 36; 37; 39]. Для реабилитации детей, которые находились в зоне военных действий, успешно применяются арт-терапия [28], семейные и групповые занятия, техники релаксации [19].

Известно, что специалисты, работающие с травмированными клиентами, подвержены вторичному травматическому стрессу, также описываемому как викарная травматизация или усталость от сострадания [20].

Усталость от сострадания включает в себя вторичный травматический стресс и эмоциональное выгорание. Развитие негативных состояний, связанных с усталостью от сострадания, признается основным профессиональным риском специалистов, работающих с травмированными людьми [14].

Те, кто оказывает психологическую помощь, сами могут попасть в уязвимое положение [24]. Как правило, специалисты испытывают психологическую травму чаще, чем посттравматическое стрессовое расстройство [11]. У психологов и психотерапевтов, консультирующих и оказывающих поддержку людям, находившимся в зоне боевых действий, обнаруживается риск развития вторичной травматизации [13]. Можно предположить, что такие же проблемы возникают и у других специалистов, работающих с детьми, например специалистов опеки и попечительства, центром помощи семье и детям и пр.

Кроме этого, трудности в оказании качественной психосоциальной помощи детям, пострадавшим от военных действий, связаны с плохо скоординированной работой кластеров различных направлений помощи [30].

В целом, пострадавшим детям свойственно развитие функциональных нарушений физического здоровья и постстрессовой психической симптоматики вплоть до развития ПТСР.

С целью минимизации тяжелых травматичных последствий войны, Межведомственный постоянный комитет при ООН разработал «Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в чрезвычайных ситуациях» (IASC, 2007) [8; 38]. Данные руководящие принципы можно представить как пирамиду из четырех блоков, которые вместе составляют комплексную систему опор [29]. Два верхних уровня этой пирамиды сосредоточены на психологической поддержке детей, которые когда-либо находились в зоне боевых действий [29].

Одной из опор является создание условий для нормализации жизни детей в данных регионах: создание новой детской инфраструктуры, обучение кадров, работающих с детьми.

Организация, методы и методики эмпирического исследования

Цель исследования — выявить особенности оценки подростками собственной безопасности и благополучия на территориях военных конфликтов.

Задачи исследования: 1) провести анализ оценок условий жизни, образования, детско-родительских отношений подростков ДНР; 2) провести сравнение параметров субъективного благополучия подростков на территории СВО и «спокойных» регионов России.

Гипотеза заключается в предположении, что безопасность и благополучие будут отличаться степенью выраженности для подростков, проживающих на территории военных конфликтов в сравнении с подростками российских регионов. Также можно предположить, что стрессовые ситуации будут определяться, в первую очередь, проживанием на территории военных конфликтов и участием/мобилизацией родителей и близких родственников в СВО.

Для оценки субъективного благополучия использовался опросник «Субъективное благополучие подростков» [7], включающий 11 субдоменов, критерием оценки которых стала удовлетворенность: здоровьем и самочувствием, активным образом жизни (физическая активность, спорт, энергичность); безопасностью (психологической и физической); внутренней поддерживающей сетью (отношения с родными и близкими); внешней поддерживающей сетью (отношения со сверстниками, наставником, педагогами, соучениками и пр.); доверием; (сверстникам и взрослым); нормализацией жизни (не хуже в сравнении с другими молодыми людьми); суверенностью психологического пространства; удовлетворенностью материаль-

ным положением; своим «хронотопом»; учетом мнения (насколько учитывается мнение респондентов при решении жизненно важных для них вопросов).

Измерение проводилось с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта (от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен» или от «никогда» до «всегда»).

Анализ внутренней согласованности опросника СБ с помощью коэффициента Альфа Кронбаха указал на высокую внутреннюю согласованность: α Кронбаха СБ = 0,858.

Сам опросник, помимо субдоменов, определяющих СБ, содержит также ряд вопросов, ответы на которые позволяют более качественно интерпретировать полученные результаты СБ.

Выборка. Всего в опросе приняли участие 13342 подростка, проживающих в Донецкой Народной Республике из них 54% девушки и 46% юноши, в возрасте от 13 до 17 лет со следующим распределением по возрастам (табл. 1)

Таблица 1

Распределение по возрастным группам участников исследования (N = 13342)

Возраст	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
Доля	24%	28%	25%	19%	4%

По семейному статусу 92% живут в биологической семье (из них в многодетной семье — 19%, неполной — 30%), семье родственников — 5%, опекунской семье — 2%, в организации для детей-сирот — 1%.

ДНР является одним из 24 регионов, где в октябре-ноябре 2023 года проводилось изучение СБ подростков, поэтому для выявления специфики отдельных субдоменов СБ использовались данные всей базы опросов, которую составили 151 тысяча подростков.

Для участия подростков в опросе младше 14 лет было получено согласие родителей, старше 14 лет — согласие самих подростков.

Результаты

Стрессы

В состав опросника СБ вошел перечень стрессов, включающий 30 жизненных ситуаций, с которыми могут столкнуться подростки, с учетом событий в стране. Из 13341 подростков, проживающих в ДНР, указали на то, что они пережили стресс, 9427 человек.

На рис. 1 представлен относительный профиль стрессов, построенный на основании выборов респондентов в ДНР (разница между уровнем стрессов в выборке детей в ДНР и в целом по всей базе подростков относительно общей базы данных). В связи с необходимостью показать весь профиль стрессов пришлось пожертвовать названиями по оси X.

Так, ожидаемыми стрессами, имеющими значимые различия, стали высокие значения стрессов:

- проживание на территории СВО (35,6% — превышение среднего уровня стрессов по всей базе);
- смена места жительства в связи с СВО (13,6%);
- мобилизация родителя или родственника (10,6%);
- ранение родственника или знакомого (10,1%).

На фоне новых стрессов достоверно менее значимыми по величине по сравнению с общей выборкой стали все стрессы, связанные с сиротством (отобрание детей у родителей, перемещение в другой детский дом, известие о том, что ты приемный ребенок), рождением брата или сестры, переводом в закрытую школу для трудных подростков, тюремное заключение

родителя. Остальные стрессы попадают в область незначимости и, следовательно, их выраженность находится на уровне общей выборки (как и всех подростков в 24 регионах).

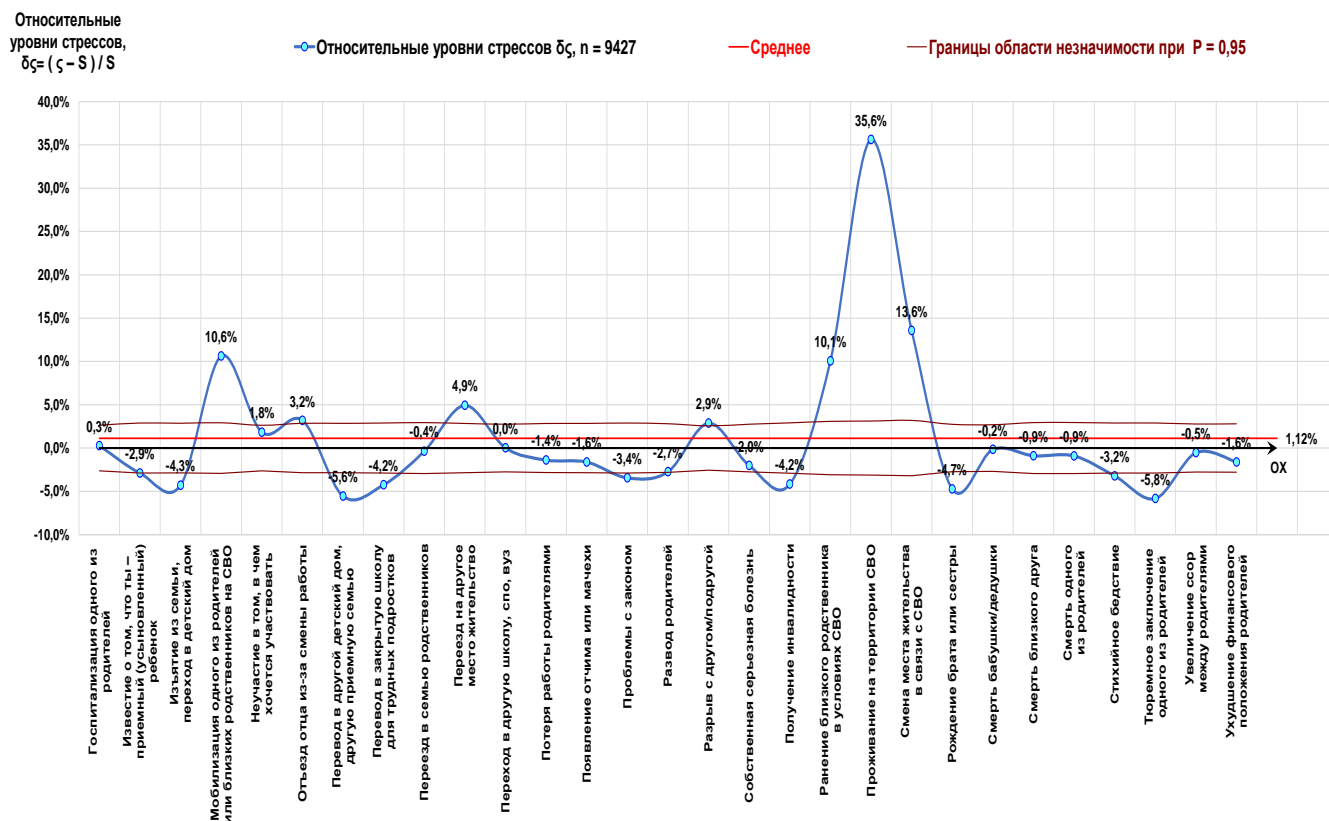

Рис. 1. Относительный профиль стрессов (значимыми являются: проживание на территории СВО, смена места жительства с связи с СВО, мобилизация родителя или родственника, ранение родственника или знакомого). Относительный профиль рассчитывается как разница между средним уровнем стресса в выборке подростков в ДНР и общей базы, деленная на среднее значение стресса в общей базе. Диапазон между коричневыми линиями является зоной незначимости значений с достоверностью 0,95

Субъективное благополучие

Измерение СБ дает понимание того, как подросток оценивает качество собственной жизни, в том числе по сравнению со своими сверстниками. Конструкт субъективного благополучия позволяет оценить удовлетворенность информантов системой своих отношений: к себе, другим, со средой, к своему хронотопу [7].

На рис. 2 «Профиль относительного субъективного благополучия подростков в ДНР» представлены достоверные отклонения показателей СБ от их среднего значения по всей российской выборке (рассчитывается как разность показателей СБ для выборки подростков ДНР и регионов России, деленная на средние показатели всей базы). За исключением показателя «удовлетворенность материальным положением», все остальные имеют достоверно значимые отрицательные значения (среднее значение = -1,4%). Максимальное по величине отрицательное отклонение имеет показатель хронотопа (прошлое, настоящее, будущее) (-2,3%) и «Удовлетворенность достижениями» (2,1%).

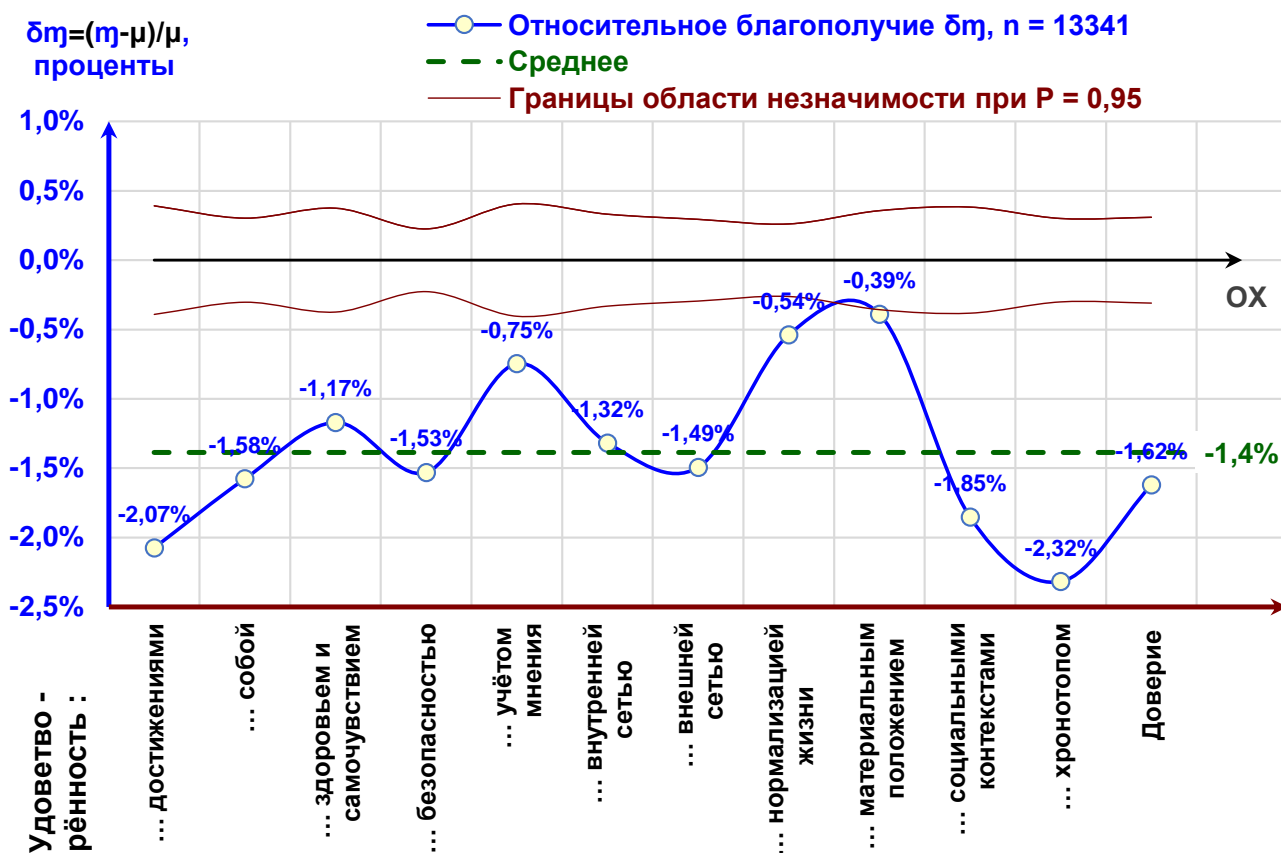

Рис. 3. Профиль относительного субъективного благополучия подростков в ДНР

Безопасность

Подростков попросили оценить свою безопасность дома, в школе, месте проживания, Интернете, стране. В табл. 2 приведены субъективные оценки детьми уровня своей безопасности.

Таблица 2

Результаты опроса по блоку «Безопасность»

Степень безопасности	В школе	Дома	В районе проживания	В городе, селе, где вы живете	В интернете	В России
Очень опасно	3%	1%	5%	6%	2%	4%
Опасно	4%	2%	12%	15%	5%	4%
Трудно сказать	21%	7%	40%	37%	23%	30%
Безопасно	46%	29%	32%	29%	39%	34%
Абсолютно безопасно	26%	61%	13%	13%	31%	27%

Наиболее безопасно подросткам дома (90% ответили абсолютно безопасно и безопасно); на втором месте школа — 72%. Менее половины детей чувствуют себя в безопасности в регионе — 45% (при этом ситуация оценивается как очень опасная и опасная у 17% опрошенных и еще 40% затруднились оценить), в месте проживания — 42% (опасная и очень опас-

ная — 21%, трудно сказать — 37%). Вероятно, это напрямую связано с неодинаковой ситуацией в разных районах ДНР в связи с СВО, присоединением новых территорий.

Достаточно безопасным представляется опрашиваемым Интернет (70%), хотя ответы на дополнительные вопросы показали, что у 29% подростков были случаи, когда на них совершали нападки в соцсетях, троллили в чатах или онлайн-играх; у 9% были случаи, когда специально создавалась онлайн-группа, веб-страница, интернет-видео, где высмеивали их и их поступки. Еще 8% детей указали на ситуации, когда личные письма, фотографии, видео, в том числе сексуального характера, пересылали без их ведома.

Но Интернет не только угроза, но и источник денежных средств — интернет используют для получения дохода от своей деятельности 13% подростков.

Отношения в семье

Для выяснения качества детско-родительских отношений подросткам задали вопросы: «Нравится ли тебе отношение родителей и других взрослых членов семьи» и «Нравится ли тебе отношение братьев, сестер, детей, с которыми ты живешь». Ответы показали, что большинству подростков нравится, как к ним относятся родители и другие члены семьи (88,8%), только 5,6% опрошенных чувствуют к себе негативное отношение. Сиблинговые отношения устраивают 72% подростков, а 20,6% подростков не могут оценить их. Доверяют родителям «всегда» 57% подростков, 25% опрошенных — «часто» и еще 12% — в зависимости от ситуации.

В табл. 3 приведены данные по частоте общения детей с родителями и видам совместного проведения времени.

Таблица 3

Распределение ответов подростков на вопрос «Как часто и каким образом ты и твои родители вместе проводите время»

Как часто подростки вместе с родителями проводят время	Вместе ужинают	Вместе обсуждают проблемы, общаются	Вместе проводят свободное время	Вместе ездят отдыхать на каникулах	Вместе делают работу по дому	Доверяют ли подростки взрослым, с которыми живут
Никогда	4%	5%	4%	7%	4%	3%
Редко	10%	11%	14%	13%	9%	4%
Бывает по-разному	17%	20%	30%	23%	25%	12%
Часто	28%	32%	30%	24%	32%	25%
Всегда	41%	32%	22%	34%	30%	57%

Важно не только количество времени, проведенное вместе в семье, но и качество этого времени. Чаще всего подростки ужинают вместе с родителями (69%), общаются и обсуждают проблемы (64%), вместе делают работу по дому (62%). Вместе проводят свободное время с родителями «всегда и часто» 52% опрошенных и еще 30% — иногда.

Вне дома совместный отдых на каникулах отметили 58% опрошенных и 23% ответили, что бывает по-разному, 7% — ответили, что никогда и 13% — что редко.

Примерно каждый пятый-шестой подросток «никогда или редко» проводит время со своими родителями. К сожалению, опросник не позволяет выяснить причины этого: неблагополучная семья либо СВО и участие родителей в ней или другие причины.

Отношение к школе

На то, чтобы добраться в школу, 85% подростков тратят менее 30 минут, до часу — 13% и более 1 часа — 2%. Занятия в школе ведутся на русском языке у 97% обучающихся, при этом ничего не понимают только 1% детей, плохо понимают — 1%, понимают, но не все — 7%. У 3% ребят занятия ведутся на русском и национальном языках. Данные, характеризующие отношение подростков к школе, приведены в табл. 4.

Таблица 4

Качество отношения подростков к школе

Вопросы	Очень не нравится	Не нравится	Не знаю	Нравится	Очень нравится
Нравится ли тебе в образовательной организации, в которой ты учишься?	4,3%	6,5%	22,5%	49,1%	17,6%
Нравится ли тебе, как ты ладишь со своими учителями?	2,5%	5,8%	21,6%	52,4%	17,7%
Нравится ли тебе, как к тебе относятся ребята, с которыми ты вместе учишься?	2,8%	5,4%	20,3%	50,6%	21,0%

От 8 до 10% обучающихся не удовлетворены отношениями между участниками образовательного процесса, которые складываются в их школах, еще более 20% не могут их оценить. Удовлетворенность образовательной организацией продемонстрировали 66,6% подростков, 70,1% — отношениями с учителями и 71,6% — с ребятами, с которыми вместе учатся. Удовлетворенность подростков успехами в школе показана в табл. 5.

Таблица 5

Удовлетворенность подростков своими успехами

Удовлетворенность успехами	Никогда	Редко	Довольно часто	Очень часто	Всегда
В изучении учебных предметов	1,8%	18,3%	42,9%	20,9%	16,0%
В изучении русского языка	1,8%	13,6%	34,5%	24,2%	25,8%
В изучении математики	7,1%	29,9%	29,5%	17,3%	16,1%
В изучении иностранных языков	7,7%	26,0%	30,8%	17,1%	18,4%
В занятиях физкультурой и спортом	4,5%	11,9%	21,9%	19,2%	42,5%
В том, что сделано своими руками	6,7%	18,3%	25,6%	20,8%	28,7%
В тех интересных делах, которым посвящено свободное от школы время	4,9%	11,3%	21,3%	21,4%	41,1%

Трудности у подростков вызывает изучение математики (37% человек ответили, что «никогда» и «редко» они бываю довольны своими успехами) и иностранного языка (34,7%). Каждый пятый испытывает значительные трудности в изучении учебных предметов (20,1%). Своими успехами они больше всего довольны на занятиях физкультурой и спортом (83,6%). Русский язык не вызывает особых сложностей у каждого второго учащегося и еще 34,4% подростков довольно часто удовлетворены своими успехами в освоении языка.

Занятия интересными делами вне школы (кружки, секции и пр.) вызывают чувство удовлетворенности почти у 89%, что способствует повышению их самооценки.

На общий вопрос о том, есть ли достижения, которыми можно гордиться за прошедшую неделю, 12,6% опрошенных сказали, что у них нет достижений и им нечем быть довольным, и, соответственно, 87,4% ответили положительно.

На вопрос: «Были ли вы довольны школьной жизнью за прошедшую неделю?» очень довольными оказались 10%, довольными — 44%, затруднились ответить — 29% подростков.

Здоровье и активность в жизни

ВОЗ определяет здоровье как «...состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не отсутствие болезней или физических дефектов». На уровне эмпирических исследований было доказано, что более высокий общий уровень субъективного благополучия приводит к улучшению здоровья [9]. Подростков попросили охарактеризовать свое здоровье, и «нормальным» его назвали 24,4%, «хорошим» — 27,2% и «очень хорошим» — 20,4% опрошенных и только 3% выбрали ответ — «плохое».

Спортивные площадки, дворы парки являются местами для занятия спортом для 40,3% подростков, а спортивные школы и спортивные секции — для 36,6%. При этом 45% подростков нравится заниматься спортом в спортивной секции. Не посещают уроки физкультуры по состоянию здоровья — 4,3%, не занимаются спортом — 24,9% подростков.

Вспоминая прошедшую неделю, чувствовали себя полными энергии почти всегда — 21,9% ребят, постоянно — 11,3%, достаточно часто — 35,5%, а 26,6% — редко, отрицательно ответили около 5% человек.

Учет мнения

Согласно Конвенции о правах ребенка, учет мнения ребенка — одно из четырех главных прав ребенка, которое реализуется через учет его мнения при принятии решений, затрагивающих его интересы.

Ответы подростков на основные жизненные ситуации выбора представлены в табл. 6.

Таблица 6

Учет мнения подростков

Учет мнения подростка	Никогда	Редко	Бывает по-разному	Часто	Всегда
По поводу одежды, которую ему покупают	3,3%	4,1%	15,2%	20,8%	56,6%
Организации свободного времени	4,3%	6,3%	21,8%	26,6%	41,0%
Каникулярного отдыха	4,6%	6,0%	22,2%	24,9%	42,3%
Госпитализации при заболевании	9,6%	8,0%	24,0%	21,5%	36,9%
Встреч с друзьями	4,1%	5,9%	17,0%	25,7%	47,3%
Выбора кружков и секций	7,7%	5,7%	14,5%	17,1%	55,0%
Выбора профессии и образовательного учреждения, в котором можно получить профессию	5,3%	5,0%	17,8%	19,3%	52,6%

Практически у каждого второго подростка всегда интересуются мнением и его учитывают при покупке одежды, выборе кружков и секций, будущего образовательного учреждения, встреч с друзьями. Чуть меньший процент (67%) ребят согласны с утверждением, что его мнение учитывается при организации каникулярного отдыха и свободного времени. Вероятно, это связано с ограничениями возможностей в связи с проживанием на особой террито-

рии. Самый низкий показатель голоса ребенка относится к госпитализации при наличии заболевания.

Никогда или редко учитывают мнение около 10% подростков по всем ситуациям выбора, и еще у 17% нет выбора в ситуации госпитализации.

Хронотоп

На рис. 3 представлена диаграмма, отражающая оценку подростками ДНР и российских регионов своего хронотопа, на диаграмме видно, что респонденты намного выше оценивают свое настоящее (3,89 баллов по шкале Лайкерта), по сравнению с прошлым (3,43), и перспективы на будущее имеют достаточно высокую оценку (3,85). Все показатели по хронотому имеют те же тенденции, что и для всей российской выборки, но значения по всем показателям ниже.

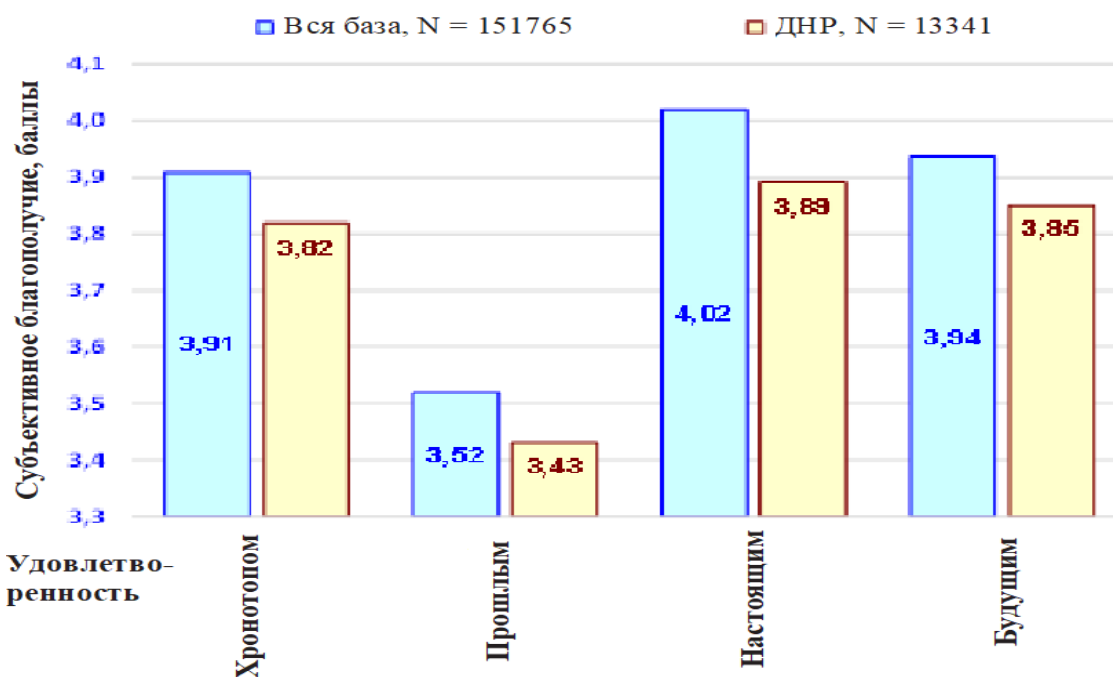

Рис. 3. Хронотоп подростков в ДНР и регионах России

Будущее

Табл. 7 содержит оценку подростками своих перспектив на будущее.

Таблица 7

Оценка подростками своих перспектив на будущее

Оценка подростками своих перспектив по следующим направлениям	Очень низкие	Низкие	Трудно сказать	Высокие	Очень высокие
Хорошее образование	2,0%	4%	37%	42%	15%
Крепкая семья, благополучные дети	3,8%	4,2%	22,5%	38,2%	31,4%
Любимая работа	2,1%	3,0%	29,9%	38,2%	26,8%
Успехи, достижения в профессиональной деятельности	1,8%	2,9%	30,1%	39,1%	26,1%

Материальный достаток, обеспечивающий нормальные условия жизни	1,2%	2,0%	23,5%	42,1%	31,2%
Уважение, авторитет в ближайшем окружении	1,4%	2,4%	24,3%	43,9%	28,0%
Интересный круг общения, верные друзья	1,7%	2,9%	20,1%	40,9%	34,4%
Полноценный отдых, развлечения, путешествия	2,0%	3,4%	25,8%	38,1%	30,6%

Анализ ответов на вопрос: «Как вы оцениваете свои перспективы?» показывает, что подростки региона видят в будущем интересный круг общения, верных друзей (75,3%), материальный достаток (73,3%), уважение, авторитет в ближайшем окружении (71,9%). Подростки верят в то, что могут создать крепкую, благополучную семью (69,5%), будут иметь любимую работу (65%) и успехи, достижения в профессиональной деятельности (65,2%), полноценный отдых, развлечения, путешествия. Наибольшее беспокойство у них вызывает получение хорошего образования (57%).

Обсуждение результатов

Взрослые и дети живут на территории, где проводились или проводятся военные действия, и эта жизнь становится для них обыденной, привычной. Сегодня там восстанавливается детская инфраструктура: работают детские сады, школы, поликлиники, обучение проходят различные специалисты (учителя, специалисты органов опеки и попечительства и пр.), работающие с детьми.

Проведенные исследования позволили оценить уровень безопасности, благополучия и переживаемые стрессы, отношение с родителями и отношение к школе глазами подростков (СБ), которые пережили многое и стремятся встроиться в нормальную жизнь, как у всех подростков России. Подробный статистический анализ ответов показывает, что большинство подростков высоко оценивают многое в своей новой жизни, свои достижения, здоровье. Однако сравнительный анализ субдоменов СБ показывает, что значения показателей, за исключением одного, ниже, чем в целом по всей российской выборке.

В большей степени подростки удовлетворены нормализацией своей жизни. Немаловажную роль в этом играет восстановление и развитие детской инфраструктуры. В ситуациях, когда детей из бывших зон локальных боевых действий вывозят в другие районы, они с трудом находят себе место в новых реалиях и могут прийти к выводу, что для них нет места в социуме. В противоположность этому подростки на «своей» территории планируют свою дальнейшую судьбу. Проблемной зоной пока является удовлетворенность своими достижениями.

Безопасность является ключевым условием для развития ребенка. Неоднородность полученных оценок, вероятно, напрямую связана с неодинаковой ситуацией в разных районах ДНР, присоединением новых территорий в результате СВО. Поэтому наименее безопасно — в районе непосредственного проживания: 21% подростков оценили ситуацию как опасную и очень опасную, а 37% не смогли оценить. При этом половина подростков считают, что Россия — это безопасное для них место (51%) и она выступает в некотором роде гарантом будущей безопасности.

Родители — главные участники жизни детей, и в отношениях между родителями и ребенком эмоциональная теплота родителей, время, проведенное вместе, могут сыграть положи-

тельную роль в психическом развитии ребенка. Дети нуждаются в родительской заботе, стремятся к безусловному принятию и признанию; родители должны обеспечить детям активную и здоровую жизнь и оптимистичное будущее [3; 25]. Огромное исследование о влиянии времени, проведенного с родителями, на благополучие детей в Китае показало, что дети демонстрировали положительные эмоции, когда родители проводили с ними время, и увеличение этого времени было ключом к улучшению самочувствия детей [25].

Подростки ДНР оценили свою безопасность дома выше всего (90%). Полученные результаты показывают, что более чем половина опрошенных отметили положительное отношение к ним со стороны родителей, их поддержку и свое доверие родителям, что способствует улучшению детско-родительских отношений и психическому самочувствию. Статус территории, участие родителей в СВО спланирует семьи. Следует отметить, что более половины детей проводят с родителями совместно время. Это важно в условиях проживания на территориях военных конфликтов, где велики риски тревоги, депрессии и посттравматического стрессового расстройства подростков, а такое отношение между родителями и детьми могут выступать положительным психологическим ресурсом.

Подростки демонстрируют активность своего образа жизни, достаточно высоко оценивают субъективное здоровье, но при этом каждый третий показал низкий уровень энергичности (32%). Это значение существенно ниже по сравнению с показателями дворовой активности, занятий спортом (около 80%) и возможно связано с последствиями посттравматического стресса [7; 9; 19; 24].

Занятия в системе дополнительного образования удовлетворяют больший процент обучающихся по сравнению со школой, где проблемы с математикой и английским языком вызывают большие сложности. Подростки удовлетворены отношениями с учителями и ребятами, с которыми учатся (71%), образовательной организацией (66,6%).

Со школой связана и часть хронотопа — оценка возможностей в будущем. Здесь, конечно, определенную роль играют установленные Правительством России льготы для поступления в любой вуз в любом регионе.

Наиболее разрушительным для детской психики исследователи считают потерю видения жизненной перспективы, что, в свою очередь, может повлечь остановку личностного развития [35; 40]. Полученные нами данные по оценке хронотопа показывают, что у большинства подростков присутствует видение жизненной перспективы и ценности будущей жизни.

Выявленная специфика стрессов, переживаемая подростками в ДНР, указывает на множественность психотравмирующих факторов, и тот факт, что для многих из них стрессовая ситуация продолжается, означает, что психологическая травматизация продолжается. Такое отрицательное влияние на психику подростков может привести к тому, что долгосрочные последствия могут оказаться более разрушительными, чем моментальные. [3]. Усилия по психологической реабилитации и восстановлению психической устойчивости детей являются наиболее труднореализуемыми, и они имеют решающее значение, поскольку эмоциональные раны войны напоминают о себе спустя длительное время после прекращения боевых действий [18; 32].

Вместе с тем полученные нами результаты показывают, что нормализация жизни подростков (не хуже, чем у других), заключающаяся в восстановлении детской инфраструктуры, в положительной субъективной оценке своего благополучия (семья, школа, будущее) снижает возможность и степень проявления ПТСР.

Выводы

Безопасность и благополучие детей в зоне локальных военных операций существенно ниже, чем в целом по стране. Это обусловлено иной группой стрессов, переживаемых подростками, пересмотром взглядов на жизнь и свои возможности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на сегодняшний день процент подростков, удовлетворенных различными аспектами жизни, попадает в основном в коридор 50—70%. Наибольшие различия в сравнении с общероссийской выборкой получили такие показатели, как удовлетворенность своим хронотопом, достижениями, социальным контекстом (удовлетворенность школой, внутренней и внешней поддерживающей сетью).

Исследование показало, что наряду с социально-психологической помощью детям квалифицированными специалистами на местах и при выезде в другие регионы не меньшее значение для благополучия имеет создание условий для нормализации жизни в своей республике. Вместе с подготовкой психологов, специалистов по реабилитационной работе, необходимо обеспечить и профессиональное развитие специалистов в сфере защиты прав детей, в первую очередь опеки и попечительства, которые каждый день работают с травмированными подростками и их семьями, подвержены вторичному травматическому стрессу, усталости от сострадания.

Нормализация жизни подростков в ДНР тесно связана с переходом на российское законодательство, которое должно быть завершено в 2026 году, когда в полную силу заработают законы по защите прав детей, все виды помощи и поддержки семьи и детей.

Полученные результаты могут лечь в основу мониторинга субъективного благополучия, определяя вектор усилий региона, государства по созданию условий для полноценного развития детей.

Литература

1. Ахмедова Х.Б. Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и расстройства адаптации // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 37–42.
2. Васина Ю.М., Шелиспанская Э.В. Особенности психолого-педагогического взаимодействия с детьми, попавшими в трудные жизненные ситуации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 4 (64).
3. Захарова Н.М., Цветкова М.Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. doi:10.17759/psylaw.2020100413
4. Ковалевская А.П. Влияние экстремальной ситуации военного конфликта на эмоциональное состояние детей дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 142–149. doi:10.25730/VSU.7606.20.033
5. Лобанов А.П., Орлова Д.А. Усталость от сострадания: адаптация теста Ч. Фигли. Минск: РИВШ, 2021. 36 с.
6. Омарова П.О., Магомедов М.Г. Методика психолого-педагогического сопровождения подростков с посттравматическими стрессовыми расстройствами на отдаленном этапе травматизации // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2008. № 1. С. 38–51.
7. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604

8. Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации. Перечень контрольных показателей для использования в полевых условиях. Женева: МПК, 2008. 40 с.

9. Физическая активность подростков: информационный бюллетень, 15 марта 2016. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2016. 4 с. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/303481/HBSC-No.7_factsheet_Physical_RU.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

10. Цуциева Ж.Ч. Коррекция посттравматического стресса у детей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 2 (37). С. 50–52.

11. Шелиспанская Э.В., Васина Ю.М. Психолого-педагогическое сопровождение детей из регионов локальных военных конфликтов в рамках летней многопрофильной образовательной лагерной смены [Электронный ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Том 23. № 1. С. 108–118. doi:10.15507/2078-9823.061.023.202301.108-118

12. Экл Ч., Грэндж Д. Патент. Лечение посттравматического стрессового расстройства с помощью выделенной *Mycobacterium*. 2013 [Электронный ресурс] // Московский инновационный кластер. URL: https://i.moscow/patents/ru2670751c2_20181025 (дата обращения: 15.11.2023).

13. Echterhoff G., Becker J.C., Knausenberger J., Hellmann J.H. Helping in the context of refugee immigration // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 44. P. 106–111. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.035

14. Eiche C., Birkholz T., Jobst E., Gall C., Prottengeier J. Well-being and PTSD in German emergency medical services — a nationwide cross-sectional survey // PLoS One. 2019. Vol. 14(7). doi:10.1371/journal.pone.0220154

15. Fasfous A.F., Peralta-Ramírez I., Pérez-García M. Symptoms of PTSD among Children Living in War Zones in Same Cultural Context and Different Situations // Journal of Muslim Mental Health. 2013. Vol. 7(2). P. 47–61. doi:10.3998/jmmh.10381607.0007.203

16. Fazel M., Stratford H.J., Rowsell E., Chan C., Griffiths H., Robjant K. Five Applications of Narrative Exposure Therapy for Children and Adolescents Presenting with Post-Traumatic Stress Disorders // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11(19). doi:10.3389/fpsy.2020.00019

17. Fear N., Reed R., Rowe S., Burdett H., Pernet D., Mahar A., Wessely S. Impact of paternal deployment to the conflicts in Iraq and Afghanistan and paternal post-traumatic stress disorder on the children of military fathers // British Journal of Psychiatry. 2018. Vol. 212(6). P. 347–355. doi:10.1192/bjp.2017.16

18. Franco F. Recognizing and Treating Complex Post-Traumatic Stress Disorder in Refugee Children // Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy. 2022. Vol. 21(3). P. 262–269. doi:10.1080/15289168.2022.2094674

19. Grech P., Grech R.A. Comparison of Narrative Exposure Therapy and Non-Trauma-Focused Treatment in Post-Traumatic Stress Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis // Issues in Mental Health Nursing. 2020. Vol. 41(2). P. 91–101. doi:10.1080/01612840.2019.1650853

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

20. *Hasanović M.* Psychological consequences of war-traumatized children and adolescents in Bosnia and Herzegovina // *Acta Medica Academica*. 2011. Vol. 40(1). P. 45–66. doi:10.5644/ama2006-124.8
21. *Kar N.* Cognitive behavioral therapy for the treatment of post-traumatic stress disorder: a review // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2011. Vol. 7. P. 167–181. doi:10.2147/NDT.S10389
22. *Kip A., Priebe S., Holling H., Morina N.* Psychological interventions for posttraumatic stress disorder and depression in refugees: a meta-analysis of randomized controlled trials // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2020. Vol. 27(4). P. 489–503. doi:10.1002/cpp.2446
23. *Kizilhan J.I.* Stress on local and international psychotherapists in the crisis region of Iraq // *BMC Psychiatry*. 2020. Vol. 20(1). doi:10.1186/s12888-020-02508-0
24. *Lazos G.* Professional risks of volunteer psychologists / psychotherapists working with trauma patients // *Eureka: Social and Humanities*. 2016. Vol. 1. P. 54–59. doi:10.21303/2504-5571.2016.00031
25. *Li D. Guo X.* The effect of the time parents spend with children on children's well-being // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsyg.2023.1096128
26. *Lim I.C.Z.Y., Tam W.W.S., Chudzicka-Czupala A., McIntyre R.S., Teopiz K. M., Ho R.C., Ho C.S.H.* Prevalence of depression, anxiety and post-traumatic stress in war- and conflict-afflicted areas: A meta-analysis // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. doi:10.3389/fpsyt.2022.978703
27. *Markowitz S., Fanselow M.* Exposure Therapy for Post-Traumatic Stress Disorder: Factors of Limited Success and Possible Alternative Treatment // *Brain Sciences*. 2020. Vol. 10(3). doi:10.3390/brainsci10030167
28. *Rossouw J., Yadin E., Alexander D., Seedat S.* Long-term follow-up of a randomised controlled trial of prolonged exposure therapy and supportive counselling for post-traumatic stress disorder in adolescents: A task-shifted intervention // *Psychological Medicine*. 2022. Vol. 52(6). P. 1022–1030. doi:10.1017/S0033291720002731
29. *Roszik-Volovik X., Brandão A.P., Kollárovics N., Farkas B. F., Frank-Bozóki E., Horváth L.O., Kaló Z., Nguyen L.L.A., Balazs J.* Research group as helpers due to the war in Ukraine: Focus group experiences of women researchers // *Frontiers in Psychiatry*. 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsyt.2023.1139252
30. *Schindler L., Shaheen M., Saar-Ashkenazy R., Bani Odeh K., Sass S.-H., Friedman A., Kirschbaum C.* Victims of War: Dehydroepiandrosterone Concentrations in Hair and Their Associations with Trauma Sequelae in Palestinian Adolescents Living in the West Bank // *Brain Sciences*. 2019. Vol. 9(2). doi:10.3390/brainsci9020020
31. *Seggane M., Eugene K.* Long-Term Impact of War, Civil War, and Persecution in Civilian Populations — Conflict and Post-Traumatic Stress in African Communities // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyt.2020.00020
32. *Shaheen M., Schindler L., Saar-Ashkenazy R., Odeh K.B., Soreq H., Friedman A., Kirschbaum C.* Victims of war — Psychoendocrine evidence for the impact of traumatic stress on psychological well-being of adolescents growing up during the Israeli—Palestinian conflict // *Psychophysiology*. 2020. Vol. 57(1). doi:10.1111/psyp.13271
33. *Singer R., DeBoard-Lucas R., Pujeh S.* Ethical considerations and challenges in working with refugees // *Refugee mental health / J.D. Aten, J. Hwang (Eds.)*. NE Washington: American Psychological Association, 2021. P. 77–101. doi:10.1037/0000226-004

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

34. *Smeeth D. et al.* War exposure, post-traumatic stress symptoms and hair cortisol concentrations in Syrian refugee children // *Molecular Psychiatry*. 2023. Vol. 28(2). P. 647–656. doi:10.1038/s41380-022-01859-2
35. *Steel Z., Silove D., Phan T., Bauman A.* Long-term effect of psychological trauma on the mental health of Vietnamese refugees resettled in Australia: A population-based study // *Lancet*. 2002. Vol. 360. P. 1056–1062. doi:10.1016/S0140-6736(02)11142-1
36. *Teke E., Avşaroğlu S.* Efficacy of eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) therapy for children and adolescents with post-traumatic stress disorder // *Journal of School and Educational Psychology*. 2021. Vol. 2(1). P. 1–12. doi:10.47602/josep.v2i1.1
37. *Ugurlu N., Akca L., Acarturk C.* An art therapy intervention for symptoms of post-traumatic stress, depression and anxiety among Syrian refugee children // *Vulnerable Children and Youth Studies*. 2016. Vol. 11(2). P. 89–102. doi:10.1080/17450128.2016.1181288
38. *Wessells M.G.* Children and armed conflict: Interventions for supporting war-affected children. *Peace and Conflict* // *Journal of Peace Psychology*. 2017. Vol. 23(1). P. 4–13. doi:10.1037/pac0000227
39. *Wessells M.G.* Children and armed conflict: Introduction and overview. *Peace and Conflict* // *Journal of Peace Psychology*. 2016. Vol. 22(3). P. 198–207. doi:10.1037/pac0000176
40. *Yang Y., Hayes J.A.* Causes and consequences of burnout among mental health professionals: A practice-oriented review of recent empirical literature // *Psychotherapy*. 2020. Vol. 57(3). P. 426–436. doi:10.1037/pst0000317

References

1. Akhmedova Kh.B. Mirnye zhiteli v usloviyakh voennykh deistvii: lichnostnye cherty i rasstroistva adaptatsii. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2003, no. 3, pp. 37–42. (In Russ.).
2. Vasina Yu.M., Shelispanskaya E.V. Osobennosti psikhologo-pedagogicheskogo vzaimodeistviya s det'mi, popavshimi v trudnye zhiznennye situatsii [Features of psychological and pedagogical interaction with children in difficult life situations]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 4 (64). (In Russ.).
3. Zakharova N.M., Tsvetkova M.G. Psikhicheskie i povedencheskie narusheniya u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nym voennym deistviyam [Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. doi:10.17759/psylaw.2020100413 (In Russ.).
4. Kovalevskaya A.P. Vliyaniye ekstremal'noi situatsii voennogo konflikta na emotsional'noe sostoyaniye detei doshkol'nogo vozrasta [Influence of an extreme situation of a military conflict on the emotional state of preschool children] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2020, no. 2 (136), p. 142–149. doi:10.25730/VSU.7606.20.033 (In Russ.).
5. Lobanov A.P., Orlova D.A. Ustalost' ot sostradaniya: adaptatsiya testa Ch. Figli. Minsk: RIVSh Publ., 2021. 36 p. (In Russ.).
6. Omarova P.O., Magomedov M.G. Metodika psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya podrostkov s posttravmaticheskimi stressovymi rasstroistvami na otdalennom etape travmatizatsii. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Psikhologo-*

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

pedagogicheskie nauki” = *Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2008, no. 1, pp. 38–51. (In Russ.).

7. Oslon V.N., Semya G.V., Prokop’eva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional’naya model’ i instrumentarii dlya izucheniya sub"ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel’ei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* = *Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604 (In Russ.).

8. Rukovodstvo MPK po psikhicheskomu zdorov’yu i psikhosotsial’noi podderzhke v usloviyakh chrezvychainoi situatsii. Perechen’ kontrol’nykh pokazatelei dlya ispol’zovaniya v polevykh usloviyakh. Geneva: MPK, 2008. 40 p. (In Russ.).

9. Fizicheskaya aktivnost’ podrostkov: informatsionnyi byulleten’, 15 marta 2016. Copenhagen: Evropeiskoe regional’noe byuro VOZ Publ., 2016. 4 p. [Elektronnyi resurs]. *Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. Evropeiskoe regional’noe byuro* = *World Health Organization. Europe*. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/303481/HBSC-No.7_factsheet_Physical_RU.pdf (Accessed 12.09.2023). (In Russ.).

10. Tsutsieva Zh.Ch. Korrektsiya posttravmaticheskogo stressa u detei [Correction of Post-Traumatic Stress Disorder of Children]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh* = *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2009, no. 2 (37), pp. 50–52. (In Russ.).

11. Shelispanskaya E.V., Vasina Yu.M. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie detei iz regionov lokal’nykh voennykh konfliktov v ramkakh letnei mnogoprofil’noi obrazovatel’noi lagernoi smeny [Psychological and Pedagogical Support for the Children from the Regions of Local Military Conflicts as the Part of a Summer Multidisciplinary Educational Camp Shift] [Elektronnyi resurs]. *Gumanitarii: aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* = *Russian Journal of the Humanities*, 2023. Vol. 23, no. 1, pp. 108–118. doi:10.15507/2078-9823.061.023.202301.108-118 (In Russ.).

12. Ekl Ch., Grendzh D. Patent. Lechenie posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva s pomoshch’yu vydelennoi Mycobacterium. 2013 [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii innovatsionnyi klaster*. URL: https://i.moscow/patents/ru2670751c2_20181025 (Accessed 15.11.2023). (In Russ.).

13. Echterhoff G., Becker J.C., Knausenberger J., Hellmann J.H. Helping in the context of refugee immigration. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 44, pp. 106–111. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.035

14. Eiche C., Birkholz T., Jobst E., Gall C., Prottegeier J. Well-being and PTSD in German emergency medical services — a nationwide cross-sectional survey. *PLoS One*, 2019. Vol. 14, no. 7. doi:10.1371/journal.pone.0220154

15. Fasfous A.F., Peralta-Ramírez I., Pérez-García M. Symptoms of PTSD among Children Living in War Zones in Same Cultural Context and Different Situations. *Journal of Muslim Mental Health*, 2013. Vol. 7, no. 2, pp. 47–61. doi:10.3998/jmmh.10381607.0007.203

16. Fazel M., Stratford H.J., Rowsell E., Chan C., Griffiths H., Robjant K. Five Applications of Narrative Exposure Therapy for Children and Adolescents Presenting with Post-Traumatic Stress Disorders. *Frontiers in Psychiatry*, 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsy.2020.00019

17. Fear N., Reed R., Rowe S., Burdett H., Pernet D., Mahar A., Wessely S. Impact of paternal deployment to the conflicts in Iraq and Afghanistan and paternal post-traumatic stress disorder on the children of military fathers. *British Journal of Psychiatry*, 2018. Vol. 212, no. 6, pp. 347–355. doi:10.1192/bjp.2017.16

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

18. Franco F. Recognizing and Treating Complex Post-Traumatic Stress Disorder in Refugee Children. *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*, 2022. Vol. 21, no. 3, pp. 262–269. doi:10.1080/15289168.2022.2094674
19. Grech P., Grech R.A. Comparison of Narrative Exposure Therapy and Non-Trauma-Focused Treatment in Post-Traumatic Stress Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Issues in Mental Health Nursing*, 2020. Vol. 41, no. 2, pp. 91–101. doi:10.1080/01612840.2019.1650853
20. Hasanović M. Psychological consequences of war-traumatized children and adolescents in Bosnia and Herzegovina. *Acta Medica Academica*, 2011. Vol. 40, no. 1, pp. 45–66. doi:10.5644/ama2006-124.8
21. Kar N. Cognitive behavioral therapy for the treatment of post-traumatic stress disorder: a review. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 2011. Vol. 7, pp. 167–181. doi:10.2147/NDT.S10389
22. Kip A., Priebe S., Holling H., Morina N. Psychological interventions for posttraumatic stress disorder and depression in refugees: a meta-analysis of randomized controlled trials. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2020. Vol. 27, no. 4, pp. 489–503. doi:10.1002/cpp.2446
23. Kizilhan J.I. Stress on local and international psychotherapists in the crisis region of Iraq. *BMC Psychiatry*, 2020. Vol. 20, no. 1. doi:10.1186/s12888-020-02508-0
24. Lazos G. Professional risks of volunteer psychologists / psychotherapists working with trauma patients. *Eureka: Social and Humanities*, 2016. Vol. 1, pp. 54–59. doi:10.21303/2504-5571.2016.00031
25. Li D. Guo X. The effect of the time parents spend with children on children's well-being. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsyg.2023.1096128
26. Lim I.C.Z.Y., Tam W.W.S., Chudzicka-Czupala A., McIntyre R.S., Teopiz K. M., Ho R.C., Ho C.S.H. Prevalence of depression, anxiety and post-traumatic stress in war- and conflict-afflicted areas: A meta-analysis. *Frontiers in Psychiatry*, 2022. Vol. 13. doi:10.3389/fpsy.2022.978703
27. Markowitz S., Fanselow M. Exposure Therapy for Post-Traumatic Stress Disorder: Factors of Limited Success and Possible Alternative Treatment. *Brain Sciences*, 2020. Vol. 10, no. 3. doi:10.3390/brainsci10030167
28. Rossouw J., Yadin E., Alexander D., Seedat S. Long-term follow-up of a randomised controlled trial of prolonged exposure therapy and supportive counselling for post-traumatic stress disorder in adolescents: A task-shifted intervention. *Psychological Medicine*, 2022. Vol. 52, no. 6, pp. 1022–1030. doi:10.1017/S0033291720002731
29. Roszik-Volovik X., Brandão A.P., Kollárovics N., Farkas B. F., Frank-Bozóki E., Horváth L.O., Kaló Z., Nguyen L.L.A., Balazs J. Research group as helpers due to the war in Ukraine: Focus group experiences of women researchers. *Frontiers in Psychiatry*, 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsy.2023.1139252
30. Schindler L., Shaheen M., Saar-Ashkenazy R., Bani Odeh K., Sass S.-H., Friedman A., Kirschbaum C. Victims of War: Dehydroepiandrosterone Concentrations in Hair and Their Associations with Trauma Sequelae in Palestinian Adolescents Living in the West Bank. *Brain Sciences*, 2019. Vol. 9, no. 2. doi:10.3390/brainsci9020020
31. Seggane M., Eugene K. Long-Term Impact of War, Civil War, and Persecution in Civilian Populations — Conflict and Post-Traumatic Stress in African Communities. *Frontiers in Psychiatry*, 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsy.2020.00020
32. Shaheen M., Schindler L., Saar-Ashkenazy R., Odeh K.B., Soreq H., Friedman A., Kirschbaum C. Victims of war — Psychoendocrine evidence for the impact of traumatic stress on psychological

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

well-being of adolescents growing up during the Israeli—Palestinian conflict. *Psychophysiology*, 2020. Vol. 57, no. 1. doi:10.1111/psyp.13271

33. Singer R., DeBoard-Lucas R., Pujeh S. Ethical considerations and challenges in working with refugees. In Aten J.D., Hwang J. (eds.). *Refugee mental health*. NE Washington: American Psychological Association, 2021, pp. 77–101. doi:10.1037/0000226-004

34. Smeeth D. et al. War exposure, post-traumatic stress symptoms and hair cortisol concentrations in Syrian refugee children. *Molecular Psychiatry*, 2023. Vol. 28, no. 2, pp. 647–656. doi:10.1038/s41380-022-01859-2

35. Steel Z., Silove D., Phan T., Bauman A. Long-term effect of psychological trauma on the mental health of Vietnamese refugees resettled in Australia: A population-based study. *Lancet*, 2002. Vol. 360, pp. 1056–1062. doi:10.1016/S0140-6736(02)11142-1

36. Teke E., Avşaroğlu S. Efficacy of eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) therapy for children and adolescents with post-traumatic stress disorder. *Journal of School and Educational Psychology*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 1–12. doi:10.47602/josep.v2i1.1

37. Ugurlu N., Akca L., Acarturk C. An art therapy intervention for symptoms of post-traumatic stress, depression and anxiety among Syrian refugee children. *Vulnerable Children and Youth Studies*, 2016. Vol. 11, no. 2, pp. 89–102. doi:10.1080/17450128.2016.1181288

38. Wessells M.G. Children and armed conflict: Interventions for supporting war-affected children. *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, 2017. Vol. 23, no. 1, pp. 4–13. doi:10.1037/pac0000227

39. Wessells M.G. Children and armed conflict: Introduction and overview. *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, 2016. Vol. 22, no. 3, pp. 198–207. doi:10.1037/pac0000176

40. Yang Y., Hayes J.A. Causes and consequences of burnout among mental health professionals: A practice-oriented review of recent empirical literature. *Psychotherapy*, 2020. Vol. 57, no. 3, pp. 426–436. doi:10.1037/pst0000317

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Зайцев Георгий Олегович, кандидат физико-математических наук, доцент, независимый исследователь, программист-вычислитель, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Зайцева Надежда Георгиевна, независимый исследователь г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, доцент, факультет социальных наук, департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.
Особенности оценки собственной безопасности
и благополучия подростками на территориях
военных конфликтов
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 308–328

Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu.
Assessment Peculiarities of Adolescent Subjective
Well-being and Safety in Areas of Military Conflicts
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 308–328

Information about the authors

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsema@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev, PhD in Physics and Mathematics, Docent, Independent Research, Programmer, Moscow, Russia, ORCID:0000-0002-0325-2938, e-mail: gozai@yandex.ru

Nadezda G. Zaytseva, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Aleksandra Yu. Telitsyna, PhD in Biology, Senior Research Fellow, Centre for Studies of Civil Society and Nonprofit Sector, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Politics and Governance, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 10.10.2023

Принята в печать 10.11.2023

Received 10.10.2023

Accepted 10.11.2023